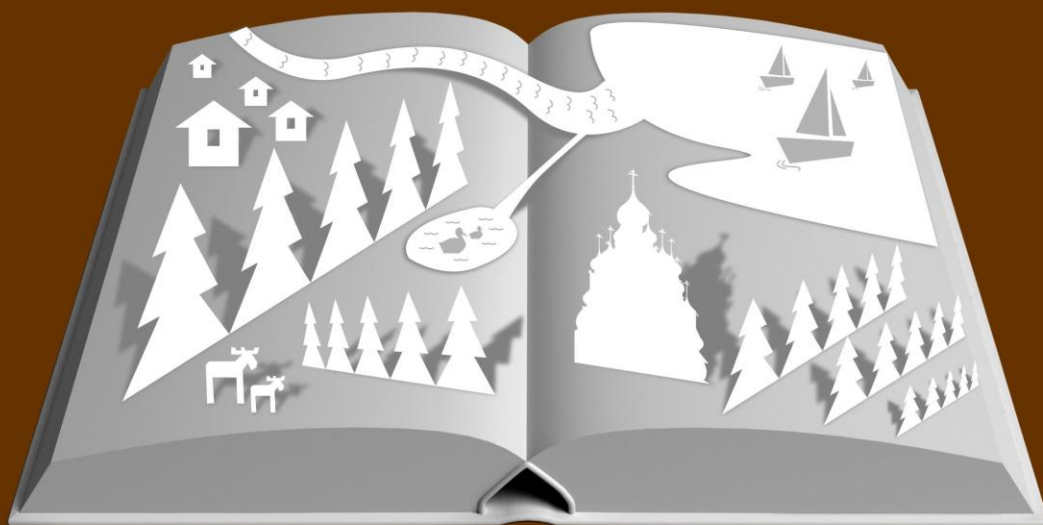

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы VI научной конференции
(16–17 февраля 2012 г.)

Содержание

Предисловие	3
Раздел 1. Пленарные доклады	4
<i>Ицксон Е. Е., Мошина Т. А.</i> Карелия в творчестве архитекторов В. И. и Т. В. Антохиных (архитектура, дизайн, графика, живопись)	4
<i>Михайлова Л. П.</i> О происхождении региональной русской лексики Карелии (слова со значением ‘морось’, ‘моросить’)	11
<i>Приображенский А. В.</i> Хозяйственная деятельность поморов XVI–XX вв. по данным топонимии	13
<i>Бюлер В. Е.</i> Мы строим город (топонимическое творчество петрозаводских школьников)	17
Раздел 2. Секция «История»	21
<i>Данков М. Ю.</i> Судьба адмиралтейской шнявы царя Петра (О таинственном корабле «Лизет» на Балтике)	21
<i>Калинина Е. А.</i> Благотворительность попечителей народных школ в XIX – начале XX века	31
<i>Сподобаев А. В.</i> География торговых отношений в Олонецкой губернии в первой половине 19 в.	34
<i>Заводовский П. Г.</i> Из истории рода Заводовских в Олонецкой губернии и Карелии	36
<i>Дианова К. А. А. Ф.</i> Шидловский и Вологодское общество изучения Северного края	37
<i>Ершов В. П.</i> Магические формулы в фондах музея «Духовной культуры» КГПА	39
<i>Федосов А. В.</i> Полиция Олонецкой губернии накануне Первой Мировой войны	44
<i>Семакова И. Б.</i> Разыскания в области скоморошества у карелов на основе современных исторических и этнографических материалов (к постановке проблемы)	57
<i>Титов С. М.</i> Гидроавиаотряд Онежской флотилии. 1919–1920 гг.	88
<i>Зеленская Ю. Н.</i> Строительство и значение Сорокско-Обозерской железнодорожной линии в первый период Великой Отечественной войны	97
<i>Меньшикова Е. В.</i> Продовольственное обеспечение эвакуированного населения в Пудожском районе в первый период Великой Отечественной войны	99
<i>Кондратьев В. Г.</i> Тридцатилетие Музея истории народного образования	102
<i>Карелин В. А.</i> Лижма – столица краеведов Кондопожского края	103
Раздел 3. Секция «Филологические основы краеведения»	106
<i>Мухина Е. А.</i> Субъектно-речевая организация эпических духовных стихов (на материале текстов, записанных в Карелии)	106
<i>Новоселова В. А.</i> Ретардационная функция частиц в языке былин	109
<i>Рутт Т. Е.</i> Отчеты-письма И. С. Полякова как источник регионального лексикографирования	113
<i>Краснолуцкая И. В.</i> Имена челмужан в прошлом и настоящем (на примере с. Челмужи Медвежьегорского района Республики Карелия)	117
<i>Пянтина Э. В., Кошелева Т. И.</i> Регионально-групповые прозвища Карелии	119
<i>Попов А. А.</i> Названия насекомых в русских говорах Карелии (ареально-этимологический аспект)	121
<i>Пянтина Э. В., Богданова Т. Г.</i> Прозвища жителей дер. Пяльма Пудожского района	124
<i>Бивол Ю. М.</i> К вопросу о происхождении названий некоторых народных игр	125
<i>Букина М. И.</i> История города Олонца в памятниках письменности	128
Раздел 4. Секция «Культура. Литература»	132
<i>Чикина Н. В.</i> Традиционная культура на страницах национальных газет	132
<i>Романова Е. П.</i> «Запомни»: избранные страницы истории Медвежьегорской районной библиотеки	138
<i>Николаева А. А.</i> Реконструкция краеведческих ретроспективных библиографических указателей: из опыта Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета:	142
<i>Акбулатова Г. Г.</i> Автор и герой в романе Олега Тихонова «Свидетель»	144
<i>Жемойтелите Я. Л.</i> Проблемы реконструкции героя в романе Арви Пертту «Экспедиция Папанина»	148
<i>Березовская Н. Г.</i> Художественные особенности прозы Владимира Рудака (на материале повести «Вечный сахар»)	149

Предисловие

16–17 февраля в помещении Национального музея состоялась шестая научная конференция «Краеведческие чтения». Учредителями конференции стали Национальная библиотека Республики Карелия, Национальный музей Республики Карелия и Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Участники конференции – научные работники, преподаватели, студенты Петрозаводского государственного университета, Карельской государственной педагогической академии, учителя школ города Петрозаводска, специалисты из Национального музея, Национальной библиотеки Республики Карелия и других учреждений города и республики.

В этом году организаторами конференции выступили Национальная библиотека Республики Карелия, Национальный музей Республики Карелия и Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Сборник материалов по итогам конференции включает 30 докладов. Тематика докладов и сообщений конференции – краеведческие исследования по истории, культуре, образованию, филологии, краеведению, музейному и библиотечному делу. В соответствии с названиями секций конференции статьи объединены в разделы: «Пленарные доклады», «История», «Культура. Литература», «Филологические аспекты краеведения».

Публикации адресованы краоведам, учителям, студентам и всем, кто интересуется историей края.

Раздел 1. Пленарные доклады

*Ицксон Е. Е., ЗАО «Карелпроект»
Мошина Т. А., краевед*

Карелия в творчестве архитекторов В. И. и Т. В. Антохиных (архитектура, дизайн, графика, живопись)

Известные архитекторы Владимир Иванович (11.08.1929, г. Петрозаводск – 24.06.2003, г. Петрозаводск) и Татьяна Владимировна (род. 18.06.1934) Антохины, родились в разных регионах, познакомились и поженились в Москве и всю свою профессиональную и творческую жизнь отдали Карелии, проектируя для ее столицы, районных центров и посёлков.

Родословная Владимира Антохина корнями уходит в Заонежье и Поморье. Его отец, Иван Михайлович¹ (1902–1984, Петрозаводск), родился в заонежской деревне Мягкая Сельга, в предвоенные годы некоторое время возглавлял проектную контору наркомата коммунального хозяйства, впоследствии ставшую проектным институтом «Карелпроект», работал председателем Зарецкого райисполкома, а после войны, в труднейшие для города времена, был заместителем председателя Петрозаводского горисполкома. Иван Михайлович Антохин, редкий замечательный человек, возник в «Скитальцах» Мейми Севандер (1923–2003), жестких и трагических воспоминаниях о судьбах североамериканских финнов в СССР, в той светлой части, где автор отдает дань памяти тем, на кого ей повезло в жизни².

Со своей женой, будущей матерью Владимира, Ольгой Федоровной (1905–1991) Иван Михайлович познакомился в те годы, когда работал в Кеми. Она была дочерью Федора Васильевича Антонова (1870?–1908), кемского потомственного штурмана дальнего плавания, который водил купеческие суда по северным морям (у Татьяны Владимировны Антохиной до сих пор хранится редкий документ – его книжка штурмана).

Трое детей Антохиных родились в Петрозаводске, все получили высшее образование и достойно прожили отпущенные им судьбой годы: Лидия Ивановна Антохина (1934–2010) после окончания Ленинградского Первого медицинского института преподавала в Петрозаводском университете, была главным терапевтом Карелии; Борис Иванович Антохин (1941–2006), получив высшее образование в ПетрГУ, работал в строительных организациях города.

Владимир Антохин родился в Петрозаводске в 1929 году, учился в школе № 9. Способности к рисунку привели его сначала в детскую студию городского Дворца пионеров, а позже, в 1947 году, в Петрозаводский архитектурный техникум, где он учился вместе с будущими художниками Фолке Ниеминеном (1931–2010) и Юрием Черных (1930–1994). Среди преподавателей техникума в то время работали высококлассные ленинградские специалисты: инженер Владимир Тихонович Раков (1906–1969), читавший курсы «сопротивление материалов» и «строительные конструкции»,³ и архитектор Алексей Герасимович Барышников (1899–1988)⁴, вводивший вчерашних школьников в удивительный мир истории архитектуры. Эмилия Андриановна Тентюкова (1925–2005), преподававшая архитектурное проектирование студентам не только в техникуме, но и на практике в Проектной конторе, ее подход к организации своей работы над объектами стали для Владимира эталоном в дальнейшей творческой жизни⁵. Директор техникума Алексей Леонтьевич Лукашин (1899–1980) вел теоретический курс по строительному производству, практику по которому студенты осваивали на стройках восстанавливающегося после войны Петрозаводска. За время этих строительных практик Владимир прошел путь от подсобного рабочего до десятника⁶.

Все, кто заканчивали Петрозаводский архитектурно-строительный техникум в начале 1950-х и собирались продолжать образование в институте, обязательно ехали в Московский архитектурный. Так сделали в свое время известные наши архитекторы Вячеслав Орфинский, Эдуард Андреев, Николай Филин (1937–2003) и, конечно же, Владимир Антохин. Секрет прост – один из преподавателей, архитектор Фарид Измаилович Рехмуков (1926–2005),⁷ сам выходец из МАРХИ, стал для своих учеников образцом для подражания во всем. Включая и выбор вуза, который окончил сам в 1948 году. Поэтому и Владимир, окончивший техникум с «красным» дипломом, и его однокурсник Альфред Карху в 1951 году поступили в Московский архитектурный институт.

¹ О И. М. Антохине: НАРК, ф.П-29, оп.2, д. 89; Некролог // Ленинская правда. – 1984. – 28 июля.

² Севандер М. «Скитальцы». – Петрозаводск, – 2006. – С. 137.

³ Москин Д. История дружбы (Д. С. Лихачев – В. Т. Раков) // Север. – 2011. – № 5–6. – С. 203–207.

⁴ О Барышникове А. Г. см.: Ицксон Е. Четыре портрета (А. Г. Барышников, Н. П. Тришков, В. И. и Т. В. Антохина) // Лицей. – 2009. – № 8–9 (август-сентябрь); Ицксон Е. О Петрозаводске, который он нам оставил, и архитекторе, о котором мы почти забыли [к 110-летию А. Г. Барышникова] // Карелия. – 2009. – 28 мая.

⁵ О Тентюковой см.: Карма Ю. Э. Тентюкова Э. А. // Карелия. Энциклопедия. Т. 3 – П., – 2011. – С. 166; Ицксон Е. Придавая улицам характер [к 80-летию Э. Тентюковой] // Петрозаводск. – 2005. – 3 февраля; Е. Ицксон. Впереди вся жизнь // Лицей. – 2009. – № 12.

⁶ Морозов С. Поиски и находки зодчего // Известия, 1968, 20 августа.

⁷ Ицксон Е. Е. Созидатель, учитель и зодчий (Ф. И. Рехмуков) // Карелия. – 2006. – 16 февраля.

Татьяна Владимировна Антохина родилась в селе Михайловка Карагандинской области, где в то время работали ее родители, бухгалтеры по профессии: отец, Владимир Иванович Голдович (1890–1966), выходец из белорусской деревни Липичи, участник Первой мировой и гражданской войн, и мать, Елена Иосифовна Бернашевская (1905–1973), уроженка города Курска. Владимир Голдович был хорошим бухгалтером, и волею службы вынужден был часто менять место работы, переезжая с семьей из одного региона страны в другой: семья жила в Москве, в Казахстане, в Будённовске, Дербенте (в эвакуации) и последние годы – в Астрахани, где отец работал главным бухгалтером треста животноводческих совхозов.

В Астрахани Татьяна окончила с золотой медалью лучшую по тем временам женскую среднюю школу № 10 им. В. И. Ленина и уже знала, кем будет в своей взрослой жизни. Желание стать архитектором возникло у нее после того, как летом 1949 года она с одноклассниками совершила путешествие по Волге, от Астрахани до Москвы, на пароходе «Третий Интернационал». Они увидели своими глазами, что многие города после Великой Отечественной войны еще лежали в руинах, а Сталинград (в н. вр. – *Волгоград*) был практически полностью уничтожен. Решение восстанавливать разрушенное, строить и привело Татьяну в Московский архитектурный институт, где она встретила с Владимиром Антохиным, своим будущим мужем. Они учились в одной группе и готовились стать архитекторами «широкого профиля», способными решать задачи жилого, гражданского, промышленного строительства, а также планировок городов и населенных мест.

Педагоги в МАРХИ в то время были замечательные: архитекторы Михаил Александрович Туркус (1896–1991), Анатолий Степанович Фисенко (1902–1982), Андрей Владимирович Бунин (1905–1977), известный историк архитектуры, автор монографии «История градостроительного искусства» и один из авторов многотомной «Всеобщей истории архитектуры», Наталья Сергеевна Любимова, Мария Николаевна Крюкова. Промышленную архитектуру преподавали Иван Сергеевич Николаев (1901–1979) и Ф. Г. Топунов. Одной из основных практик студентов-архитекторов всегда считалась обмерная – фиксация и перенос в чертежи исторических объектов и их деталей, своеобразное документирование и вместе с тем обучение на выдающихся образцах зодчества. Свою обмерную практику Татьяна и Владимир проходили на здании Первой Градской больницы (Голицынской), построенной по проекту русского зодчего Матвея Казакова (1738–1812) в 1801 году. Им досталась работа под куполом больничной церкви – копирование гризайлей, написанных в нишах на карнизе. Обмерные чертежи архитектурных деталей (капителей, карнизов и др.), выполненные тогда студентами МАРХИ, в том числе и В. Антохиным, предназначались для монографии, посвященной творчеству М. Ф. Казакова.⁸ В институтские годы, осенью 1956 года, с группой однокурсников они побывали в Чехословакии, в ознакомительной поездке по обмену студентами между Пражским политехническим институтом и МАРХИ. В течение месяца они изучали памятники архитектуры разных эпох в городах и селениях страны. Это была их первая поездка в Европу, и «злата Прага» со сказочным Карловым мостом, средневековые замки и постройки эпохи Возрождения им запомнились навсегда.

Дипломные работы В. И. Антохина и Т. В. Голдович были в духе времени: у Татьяны – «Город Головково, спутник Москвы, на пятьдесят тысяч жителей» (руководитель Д. М. Соболев), а у Владимира – «Судоверфь» (на кораблестроительном заводе в городе Николаев) (руководители Ф. Г. Топунов и А. С. Фисенко). Оба защитились на оценку «отлично». Однако Владимир окончил институт на год позже своего курса. В 1956 году, когда шла подготовка к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов (Москва, 1957 г.), Владимир Антохин возглавил комитет комсомола МАРХИ, студенты которого принимали активное участие в подготовительных фестивальных мероприятиях, разрабатывали эскизы оформления институтской колонны, которая должна была проходить в торжественном шествии по Москве.⁹ Татьяна, ожидая мужа, год работала в Московском проектном институте «Гипрокоммунстрой». Только осенью 1958-го молодые дипломированные архитекторы Антохины приехали в Петрозаводск и начали работу в институте «Карелпроект».

В том же 1958 году началось строительство второй очереди здания Петрозаводского госуниверситета на проспекте Ленина, первая часть которого была выстроена в 1935 году. Проектирование этого большого и сложного объекта в 1950-х вели архитекторы «Карелпроекта» Ляля Мунасыпова (1924–1986)¹⁰, Лазарь Тарлер (р. 1927)¹¹ и Тынис Лийк (1924–2004) под руководством главного архитектора Галины Вороновой (1923–1988)¹². Несмотря на начавшееся строительство, проект всюду перерабатывался в связи с необходимостью приведения его в соответствие с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» (№ 1871 от 4 ноября 1955 года). Постановление предписывало полный запрет на архитектурную детализацию, использование элементов классического наследия, а также строго указывало на неукоснительную переработку всех уже строящихся зданий. В случае с университетом это означало, что ранее запроектированный портик входа попал под запрет – огромное, на весь квартал здание теряло главный акцент и центральный элемент композиции. Молодой архитектор Владимир Антохин был «брошен на главную лестницу

⁸ Крашениников Н. Л. Ансамбль Голицынской больницы. – М. – 1955; Власюк А. И., Каплун А. И., Кипарисова А. А. Казаков. – М. – 1957.

⁹ Цветков В. А., Цветкова А. В., Качурин М. И. Инга Сапиевская. – М. – 2009. – С. 8.

¹⁰ О Мунасыповой см.: Ициксон Е. Демоническая жестокость добрейшего человека // Петрозаводск. – 2004. – 3 июня; Мошина Т. Творцы «застывшей музыки» // Материалы Городских чтений, посвященных 85-летию женского движения Карелии. [сост. Хевсуришвили В. С.]. – Петрозаводск, 2004. – С. 21–26.

¹¹ Ициксон Е. Город Тарлера // Карелия. – 2007. – 7 апреля.

¹² Ициксон, Е. Ковалевская Т. В. // Карелия. Энциклопедия. Т. 2. – П. – 2007. – С. 68.

университета» – нужны были свежие идеи, свободные от классицистических требований к архитектуре. Один из трех вариантов оформления без «архитектурных излишеств» был принят к исполнению. На этом пути авторам – архитектору В. И. Антохину и скульптору В. В. Афанасьеву (1928–1982) – пришлось смириться с тем, что была сразу отвергнута задуманная ими скульптурная группа на лестнице, затем в целях экономии гранита «урезан» входной портал и т. д. Остались невысокий центральный фронто́н, без всяких намеков на ордерную основу, несколько плоских барельефов под ним и гранитный портал главного входа в здание.

Позже, в 1962–1965 годах, у Владимира Антохина была уже полностью авторская работа над 2-й и 3-й очередями – реконструкцией и расширением здания университета. Главный корпус университета – одно из крупнейших зданий центра Петрозаводска: он вытянулся вдоль пр. Ленина более чем на 140 метров, заняв практически весь квартал между улицами Антикайнена и Анохина. Несмотря на свои огромные размеры, здание не выглядит немасштабным, неуместным и диссонирующим в старом центре, сохраняющем историческую, мелкую сетку улиц конца XVIII века. Не выглядит таковым, потому что очень профессионально и грамотно, с точки зрения архитектурной композиции, вписано в городскую среду. Здание лишь двумя неширокими ризалитами вышло непосредственно к улице, отойдя основным корпусом вглубь участка на 40 метров и слегка «прикрывшись» кулисным озеленением в образовавшемся обширном курдонере. Для обзора с улицы оставлена центральная входная часть, к которой ведет двадцатиметровой ширины величественная лестница, очень легкая для подъема, с удобными ступенями и хорошим сочетанием недлинных маршей и промежуточных площадок. После того, как в 1996 году на противоположной стороне проспекта сгорел деревянный дом, с этой лестницы открылся прекрасный вид на озелененную долину реки Неглинки. Сам собой «запросился» бульвар для связи университетского курдонера с парком у реки. И «запросился» он неспроста – еще в начале 1960-х архитектор Татьяна Антохина, работая над планировкой центральной части города, проектировала этот бульвар, мечтая о сносе деревянного дома, и настояла, чтобы на трассе бульвара не велось никакой новой застройки. Через 30 лет бульвар, наконец, появился. Его украсил оригинальный фонтан, спроектированный архитектором Евгением Таевым, и образовался на проспекте Ленина микроансамбль с так называемой поперечной перспективой, ядром которого стало университетское здание со своей замечательной лестницей.

Проектов у Владимира Антохина, как у всех архитекторов, всегда было много – и по городу, и по республике. Но, как у каждого архитектора, некоторые помнятся особо. Становятся своего рода вехами на творческом пути. Такой вехой для Антохина стало проектирование широкоформатного кинотеатра на проспекте Карла Маркса в Петрозаводске. Теперь на этом месте стоит здание универмага «Карелия», а до этого – типография, которая сгорела в 1957 году. В начале 1960-х, после принятия решения о строительстве на этом месте кинотеатра, в «Карелпроекте» среди архитекторов прошел конкурс, который выиграл Владимир Антохин с правом стать автором нового объекта и вести рабочее проектирование. Современнейший кинотеатр с очень актуальным тогда названием «Космос» был запроектирован образцово, но осуществлен не был, так как другим решением – о строительстве здесь нового универмага – «Космос» отменялся. Этот легендарный проект не сохранился, но очевидцы утверждают, что новый кинотеатр, решенный в стилистике модернизма, очень хорошо вписывался в сложившийся неоклассический ансамбль проспекта Карла Маркса и во многом предвосхитил объемно-пространственное решение будущего универмага, разработанного в ленинградском филиале института «Гипроторг».

А Владимир Антохин запроектировал другой кинотеатр – «Октябрь» для города Олонца, который стал неким стилистическим отголоском несостоявшегося «Космоса» и был выстроен в 1962 году.

Среди авторских работ В. Антохина – реконструкция Дома бракосочетаний в Петрозаводске (ул. Дзержинского, 1963, перестроен с изменением стиля и этажности в 2007), оформление интерьера кафе «Кивач» (не сохранилось). К 1965 году В. И. Антохин стал главным архитектором проектов института.

Как все архитекторы, В. Антохин мечтал проектировать и строить. Но судьба распорядилась иначе, и большую часть жизни, он, в основном, занимался организацией процессов проектирования, находясь на административной работе. Главный архитектор Петрозаводска и заведующий отделом строительства и архитектуры Петрозаводского горисполкома (1965–1970), директор проектного института «Карелгражданпроект» (1970–1980); начальник Управления по делам строительства и архитектуры Совета Министров КАССР, председатель Госкомитета КАССР по делам строительства и фактически главный архитектор республики (1980–1990). И к должности государственного служащего В. И. Антохин старался подходить творчески. Во многом благодаря его усилиям в аппарате горсовета был образован отдел архитектуры, в проектном институте создан молодой творческий коллектив, а Госкомитету КАССР по делам строительства был придан соответствующий статус, улучшилась организация всей архитектурной службы в республике с курированием деятельности районных архитекторов. К сожалению, просуществовала эта система недолго.

Своим наставником в градостроительстве В. И. Антохин считал Дмитрия Сергеевича Масленникова (1912-?), который с 1945 по 1952 год работал в Петрозаводске в должности начальника Управления по делам архитектуры Совета Министров КФССР. По мнению Антохина, он «смело мыслил», в решениях «был упорен», и именно Масленникову «обязан Петрозаводск крутым поворотом от захолустья к современному городу».¹³

Административная работа не мешала В. И. Антохину проявлять себя в любимой профессии и творчестве. Он активно участвовал в архитектурных конкурсах. В эпоху почти тотальных привязок типовых проектов в творческих конкурсах архитекторы находили отдушину. Архитектурные конкурсы были своего рода профессиональными спорами-поединками, в которых часто рождалась та самая золотая истина, которую иначе как

¹³ Морозов С. Поиски и находки зодчего // Известия. – 1968. – 20 августа.

на бумаге невозможно доказать. Конкурсы на застройку важнейших участков города и генпланы поселков: городской парк культуры, здание горкома и горисполкома, застройка площади Кирова, площади Куусинена – во многих из них Владимир и Татьяна Антохины участвовали вместе. Единомышленники и товарищи по профессии, всегда стоящие на одной творческой платформе, соавторы в проектной работе. Такие тандемы бывают довольно плодотворны, даже если работа, что по жизни случается чаще, совсем разная.

Будучи главным архитектором Петрозаводска В. И. Антохин, в качестве члена авторского коллектива «Ленгипрогора», участвовал в разработке очередного генплана Петрозаводска (1967), переделав планировку целого, не понравившегося ему жилого района – новой Кукковки, впоследствии принятую в его варианте и включенную в генеральный план ленинградскими проектировщиками.

Во всесоюзном конкурсе на разработку проекта детальной планировки центра Петрозаводска (1980) В. И. Антохин с коллективом карельских архитекторов – Э. Ф. Андреевым, А. А. Борщевским, В. В. Бугашевым, С. М. Ицкисоном и В. Н. Шевляковым – заняли 1 место. По этому проекту Петрозаводск сохранял свой исторический масштаб, «екатерининскую» планировку центра, приобретал много новых бульваров и парков. Много внимания в этом проекте было уделено освобождению набережной Онежского озера от промышленных предприятий с организацией зеленой прибрежной рекреационной зоны практически на всем протяжении города.

В творческом портфолио В. И. Антохина, кроме того, и активное участие в проектах детальной планировки жилых районов Петрозаводска (Голиковка, Кукковка, Древлянка), а также ряда городов и населенных мест республики: пос. Вешкелицы (1982), пос. Шуя (1987), г. Медвежьегорска (1989).

На проспекте Ленина к началу 1970-х у самого озера остался, практически не тронутый новым строительством, целый квартал деревянных двух- и одноэтажных домов между Онежской набережной и улицей Куйбышева. Тогда же возникла мысль создать на месте этого квартала новую площадь, которая композиционно завершила бы проспект Ленина у озера, поставив своеобразную точку в его застройке. И точкой этой стало крупное общественное сооружение – горком КПСС и горисполком (ныне – администрация города). Авторами проекта (1973) являются архитекторы «Карелгражданпроекта»: Эльвина Журавкова, Эдуард Андреев и Владимир Антохин, конструкторы Виктор Ланев и Виктор Киселев. Здание построено в 1980 году. В простоте и ясности общего композиционного строя, строгости пластических форм отчетливо прослеживаются черты стиливого направления советской архитектуры 1970-х годов, что с полным правом позволяет отнести это административное здание к архитектурному памятнику своего времени.

В 1990 году В. И. Антохин выходит на пенсию. То, что у одних называется «заслуженным отдыхом», у него стало прорывом к большой творческой работе. Получив федеральную лицензию на самостоятельную архитектурную деятельность, он стал проектировать и строить, участвовать буквально во всех архитектурных конкурсах и почти во всех – побеждать.

В 1999 году отмечалось 150-летие со дня выхода в свет первого издания «Калевала». Министерством культуры РК был объявлен конкурс на проект этно-культурного центра (комплекса) в посёлке Калевала. По мнению жюри конкурса, В. И. Антохин (при участии Т. В. Антохиной) представил на первый этап «перспективный проект»: он попытался органично вписать весь комплекс зданий этно-культурного центра (краеведческий музей, Дом ремёсел, национальную библиотеку, гостевую избу, кафе, ярмарочно-торговый центр на Потто-Ламби, малые формы и др.) в уникальный ландшафт центра поселка.¹⁴ Автор считал, что такой центр, выполненный с учетом традиций народного зодчества, позволил бы «вести круглогодичную... просветительскую, рекреационную и другую гуманитарную деятельность на северо-западе Карелии»¹⁵. К сожалению, эти мечты по возрождению этнической и историко-культурной составляющей северо-карельского поселка Калевала остались лишь в эскизных чертежах.

Другой интересный конкурсный проект – Дом специалистов музея «Кижь» на острове Гоголев (2000, построен в 2001 при участии Ю. М. Попова). Автор, сам имевший заонежские корни, использовал в объемно-планировочном решении дома традиционные приёмы мастеров Заонежья. Прямоугольный бревенчатый дом типа «брус» хорошо вписан в ландшафт. Он имеет высокую тесовую кровлю со свесами, защищающими стены от дождя и дающими тень. Крыльцо переходит в террасу – «гульбище». Дом украшают резные наличники, причелины, полотенца. В интерьере дома – несколько спален, комната для творческих встреч, деловых бесед, просмотра фильмов; холл на мансардном этаже с балконами, двухсветная гостиная с камином, оформленным «диким» камнем, из окна которой открывается вид на Онежское озеро и Кижский ансамбль.

По проекту авторского коллектива, который возглавлял В. И. Антохин, с участием финской стороны в 1987 году в городе Кухмо (Финляндия) был построен жилой, так называемый «Калевальский дом» («Suomi talo»), предназначенный для строительства в северных районах Карелии и Финляндии. По этому же проекту построено несколько домов в поселке Шуя.

С большим удовольствием В. И. Антохин проектировал индивидуальные жилые дома и дачные коттеджи (по словам Татьяны Владимировны Антохиной, его трудно было оторвать от чертёжной доски, порой в ущерб здоровью). Он считал, что «почти каждый житель Карелии – потенциальный строитель, чему способствовали, видимо, и суровые природные условия, и гены предков..., прославившихся многочисленными рукотворными созданиями» и стремился сделать дома непохожими друг на друга, максимально удобными, учитывая все пожелания заказчика. В спроектированных им домах, – нарядные мансарды, эркеры, просторные холлы, бильярдные, то есть все то, о чем когда-то можно было только мечтать. А проект жилого дома из

¹⁴ Пресс-релиз Администрации Калевальского национального района от 5.10.1999 г. Архив Т. В. Антохиной.

¹⁵ Антохин В.И. Пояснительная записка к проекту. Архив Т. В. Антохиной.

оцилиндрованных брёвен, разработанный В.И. Антохиным для поселка Сулажгорского кирпичного завода, должен был стать серийным.

Любимым совместным творением архитекторов Антохиных стала собственная дача на берегу озера Ангозеро на скале, с просторным балконом по фасаду, в интерьере – «янтарная», со светом, идущим от стен, облицованных вагонкой.

В 1992 году в издательстве «Карелия» вышла уникальная книга под названием «Баня, банька, баенка», собравшая под одной обложкой всё, касающееся этого явления человеческих рук и ума. Глава «Баня своими руками» написана Татьяной и Владимиром Антохиными. Текст сопровождают иллюстрации и подробные схемы, со знанием дела подготовленные Владимиром Антохиным (подлинники были прорисованы пером). И эта строительная часть по описанию важных мелочей, приемов и «секретов» выдает рукодельность авторов, говорит о том, что все это – не переписано из книжек, а проверено на своем опыте.¹⁶

Отдельное место в творчестве В. И. Антохина последних лет его жизни занимали культовые сооружения. В посёлке Юшкозеро в 1998 году по его проекту была построена небольшая часовня. Она выдержана в традициях деревянного зодчества, пропорциональна, удачно вписана в ландшафт – издали виден её золотистый купол. Однако, большинство из задуманного и спроектированного, к сожалению, не осуществлено. Это собор для города Сегежа, церковь для города Костомукша, подворье Палеостровского монастыря в Петрозаводске... Самой последней работой архитектора стал проект Храма во имя иконы Божьей Матери Скоропослушницы для района «Ключевая» в Петрозаводске (при участии Т. В. Антохиной).

Все многочисленные проекты В. И. Антохина, как осуществленные, так и не осуществленные, отличают градостроительный подход, тактичное отношение к существующей застройке – контекстуализм, за которым стоит большая культура автора и тонкое понимание им гармонии архитектурной среды.

С именем В. И. Антохина связана установка нескольких городских памятников. В 1966 году в сквере рядом с Публичной (ныне – Национальной) библиотекой появился бронзовый памятник А. С. Пушкину (скульптор Гавриил Александрович Шульц, 1903–1984). В его создание (пьедестал, планировка и благоустройство сквера) внесли свой вклад архитекторы: Ю. Ю. Карма (1928–2006), И. И. Аксентьев и В. И. Антохин. Этот памятник и сквер любят горожане. Сотрудники Национальной библиотеки ежегодно в день рождения поэта (6 июня) проводят здесь праздники поэзии.

В содружестве со скульптором Г. Ф. Ланкиным (1938–1998) и архитектором Ю. Ю. Карма в 1967 году на углу улиц Титова и Кирова был воздвигнут бронзовый бюст карельскому государственному деятелю А. В. Шотману (1880–1937); в 1968 году, возле пересечения улицы Анохина и проспекта Ленина, вместе со скульптором В.В. Афанасьевым (1928–1980) и архитектором Ю. Ю. Карма – бронзовый бюст выходцу из рабочей среды, одному из участников установления советской власти в Карелии – П. Ф. Анохину (1891–1922).

Татьяна Владимировна Антохина «Карелпроект» не изменяла: здесь она трудилась до выхода на пенсию – архитектором, руководителем сектора планировки, главным архитектором проектов. В проектно-институте сбылась мечта ее юности – планировать и обновлять микрорайоны и жилые районы Петрозаводска, поселки и города Карелии.

Градостроительство – не столь заметный на первый взгляд и совсем не броский вид деятельности зодчего, но оно являет собой высшую ступень архитектурного творчества. Архитектор-градостроитель имеет дело с реальностью, развитие которой он предопределяет на десятилетия вперед. По сути, он является драматургом и режиссером будущей жизни того или иного поселения, будь то микрорайон, село или целый город. При этом градостроитель всегда отдает себе отчет в том, что будущее города в полном объеме не представимо, так как на сценарий его развития накладывают свой отпечаток множество разнообразных факторов. Ни один город, ни одно маленькое поселение невозможно проектировать одному – это всегда коллектив архитекторов и инженеров разных специальностей. Под руководством Т. В. Антохиной проектировались жилые микрорайоны, парки, промышленные и коммунальные зоны, транспортные и инженерные сети, то есть всё, без чего, в конечном счете, нельзя выстроить ни один дом. Это: центр Петрозаводска (1974–1978), районы Перевалки (1970), Голиковки (1975), Первомайского проспекта (1970), Соломенского шоссе (1969), генплан г. Медвежьегорска (1985, совместно с Ф. Власовой, Е. В. Попковой), планировка поселков Шуя (1984, совместно с С. Ицкисоном, Ф. Власовой, И. Гришиной), Ужесельга (1983), Хелюля (1985, совместно с Ф. Власовой), Ляскеля (1983, совместно с С. Ицкисоном), Видлица (1985, совместно с С. Ицкисоном), Березовка Кондопожского района (1986, совместно с Т. Захаровой) и много других.

Планировка районов Петрозаводска заняла несколько лет напряжённой работы. Приходилось оспаривать многие позиции, согласовывать, неоднократно ездить в Ленинград, в ведущую проектную организацию планировки и застройки городов «Ленгипрогор» и порой менять некоторые положения генерального плана при детальной разработке. Пробивку новых улиц, городских транспортных магистралей необходимо было «утрясать» со специализированным институтом по проектированию дорог «Ленгипродор». Показательным примером координации работы многих проектных институтов и организаций является пробивка улицы вдоль железной дороги на Голиковке. И это – лишь одна из сторон деятельности главного архитектора проектов, ведущего градостроительное проектирование.

¹⁶ Антохин В. И., Антохина Т. В. Баня своими руками // Баня, банька, баенка : любителям и знатокам банного дела. – Петрозаводск. – 1992. – С. 133–169.

Т. В. Антохина горда тем, что многое из того, что было тогда задумано, осуществляется в наши дни, но, конечно, больше осталось только на бумаге или в мечтах. Она и сейчас с интересом следит за тем, что и как строят в городе.

Т. В. Антохина является одним из авторов известного административного здания в городе, расположенного на улице Правды. Вместе с Р. И. Орфинской она проектировала здание Прионежского райкома партии (ныне – администрация Прионежского района). Интерьер зала совещаний тогда было поручено проектировать молодому архитектору Н. Н. Овчинникову (1950–2009).

В творческом багаже Т. В. Антохиной также школы-интернаты в районах республики и пионерский лагерь в селе Кончезеро, онкологический диспансер и больницы.

В 1965 году Т. В. Антохина стала дипломантом ВДНХ СССР за проект планировки парка в городе Кондопога. В 1978 году под её руководством был разработан новый большой парк Петрозаводска – в пойме реки Лососинки как продолжение цепи внутригородских парков на Лососинке с выходом в лесную зону города (не осуществлён).

Изобразительное искусство (живопись, графика, скульптура)

Супруги Антохины с юности были разносторонними людьми, они находили вдохновение в природе, в классической музыке, театре. В студенческие годы в Москве часто слушали многих исполнителей, любили бывать в театрах и на концертах. В Петрозаводске они с удовольствием посещали концерты гастролировавших здесь М. Ростроповича, Э. Гилельса, С. Рихтера.

Природа Карелии, особенно озёра, всегда были источником, питавшим их художественное творчество. Они любили рыбачить, ходить на лодке под парусом (Татьяна Владимировна научилась сама шить паруса).

В архиве Татьяны Владимировны Антохиной сохранилось много рисунков, выполненных супругами в разных техниках. И если Владимир Иванович учился рисунку в детской студии при Дворце пионеров, затем в техникуме, то Татьяна Владимировна рисовала в школе только «по клеточкам». А для того, чтобы сдать вступительный экзамен по рисунку (академический рисунок гипсовой головы, архитектурная деталь), она посещала курсы при институте перед экзаменами, а затем старательно училась, и преподаватели и условно зачислили её в группу «подающих надежды». Среди однокурсников Антохиных были и те, кто со временем стали профессионально заниматься графикой и сценографией: Герман Львович Ратнер (1933–1996) стал известным театральным художником, мастером экслибриса, Инга Петровна Сапилевская (1933–1996), архитектор и преподаватель МАРХИ, также была графиком, участником многочисленных выставок.

В обучении архитектора издавна большое место занимали рисунок и клаузура (учебные упражнения, проектные эскизы). Клаузура была необходима для развития композиционных способностей, навыков отражения творческих замыслов в графике и макете. На архитектурном факультете при изучении классических форм обычно исполнялись клаузуры на темы «Руина в парке», «Античный памятник в пейзажном окружении», «Парковая скамья» и т. д. Клаузуры В. Антохина на подобные темы «Беседка-ротонда», «Павильон в парке» (тушь, перо, отмывка. 1953), безусловно, свидетельствуют о таланте и творческом воображении.

На рисунках и в акварельных этюдах, выполненных В. Антохиным в студенческие годы, запечатлены как архитектурные памятники Москвы, так и виды любимого Заонежья: Красная площадь, Новодевичий монастырь, московские церкви и колокольни, Кижский ансамбль, Успенская церковь в Кондопоге и др. Сохранилось несколько рисунков, в память о поездке на целину, где осенью 1956 года В. Антохин работал с группой студентов. В зрелые годы к живописному «портрету» Заонежья добавились многочисленные виды Царевичей, ладожского побережья. Его акварельные работы отличаются лёгкостью, цветовой насыщенностью, хорошей композицией.

Особого слова заслуживает архитектурная графика Антохина. При проектировании, когда в разработку чертежей вторгся компьютер, В. Антохин не работал на нем принципиально, и всегда подавал на рассмотрения свои проекты «на бумажном носителе», удивляя коллег «ручной» живописной манерой чертежей.

Проекты, акварели и рисунки В. И. Антохина были представлены на выставке в зале Союза архитекторов к его 75-летию, в память о мастере. Татьяна Владимировна сама отобрала работы на эту выставку, она давно знала им цену, а вот посетители были поражены лёгкостью, поэтичностью и воздушностью этих всплесков творческой души Владимира Антохина.

Татьяна Владимировна Антохина любила писать виды Ладожского побережья, Онежского озера у Медвежьегорска, где ей неоднократно приходилось бывать. С юности она обращалась к жанру портрета, писала и рисовала с натуры. Сохранился автопортрет, выполненный в студенческие годы пастелью, где автору удалось точно «схватить» свои индивидуальные черты. Похожи на своих прототипов и написанные акварелью «Портрет Саши» (сын Александр) и «Женский портрет» (москвичка Наталья Звезда).

С детства Татьяна любила мастерить маленьких кукол, и когда на их курсе появился студенческий кукольный театр, она активно подключилась к созданию кукол-актеров и оформлению спектаклей из студенческой жизни. Режиссером была студентка Оксана Сперантова, дочь знаменитой актрисы Валентины Александровны Сперантовой (1904–1978). Оригинальные конструкции нескольких кукол одобрил сам Сергей Образцов, посетивший «кукольную мастерскую» студентов по рекомендации Сперантовых. К сожалению, те куклы не дожили до наших дней (некоторые из них воспроизведены в монографии в память их однокурсницы

И. Сапилевской)¹⁷. Позже Т. В. Антохина участвовала и в создании декораций к спектаклям самодеятельного театра «МЭТЛА» института «Карелпроект», очень популярного в Петрозаводске в 1950-х – 1960-х годах¹⁸.

Навыки работы с куклами, умение схватить и запечатлеть характерные черты той или иной личности, чувство пространства, любовь к природным материалам (камню, дереву) Татьяна Владимировна Антохина воплотила в создании своеобразных дизайнерских композиций (рельефных портретов), которые украшают ее домашние интерьеры. Композиции невелики по размеру, фоном для них служат спилы дерева или не тонированные разделочные деревянные доски, а материалом – камни разного размера, формы и цвета. «Петр Первый» угадывается сразу: по характерной посадке головы, шляпе-треуголке, знакомому по портретам облику. «Архитектор», «Художник», «Музыкант», «Поэт-народник» – все имеют своеобразие в аксессуарах, в одежде, прическах, по которым их можно отнести к людям творческих профессий. Узнаваем и «Демон», чей образ близок одноименной картине М. В. Врубеля.

А в композициях «Курильщики», «Хулиган» автору удалось лаконичными средствами воссоздать определенные типы горожан. Весьма колоритны образы, навеянные Востоком (Татьяна Владимировна несколько лет прожила в Казахстане) – «Мудрец» и «Восточная красавица».

Любовь к работе с камнем Т. В. Антохина передала и сестре Наталье Владимировне Голдович (1931–2009), жившей в Астрахани. Творчеству Натальи даже была посвящена статья под заголовком «Каменных баб мастерица» в газете «Волга».

Свои работы Татьяна Владимировна экспонировала редко. В декабре 1981 года она принимала участие в Конкурсе самодеятельного искусства, посвященного XVII съезду профсоюзов СССР, и была отмечена Почетной грамотой. В 1983 году ее работы из природных камней были показаны на выставке, организованной ленинградским отделением Союза архитекторов, и поразили всех своей оригинальностью.

Преподавательская и общественная деятельность

В. И. Антохин внёс определенный вклад в общественную жизнь города и республики, в развитие побратимских связей. Его мнения и мысли, оценки были интересны и нужны на градостроительных советах, при экспертизе проектов. Несколько лет он преподавал на строительном факультете Петрозаводского университета – вел курсовые проекты. Его приглашали на защиты дипломников-архитекторов в родном строительном техникуме. Кроме того, В. И. Антохин неоднократно избирался депутатом горсовета, в течение нескольких лет возглавлял Карельскую организацию Союза архитекторов СССР (1981–1986), десять лет был председателем Петрозаводского отделения общества дружбы «СССР – Швеция» и членом Центрального правления общества, много лет был членом Президиума республиканского отделения Всероссийского Общества охраны памятников культуры. Все эти дополнительные нагрузки, безусловно, способствовали знакомству с новыми городами и людьми, укреплению творческих связей. В. И. Антохин побывал на нескольких съездах архитекторов, которые проходили в Норильске, Красноярске, Мурманске. В составе туристических групп или дружеских делегаций посетил Финляндию, Швецию, Югославию, Италию. Архитектор должен много видеть и видеть разных примеров зодчества, это всегда было важным для творческого роста и развития профессиональных навыков. И все это для того, чтобы, в конечном итоге, принести в работу, направленную на улучшение и украшение своей малой родины – Карелии.

Авторы выражают свою признательность и приносят благодарность Татьяне Владимировне Антохиной за предоставленные материалы.

Источники

- Глазков В.** Главная площадь Петрозаводска // Комсомолец. – 1962. – 3 марта.
- Ициксон, Е.** Четыре портрета : [об архитекторах А. Г. Барышникове, Н. П. Тришковой, Т. В. и В. И. Антохиных] / Елена Ициксон // Лицей. – 2009. – № 8/9. – С. 21.
- Ициксон, Е.** Администратор с творческой душой. Рассказ о Мастере, который сумел «запрячь коня и трепетную лань» : [к 80-летию В. И. Антохиной] / Елена Ициксон // Карелия. – 2009. – 1 сент. – С. 5.
- Ициксон, Е.** В. И. Антохин // Карелия. Энциклопедия. Т. 1. Петрозаводск. – 2007. – С. 129.
- Калинин, Е.** Лица полиса: очерк [об архитектуре] / Евгений Калинин // Север. – 2009. – № 5/6. – С. 226–239.
- Ковалевская Т., Пашков Г.** Соревнуются архитекторы Карелгражданпроекта // Архитектура СССР. – 1979. – № 5.
- Морозов С.** Поиски и находки зодчего (о В. И. Антохиной) // Известия. – 1968. – 20 августа.
- О присвоении почетного звания «Заслуженный архитектор РСФСР» В. И. Антохину // СК Курьер Карелии. – 2002. – 6 августа.**
- Мошин А. И., Мошина Т. А.** В. И. Антохин, И. М. Антохин // Заонежье в биографиях. – Петрозаводск. – 2010. – С. 9.
- Соснин В.** Градостроители // Ленинская правда. – 1960. – 6 марта.

¹⁷ Цветков В. А., Цветкова А. В., Качурин М. И. Инга Сапилевская. – М. – 2009.

¹⁸ Подробнее о театре см.: Мошин А. И. Мети, «МЭТЛА» // Карелия. – 1997. – 17 января.

Шабиев, Н. Этажи поднялись выше елей: Кукковка выгодно отличается от других жилых р-нов нашей карел. столицы: К 300-летию Петрозаводска: Герои юбилея: [Беседа с бывшим глав. архитектором Петрозаводска В. Антохиным / Вел Н. Шабиев] // Курьер Карелии. – 2003. – 10 апр. – С. 4.

Чернышева Т. Будущее городов Карелии // Север. – 1967. – № 3.

****Антохин, В. И. Подготовка исходных материалов для разработки проектной документации // Материалы республиканского семинара руководителей министерств, производственных объединений и управлений по вопросам капитального строительства. – Петрозаводск. – 1974. – С. 18–28.

Антохин, В. Береги зеленый берег : [в ответ на статью «Пороки и пророки, или О том, каким быть центру Петрозаводска»] / В. Антохин, В. Доршаков // Комсомолец. – 1985. – 21 февр.

Антохин, В. И. Место архитектора // Ленинская правда. – 1982. – 21 сент.

Антохин В. И. Три проекта. Памятник освободителям Петрозаводска // Ленинская правда. – 1966. – 31 авг.

Антохин В. И. «У вас хорошие» люди! : [СССР-Швеция] / записал С. Галкин // Комсомолец. – 1986. – 1 мая.

Побратимы: рассказывают руководители правлений отделений обществ дружбы / В. Антохин и др. // Комсомолец. – 1983. – 23 апр.

Мы стали дружнее, чем были вчера: к всемирному дню породненных городов / В. Антохин и др. // Комсомолец. – 1980. – 26 апр.

Антохин В. И., Антохина Т. В. Баня своими руками // Баня, банька, баенка : любителям и знатокам банного дела / [сост. Рывкин Я. Р. и др. ; худож. Юфа М. М.]. – Петрозаводск : Карелия, 1992.

Antohina T V. Kaupungin keskus kaunistuu // Neuvosto-Karjala. – 1975. – 2 maalisk. (Антохина Т. В. Хорошеет центр города).

Михайлова Л. П.,

Карельская государственная педагогическая академия

О происхождении региональной русской лексики Карелии (слова со значением ‘морось’, ‘моросить’)

Лексика русских говоров Карелии формировалась в условиях длительных контактов русских с иными этническими группами, преимущественно прибалтийско-финскими. Не случайно в данной региональной лексической системе сосуществуют названия каких-либо понятий, бытовых реалий, состояний и действий человека, явлений окружающего мира, которые имеют различное происхождение. Ярким примером взаимодействия и взаимопроникновения элементов разных языков и слияния их в одной системе является материал лингвогеографических карт, представленный в работах С. А. Мызникова, в частности, в его монографии «Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» [Мызников 2003]. Однако к настоящему времени остаются нерешенными некоторые задачи исследования лексики русских говоров Карелии, среди которых немаловажное место занимает системное описание тематических, лексико-семантических групп, выявление внутрирегиональных схождений и различий в их составе, ареальных связях, этимологизация отдельных элементов системы.

В настоящей статье обратим внимание на происхождение некоторых слов, бытующих в русских говорах Карелии и имеющих в семантической основе признак ‘морось’. Материалом исследования является дифференциальная лексика, представленная в словарях севернорусского наречия. Географические пометы, принятые в словарях, используем без изменений. Выделяется несколько групп лексики с разными корнями.

сўмег- / сўмеж-

Сўмежить 1. ‘моросить’: *Дождик мевкий, так называют дождик-то сумежит.* Подп. 2. ‘пуржить’: *Эх, как сўмежит, того и гляди собьѣмся с дороги.* Подп. **Сўмега** *сўмежит.* Подп. **Сўмега** ‘пурга’: *Сколько раз тую зиму сўмега была.* Подп. (СРГК 6: 303; СРНГ 42: 229). Вариант **сўмяга** ‘мелкий дождь, изморось’ известен также в подпорожских говорах: *Сумяга сумежит, когда дождик чуть-чуть чиндае.* (СРГК 5: 396; СРНГ 42: 243) В значении ‘мелкий дождь’ известны слова **сўмежик** и **сўмежка**: *Сейчас-то яственна погода, либо маленький дождик – сумежик сумежит.* Подпорож. Ленингр. Сумежка иде. Подпорож. Ленингр. (СРНГ 42: 229-230).

Прионежским говорам известно слово **сўмега** ‘мелкий дождь, изморось’, **сўмежить** ‘моросить’: *“Ой, сўмега сегодня, дождь со снегом, на улицу не охота выходить. Сўмежит сегодня.”* – Таржеполь (запись автора). В ливвиковском диалекте карельского языка *sumeh* ‘изморось, мелкий дождь’, *sumerdua*, *sumettua* ‘моросить’ (СКЯМ: 349); ‘ Слово **сўмега** относят к прибалтийско-финским по происхождению, ср. вепс. *sumeg*, *sumegi* ‘изморось, очень мелкий дождь’ (СВЯ: 526), ливв. *sumeh* ‘изморось, мелкий дождь’, *sumeta* ‘хмуриться (о погоде)’, *sumettua*, *sumerdua* ‘моросить’, *sumevihmaine* ‘мелкий дождик’ (СКЯМ: 349); фин. *sumea* ‘тусклый, мутный’, ‘туманный, мгlistый’ (ФРС: 592). Финские этимологи включают данные слова в статью *sumi* ‘туман, мгла’ (SKES IV: 1107). Однако обратим внимание на русский и славянский материал. Бесприставочные слова *мга* ‘мокрый снег

с дождем', 'изморось', *мжа* 'мелкий дождь, изморось', *мжить* 'моросить (о дожде)' известны преимущественно южнорусским говорам (СРНГ 18: 62, 151), другим славянским языкам – укр. *мгичка* 'моросающий дождь' (Гринченко II: 414), чеш. *mha* 'туман; мгла', *mžít* 'моросить' сербохорв. *màgla* 'туман; мгла', *màgлити* 'туманить, затуманивать' (СХРС: 246), сербохорв. диал. *мега́* 'моросающий дождь' (ЭССЯ 21: 92), укр. *мжити*, *мжить*, блр. *імжыць*, польск. диал. *mżuc* 'моросить' (ЭССЯ 21: 92, 182). О. Н.Трубачев реконструирует общеславянское слово **тъга*, соотносящееся с **тъгла* и **тъжити* 'моросить', указывая на родство с др.-инд. *mih-* 'дождь', *miggelen* 'моросить' (ЭССЯ 21: 92) Южнославянской территории известны и образования с *су-*: сербохорв. *сумаглица* 'легкий туман; дымка' (СХРС : 577). Приставка *су-* является праславянской по происхождению (Фасмер III: 791). Исходя из славянских данных, слова *сумега* и *сумежить* легко включаются в славянское этимологическое гнездо **тъга*, **тъжити*. Поразительное сходство прибалтийско-финской и славянской группы рассмотренных слов дает основания предполагать активное взаимодействие и взаимовлияние языков друг на друга, которое может быть отнесено к периоду до распада общеславянского языка на диалекты, до VII века н.э. (Мейе: 6).

Надо полагать, что родственной является и лексема *семежить*, *семежить* 'моросить': *Семежит на дворе мелкий дождик. Прошлый день дождик всё семежил*. Кондоп. (СРГК 6: 54). По всей вероятности, появление предкорневого компонента *се-* продиктовано межслоговой ассимиляцией гласных.

сит-

Выделяется группа слов с корнем *сит-*, этимологически связанным с *сито* (< **sito* < **sēi-to*), которое связано с *сѣять* (Фасмер 3: 628).

Именная лексика: *ситега* 'мелкий моросающий дождь': *Ситега – мелкий дождь такой, ситега, частенький*. Медв. + Кондоп., Онеж. (СРГК 6: 97-98), *ситега* 'мелкий моросающий дождь, изморось': Олон. ВАССР, Арх., Волог. (СРНГ 37: 353); в этом же значении *ситежка*: *Ситежка-та какая на улице, мелкое-мелкое*. Прион., *ситежко*: *Дождь ситежко, мелкий такой: да мало, а потом опять сыпнёт*. Медв. (СРГК 6: 97), уменьш.-ласк. *ситежка* Петрозав. Олон. (СРНГ 37: 353). Ср. также образования от *ситега*: 'мелкий, моросающий (о дожде)' – *ситежной*: *Ситежной дождь, он как пойдёт, на всю неделю затянет, вот и говорят: ситежной*. Медв., *ситежитый*: *Когды часто – ситежитый дождик моросит*. Пуд., *ситежня* 'мелкий снег': *Это снег, ситежня такая маленькая*. Кондоп.; 'моросить' – *ситежить*: *А если мелкий дождь, дак у нас говорят ситежит*. Пуд. и *ситежить*: *Во крутой дождь пошёл! А вчера с утра ситежил-ситежил, думали, на весь день зарядит*. Пуд. *Дождь ситежит целый день*. Медв. + Кондоп. (СРГК 6: 97).

Наряду с суффиксом *-ег-* / *-еж-* используется и суффикс *-яг-* / *-яж-*, хотя и значительно реже: *ситяга*: *Осенью ситяга пойдет, дома сидим*. Прион., *ситяжка*: *А мелкий дождь, так ситяжка, говорят, пошла*. Медв., *ситяжить*: *Весь день ситяжит*. Медв. (СРНГ 6: 99).

Существенно отметить наличие лексем с корнем *сит-* и другими суффиксами в том же значении, что и *ситега* – 'мелкий, моросающий дождь': *ситечек*: *Когда мелкий-мелкий дождь, то ситенеком называют*. Сег., *ситничек*: *Небольшой дождь, скажут ситничек*. Лод. (СРГК 6: 97) + Вост. Сиб. (СРНГ 37: 355); *ситоха*: *Падера, цемра идет такая, ситоха идет. Вот эта самая ренда ситоха и есть*. Онеж., *ситить* 'то же, что ситежить': *А вот вчера смтило немножко. Так утром ситило, да переслало*. Пуд. (СРГК 6: 98).

Ср. с данными южнославянских языков: сербохорв. *ситан*, болг. *ситен* 'мелкий', *ситен дъжд* 'мелкий дождь' (Фасмер 3: 628).

чамр- / чѣмр-

Говорам северной части Карелии известна лексика с корнем *чамр-/чѣмр-*: 'мелкий дождь, иногда со снегом' – *чѣмра* Кем., *чамра́* Кем., Онеж. *чѣмра́* Белом + Тер.; *чамрить* 'моросить' Кем., *чѣмрить* Белом. + Тер. (СРГК 6: 755). Ср.: 'дым, чад, угар' – *чѣмер*. Онеж., *чѣгмер* Медв., *чѣгмар* Тер. *чихмар* Белом. + Лоух., *напустить в глаза чѣмеру* 'пустить пыль в глаза' Онеж. (СРГК 6: 791); в ливвиковском диалекте карельского языка *čihmer*, *čihmerö* 'мелкий (о дожде); пасмурный', *čihmerdiä* 'моросить' (СКЯМ: 34); Этимологи слова *чемарá*, *чѣмра́* 'мельчайший дождь, обычно с туманом', арханг. Относят к неясным (Фасмер 4: 330).

бус-

Бус и *бусинка* 'мелкий моросающий дождь' Тихв. (СРГК 1: 144). Архангельским говорам в значении 'мелкий моросающий дождь, изморось' известны слова *бус* – В.-Т., Мез., Уст., *буса* – Шенк., *бусá* – Вин., Холм., Шенк., *бусенец* – Вил., В.-Т., *бусенчик* – В.-Т., Котл., *бусениц* – В.-Т., К.-Б., Котл., *бусеничек* – Котл., *бусилко*, *бусилко-моросилко* – В.-Т., *бусина* – Котл., *бусинец* – Вил., В.-Т., К.-Б., Лен., *буско* – В.-Т., *бусунец* – Лен., архангельским и вологодским – *бусенец* – Вил., В.-Т., К.-Б., Котл., Лен. Арх., В.-Уст., Нюкс., Череп. Волог., *бусенчик* – Вил., Котл. Арх., В.-Уст. Волог.; вологодским – *бусень* – В.-Уст., *бусеничка* и *бусеничник* – В.-Уст.; широко по Северу бытует и глагол *бусить* 'моросить (о дожде)' (СГРС 1: 226-230). Данные СРНГ свидетельствуют о широком распространении слова *бус* и образований от него не только на севернорусской территории, но в говорах Урада, Сибири (СРНГ 3: 302).

Согласно Калиме, слово *бус* или 1. заимств. из коми *bis* 'пыль, порошок', удм. *bis* 'туман, пар', которые считаются заимств. из чув. *pus* 'пар', тур. *pus* 'туман, пасмурная погода', или 2. заимств. в коми из русск., в русск. из тюрк. (Фасмер 1: 250). В итоге *бус* – слово тюркского происхождения.

рѣнд- / рянд- / рянж-

Рѣнда́ 'мелкий моросающий дождь' Онеж., *рянда* Обонежье, *рянда*, *рянжа* 'снег с дождем' < карел. *rändä* < литов. *drengti* 'моросить, идти, падать (о снеге с дождем, мокром снеге)', по данным SSAP 3: 126 (Мызников 2004: 289: 331). Слово заимствовано из карельского *rändü* (Фасмер 3: 538). Однако в карельском языке оно, в свою очередь, заимствовано из литовского языка.

Рассмотренный материал свидетельствует о сложных процессах взаимодействия языков на лексическом уровне, отражающем адаптацию входящего иноязычного слова в русский язык, а также преобразование русского слова при его проникновении в соседние неславянские языки.

Принятые сокращения

- Гринченко – *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Т. I-IV. – Киев, 1907–1909.
- Мейе – *Мейе А.* Общеславянский язык / перевод и примеч. П. С. Кузнецова / под ред. С. Б. Бернштейна. – М. : Изд-во иностр. литературы, 1951. – 492 с.
- Мызников 2003 – *Мызников С. А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. – СПб. : Наука, 2003. – 360 с.
- Мызников 2004 – *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ / Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Наука, 2004. – 492 с.
- СВЯ – *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. – Л., 1972.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 1–5. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001–2011. Т. I. Екатеринбург, 2001. Т. III. Екатеринбург, 2005.
- СКЯМ – Словарь карельского языка (Ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. – Петрозаводск, 1990.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43. – М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2010.
- СХРС – *Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь. Изд-е 4-е. – М. : Русский язык, 1976.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. – М. : Прогресс, 1964–1973.
- ФРС – Финско-русский словарь / сост. И. Вахрос и А. Щербаков. Изд-е 2-е. – М. : Русский язык, 1977.
- ЧРС – *Павлович А. И.* Чешско-русский словарь. Изд-е 8-е. – М. : Русский язык, 1989.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–35. – М. : Наука, 1974–2009.
- SSAP – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. – Helsinki, 1992–2000. О. 1–3.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. – Helsinki, 1955–1981. О. 1–7.

*Приображенский А. В.,
Карельская государственная педагогическая академия*

Хозяйственная деятельность поморов XVI–XX вв. по данным топонимии

Цель работы – показать, как отражается хозяйственная деятельность поморов XVI–XX вв. в топонимии.

Материалом исследования послужили микротопонимы – имеющие узкую сферу употребления географические названия поморских сёл Вирма, Нюхча, Колежма, Сумский Посад, Шижня, Шуерецкое. Используются данные полевых сборов автора, осуществленных в с. Сумпосад и Нюхча, материалы картотеки КГПА, документов Национального архива Карелии¹, а также памятники письменности XVI в. – Писцовые книги Обонежской пятины 1563 и 1582 гг. и грамоты.

Начало формирования русскоязычной группы поморов относят к XVI–XVII вв. Основными занятиями поморов стали морское рыболовство и промысел морского зверя, а не земледелие².

Вместе с тем, Писцовые книги Обонежской пятины 1563 и 1582 гг. описывают деревни «на Нюкче», «на Суме реке», «на Шижне реке», «в Вирме», «на Колежме» как земледельческие сельскохозяйственные поселения. Например, дер. *на Нюкче* словес *Низовские*: Самсонко Яковлев Плохой, Куземко Семенов да в том же Нестерко Васильев да Иванко Кипров, пол-3 обжы, сеют в поле ячмени 2 коробьи, сена косят 100 коп.; дер. *на усть Нюкче*: Тимошка Ильин да в том же двори Поташко Левонтьев да Мартышко Лукин, обжа, сеют в поле ячмени коробью, сена косят 100 коп.; дер. *на усть Сумы реки*: Карпик да Калинка, Дмитр да брат его Захарка, Васка Пятой да Степанко, Филка Лапаков, Дениско Жолоб, Офонаско да сын его Корнилко, Михалка Бочка, 5 обеж, сеют в поле ячмени 3 коробьи, без четверки, сена косят 300 копен; дер. *на Суме реки*: Гаврилко да Рычко да Сенка Ивановы дети Шарапова, Гридка да Микифорко Бушко Тимофеевы дети Шарапова, Михалка Ходыка да брат его Тишко /.../ 9 обеж, сеют в поле ячмени 9 коробей, сена косят 400 копен (1563); дер. *у моря на усть Колежмы реки*, а в ней крестьян: Аникийко Павлов, Васка Федоров Кривой, Якимко Панкратов, Омелянко Тимофеев, Ефимко Никифоров /.../. Пашни паханые двадцать чети да перелогу тридцать чети в поле, а в дву по тому ж, сена триста

¹ В работе использованы материалы фонда 83.

² Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 70; Логинов К. К. Этнографические зоны и этнические границы в Карелии // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 96.

копен. В живущем две обжи, а в пуге три обжи; дер. на реке на Шижне, а в ней крестьян: Гаврилка Фомин, Иванко Ермолин, Никифорко Валигин, Наумко Понамарев, Никитка Ульянов. Пашни пятнадцать чети в поле, а в дву по тому ж, сена сто копен. Полторы обжи (1583)³. Примечательно, что мерой налогообложения в Выгозерском погосте была обжа, которая применялась в земледельческих районах. В Лопских погостах и Шуерецкой волости единицей налогообложения был лук, применявшийся там, где основой крестьянского хозяйства были промыслы⁴.

Земледельческое прошлое Поморья подтверждается и анализом топонимии данной территории. В каждом поморском селе зафиксированы наименования земельных угодий, восходящих к терминологии подсечно-огневого земледелия. По словам историка Г. Е. Кочина, подсечно-огневое земледелие было развито на Руси вплоть до XII–XIII вв.⁵ С середины XIII в. оно постепенно начинает заменяться паровым, или пашенным. Однако на Севере, в частности в Карелии, подсека была чрезвычайно распространена вплоть до конца XIX в.⁶ «Отхожая пашня» – подсека разрабатывалась в отдалении от поселений и легко скрывалась от налогообложения⁷.

Некоторые поморские микротопонимы прибалтийско-финского происхождения восходят к терминам подсечно-огневого земледелия: *Палнаволок* (Поньгома, Вирма), гора *Палáщелье* (Нюхча) < *palo* ‘подсека, выгоревшее место в лесу’; *Раснаволок* (Колежма), *Расостров* (Сумпосад) < *gasi, gazi* ‘подсека, оставшаяся неспаленной’; *Касельга*, поле *Каски* (Нюхча) < *kaski* ‘подсека’⁸.

Наиболее распространенным термином подсечно-огневого земледелия в Беломорье является слово *тереб*. Так, в с. Колежма зафиксировано 17 названий покосов со словом *тереб*: *Голубинские Тереба*, *Грязнов Тереб*, *Засумский Тереб*, *Зашураевский Тереб* – в 3 км., *Кирлагин Тереб*, *Кормановы Тереба*, *Костинские Тереба*, *Лёвины Тереба* – в сторону Нюхчи, *Мартыновские Тереба* (Постниковых), *Медвёжьи Тереба* – покос в 3 км. на юго-восток от села, *Отавинские Тереба*, *Подкорожные Тереба*, *Подрёбов Тереб*, *Поспеловские Тереба*, *Рахмановы Тереба* (Рахмановы луга) – в 5 км. на юго-восток от села, *Семёновский Тереб*, *Супуновские Тереба* – в 10 км. от Колежмы; в с. Сумский Посад – 9 названий: *Абрамов Тереб*, *Ворбинский Тереб*, *Зачургаевские Тереба* – за Чургаевым ручьем, *Кожаренские Тереба*, *Махильковский Тереб*, *Подвётренные Тереба*, *Рахманинские Тереба*, *Тереба в Палнаволоке*, *Чургаевы Тереба* – вдоль Чургаева ручья, в с. Шуерецкое – 9 названий: *Антроповских Тереба*, *Богатых Людей Тереба*, *В Карьере Тереба*, *Замотаевой Тереба*, *Каллевых Тереба*, *Мосорина Тереб*, *Мулева Тереба*, *Тереба у Каргоручья*, *Федосеевых Тереба*, в с. Вирма – 7 названий: *Анны Александровны Тереба*, *В Горюшках Тереба*, *Игнатьевские Тереба*, *Калинина Тереба*, *Монáха Тереба*, *Тереба на Холтышке*, *Черняевские Тереба*. Эти покосы располагались в лесу и у ручьев. В беломорских, кемских, кандалакшских, онежских и терских говорах слово *тереб* употребляется в значении ‘вырубленный, выжженный, расчищенный под сенокос участок леса’ [СРГК IV: 452]. В других славянских языках это слово не сохранилось, что исследователи связывают с ранней заменой на юге подсечно-огневого земледелия пашенным. Г. П. Смолицкая предполагает, что слово *тереб* ‘луг или пашня, полученные путем расчистки земли от мелкого кустарника’ является северным диалектизмом собственно русского происхождения. Большое количество названий от слова *тереб* отмечается на территориях бывшей Новгородской, Псковской, частично Тверской губерний⁹.

Для наименований покосов и пахотных угодий используется слово *полянка*: *Подвикулины Полянки* – в сторону Сумпосада, *Полянки* – покос у коровника, *Полянки за школой*, *Полянки у моста*, *Фёдора Степановича Полянки*, *Шумовских Полянки* (Колежма); *Полянка* – поле (Вирма), *Пастушья Полянка* – покос (Нюхча). В словаре В. И. Даля слово *поляна* приводится со значением ‘кулига, росчисть, подсека’ – без помет [Даль III: 230]. В архангельских, олонекских, северных, нижегородских, ярославских, костромских, саратовских, ростовских говорах слово *поляна* отмечено в значении ‘пахотная земля, пашня вдали от селения (за полями, в лесу)’ [СРНГ 29: 189].

О подсечно-огневом земледелии в Поморье свидетельствуют и названия покосов *Кулига* – на Мягострове (Колежма) и *Кулига* (Нюхча). В вятских, архангельских, олонекских, вологодских, новгородских, северных, ярославских, нижегородских, пермских, свердловских, калужских, московских говорах это слово известно в значении ‘участок из-под леса, расчищенный под пашню, иногда луг’. В значении ‘место в лесу между кустами или на вырубках, где можно косить траву’ слово *кулига* употребляется в беломорских, кемских, архангельских, печорских, мурманских, ярославских, вологодских, калининских, средне-уральских говорах [СРНГ 16: 60–61]. В беломорских говорах слово *кулига* зафиксировано в значении ‘поляна в стороне от основного покоса’ [СРГК 3: 56].

В с. Шуерецкое зафиксированы названия покосов *Чицины Ананьиных*, *Чицины Плехановых*, в с. Шижня – *Чициница Варварина*, в Сумском Посаде – *Корольковская Чициница*. В. И. Даль отмечает, что слова *чисть*,

³ 1563 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 г. Л., 1930. С. 158, 160; 1583 – Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/1583 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 202–203.

⁴ Дозорная книга Лопских погостов 1597 г.; Дозорная книга Шуерецкой волости 1598 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. I. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 186–242.

⁵ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. М.; Л., 1965. С. 141.

⁶ Куркина Л. В. К реконструкции древних форм земледелия у славян (На материале лексики подсечно-огневого земледелия) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1998. С. 382.

⁷ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 148.

⁸ Кузьмин Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007. С. 31.

⁹ Смолицкая Г. П. Аpellатив и топоним в составе народного говора // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1972. М., 1974. С. 265.

чищенина, чищобь, чищоба, чища 'место, где лес вырублен, выкорчеван и сожжен под посев; пашня, расчищенная из-под леса' употребляются в северо-восточных говорах [Даль IV: 607]. В архангельских и поморских говорах известно слово *чищенина* 'расчищенная из-под леса под сенокос земля' [Подвысоцкий 1885: 189]. Ряд однокоренных слов и микропонимов с этим корнем встречается в Новгородской области: *чистка, чистяк, чищенка, чищенник, Чищеница* – место (Солецкий район), *Чищеники* – сенокосное угодье у д. Жильско (Солецкий район), *Чищеницы* – место (Старорусский район) [НОС 12: 62].

В с. Шижня известны сенокосные угодья *Узкая Нивка Белого* и *Высокая Лядина*. Слово *нива* в значении 'вырубленное и выжженное под пашню, огород или луг место в лесу, рощисть' употребляется в прионежских, архангельских, новгородских, псковских, вологодских, калининских, ленинградских, ярославских говорах. В беломорских, прионежских, пудожских, архангельских, ленинградских, калининских говорах слово *нива* зафиксировано в значении 'поле, пашня или луг на месте выкорчеванного леса': *Раньше пахали, так звали нива. Срубят лес да пахнут – нива*. Беломор. [СРНГ 21: 215]. В Словаре русских говоров Карелии слово *нива* в беломорских говорах не отмечено. Слово *лядина* в значении 'вырубленное и выжженное под пашню или сенокос место в лесу; рощисть' зафиксировано в прионежских, псковских, новгородских, кировских, калининских говорах. В значении 'участок леса, удобный для подсеки и распашки под новину' слово известно в беломорских, пудожских, псковских, новгородских, вологодских, ленинградских, калининских, калужских говорах: *Лядины с березником на нивьях выростали – волнухи брали. Нива была – срубили под хлеб, а стояла нетронута – это лядина. Заросла лядина на нивы на молодой. Матёра лядина. Матёру рубят, на третий год сеют. На второй год ее сожгут, к другому году хлеб сеют*. Беломор. [СРНГ 17: 263]. Словарь русских говоров Карелии фиксирует в беломорских говорах слово *лядина* со значением 'лесная поляна с мелким кустарником или зарастающая лесом делянка' [СРГК 3: 175].

Вероятно, хлебопашество в Поморье постепенно было вытеснено промыслом рыбы, морского зверя и солеварением. Именно эти промыслы составляли основу экономики поморских волостей. В этой связи слова *тереб, лядина, нива, чища, кулига* стали использоваться в Поморье для наименования покосов. Даже слово *поле* (полё) повсеместно употребляется поморами в значении 'сенокосный суходольный луг, расположенный возле берега реки в окрестностях, прилегающих к селению'. Единственным рыбацким селом Беломорья, где наряду с рыбными промыслами засеивали ячмень и рожь, являлось село Нюхча [Дуров 2011: 256].

Несколько мест рыбной ловли описывает писцовая книга 1563 года. На Суме реке был поставлен кол рыбный, в котором до заморозков ловят морскую рыбу, лосося и сёмгу. На реке Соробе находился ез (сооружение для рыбной ловли, состоящее из частокола, перегораживающего водный поток с небольшим отверстием посередине для установки сети), в котором старец Тимофей ловит рыбу на монастырь. В устье реки Выг на Соробе у моря был рыбный кол, где сетями ловили нюхчане. На пороге Золотец на реке Выг находилась семейная тоня¹⁰.

17 микропонимов - названий рыбных тонь зафиксировано в с. Колежма: *Большая тоня, В Омуте, Забор, Залуг, Зимний, Кочинская тоня, Кривулина, Маланына тоня, Меляк, Овёчья ямка, Омут, Под забором, Поповские тони, Поповый забор, Пудас, Средняя тоня, Трасса*. Все эти тони расположены на реке Колежма, название которой с саамского kuoll(e) переводится как 'рыбная'¹¹.

Рыболовство поморов выходило и за территорию Карелии. Известно, что уже в 80-х годах XVI века поморы – керетчане с кандалакшанами – участвовали в промысле трески на Мурмане. Жителями Карельского Поморья в конце 1840-х – начале 1850-х гг. только на мурманских промыслах вылавливалось в среднем до 185 тыс. пудов рыбы в год¹². В этой связи значительный интерес представляет «Дело по предписанию Управления государственными имуществами Архангельской губернии о доставлении сведений о местностях по берегу заливов Северного моря, просимых купцом Михайлом Сидоровым в вечную уступку» (1869 г.), хранящееся в фонде 755 (2-ое Кемское лесничество) НА РК. В этом документе содержится 120 названий заливов, островов, мысов Мурманского, Терского и Кандалакшского берегов Кольского полуострова.

Купец Михаил Константинович Сидоров (1823–1887) – известный популяризатор и исследователь Русского Севера и Сибири, писатель, меценат, автор «Проекта о заселении Севера империи, об улучшении положения его жителей и о развитии внешней торговли» (1864).

Места для заселения М. К. Сидоров разделил на несколько категорий: 1) все приморские берега Северного океана, заливы, бухты, устья рек и острова в заливах и морях от границы Норвегии до реки Пясиной за Енисейским заливом, 2) гавани, доки и верфи, 3) пути почтовые и пароходные, почты и телеграфы, 4) заводы и фабрики. В первую предлагалось поселить людей, знакомых с морскими рыбными и звериными промыслами, включая лопарей, финнов, самоедов, остяков и зырян, во вторую преимущественно тех же, включая и карел, в третью преимущественно преступников, стараясь между ними поселять представителей кочевых племен, в землях которых будут возникать колонии, в четвертую преимущественно преступников, знакомых с фабричным делом¹³.

Примечательно, что перечень приморских мест по Мурманскому берегу, которые Михаил Константинович считал пригодными для поселений, большей частью совпадает с названиями, приведенными в «Деле». Приведем полностью список географических названий, содержащихся в архивном документе: *Филатевская губа,*

¹⁰ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 165.

¹¹ Кузьмин Д. В. Там же. С. 24.

¹² История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 149; 226.

¹³ Проект о заселении севера империи, об улучшении положения его жителей и о развитии внешней торговли // Сидоров М. К. Север России. СПб., 1870. С. 375.

Столбовая губа, Теломнаволок Маленький, Немецкая губа (Немецкая), Анбарная губа (Амбарная губа), Малая Волоковая губа (Малая Волоковая), Айновские острова, Большая Волоковая или Земляная губа, Червяная губа (Червяная), Губовская губа (Зубовская губа), Цыпнаволок, Монастырский наволок (Монастырская), Гавань Новой земли, Кутовой путь (Кутовая губа), Титовской (Титовская), Ничай (Вычана), Аре (Ара), Уре (Ура), Кислой (Кислая), Еретикахъ на Шажме (Еретики на Шалиме), Лодейная губа, Торос остров, Оленья, Екатерин остров (Екатеринин остров), Тювь губа (Тев губа), Кильдин остров (Кильдин), Олений остров, Онисовая Воронья губа (Опасовая и Воронья губа), Ярнашинная губа (Ярнышинная губа), Зеленецкая губа, губа Шубана (губа Шубина), Барышиха губа (губа Барышиха), Харловская губа (Харловка), остров Харлов, Корабельная бухта (Корабельная Пахта), губа Павютиха (губа Полютиха), Дворцовая губа (губа Дворцовая), Мокуев (Нокуев), губа Дроздовка, Ивановка, губа Черного мыса, Клятны, губа Савиха, Иоканка губа, Святой нос, Коровья губа, Лумбовские, Созоновка (Сазоновка), Качановская губа (Качковская губа), Орлова маяк, Поной, Фильманская губа, становище Столбово, Белый Малый наволок, становище Малонемецкое, мыс Земляной, становище Вайдозубское, мыс Кекур, мыс Скорбев, мыс Май Наволок, становище и губа Зубовские, становище Пузырево, Аникиевы острова, мыс Сергеев, мыс и становище Башенька, становище Воронье, Ловново, мыс Шарапов, мыс Гордеев, становище Бакланы, Коньково, Селиково, Мотовский залив, становище Зубовка, Эйны, остров Вильняк, мыс Добрягин, острова и губа Арские, губа Кислая, остров и становище Еретик, Почань наволок, Торас острова, губа Райда, Тюва губа, мыс Летинский, Лихая Паята, Кильдинская Салма, мыс Могильный, мыс Териберский, губа Опасова (Опасовая губа), губа Ярнышинная (Ярнышинная губа), губа, острова и становище Шильпины (Шельпино), губа Щербинина, губа Трещина (Трещина), становище Золотое, губа и становище Барышина (Барышиха), губа и становище Шубанина (Шубина), острова, становище Семь-островские, губа Лицкая (Лица), губа Полютиха, Паята и губа Корабельная (Корабельная Пахта), губа Дворовая, губа Савиха, мыс Большой и Малый Клятны (Клятны), острова Йеканские (Иоканские острова), мыс Коровий нос, губа Старцева, губа Каикаранцы, губа Червяна, губа Глубокая, губа Коковина, мыс Коковин, губа Западная, мыс Оборной, мыс Большой Городецкий, мыс Малый Городецкий, губа Соронь, залив Немецко-Воловатый, мыс и залив Панфиловы, залив Качковский (Качковская губа), залив, мыс и остров Острая Лудка, ручей Подонский, мыс Терский Орлов-Маяк, остров Горянов¹⁴.

М. К. Сидоров несколько раз обращался в Лесной департамент с просьбой продать или предоставить ему земли на Мурманском берегу. 15 декабря 1869 года Лесной Департамент отказывает в продаже Сидорову 2000 десятин земли на Мурманском берегу, так как «по отзыву Архангельским Управлением Государственными Имуществами продажа означенного побережья сильно стеснила бы поморов и лопарей, вылавливающих здесь ежегодно ок. 300.000 пудов разной рыбы на сумму до 500.000 руб., и, кроме того, на этом же побережье находятся единственные удобные для колонизации места, которая, в свою очередь, была бы сильно стеснена продажей этих мест в частную собственность». В феврале 1870 года Сидоров попросил у Губернатора во временное владение 2000 десятин. 30 декабря 1871 года Лесной Департамент вместо 2000 десятин дает 6 десятин: на Кильдине – 2, а в остальных местах: Ура-губе, Кольском заливе и на острове Рыбачий – по 1 1/2 и Сидоров должен послать в Архангельск своего уполномоченного. Архангельское УГИ от 16 августа 1872 г. за № 3838 объявило, не смотря на расписку, что приостанавливает отвод земли¹⁵.

М. К. Сидоров вёл поиски полезных ископаемых на Кольском полуострове и Новой Земле, открыл первый на Севере России нефтяной промысел на реке Ухте, исследовал выходы каменного угля в бассейне Печоры. С 1852 по 1882 год он потратил на освоение Севера и Северного морского пути истратил 1,7 миллиона рублей, что привело его к банкротству¹⁶.

На просьбы об отводе ему участков под разработку нефти на реке Ухте и золота на Новой земле чиновники Архангельской казенной палаты, Архангельского управления государственных имуществ и министерств отвечали неизменным отказом¹⁷.

В XVI–XVII вв. особую роль в экономике Поморья сыграло солеварение. По мнению историков, солеварение появилось здесь благодаря русским переселенцам, так как оно было традиционным занятием населения Новгородчины и других севернорусских земель. В Беломорье рассолом стала служить морская вода, поэтому варницы находились здесь исключительно у моря¹⁸. В «Отводной сотной выписи» 1556 г. приводятся варницы, пожалованные государем Соловецкому монастырю. Каждая варница имела собственное наименование по ее местоположению и по имени крестьянина, который осуществлял солеварение: варница *Гавриловская Захарьина сына Попова в Конручье, на Вег губе* варница *Омельяновская Микитина, на Вегу ж губе* варница *Фетковская Ямленина да Фетка Остафьева сына Биричева да Ефимка Никитина, под Вирмою* варница *Ивановская Офонасова сына Холдыги да Гришии Офонасова сына Сухоноса, под Вирмою* варница *Фетковская Иванова да Ортюшки Кондратова да Тимошки Прокофьева, в Пертострове* варница *Ивановская Федорова сына Ушакова* и т.д.¹⁹. Писцовые книги Обонежской пятины 1563 и 1582–83 гг. свидетельствуют, что солеварни Соловецкого

¹⁴ В скобках отмечен вариант названия, зафиксированный в «Проекте о заселении Севера империи, об улучшении положения его жителей и о развитии внешней торговли».

¹⁵ Проект «Остров-Кильдин» // <http://ostrov-kildin.narod.ru/sidor.html>.

¹⁶ Сидоров Михаил Константинович // <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

¹⁷ Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Петроград, 1919. С. 183.

¹⁸ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 147–148.

¹⁹ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. С. 184.

монастыря располагались в устье реки Сумы в Вехгубе, в Куно-ручью, в Колежме в Чижгубе, на Сухом наволоке, в устье реки Вирма у моря, в Шижне на морских островах. К концу XVIII века солеварение в Поморье практически прекратилось, что было вызвано открытием богатых разработок соли на Урале²⁰. В микропонимии Поморья сохранилось несколько наименований покосов, восходящих к нарицательному обозначению солеварни: *Várница* – покос с. Сумский Посад, *Várница* – покос с. Колежма в низком месте, где варили соль, *Várнична Большойá* – покос с. Колежма, *Várнична Меньшá* – покос, *Летняя Варница* – покос (Шижня).

Таким образом, в топонимии Поморья отражены все основные виды хозяйственной деятельности местных жителей, как существовавшие в прошлом (подсечно-огневое земледелие и солеварение), так и сохранившиеся до наших дней (рыбный промысел). Топонимия является свидетельством того, что подсечно-огневое земледелие получило распространение на данной территории еще до начала русской колонизации и сохранялось в течение значительного времени.

Список использованных словарей

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1981.

Дуров – Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011.

НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.

Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2004.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–41. М., Л., СПб., 1965–2007.

Бюлер В. Е.,

Карельская государственная педагогическая академия

Мы строим город (топонимическое творчество петрозаводских школьников)

Одним из актуальных направлений современной лингвистики с ее антропологической направленностью является изучение детской речи.

В лингвистических исследованиях последних лет большое внимание уделяется феномену языковой личности и, в частности, аспекту реализации творческих возможностей человека в использовании языковых средств. Нам представилось интересным применить данные исследования в области ономастики, выбрав при этом творческие возможности детей разных возрастных групп. Перед нами стояли следующие вопросы: в каком возрасте наиболее полно проявляются творческие способности ребенка и он дает названия типа:

Не хочу мыться! улица Всё В Одном, Поворот Не Туда, станция Мазай, А Ну-ка Вылезай!, город То, что приходит в голову, набережная ШВВД (шепчущих волн во время дождя)?

С какого времени языковой стандарт (стереотип) «побеждает» и ребенок создает названия, которыми полна современная ономастическая система, его окружающая? Названия типа:

улицы Центральная, Гоголевская, Соломенская, Ленина, Энгельса, станция Шуйская, Центральная, площадь Гагарина, Центральная и др.

Основной целью нашего исследования стало выявление стереотипного и творческого начал при номинации географических объектов школьниками.

Объектом исследования являются лексические единицы (номинанты географических объектов) как продукт детского речетворчества.

Предмет исследования – механизмы номинации детьми географических объектов.

Новизна исследования заключается в том, что изучение названий географических объектов с точки зрения номинации, и с точки зрения языковой игры еще не становились объектом исследования, а также исследовано формирование представления исследуемых о номинации географических объектов и получено экспериментальное обоснование номинации географических объектов школьниками в связи с проведением лексико-ономастиологического эксперимента.

Такая ситуация, когда испытуемый находится перед проблемой придумывания названия (т. е. искусственной номинации) в ономастике (и шире ономастиологии) называется лексико-ономастиологическим экспериментом

²⁰ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 225.

(термин М. Э. Рут). Производящий лексический материал задан, и номинация осуществляется в рамках общей модели (в нашем случае это городские объекты, или урбанонимы).

При сборе информации от респондентов мы учитывали:

1) **возрастной критерий**. Среди школьников в нашем исследовании приняли следующие группы школьников, выделенные в соответствии с возрастной градацией, предложенной Л. С. Выготским¹:

- 1) младший школьный возраст (7—11);
- 2) средний школьный возраст (11—15);
- 3) старший школьный возраст (15—18)².

Необходимо также отметить, что абсолютно точно невозможно классифицировать респондентов относительно выделяемых возрастных групп. Выделяются также и переходные периоды. В частности, наблюдаются случаи индивидуального отступления от классификации (ребенок первой возрастной группы давал ответы подобные тем, что встречались во второй и третьей группах). Это объясняется в первую очередь уровнем развития самого информанта, энциклопедичностью его знаний.

2) Опираясь на исследования лингвистов, посвященные разному мировидению, отраженному в языке у лиц разных полов³, нами был введен также **гендерный критерий**⁴ при анализе материала (мальчики-девочки, юноши-девушки).

3) Б. Г. Ананьев, больше других занимавшийся проблемой половых различий в онтогенезе, не отрицал влияния окружения, воспитания, стереотипов, формирующих ожидания и поведение, т. е. гендерных различий⁵. Также, нами учитывались такие обстоятельства, как момент, когда производилось анкетирование, уровень знаний коммуникантов, социальный статус семьи⁶, т. е. все то, что можно назвать единым термином «контекст».

Методика проведения эксперимента

Нами была разработана анкета, с помощью которой проводился опрос. Респондентам было дано задание:

представить, что построен город, внутри которого никакие объекты еще не названы. Участникам эксперимента требовалось дать название объектам и объяснить, почему именно таким образом они называют.

Далее были перечислены практически все объекты, которые могут иметь любой город и пригород (улица, проспект, бульвар, озеро, река и т. д.).

Всего было предложено прономинировать 18 географических объектов.

Анкеты заполнялись индивидуально⁷, была дана установка на номинативный процесс без обмена мнениями. Приветствовалось варьирование номинаций (в некоторых случаях давалось до 10 номинаций одного объекта), также было высказано пожелание о кратком комментарии каждого данного названия. Целью эксперимента был сбор номинаций, которые затем уже явились материалом для различных исследований самого ономаσιологического процесса⁸.

По результатам собранного материала мы составили базу данных, используя разработки по компьютеризации топонимов М. В. Горбаневского, Г. М. Керта, А. К. Матвеева⁹. Наша база данных состоит почти из 2000 онимов.

---

¹ Следом за Л. С. Выготским подобные возрастные периоды выделяет и А. В. Петровский. См. Петровский А. В. Возрастная и педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1975. – С. 20–23.

² Выготский Л. С. Психология развития человека. – М., 2005. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/psycho/vugotskiy-psc_gazv_chel-8-konkretnaya_psihologiya_cheloveka.pdf.

³ Гендер и язык / под ред. А. В. Кириловой. – М., 2005; Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма. – М., 2003; Гриценко Е. С. Язык. Дискурс. Гендер. – Н. Новгород, 2005; Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – М., 1993. – С. 90–136; Каменская О. Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания, М., 2002. – С. 13–19; Кирилова А. В. Гендер: лингвистические аспекты. – М., 1999; Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М., 2005.

⁴ В 1980-е и 1990-е годы прошлого века в общественных науках выдвинули подходы, согласно которым все аспекты человеческого общества, культуры и взаимоотношений могут быть отнесены к гендерным. В отечественной психологии также становится все более значимым гендерный фокус рассмотрения проблем.

⁵ Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. – М., 1980; Горошко Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения (Психолингвистический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ин-т языкознания РАН, 1996. – 27 с.

⁶ Богданов В. В. Лингвистическая прагматика и ее прикладные аспекты // Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая и др. Прикладное языкознание. – СПб.: Изд-во С-Петербурга. ун-та, 1996. – С. 268–275.

⁷ В ряде случаев (особенно с первой возрастной группой) анкеты заполнялись родителями испытуемых и авторами эксперимента в силу возрастных особенностей детей. Первой возрастной группе пришлось объяснять и значение географических терминов, как *аллея*, *переулок*, *бульвар*, *водопад* и даже *набережная*. В остальных возрастных группах участники самостоятельно ориентировались при заполнении анкеты.

⁸ Более подробно о методике проведения ономаσιологического эксперимента см. Рут М. Э. Образная номинация в русской ономастике. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 137–138.

⁹ Горбаневский М. В. Новый подход к описанию топонимов как феномена русского языка, культуры, общества: компьютерные словари // Горбаневский М. В., Преснов В. В. Топонимика и компьютерная лексикография. – М.: Посев, 1993. – С. 8; Керт Г. М., Лебедев В. А. Возможности применения ЭВМ при исследовании топонимии Севера Европейской части СССР / Репринт; Ин-т языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. – Петрозаводск, 1988. – 18 с.

При занесении полученных результатов сохранялось авторское написание тех или иных названий географических объектов (сохранение орфографии, в некоторых случаях и пунктуации).

Были использованы следующие приемы проведения эксперимента:

- 1) участников анкетирования среднего и старшего школьного возраста просили самостоятельно заполнить анкеты без предварительной подготовки;
- 2) с респондентами младшего школьного возраста была проведена предварительная работа:
  - а) испытуемым перед заполнением анкеты была показана подготовленная схематичная карта-рисунок города;
  - б) проведена предварительная беседа о необходимости помощи детей в номинации объектов города;
  - в) показаны фотографии различных городов и внутригородского «ландшафта».

К анкете прилагалось творческое задание: нарисовать город своей мечты. Благодаря этим рисункам мы смогли представить себе гораздо полнее ту систему названий, которую предлагали респонденты для каждого конкретного города. Некоторые из творческих работ представлены на слайдах.

В самом начале нашего исследования мы предположили, что должен быть такой пласт в собранной нами лексике, где наиболее ярко проявятся творческие возможности респондентов.

У детей способности к творчеству складываются постепенно, проходя несколько стадий развития. Эти стадии протекают последовательно: прежде чем быть готовым к следующей стадии, ребенок обязательно должен овладеть качествами, формирующимися на предшествующих.

Наблюдения показывают, что в речи респондентов большое место занимает языковая игра. Она выступает как особый род комического, её также можно рассматривать как реализацию поэтической функции языка. Диапазон явлений языковой игры в речи испытуемых широк, но можно остановиться, например, на аббревиации:

– *набережная ШВВД (шепчущих волн во время дождя).*

Необходимо отметить, что во всех возрастных группах, кроме первой, если и используется известное название, то оно обязательно обыгрывается, за ним стоит обязательно некий (индивидуальный) образ:

– *город Зимний Юг («мне нравится зима, чтобы там падал снег, а лето было, когда я захочу, а осени совсем не будет, она мне не нравится»).*

Мы можем пронаблюдать и всплеск творческого подхода к нашему заданию и даже наблюдаем его коррекцию. Так, несколько человек сказали, что наше задание должно быть дополнено такими объектами, как *болото, лужайка, тупики, кладбище, библиотеки и даже столбы.*

Но языковая игра обнаружена нами не только на словообразовательном уровне, но и на лексико-семантическом (идет игра между содержанием слова и его внешней формой). Например:

- *шоссе Энтузиастов (м., 17 лет) – «по нему можно ездить только на танке»;*
- *перулок Гусеничка (дев., 9 лет) – «длинный и худенький»;*
- *река Волток (дев., 17 лет) – «ВОЛшебный поТОК».*

Таким образом, в речевом дискурсе лексическое словообразование проявляется либо через изменение значений слова, либо через выбор определенных слов для обозначения объекта. Подобные занятия, по мнению исследователей-методистов, учат умению пользоваться языковыми средствами в процессе совершения речевого акта и отталкиваются от конкретной ситуации, в которой осуществляется речевое действие.

Неоспоримым фактом является то, что топонимы являются составной частью общего лексикона ребенка. Анализ исследований детской речи показал, что имена собственные входят в детский лексикон с ранних лет. Процесс овладения топонимическим фондом языка сопровождается поиском внутренней формы слова, что объясняет различные модификации имен собственных в детской речи. Источниками становления детского топонимикона служат, прежде всего, речь окружающих ребенка людей, детская литература, устное народное творчество, детские кино- и мультипликационные фильмы, а также собственная лингвокреативная деятельность ребенка.

Исходя из общеязыковых принципов мотивации возникновения наименований географических реалий, мы выявляем сущность номинации как процесс рациональный, в котором отражается стремление человека зафиксировать с помощью словесных приемов признаки описываемого объекта. Ставший онимом апеллатив раскрывает признаки однотипных понятий. Мотивы номинации, как правило, универсальны, что порождает наличие лексических и словообразовательных моделей топонимов. В то же время мотивировка наименования объекта всегда особена, поскольку обусловлена теми факторами, в которых отражены мировоззрение, культура и традиции. В целях номинации используются слова, обозначающие типы объектов, имена людей и народов, названия растений и животных, важное событие, пространственный ориентир и многое другое.

Ребенок не принимает готовых форм, существующих в языке, а конструирует их самостоятельно, опираясь на существующие в языке образцы. Следовательно, процесс становления детского топонимикона — непрерывный поиск наиболее приемлемой формы, в высокой степени отвечающей потребностям ребенка в четкой идентификации, эмоционально значимой, семантически мотивированной и соответствующей традициям и своеобразной моде как детского коллектива, так и времени.

Таким образом, нельзя сказать, что всплеск творческого начала при номинации наблюдается только в определенных возрастных группах. Это индивидуальный процесс, который зависит от множества факторов,

начиная от кругозора ребенка и заканчивая социальной ситуацией в стране (*город Единороссовск-на-Жабозере*), ведь в целом экспериментальные данные являются относительными и лишь создают новую почву для раздумий.

М. Э. Рут отмечает, что экспериментальные данные **относительны** «и дело не в том, что они подчеркнута индивидуализированы: в конечном счете, индивидуальное всего лишь способ проявления общего. Трудность заключается в недостаточной отработанности умения моделировать номинативную ситуацию, недостаточном учете всех факторов, оказывающих влияние на ее реализацию»¹⁰. Действительно, возможно, от самых маленьких респондентов мы получили бы больше информации, если бы у нас была возможность создать игру в город. Влияло и понимание или непонимание в силу возраста неиспользуемости созданных номинаций. Старшее школьное звено и студенты часто использовали языковую игру, создавая громоздкие развернутые номинации. На наш вопрос, а может ли быть такое в реальной действительности, говорили – нет.

Вообще, как показал эксперимент, в целом в названиях петрозаводских школьников мало негатива, новое поколение, судя по названиям, хочет света, радости, тепла, достатка и даже, как показалось, некоторого ухода от реальности. Индивидуальный портрет каждой возрастной группы разнообразен: в названиях отмечается и увлечение учебной, и внеучебными делами, и просто богатая и развивающаяся эрудиция.

Но города, построенные школьниками с помощью топонимического творчества, не всегда являются яркими и индивидуальными. Зачастую их прототипом выступает сам город Петрозаводск, его топонимическое пространство. И когда респондент дает названия улицам в своем городе типа 1-й Гражданский переулок, 2-й Гражданский переулок, 3-й Гражданский переулок и т. д., то невольно в голове всплывают 6 Гвардейских переулков нашего города.

Конечно, стоит задуматься и о том, какой будет топонимическая система нашего города через, например, 20 лет, когда сегодняшние школьники станут членами городских топонимических комиссий по переименованию улиц. Будут ли сохраняться традиционные принципы и мотивы номинации?

Необходимо отметить, что проделанная работа – это далеко неконечный вариант исследования, осталось ещё много белых пятен, и множество новых вопросов возникало во время самого исследования (например, мы совершенно не исследовали акцентную сторону собранного материала), но этим и интересна поднятая проблема, что она даёт возможность рассматривать заявленную нами проблему в разных аспектах.

Попробуем представить мир без географических имен и мы поймем, насколько они важны и необходимы – ведь благодаря им все на Земле имеет свой адрес. Каждое название несет в себе обширную разнообразную информацию, если, конечно, разгадать его смысловое значение.

---

¹⁰ Рут М. Э. Образная номинация в русской ономастике. – М., 2008. – С. 149.

Раздел 2. Секция «История»

Данков М. Ю.,
Национальный музей РК

Судьба адмиралтейской шнявы царя Петра (О таинственном корабле «Лизет» на Балтике)

Восхищенные отзывы об удивительном адмиралтейском корабле «*Lisette*»¹ («Лизет») позволяли морякам, героям «марсовых потех», и иностранным судостроителям сравнивать царскую шняву² с «олонецким» фрегатом «Штандарт», первенцем балтийского флота. Под «ракетки» фейерверка, шнява «Лизет», в преддверии дня Св. апостолов Петра и Павла³, 14 июня 1708 года «сошла зело изрядно» в воды Невы⁴. Государь чтит триумфальную биографию «Лизет» и на протяжении восьми лет с нескрываемым пиететом и теплотой отзывался о неординарном балтийском судне.

Между тем запутанная история корабля оказалась вне исследовательского интереса специалистов. С этой точки зрения, попытаемся ликвидировать дефицит сведений и частично восстановить представления о нетипичном государственном судне. Тем более что сюжеты, связанные со шнявой «Лизет», действительно вызывают любопытство и способны помочь интерпретировать многие события начала XVIII столетия.

Можно допустить, первоначально царь Петр не считал строительство корабля, исключительно военным проектом. Скорее всего, шнява задумывалась не для морского боя, а как «семейное» судно для «хожения» по Балтике, с предназначением некоей «конфиденции» и дворцовых утех. В реальности все оказалось не совсем так. Боевой корабль «Лизет» на протяжении самых горячих лет Северной войны (1700–1721) с достоинством служил государственным интересам молодой России.

Итак, «мая 20 дня 1707 года» Петр I, подталкиваемый грозными событиями, из ставки русской армии на территории Речи Посполитой, из «местечка Якубовичев от Люблина в полумиле», предписывает Федосию Склеяву приступить к строительству в Санкт-Петербургском Адмиралтействе шнявы «Лизет»⁵. «Корабел из народа» как никто другой подходил к работе над новым проектом. До нас чудом дошли наставления, высказанные царем-шкипером, умудренному опытом мастеру. Из Европы на Балтику приходит рассуждение «Я знаю, что уже бригантины у Вас в отделке». Но это лишь подводка к главной идее Петра, прекрасно разбирающегося не только в людской психологии, но и в кораблестроительном искусстве. Государь предлагает «того для, чтоб по отделании оных Вам приняться за Лизету». Для этого убеждает Склеява, попытаться использовать новые технологические мысли «у шпангоутов обе стороны; окладные вдоль корабля обтесать, а края, которые вон и внутрь корабля, не обтесывать». Капитан командор советует «однакож шпангоуты, а на примере сказать: штевни приискать и киль, а не тесать»⁶. В этом письме, помимо профессионализма судостроителя, царь поражает своей тактичной формой обращения. Создается впечатление, Петр не отдает приказ, а рекомендует приступить мастеру к простому заказу.

Кстати, корабельная задумка рождалась не в самый благополучный период. Государь был погружен не только в военную стратегию, связанную с потерей союзника в лице Августа II Сильного, но и дворцовые интриги. Ранее в Якубовичах, разразился, пожалуй, один из самых головоломных скандалов. Отмечая свое тезоименитство, Петр I «сгоряча» из-за бывшей любовницы А. Монс, защищая А. Д. Меншикова, вызвал прусского посланника Г. И. фон Кейзерлинга⁷ на дуэль. И хотя дело «замяли», событие в штаб-квартире армии, поразило дипломатический мир Европы⁸.

Возможно, идея о новых балтийских судах в какой то мере позволяла унять душевные невзгоды и психологические срывы государя. Строительство шнявы «Лизет» Петр не случайно возложил на артель Ф. М. Склеява. Придворный кораблестроитель имел «звонкое» имя, а за плечами феноменальный послужной список. Начиная работу на Переяславском озере, а весной 1696 г. вместе с плотником О. Щеком, под руководством Ф. Тиммермана, П. Класа и Я. Янсена «на Воронеже» возводил знаменитую галеру «Принципиум». Позже в

¹ Юль Ю. Записки Юста Юля датского посланника при русском дворе (1709–1711). Перевод с Датского подлинника Ю. Н. Щербачев // Русский архив. Кн. 2. Вып. 7. 1892. С. 40.

² Шнява (нидерл. *Snauw*, нем. *Scnau*), тип небольшого парусного судна, распространенного в XVII–XIX вв. на Севере Европы и России.

³ День первоверховных святых апостолов Петра и Павла праздновался 29 июня/12 июля в память переноса реликвий из Рима в Сан-Себастиано.

⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. Пг., 1918. С. 212.

⁵ Собрание писем Императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. Ч. I. СПб., 1824. С. 32.

⁶ Собрание писем Императора Петра I к разным лицам... СПб., 1824. С. 32.

⁷ Георг Иоганн фон Ке(а)йзерлинг (?–1711) посол Прусского короля Фридриха I при дворе Петра I, с 18 июня 1711 г. женат на А. И. Монс. Однако 6 сентября 1711 г. (по другим данным 11 декабря) Кейзерлинг по дороге в Берлин скоропостижно скончался.

⁸ Кайзерлинг Г.-И. Фон. Дешпи королю Фридриху. 1707 (Под загл.: Георг Иоганн фон-Кайзерлинг, представитель короля прусского при дворе Петра Великого) // Русская старина. Т. 5. М., № 6. С. 803–844.

первом десятке волонтеров «шхипман» Ф. Склеяев обучался плотницкому искусству у баса Г.-К. Поля⁹, на верфи Ост-Индской компании в Амстердаме, а затем осваивал корабельную архитектуру и судовое черчение в Лондоне и Венеции. Вернувшись в Московию, он в Воронежском Адмиралтействе возводил линейные корабли «Гото Предестинация», «Ласточку», «Старый дуб» и «Старый орел».

В годы зарождения и становления Балтийского флота, «разумный плотник» Ф. Склеяев безусловно являлся не только доверенным лицом Петра I, но одним из ведущих кораблестроителей державы. О высоком статусе строителя «Лизет» можно судить по «Ведомости» 1710 г. о жалованье адмиралтейских служащих. Мастер Федосий Склеяев в год, получал 800 рублей, царь же, именовавшийся в бухгалтерских документах «*главнейший корабельный мастер Петр Михайлов*», лишь на 400 руб. более. При этом другие знаменитые строители русского флота Г. Меншиков, И. Кочет и Т. Лукин в расчетных ведомостях расписывались за 180 руб., а Л. Верещагин получал и того меньше, всего 80 рублей¹⁰.

Роль Склеяева также подтверждает ремарка пленного финского шведа Л. Ю. Эренмальма «*Из этих кораблестроителей я знал в Петербурге одного по имени Федосей (Fedosse)...он был порядочно искусен...его очень любил царь*»¹¹.

И хотя мастер предпочитал самостоятельно «разруливать» форс-мажорные ситуации, настоящим и единственным хозяином на верфи, безусловно, считался сам «*капитан - командор*»¹². Не случайно, английский посланник Ч. Уитворт в донесении от 6 июня 1705 г. подчеркивал, Петр I «*прекрасный мастер и еще прошлого года собственноручно построил корабль*»¹³.

Как бы там не было, шнява «Лизет» была заложена 30 ноября 1707 г.¹⁴, в день Св. апостола Андрея Первозванного на песчаном берегу Невы¹⁵, на эллинговом дворе Адмиралтейства. Датский посол Ю. Юль скромно охарактеризовал территорию плотбища «*верфь...занимает четверугольную площадь, ограниченную...Невою*»¹⁶. Здесь, напротив Васильевского острова (фин. *Hirvisaari*)¹⁷, через полгода после «якубовического» письма, «*заобычный тому делу*» Ф. Склеяев, приступил к возведению балтийской шнявы¹⁸.

Между тем, о времени закладки неевского судна до сих пор существует обидный хронологический разнобой. Некоторые историки, опираясь на малопонятные корреспонденции царя к Ф. М. Апраксину, о «*новозачатом*» корабле от 9 и 15 июля 1706 г. полагают, Ф. Склеяев заложил «Лизет» годом ранее, либо в июне-июле, либо в ноябре 1706 г.¹⁹

Малообъяснимый пассаж современного исследователя «*непосредственная подготовка к строительству...шнявы «Лизет» начата в июне 1706 г.*», однако «*судно заложено 30 ноября 1707 г.*»²⁰, представляет казуистическое заблуждение.

Между тем, «*Петр Михайлов, капитан от бомбардиров*» в корабельных торжествах закладки «Лизет» участвовать не мог. Осенью 1707 г. государь твердо «стоял» в Польше занимаясь комплектованием армии и обеспечением ее обмундированием и боеприпасами. В тоже время, сохранились известия как «по обычаю», царь себя вел на подобных церемониях. Мистерия начиналась с вбивания первого гвоздя в киль, который, смазывался дегтем²¹. Затем «*главный корабельный мастер*», поднимал фор и ахтерштевни будущего корабля, «*распоряжался...участвовал вместе с другими*» в разных операциях, «*где нужно...рубил топором*», которым

⁹ Памятники дипломатических сношений. Т. 9. СПб., 1868. стб. 1007.

¹⁰ Материалы для истории русского флота. Ч. III. Отд. II. № 3. СПб., 1866. С. 243.

¹¹ Архив СПбФ ИРИ РАН (микрофильм) *Ларс Юхан Эренмальм*. Состояние России при Петре I // *Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstand under Peter I*. P. 63, 211. Подлинный список работы Н-195 находится в рукописном отделе Библиотеки Упсальского университета, а белой автограф в Sveriges Riksarkivet. Manuskriptsamlingen (Государственном архиве Швеции). См. также *Беспярых Ю.Н.* Иностранцы источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 245.

¹² *Дыгало В. А.* Откуда и что на флоте пошло. Под ред. Капитана 1 ранга И. Ф. Цветкова. М., 1993. С. 312.

¹³ *Витворт Ч.* Донесения Ч. Витворта статс-секретарю Гарлею / Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник РИО. Т. 39. СПб., 1884. С. 115.

¹⁴ *Елагин С. И.* Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого. 1702–1725. СПб., 1867. С. 32; *Веселаго Ф. Ф.* Общий морской список. Ч. 1. От основания флота до кончины Петра Великого. СПб., 1885. С. 5.

¹⁵ Первоначально деревянные корпуса Санкт-Петербургского Адмиралтейства являлись одноэтажными, мазанковыми и были окрашены под кирпич. Позже Адмиралтейство представляло «П» образный двухэтажный корпус со шпилем и часовой башней. Известен недатированный чертеж Адмиралтейства с собственноручной резолюцией Петра I. Длина и ширина главного фасада здания составляла 830 x 23 фута (253 x 7 м). Наружная стена была глухая, окна и двери, за исключением парадной лицевой стороны, выходили во внутренний двор к Большой Неве, где размещались эллинги для строительства кораблей.

¹⁶ *Юль Ю.* Записки Юста Юля датского посланника при русском дворе (1709–1711). Перевод с Датского подлинника Ю. Н. Щербачев // Русский архив. Кн. 2. Вып. 5. 1892. С. 39.

¹⁷ Васильевский остров (фин. *Hirvisaari*-Лосиный остров), является самым большим островом в дельте р. Невы.

¹⁸ Письма Петра Великого к князю Федору Юрьевичу Ромодановскому // Русский архив. Изд. 2-ое. М., 1866. С. 30.

¹⁹ *Кротов П. А.* Первая кораблестроительная программа Балтийского флота 1703 года // История отечественного судостроения. Т. 1. Парусное и деревянное судостроение IX–XIX вв. Гл. 9. СПб., 1994. С. 106; <http://allfleet.info/par/shnyavativ.htm>.

²⁰ *Пчелин Е. В.* Имена в семье Петра Великого // Петровское время в лицах-2011 : материалы науч. конф. ТГЭ. [Т. LVIII]. СПб., 2011. С. 312.

²¹ *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1715 год // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 190.

владел «искуснее, нежели все прочие...плотники». После этого снимал «пред стоящим...генерал-адмиралом шапку»²² и спрашивал «начинать ли» и, получив подтверждение, вновь принимался «за свою работу»²³.

Любопытно, что «покорность и послушание» монарх оказывал не только Ф. Апраксину, но «всем старшим лицам» желая личным примером показать, как надлежит относиться «к своему начальству». Затем на корабль поднимался «штангоут...флаг и гюйс»²⁴. По сообщению Ю. Юля, гюйс имел красный цвет «с голубым из угла в угол андреевским крестом» и белой каймой.

Завершая церемонию закладки корабля, с бастioned Адмиралтейства бомбардиры «палили из орудий» тем самым подавался сигнал к «доброй выпивке», которой начинаются и завершаются «все русские торжества»²⁵. Голштинский посланник Ф. В. Берхгольц отмечал «их величество» тут же «со всеми присутствовавшими» отправлялся «в флаговый зал, где приготовлена была закуска» а под потолок укреплены «флаги, знамена и штандарты» захваченные в бою у шведов²⁶.

Отсутствие Петра I при закладке шнявы «Лизет» не помешало за неделю до торжеств, на «самом высоком градусе» отметить заслуги Ф. М. Склаева. Талантливый судостроитель, 23 ноября 1707 г., из рук адмирала Ф. М. Апраксина получил «нас мастерский» и был пожалован чином поручика морского флота со званием корабельный мастер²⁷. Событие с «горящими эмблемами» и фейерверком, состоялось в день тезоименитства А. Д. Меншикова²⁸, при вице-адмирале К. И. Крюксе. Государь писал первому генерал-губернатору Петербурга «В сей день Святого Александра...дай Боже, чтоб у вас такое было веселье»²⁹.

На «банкете» известные русские моряки И. А. С(е)инявин и И. К. Муханов, только что освобожденные из шведского плена³⁰, были пожалованы в чин поручика и подпоручика, а Е. А. Скворцов произведен в боцманы³¹. Биографии этих славных «людей моря» феноменальным образом, скоро переплетутся с судьбой царского корабля «Лизет».

Тем временем возведение шнявы, как и других адмиралтейские судов, не могло обойтись без использования «stocks», специальных деревянных конструкций из рам и столбов поддерживающих «корабль...в процессе строительства»³². Термин в судостроительную культуру ввел Ч. Уитворт, хотя в русских источниках чаще употреблялось понятие «блок», позднее «киль-блок» или «стапель-блок».

Таким образом, к началу лета 1708 г. корабль «Лизет» все еще «пребывал в отделке». Царь, вернувшись в «Город», успел «зачать» Трубецкой бастион Петербургской крепости, а 30 мая «в доброй компании весело» отпраздновал свой 36 день рождения. Две «бразных» недели, очевидно, закончились 14 июня 1708 г.³³, в этот день монарх, скорее всего, принял участие в спуске легендарного парусника, который уже своим видом оправдывал ожидания монарха. К сожалению, в распоряжении исследователей отсутствуют достоверные свидетельства о присутствии Петра при «сбивании» шнявы «Лизет» в воды Невы.

Тем не менее, используя более поздние сведения «Дневника» Ф. В фон Берхгольца, можно реконструировать красочное событие спуска «Лизет», которое «обыкновенно» начиналось по сигналу пушечного выстрела после обеда. К этому времени царь уже «прилежно трудился», ведь «он всегда сам смотрит за всем» так как «знает это дело...лучше всех русских»³⁴. Петр непременно обходил вокруг корабля, залезал «под подмости у килля» не случайно «его величество...верит только собственным глазам». Затем государь поднимался на палубу и приказывал освятить судно. Через мгновение, царь должен был «собственноручно сделать первый удар при отнятии подмостков», ведь корабль обычно «прикреплен большими железными балками к полозьям (schlitten) намазанным жиром». Отметим, на Русском Севере традиционно использовался моржовый жир, а «на Воронеже», специально перетопленный бараний, который, считался наилучшей корабельной смазкой. Благодаря «животному раствору» парусник «как стрела» скатывался в воду кормой вперед по «насаленным» спусковым дорожкам, а поперечные балки удерживающие судно «отдергивались веревками». При спуске полозья ломались «вдребезги», а остатки балок сбивались позже. В этот момент с деки судна раздавались звуки литавр и труб. Музыка сливалась «с шумными восклицаниями народа». Финальной точкой ритуала, как и при закладке корабля, была «пушечная пальба

²² Имеется в виду «генерал-адмирал» Апраксин Федор Матвеевич (1661–1728) российский государственный деятель. С 1707 г. адмирал и президент объединенных Военного Морского и Адмиралтейского приказов.

²³ Юль Ю. Записки Юста Юля датского посланника при русском дворе (1709–1711)...1892. С. 39.

²⁴ Гюйс введен в России в 1709 г. Он поднимался на бушприте военного судна.

²⁵ Там же С. 41.

²⁶ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Берхгольца...С. 190.

²⁷ Скрицкий Н. В. Самые знаменитые кораблестроители России. М., 2002. С. 27. Ошибочно (23 октября 1707 г.) указана дата присвоения Ф. Склаеву звания «корабельный мастер».

²⁸ Генерал-аншеф А. Д. Меншиков 30 мая 1707 г. пожалован титулом светлейшего князя Российского и герцога Ижорского.

²⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 6. СПб., 1912, № 2081. С. 168.

³⁰ Боцман Иван Акимович Синявин и гвардеец Ипат Калинович. Муханов, находились в шведском плену с 1705 по 1707 гг. Не раз их судьбы переплетались. Так 13 мая 1723 г., капитан 1 ранга И.К. Муханов, на основании приказа Адмиралтейств-коллегии, принял от капитан-командора И. А. Синявина заведование морскими командами в Санкт-Петербурге.

³¹ Андреева Н. А., Тронь А. А. Рождение Петербурга. СПб., 2011. С. 140.

³² The Oxford English Dictionary. Vol. 10. Oxford 1970. 10. P. 990.

³³ Андреева Н. А., Тронь А. А. Рождение Петербурга ... С. 168.

³⁴ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Берхгольца... С. 184.

в крепости и в Адмиралтействе»³⁵. Если допустить, что «сброс на воду» шнявы «Лизет» имел схожий сценарий, то вырисовывается торжественная и многозначительная картина.

Всего с 1703 по 1714 г. в составе Балтийского флота появилось 16 шняв построенных на рр. Свирь и Нева, однако «Лизет» выделялась среди всех.

Что же представлял собой балтийский корабль царя Петра? Касаясь технических данных, отметим любопытное обстоятельство, судно отдаленно напоминало фрегат «Штандарт» возведенный летом 1703 г. на Олонецкой верфи³⁶. «Лизет» имела заостренную форму корпуса без юта и полубака. Своеобразие конструкции выразилось в выдержанных «розмерениях» корабля имеющего длину 76 ф., и ширину корпуса 22 ф.³⁷, что в переводе на современную метрическую систему единиц, составляет 23,16 x 6,7 м.

Более скромные, чем у легкого фрегата характеристики «Лизет» свидетельствовали о значении, которое Петр, придавал «полугражданскому» кораблю, предназначенному для крейсерства на Балтике, вблизи неприятеля. Верткий ход и маневренность не отрицали армейскую мощь судна, на котором размещалась команда из 90 «морских служителей»³⁸. Сведений о водоизмещении корабля не сохранилось, но можно допустить, оно, как и у других шняв, не превышало 150 тонн³⁹. Судя по всему, «штучный» корабль Ф. Склеява обладал достаточно необычным парусным вооружением. Отметим, «олонецкие» и «адмиралтейские» шнявы нач. XVIII в., имея сплошную палубу, без надстроек, традиционно оборудовались двумя мачтами. Однако «Лизет» вопреки «обычаю» несла на одну мачту больше. Это противоречит классическому пониманию корабля, как двухмачтового североевропейского судна, имеющего прямое парусное вооружение брига, на котором за грот-мачтой с гафельным парусом без гика, иногда находилась лишь тонкая шняв-мачта несущая скромный гафель.

Наш взгляд о своеобразии рангоута «Лизет» подтверждают две гравюры голландского художника П. Пикарта. Одна из них посвящена походу русской эскадры, к шведскому Выборгу в 1710 г., в составе которой находилась шнява «Лизет» с «*chevalier de Michailow*»⁴⁰ на борту. На аннотированной гравюре в клубах пушечного дыма запечатлено судно с поднятыми парусами на трех мачтах. На другой работе, относящейся к 1716 г., также изображена трехмачтовая «Лизет» вместе с «Дианой», «Самсоном» и «Принцессой» у острова Борнхольм в Балтийском море¹⁹.

По аналогии со «свирскими» судами, паруса балтийской шнявы, шились, очевидно, из разных типов полотна. Для грота, фока, марселя, бизани, стакселя и блинда использовался «канифас». На бовен-блинд шло «фламское» полотно, а фор-стенг-стаксель шился из «олонецкой» ткани²⁰. В этом смысле во многом экспериментальное судно действительно можно считать этапом на пути поиска «*доброй пропорции*» в отечественном кораблестроении.

Об артиллерийском парке «*нововозачатой*» в Петербургском Адмиралтействе «Лизет» можно сказать следующее. Английский моряк на русской службе Дж. Ден,²¹ очевидец событий, упоминал, шнява вооружена 14 орудиями²². Однако датчанин Ю. Юль приводит «*Росписи судов, вооружения и команды*», где «за скрепою» вице-адмирала К. Крюйса отмечает «*ssh nauwe «Lisette»* имеет 18 пушек²³. Между тем, современные историки считают, на борту корабля находилось 16 орудий малого 3-х и 6-ти фунтового калибра²⁴. В этом смысле, на квар-деке «Лизет» скорее всего были смонтированы «*тяжелье и толкостенныя*» пушки прежней отливки. К передовой технологии лить стволы «*толщиною в швецкую препорцию*»²⁵, а также используя «*пушечные препорцы*»,

³⁵ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Берхгольца... С.186.

³⁶ Фрегат «Штандарт», построенный голландским мастером Выбе Геренсом, имел длину 90 ф., и ширину 24 фута (27,5 м. x 7,3 м, осадка 2,7 м. – М.Д.). Экипаж 120 человек, на закрытом деке, баке и юте корабль нес 28 пушек 8-, 6- и 3-фунтовые. Фрегат спущен на воду 22 августа 1703 г. См. Елагин С. И. Список судов Балтийского флота... С. 2.

³⁷ Елагин С. И. Список судов Балтийского флота... С. 32.

³⁸ Юль Ю. Записки Юста Юля датского посланника при русском дворе (1709–1711)... С. 40; Некоторые источники сообщают, шнява «Лизет» имела на борту команду 80–100 человек. См. <http://allfleet.info/par/shnyava-tip.htm>.

³⁹ <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

⁴⁰ Юль Ю. Записки Юста Юля датского посланника при русском дворе (1709–1711)... С. 327.

19 Гравюра П. Пикарта «Русский, английский и датский флоты под командованием Петра I у о-ва Борнхольм в Балтийском море в 1716 г.» опубликована в кн.: Кротов П. А. Судостроительные программы Балтийского флота 1707, 1715 и 1717–1718 годов // История отечественного судостроения. Т. 1. Парусное и деревянное судостроение IX–XIX вв. Гл. 11. СПб., 1994. С. 135.

20 Кротов П. А. Первая кораблестроительная программа Балтийского флота 1703 года... С. 103.

Russian Fleet during the Reign of Peter the Great » // By A Contemporary Englishman 1724 (История российского флота в царствование Петра Великого). Не путать с Deane John, его дядей, английским кораблестроителем, «сговоренным» на русскую службу в 1698 г. См.: Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Первое европейское путешествие царя Петра. Аналитическая библиография за три столетия 1697–2006. СПб., 2008. С. 137, 434.

22 [Ден Дж.] История российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1897. С. 16.

23 Юль Ю. Записки Юста Юля датского посланника при русском дворе (1709–1711)... С. 40.

24 Андреева Н. А., Тронь А. А. Рождение Петербурга... С. 132; Скрицкий Н. В. Самые знаменитые кораблестроители России... С. 26; Красицов В. А. Неизвестная война Петра Великого. СПб., 2005. С. 129; <http://allfleet.info/par/shnyava-tip.htm>; http://militera.lib.ru/h/shirokorad1/4_09.html.

25 РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 248. Л. 130 об.

заимствованные «из аглинской земли» на Петровском железоделательном заводе на р. Лососинке приступили лишь в 1710 г.²⁶

Как бы там не было, балтийское судно, быстро завоевало репутацию, пожалуй, самого изящного, быстроходного и легкого в управлении корабля России. Совершенная «Лизет», имея изумительную «пластичность формы», легкий ход и маневренность, действительно выделялась среди балтийских судов. Не случайно управляющий Адмиралтейством, в недавнем прошлом «валентир» Ост-Индской верфи, а позже мачт-макер «на Олонце» Александр Кикин²⁷ в январе 1709 г. позволил еще раз напомнить взыскательному государю о выдающихся свойствах корабля демонстрирующего превосходные мореходные качества²⁸.

Между тем, о балтийской шняве «Лизет» до сих пор существует не малая путаница, которая порой приводит к существенным и обидным недоразумениям. Оказывается в начале XVIII столетия, в России одновременно существовало две однотипных шнявы имеющих название «Лизет». В 1710 г. на Воронежской верфи английский мастер С. Робинсон²⁹, принятый на государеву службу, а также И. Немцов «первый из русских учеников», заложили одноименное судно³⁰.

Корабль, построенный для Азовской флотилии, был спущен на воду в июне 1711 г.,³¹ но учитывая «грабительские» условия Прутского мирного договора, ничем не успел себя проявить³². Заметим любопытное совпадение, шняву Ф. Склеяева также «сбили» на воду в июне месяце, правда, на три года ранее. Сведения о воронежском судне «Лизет», достаточно мутные, тем не менее известно, что судно несло 14 коротких орудий четырех фунтового калибра. С августа 1711 г. капитан-командор П. П. Бредель³³, норвежец по происхождению перебравшийся в 1703 г. в земли Московии, стал капитаном корабля. Представляет интерес, что через двадцать лет, после командования азовской «Лизет», П. Бредель сыграл немалую роль в возведении на императорский престол курлянской принцессы Анны Иоановны³⁴.

В 1712 г. после вынужденного расформирования русского флота в Азове и неудачной попытки переправить «Лизет»³⁵, из Таганрога, через Средиземное море вокруг Европы и Скандинавии на Балтику³⁶, судно вместе с кораблями «Гото Предестенация», «Ласточка» и «Мункер», было продано Османской империи за 27167 венецианских червонцев³⁷.

Теперь коснемся другой мифологемы, связанной с названием шнявы. На первый взгляд, напрашивается «формальный допуск» о том, что судно «Лизет» получило имя в честь обожаемой дочери царя Елизаветы Петровны³⁸. Однако заблуждение легко рассеивается, ведь Елизавета родилась на два года позже закладки корабля³⁹.

Звучит парадоксально, но скорее всего «четвертную лапушку», как звал Петр I ползающую на четвереньках младшую дочь, будущую российскую императрицу, саму назвали в честь царской шнявы. Кроме того государь

---

26 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. 2. М., 1977, № 5575. С. 153. См. также Кротов П. А. Судостроительные программы Балтийского флота 1707, 1715 и 1717–1718 годов // История отечественного судостроения. Т. 1. Парусное и деревянное судостроение IX–XIX вв. Гл. 11. СПб., 1994. С. 126.

27 Кикин Александр Васильевич (1670-1718), деятель петровского времени, дворянин. В 1707 г. в его ведение перешло Петербургское адмиралтейство, кроме специальных адмиралтейских дел. Он наблюдал за постройкой дворца, посадкой дубовой рощи, делал рисунки морских сигналов и исполнял различные поручения Петра I.

28 Письма и бумаги Императора Петра. Т. 9. Вып. 2. Примечание к № 3019. М.–Л., 1950. С. 634; Материалы для истории русского флота. Ч. I. СПб., 1865. С. 148.

29 Англичанин Самуэль Робинсон (Робертсон) в июле 1710 г. принят на русскую службу в капитаны со званием корабельного мастера. Работал на Воронежской верфи.

30 Богатырев И. В. Судостроительная база Азовского флота в 1700–1724 гг. // Судостроение № 8. 1987. С. 57–60.

31 Некоторые специалисты считают, что точное время постройки воронежской «Лизет» неизвестно. См. Попов Ю. М. Лизет // Нева. № 4. 2000. С. 244–245; Пчелов Е. В. Имена в семье Петра Великого // Петровское время в лицах – 2011 : материалы науч. конф. ТГЭ. [Т. LVII]. СПб., 2011. С. 312.

32 Богатырев И. В. Судостроительная база Азовского флота ... С. 57–60. Интересно, что исследователь вообще не упоминает какие либо боевые действия воронежской шнявы «Лизет».

33 Бреде(а)ль Петр Петрович (Peter Bredal) [1683–1756], один из ведущих моряков отечественного флота. Родился в Норвегии в г. Веяе. Служил в Дании, но с 1703 г. иностранец принят в чине унтер-лейтенанта на русскую службу. С 1709 г. капитан-лейтенант. В 1733 и 1741 гг. командир порта в Архангельске. С 1735 г. воссоздал Азовскую флотилию, которой командовал в русско-турецкой войне 1736–1739 гг. В 1737 г. присвоено звание контр-адмирала. В 1742 г. оказался в опале.

34 После смерти 24 января 1730 г. Петра II, правящая элита страны решила возвести на императорский трон курлянскую принцессу Анну Иоановну. С этой целью за ней был отправлен капитан П. П. Бредаль, главный командир порта г. Ревель. См. Богатырев И. В. Строительство флота при преемниках Петра I // История отечественного судостроения. Т. 1. Парусное и деревянное судостроение IX–XIX вв. Гл. 7. СПб., 1994. С. 179.

35 <http://www.shipmodeling.ru/phpbb/viewtopic>.

36 Доценко В. Д. Строительство Азовского флота. Великое посольство. Керченский поход // История отечественного судостроения. Т. 1. Парусное и деревянное судостроение IX–XIX вв. Гл. 7. СПб., 1994. С. 82; Красиков В. А. Неизвестная война Петра Великого... С. 137, 466.

37 Елагин С. И. История русского флота: Период Азовский. Приложения. Ч. II. Прил. IV. СПб., 1864. С. 129, 131.

38 В этой статье автор корректирует свое ошибочное мнение о том, что шнява «Лизет» названа в честь Екатерины Алексеевны, дочери Петра I. См. Данков М. Ю. Вирази судьбы английского комендора в петровской России // Петровское время в лицах – 2011 : материалы науч. конф. ТГЭ. [Т. LVII]. СПб., 2011. С. 130.

39 Елизавета Петровна, дочь Петра Алексеевича и Катерины Василевской (Екатерины I), родилась в с. Коломенском 18/29 декабря 1709 г.

задолго до рождения дочери находился под обаянием редкого на Руси имени Елизавета, зачастую произносимого Елисавет. Это женское имя в фонетической форме «Лизетта» по сложным, видимо психоделическим причинам, царь выделял среди прочих⁴⁰.

Во всяком случае так Петр I величал любимую рыжую домашнюю собаку «англинской породы»⁴¹. Скорее всего, это подарок А. Д. Меншикова, который в марте 1705 г. презентовал гладкошерстного терьера царю⁴². Во всяком случае впервые имя собаки «Лизет Даниловна» встречается в депеше государя от 24 марта 1706 г. генерал-аншефу А. Д. Меншикову⁴³. Однако особо следует упомянуть верховую рыжую лошадь, персидской или ахалтекинской породы, имеющей изумительную кличку «Лизетт»⁴⁴. Кобыла была приобретена у маркитантов осенью 1705 г. под Ригой и находилась рядом с монархом в самые ответственные моменты истории, в Полтавском сражении (1709), Прутском (1711) и Персидском (Каспийском 1722–1723) походах.

Но если вернуться к флоту, «подспудно» хочется название балтийской шнявы «Лизет» более ассоциировать с именем дочери Елизаветы, а не животных. Не случайно, боевой корабль достаточно быстро приобрел репутацию «семейного судна». Мог ли Петр представить, что уже 1 мая 1710 г. будет плыть в финских шхерах на шняве «Лизет», а в депешах передавать приветы своей большой семье, так переменявшей его холостяцкую жизнь «*Отдай мой поклон сестре, невестке, племянницам и прочим домашним. Маленьких поцелуй, а наипаче всех и наибольшие всех и наивяще всех поклонись*» ползающей на четвереньках младшей дочери Елизавете, рожденной, как и Анна, вне брака.

На палубу «фамильного» судна поднималась не только элита флота, представители русского истеблишмента, но также самые близкие члены царской семьи. Это стало возможным после переезда почти всех домочадцев государя зимой 1712 г. из Москвы на берега Невы. На постоянное место в Петербург перебрались царевна Наталья Алексеевна, царица Марфа Матвеевна и Прасковья Федоровна с дочерьми, не говоря о Екатерине Алексеевне Михайловой⁴⁵ с дочками Анной и Елизаветой. В этом смысле мнение личного токаря царя А. Н. Нартова не является выдумкой «*Государь...имея страстную охоту к водяному плаванью ...желал также приучить и фамилию свою*». Кроме того, Петр в год спуска шнявы «Лизет» уверенно заявлял генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину «*Я приучаю семейство мое к воде*» и далее продолжал «*кто хочет жить со мною, тот непременно «должен часто бывать на море»*⁴⁶.

В этом смысле «Лизет» порой играла роль домашней квартиры или, точнее сказать, плавающей резиденции первого лица страны. Датский посланник Ю. Юль, понимая значение, придаваемое царем любимому кораблю, 20 июля 1710 г. как бы невзначай сообщал «*лейб-шнява Лизета*» вернулась в российскую столицу, где государь «*проспал на судне до 11 ч. утра*». Но только после сигнала «*с Лизеты...в крепости подняли штандарт*» и провели торжественную литургию, а с бастионов раздались «*выстрелы из всех орудий на крепостном валу*»⁴⁷. В этом смысле ремарка диплома означает, общественная жизнь столичного Петербурга начиналась не ранее, чем утреннее пробуждение на шняве «Лизет».

К тому же, Петр самозабвенно любил использовать судно в виде своеобразного «санатория на воде». Голштинский граф Г. Ф. Бассевич замечал, царь при недомогании непременно перебирался на комфортный для него корабль, с абсолютной уверенностью, «*морской воздух*» Финского залива «*возстановлял здоровье*». Именно поэтому государь «*редкий день пропускал не подышав этим воздухом*»⁴⁸. Для этого Петр брал «*одного или двух приближенных*», и на целый день с единственной целью «*развлечься и отдохнуть от умственных занятий*» отправлялся в морское путешествие к Кроншлоту⁴⁹.

Стоит упомянуть, шнява «Лизет» не раз выступала в роли отменной морской ресторации на Балтике. Вспомним завораживающее сообщение Ю. Юля об одном из наиболее скандальных, но любопытных эпизодов пребывания датчанина на борту корабля⁵⁰. Посол короля Фредерика IV при русском дворе 21 мая 1710 г. азартно, но с обидой повествует «*Такой великой и здоровой попойки и пьянства здесь*», на шняве «Лизет» никогда «*еще не бывало*». А случилось следующее. Сначала морская бражная компания, а затем сам Петр, лавивший за дипломатом

⁴⁰ Пчелов Е. В. Имена в семье Петра Великого... С. 310.

⁴¹ Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 280; Слепкова Н. В. Тиран Петра Великого // Лев. № 1, 2005. С. 8–11.

⁴² Попов Ю. М. Лизет... С. 244–245.

⁴³ Цит. По ст.: Слепковой Н. В. Тиран Петра Великого... С. 8–11.

⁴⁴ Слепкова Н. В. Рыжая лошадь государева седла // Лев. № 2, 2005. С. 22–26.

⁴⁵ Катерина Василевская по другой, менее оправданной версии Марта Самуиловна Скавронская, будущая императрица Екатерина II. После крещения (1707 или 1708) в православную веру, инкогнито стала именоваться Екатериной Алексеевной Михайловой, поскольку крестным отцом являлся царевич Алексей Петрович, а фамилию Михайлов использовал сам царь. Весной 1711 г. Петр I привязавшись к обаятельной и легкой нравом любовнице-служанке, перед Прутским походом, повелел считать Екатерину своей женой. Официальное венчание Петра с Екатериной Алексеевной состоялось 19 февраля 1712 г. в церкви Исаакия Далматского в Петербурге.

⁴⁶ Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого... С. 306.

⁴⁷ Юль Ю. Записки Юста Юля датского посланника при русском дворе... Кн. 3. Вып. 9. 1892. С. 11.

⁴⁸ Бассевич Г. Ф. Записки графа Бассевича служащие к сведению некоторых событий из времени царствования Петра Великого (1713–1725) // Русский архив. Изд. 2-ое. Перевод с франц. И. Ф. Аммонса, Предисловие к Русскому переводу П. И. Бартенева. М., 1867. Стб.197.

⁴⁹ Юль Ю. Записки Юста Юля датского посланника при русском дворе... Кн. 3. Вып. 9. 1892. С. 14.

⁵⁰ Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1900.

на «*фокванты держа в зубах...стакан*» попытались иноземца преднамеренно спойть. Юст Юль не «*успел отвалить*» и миролюбивому, но сильно захмелевшему посланнику, пришлось в аффекте «*выхватить из ножен шпагу*». Слава Богу, до кровопролития, дело не дошло, но царь «*в грубых выражениях пригрозил*», и через сутки посол вынужденно извинялся «*Я дважды пытался съехать с «Лизеты», но если бы отпустили, то всего этого не случилось бы*»⁵¹.

Между тем нелицеприятная история меркнет, когда узнаем, шнява «Лизет» могла использоваться не только как «профилакторий» или «аустерия», но, что более страшно, в виде балтийского «эшафота». Оказывается, на корабле, ставшим «фамильным», очевидно не раз приводились в действие смертельные приговоры. Петр не гнушался в море с хладнокровной деловитостью казнить провинившихся людей. В этом смысле царь действительно огромное значение придавал строгой дисциплине, особенно на флоте. Так, об одном из морских судилищ над тремя дезертирами, случившимся в августе 1710 г. сообщает тот же Ю. Юль. Сначала шаутбенахт «*велел...метать жребий о виселище*», затем требовал несчастного, чей «*жребий вынулся*» поднять «*на веревке к палачу*», который в ожидании экзекуции сидел на фок-мачте. После зачитывания приговора, и «*утешения*» священника, обреченный моряк в ожидании расправы крестился и прощался «*с окружающими без печали*» точно не видел в повешении «*ничего горького*»⁵².

В тоже время, по мнению шведа Л. Ю. Эренмальма, государь часто смягчал смертельный приговор «*переломом шпаги офицера*», после чего «*бесчестный человек должен*» был «*покинуть...Россию*»⁵³. В других случаях, о чем осенью 1711 г. Петр I сообщал А. Д. Меншикову, над виновными моряками требовалось «*ежели сыщется*» лишь «*учинить экзекуцию по правам*»⁵⁴.

Но история балтийского судна связана не только с курьезами и мрачными эпизодами петровского времени. Как ни странно именно «Лизет» в ноябре 1710 г. косвенно сыграла знаковую роль в укреплении династических традиций России и Западной Европы. Речь идет о свадьбе царевны Анны Иоановны и курляндского герцога Ф. Вильгельма, состоявшейся в Петербурге в деревянном дворце А. Меншикова. Оказывается после заздравных чаш, которые на правах «*маршала*» провозглашал государь служивший «*за столом*», обязательно «*делалось по 13 выстрелов*» из орудий береговых батарей и с борта «*семейной*» шнявы «Лизет», стоявшей рядом с дворцом на якорях⁵⁵.

В тоже время считать государеву шняву лишь кораблем, обеспечивающим дворцовые протоколы, увеселительные и оздоровительные прогулки по Неве, утети и бесшабашные пьянки, после которых зачастую совершались смертельные экзекуции, было бы серьезным заблуждением. Боевое предназначение «Лизет», приносящей царю «*фарт*», однозначно являлось самой яркой и доминирующей страницей в судьбе петровского судна. С апреля 1709 по ноябрь 1711 гг. «Лизет» вместе с эскадрой успешно защищала от шведов о. Котлин. Корабль находился на Кроншлотском рейде, откуда под командованием английского капитана Я. Валронта⁵⁶, совершал опасные крейсерские походы в близкую и далекую Балтику.

Звездный час шнявы, именуемой «натасканный» экипаж, связан со спасением весной 1710 г. русского флота и атакой этим же летом Выборгской цитадели. Царь Петр под именем «*арьер-адмирала дворянина Михайлова*»⁵⁷ в апреле 1710 г. после вскрытия льда на Неве, поднял флаг на шняве «Лизет» и вышел к Кроншлоту. Флот Ф. М. Апраксина состоял из 250 фрегатов, галер и шняв. У Березовых островов корабли провели разведку ледовой обстановки. На следующий день выяснилось, что «*за великим льдом*» далее «*пройти невозможно*». Пребывая на «Лизет», обескураженный государь предложил вместе со шнявами «Дегас» и «Феникс» оказать помощь в «*протаскивании*» эскадры вдоль южного берега Финского залива. Однако 6 мая началась подвижка льдов, которая грозила раздавить галеры и военные транспорты. Петр дал отмашку фрегату «Думкрат» и бомбардирскому галиоту спасать дрейфующие «*в конечном отчаянии*» суда. Сам же на верткой «Лизет» ухитрился «*проскользнуть*» сквозь льды к флоту, встать на якорь, завести швартовы, и тем самым удержать кренящиеся корабли. Спасенные суда 7 мая выдвинулись к Березовым островам, где соединились с транспортными кораблями, галерами и фрегатами К. Крюйса. Через десять дней, обеспечив осадный корпус припасами, Петр на шняве «Лизет» возвратился в Петербург, а Выборгский замок 12 июня 1710 г. на «*каккорд*» был взят русской армией.

---

⁵¹ Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 107–109.

⁵² Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // Петр Великий... С. 114–115.

⁵³ Архив СПбФ ИРИ РАН (микрофильм). *Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstand...* Р. 226. См. также *Беспярых Ю. Н.* Иностранные источники по истории России... С. 349.

⁵⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 2. М., 1964, № 4860. С. 232.

⁵⁵ Юль Ю. Записки Юста Юля датского посланника при русском дворе... Кн. 3. Вып. 9. 1892. С. 36; См. также *Андреева Н. А., Тронь А. А.* Рождение Петербурга... С. 172. Упоминается «...раздавалось от 11 до 14 выстрелов».

⁵⁶ Ян Валронт (Вальронд, Валрант, Вальронт, Вальсрантов, Волрань), Jan или Jonn (Walront, Walrond), [? – ум. 05.12.1729, по другим данным 13.10.1729]. Английский и русский морской капитан прибыл в Архангельск 3 июня 1698 г. С 1704 г. экипажмейстер Олонецкой верфи, позже Адмиралтейской верфи. С 1709 по 1711 гг. капитан шнявы «Лизет». В 1713 г. по неизвестной причине Валронт «отлучен» от моря. В 1729 г. имея должность «командира брандвахтенного поста», скончался в Архангельске.

⁵⁷ Юль Ю. Записки Юста Юля датского посланника при русском дворе... Кн. 2. Вып. 7. 1892. С. 327.

Через два года, в начале мая 1712 г. государев корабль, управляемый капитаном И. А. Синявиным⁵⁸, у шведских берегов, где шла подготовка к отвлекающей «диверсионной» операции, успешно прикрыл конвой провиантских судов. Вместе с бомбардирским галиотом «Надежда», шнява «Лизет» входила в состав боевой специальной группы⁵⁹. И хотя акция по масштабу уступала экспедиции 1710 г., отряд из 27 судов, под командованием генерал-лейтенанта М. М. Голицына⁶⁰ успешно, без столкновения со шведами, завершил поход к Выборгу. В момент сопровождения эскадры и ее возврата на Кроншлотский рейд, на борту шнявы в чине шаутбенахта находился царь Петр. Малая осадка скоростной «Лизет» позволяла держаться «во взглядовой» близости к береговой линии, тем самым, в разы уменьшался риск атаки на русские линейные корабли. В июне 1712 г. государь на «Лизет» добрался до устья р. Луга, а через месяц, когда шведы появились у о. Котлин, шнява в очередной раз вышла в море и преследовала противника. Тогда же Петр на «Лизет» совершил успешный рейд от Кронштадта до Ревеля.

Однако 3 августа 1712 г., с царским кораблем все же произошел «котлинский» конфуз. Шнява «Лизет», в составе русского гребного флота не смогла воспользоваться благоприятной возможностью атаковать шведские фрегаты «Выборг», «Фалкен» и шняву «Гойя». Из военно-морской базы командующий почему-то не вывел все боеспособные корабли, остальные действовали неумело, что позволило неприятелю выскользнуть из западни⁶¹.

Обидный инцидент в Кроншлоте позволил иностранным морякам, находившимся на русской службе, выразить недоверие вице адмиралу К. Крюйсу. Однако после расследования скандального эпизода, государев гнев был сменен на милость⁶².

Тем временем, с 14 по 17 октября 1712 г. «Лизет» продолжала крейсировать в Финском заливе, успешно прикрывая русский гребной флот. В мае 1713-го шнява достойно себя проявила в составе флотилии К. Крюйса при сопровождении каравана судов, приобретенных в Европе. Комментарий об этом событии оставил Л. Ю. Эренмальм *«летом 1713 года несколько [кораблей] пришло в русский флот из Дании»*⁶³. В июле 1715 г. государь в который раз предпочел «Лизет» другим кораблям. Под командой голландского капитан-лейтенанта на русской службе Карла П. фон Вердена, Петр I с целью осмотра удобных базовых гаваней ходил к эстляндскому г. Гапсаль (Нареселло) и к островам Даго, Вормс и Эзель. Завершив рейд, «Лизет» встала в г. Ревель на «прикол», для незначительного ремонта, где с 1715 на 1716 год провела зимовку.

Безусловно, история шнявы «Лизет» будет неполной без попытки восстановить и сохранить память о ее капитанах. К сожалению, биографическая информация о людях неординарного корабля нач. XVIII столетия имеет глухую и противоречивую природу. Тем не менее, попытаемся пусть отрывочно обозначить судьбу «морских служителей» балтийского судна.

Начнем с того что, скорее всего, государь, имея чин шаутбенахта⁶⁴, сам нередко под именем «Петр Михайлов», на «Лизет» выполнял обязанности вахтенного начальника. Однако, первым «штатным» капитаном корабля стал Ян Валронт, колоритный английский моряк, принятый в 1698 г. на русскую службу⁶⁵. Согласимся, оказаться у штурвала «семейной» шнявы, было не простым делом. Офицер Валронт попал в непривычную для себя ситуацию «придворного» моряка. В тоже время «доверительный привод» на «Лизет» определенно связан с безупречной биографией зарекомендовавшего себя англичанина. Приключенческая жизнь толкового моряка в России началась в конце XVII столетия, после того как комендор (от commander), благодаря миссии «Великого посольства» был «взят на блезир».

---

⁵⁸ С(е)инявин Иван Акимович (?–1726) контр-адмирал. Вместе с Ф. Склевым, И. Мухановым и другими волонтерами, участвовал в Великом посольстве (1697–1698). Отличился в Северной войне (1700–1721). В 1715 г. руководил операцией по переводу группы линейных кораблей и яхты «The Transport Royal» из Архангельска в Балтику. В 1726 г. командир Астраханского порта.

⁵⁹ В экспедиции 10–19 мая 1712 г. по прикрытию транспортного отряда к Выборгу также принимали участие линкоры «Выборг», «Рига», «Пернов», фрегаты «Самсон», «Штандарт» и шнява «Мункер».

⁶⁰ Голицын Михаил Михайлович (1675–1730) князь, генерал лейтенант (1708), участник осады Выборга (1710), командующий войсками в Финляндии, участник морских сражений при Гангуте (1714) и Гренгаме (1720), генерал-фельдмаршал (1725). Сохранилось содержательная характеристика М. Голицына, который в атаке «идя навстречу неприятелю», привык «держат в рту трубку, не обращая внимания на летящие вокруг него пули и на направленное, на него холодное оружие». См. *Беспятых Ю. Н.* Иностранные источники по истории России... С. 394; См. также Архив СПбФ ИРИ РАН (микрофильм). *Ehrenmalm L.J. Rysslands tillstand...* P. 206–207.

⁶¹ В состав русских сил, кроме двух линкоров и фрегата, 3 августа 1712 г. входило не менее 20 скампавей и гребных бригадин, всего около 200 пушек и 1000 человек экипажа.

⁶² *Красиков В. А.* Неизвестная война Петра Великого... С. 142, 466.

⁶³ Архив СПбФ ИРИ РАН (микрофильм). *Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstand...* P. 218. См. также *Беспятых Ю. Н.* Иностранные источники по истории России... С. 344.

⁶⁴ Шаутбенахт (нидерл. schout-bij-nacht – «в ночь смотрящий»), адмиральский военно-морской чин в Нидерландах (после адмирала, лейтенант-адмирала и вице-адмирала). В начале XVIII столетия звание шаутбенахт введено в России, впоследствии включено в Табель о рангах, при соответствии званию генерал-майор. Чин шаутбенахта имел Петр I.

⁶⁵ *Данков М. Ю.* Загадочный капитан Я. Валронт и Русский Север // *Защитники Отечества.* Архангельск, 2003. С. 15–26; *Данков М., Лапиов С.* Два капитана // *Рейтар.* № 4 (37). М., 2007. С. 18–32; *Данков М. Ю.* Кто Вы, комендор Ян Валронт? // *Кортик. Флот. История. Люди.* № 11, 12. СПб., 2010. С. 4–14, 4–13; *Данков М. Ю.* Английский капитан Великого государя // *История в подробностях.* № 3. М., 2010. С. 26–33; *Данков М. Ю.* Вирази судьбы английского комендора в петровской России... С. 121–136.

Своим примером он убедительно доказал, иноземцы рвались в государеву службу «в поисках более чести, нежели денег»⁶⁶. Прибыв 3 июня 1698 г. в Архангельск, Я. Валронт оказывается в царском кругу избранных и наиболее исполнительных «людей моря»⁶⁷.

Вернувшись из командировки в Голландские Штаты⁶⁸ «дабы» для русского флота «людей наймывать», Валронт в 1704 г. прибывает на Балтику⁶⁹. Сначала командует фрегатом «Флигель-де-Фам», но вскоре переводится на должность экипажмейстера Олонецкой верфи. До 1708 г. Я. Валронт оснащает боевые корабли, приобретает «припасы» для верфи и Санкт-Петербургского адмиралтейства. Английский моряк заполняет «ведомости всем принадлежностям судов», следит за работой «плотников, рещиков, кузнецов», проверяет отчетность, занимается продажей старых судов⁷⁰. Почему Я. Валронт нарушил статью амстердамского контракта, разработанного К. Крюйсом том, что моряки «на сухом пути служат и да обязаны не будут», неизвестно⁷¹. Однако что не сделаешь в угоду государю?

В Карелии, вместе с новым статусом англичанин получил максимальное жалование, равное 33 руб. в месяц⁷². Как бы там не было, весной 1709 г. Я. Валронт поднялся на мостик шнявы «Лизет» как наиболее квалифицированный и надежный человек из «морского окружения» царя. Об отношении к делу, свидетельствуют сохранившиеся корреспонденции Я. Валронта от 29 и 30 октября 1711 г., отписанные с борта «Лизет», петербургскому генерал-губернатору А. Д. Меншикову. Рапорты повествуют о скорбном положении русского флота у Кроншлота. Капитан постфактум докладывал «светлейшему князю» о своей инициативе «Повелел я корабли потянуть вверх» потому что «морозы великие, и лед идет, ветры противные». Переживая за сохранность царской «Лизет», моряк деловито подчеркивал «27 дня две шнявы Лезет и Адлер и галиот» с большим трудом «притянули едва к батарее, с трудностию великою от погоды». Заметим, Я. Валронта волнует не только целостность кораблей, он озабочен тем, что «сея ночи слышал... из пушек стрельбу близ Гаривалдая», поэтому «для ведомости послал... проводывать» дозор. В депеше от 5 ноября 1711 г. капитан шнявы без обиняков предостерегает герцога Ижорского «При Кроншлоте у батарей судам стоять ненадежно. Потому что повреждены будут ото льду и от ветров NO, OV, SO». В тоже время, не нарушая субординацию, Я. Валронт просит «ответствия» у А. Меншикова, «чтоб заранее с кораблями убраться». Одновременно, как бы между делом, капитан докладывает важные разведывательные данные «сего числа явился шведский корабль против дальней Красной Горки»⁷³. Доверительные письма первого капитана с «Лизет» способны пролить свет на независимый характер англичанина, который не страшился принимать самостоятельные решения.

Все последующие морские начальники знаменитого балтийского корабля оказались не менее креативными и деятельными, хотя исследователи в этом вопросе до сих пор испытывают «информационный голод». Тем не менее, после Я. Валронта в 1711–1712 гг. у штурвала «Лизет» недолгое время стоял Хендрик Гельма. Ранее, в 1707 г. иностранец служил командиром первой балтийской шнявы «Мункер»⁷⁴. Корабль осенью 1703 г. по собственному «розмерению» на олонечкой верфи закладывал Петр I. Позже в военную компанию 1713 г. Х. Гельма был назначен капитаном 54-пушечного корабля «Полтава»⁷⁵. Отметим, линейный «первенец» Балтики сразу после «Лизет» в декабре 1709 г. также «изволил» заложить «своими руками... в Санкт-Петербургском Адмиралтействе»⁷⁶, сам государь, а возводил судно неутомимый Ф. Склеяев.

Между тем, с весны 1712 г., как сошел лед, в течение года до середины июля 1713-го капитаном шнявы «Лизет» в чине лейтенанта являлся И. А. Синявин. До 1716 г. государевой «Лизет» управлял голландец К. П. фон Верден⁷⁷, который ранее служил штурманом легендарной шведской шнявы «Астрильд», захваченной в мае 1703 г.

---

66 Архив СПбФ ИРИ РАН (микрофильм). *Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstand...* P. 206–207. См. *Беспярых Ю. Н. Иностранные источники по истории России...* С. 394.

67 *Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский...* Прил. V. С. 201.

68 Имя Я. Валронта, связано с загадками «Осударевой дороги» 1702 г. После десанта 17 августа 1702 г. на Вардегорском мысу Белого моря и начала секретного марша царя к Балтике Я. Валронт вслед за К. Крюйсом отправлен в Амстердам для отбора моряков для русского флота.

69 *Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский...* Прил. V. С. 256.

70 *Огородников С. Ф. История Архангельского порта.* СПб., 1875. С. 12.

71 *Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский...* Прил. V. С. 194.

72 Поручики русского флота в нач. XVIII в., имели жалование от 9 руб. 23 алтын 3 денег до 16 руб., подпоручики и того меньше от 6 руб. 20 алтын до 11 руб. Штурманы имели вознаграждение, от 8 руб. 23 алтын 2 денег до 14 руб. См. *Елагин С. И. История русского флота...* С. С. 292–301.

73 *Материалы для истории русского флота...* С. 260–264.

74 Первая двух мачтовая шнява Балтийского флота «Мункер», могла ходить не только под парусами, но и «на гребле». См. *Походный журнал 1704 года.* СПб., 1911. С. 6.

75 В компанию 1713 г. когда Х. Гельма командовал «Полтавой», на корабле находился Петр I, о чем свидетельствует царский штандарт, изображенный на гравюре П. Пикарта.

76 Архив СПбФ ИРИ РАН Ф. 83. Оп. 2. Кн. 5. Л. 236 об. См. также *Кротов П. А. Судостроительные программы Балтийского флота 1707, 1715 и 1717–1718 годов...* С. 127.

77 Карл (Клаус) Петрович Верден (Ван-Верден, фон Верден, фан Верден, фон Верд), (?–1731), морской офицер. Выходец из Республики Соединенных провинций Нидерландов. В 1709 г. получил звание подпоручика, через 4 года в 1713 г. получил чин поручика. С этого времени командир корабля «Святой Антоний», а вскоре шнявы «Лизет». См. *Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов (1692–1780).* М., 1966, с. 20–21.

командой «охотников» во главе с царем. По приказу Петра I медики ухаживали за пленным раненым моряком, а после выздоровления К. Верден в «знак благодарности» перешел на русскую службу.

В марте 1716 г. к штурвалу «Лизет» встал опытный лейтенант С. К. Фальк⁷⁸, ранее в 1710 г. командовавший шнявой «Ямбург», названной в память взятия русскими войсками шведской крепости Ям. В 1714–1715 гг. С. К. Фальк был капитаном построенного в С.-Петербургском Адмиралтействе, корабля «Буйвол». Однако финальный и драматический эпизод необычного фамильно-боевого корабля не менее примечателен, чем вся славная предыдущая история царской шнявы. Судно «Лизет» оказалось связано с немислимым событием 1716 г., когда русский, датский, голландский и английский флота под командованием монарха объединились для интернационального десанта в низменной Сконии на юге Швеции.

Располагая немислимыми ресурсами, царь, в который раз не пренебрег любимым кораблем, приносящим удачу. Сначала, в мае шнява сопровождала караван судов от крепости Динамюнде к порту Пиллау, где со времен шведского короля Густава Адольфа размещалась звездобразная пятиугольная цитадель⁷⁹. Вскоре, 17 июля 1716 г. «Лизет» по воле государя, под управлением капитан-командора Петера Сиверса⁸⁰ прибыла в Копенгаген, место сбора русских кораблей⁸¹.

Тогда же «Лизет» вместе со шнявой «Принцесса» провела детальную рекогносцировку побережья, а спустя две недели 5–14 августа участвовала в демонстрации устрашения, совершив в составе объединенного флота поход к шведским берегам. В проливе Штральзунд (Stralsund) недалеко от о. Рюген, государев корабль подвергся артиллерийскому обстрелу береговых батарей, в результате на «Лизет» книппелями были перебиты две реи. Отметим, царь Петр, и это оправдано, поднял свой штандарт на самом крупном и боеспособном линейном 64-пушечном корабле «Ингерманланд».

Однако нерешительность датчан привела к срыву грандиозной операции по высадке войск в Швеции. Русские галеры и транспорты с армией, предназначавшейся для десанта, 19 октября 1716 г. под прикрытием англо-датских судов, вынужденно отошли к Копенгагену и через Росток вскоре отправились в Россию. Корабельная эскадра под началом капитан-командора В. Шельтинга⁸² из Копенгагена вышла на зимовку в Ревель, а нетерпеливый царь, обидевшись что «болтаемся туне» вернулся в Кроншлот.

Однако шнява «Лизет» отправилась в Росток с предписанием «до льда» провести крейсерские операции⁸³. В последнем трагическом рейсе на капитанском мостике царского судна стоял герой «Осударевой дороги», один из шаферов на свадьбе Петра I и Екатерины I, человек несказанной отваги, капитан-поручик И. К. Муханов⁸⁴.

К сожалению, источниковедческая база о печальном финале возведенного по государеву «масштабу» адмиралтейского корабля, крайне скудна и с трудом может считаться достоверной. Тем не менее, о драматической развязке, хоть и путано, упоминает один из современников английский морской офицер Д. Ден⁸⁵. По сведениям XIX в., шнява «Лизет» потерпела крушение 20 октября 1716 г. в районе датского Стефенгофа (Стевенса)⁸⁶. Считается, что шквальный ветер, переросший в ураган, сорвал корабль с якоря и бросил на рифы. Мужественный капитан И. Муханов пытался спасти терпящий катастрофу парусник «однако ж великим штормом бросило шняву на подводные камни, где глубины было 8 ф., и на тех камнях разбило». Экипаж судна и капитан чудесным образом смогли спастись. Позже с «раскатанной» по бревнышку «Лизет» были «поддернуты» пушки и уцелевший судовой такелаж. Однако из-за дороговизны операции подъем корпуса корабля был признан нецелесообразным.

⁷⁸ С. К. Фальк, Фалк, Флак (Falk) в 1707 г. присвоено звание лейтенант. Не путать с Ю. Фалк, капитан-лейтенантом с 1709 г. См. *Беспярых Ю.Н.* Иностранцы источники по истории России... С. 427.

⁷⁹ В мае 1716 шнява «Лизет» выполняла боевое задание в паре с яхтой «Принцесса».

⁸⁰ В 1706–1707 гг. капитан П. П. Сиверс являлся первым капитаном 24 пушечного корабля «Кроншлот». См. *Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1710 годах / Перевод, статья и комментарий Ю. Н. Беспярых. М.; СПб., 1992. С. 198, 203.

⁸¹ 30 мая 1716 г., в Копенгаген «пришли» построенные в Голландии линейные корабли «Портсмут», «Девоншир» и «Марльбург» в сопровождении отряда капитана П. П. Бредала, в прошлом капитана азовской «Лизет».

⁸² Шельтинг, Вейбрант (W. Scheltinga), голландский и русский моряк (?–1718). В Россию прибыл из Амстердама, в 1704 г. вместе с Я. Валронтом и «добрыми офицерами». В 1712 г. получил чин капитан-командора. В 1713 г., капитан корабля «Выборг». В январе 1714 г. за утрату судна попал под суд. В октябре 1716 г. с флотом на корабле «Марльбург» вернулся в Ревель. 31 октября 1718 г. получил чин шаубенахта. Скончался 18 июня в Кроншлоте на корабле «Марльбург». См. *Соколов А.* «Летопись крушений и пожаров судов флота с 1713–1853 г.» СПб., 1855. С. 1.

⁸³ Шняву «Лизет» в походе к Ростку осенью 1716 г. сопровождали корабли «Диана» и «Наталья».

⁸⁴ Муханов Ипат Калинович (31.03.1677–22.05.1729), контр-адмирал, один из самых близких и доверенных лиц Петра I. В 1697 г. был отправлен в Голландию для изучения морского дела. Летом 1702 г. проводил изыскания сухопутного пути от Белого моря до Онежского озера, а в августе с войсками царя преодолел маршрут «Осударевой дороги». В 1705 г. под Шлиссельбургом попал на два года в шведский плен. 23 ноября 1707 г., за несколько дней до закладки шнявы «Лизет», произведен в подпоручики. Участник в 1710 г. похода на Выборг. В феврале 1712 г. при бракосочетании с Екатериной шафер царя Петра. На шняве «Принцесса» после гангутской битвы в 1714 г. конвоировал захваченные суда в Выборг. Зимой 1715 г. получил чин капитан-поручика. В октябре 1716 г. последний капитан шнявы «Лизет». В 1718 г. капитан закупленного в Англии 50 пушечного корабля «Арондель». Осенью 1721 г. получил чин капитана 1-го ранга, а в 1724 г. назначен начальником Навигационной школы. 31 мая 1726 г. в чине контр-адмирала вышел в отставку. Скончался 22 мая 1729 г. Похоронен в Иоанно-Златоустовском монастыре в Москве (в XX в. разрушен).

⁸⁵ Английский моряк ошибочно указывает, что корабль «Лизет» в непогоду «потерпел крушение в 1723 г. См. [Ден Дж.] История российского флота в царствование Петра Великого... С. 106.

⁸⁶ Там же... С. 41. Историк С. И. Елагин место катастрофы шнявы указывает Стевенс. См. *Елагин С. И.* Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого... С. 33.

Так, в общем-то, нелепо завершила свой короткий, но безусловно яркий путь удивительная «домашняя» и боевая адмиралтейская шляпа «Лизет», возведенная мастером Ф. Склеяевым, которой столько внимания и душевных сил отдавал государь.

*Калинина Е. А.,
Карельская государственная педагогическая академия*

Благотворительность попечителей народных школ в XIX – начале XX века

В течение XIX в. для небогатых крестьянских общин и церковных приходов устройство и содержание народных школ представлялось непосильным делом. В такой ситуации многое было сделано благодаря частной благотворительности, материальной помощи просвещённых лиц разного сословного происхождения. Для содействия успешной деятельности народных школ, из лиц, пользующих доверием общества, избирался почётный блюститель. Он должен был заботиться о нравственной и материальной поддержке начальной школы (обеспечение училищ необходимой мебелью, учебными принадлежностями, книгами и пр.). В 1871 г. была составлена инструкция «О разъяснении прав и обязанностей почетных блюстителей». Любое лицо, которое внесло на нужды образования не менее 25 копеек в год, считался членом попечительства. Это был небольшой членский взнос, доступный каждому крестьянину и позволявший ему в определённой мере влиять на работу школы. Часто в роли попечителей выступали местные крестьяне или бывшие учащиеся народных школ.

Главная обязанность блюстителей состояла «в содействии начальству по части нравственной и учебной, к устройству же части хозяйственной они, по собственной воле и усердию каждого к общественному благу, способствуют единовременными и постоянными приношениями».¹ За усердную службу почётные блюстители награждались медалями, а тем, кто внёс в дело просвещения более 1000 рублей, вручалась «особая доска», где фамилия мецената оформлялась золотыми буквами.

В 1872 г. члены уездных земских управ и инспектора народных училищ Олонецкой губернии посетили многие селения губернии, где на сельских сходах предлагали местным крестьянам выступить в роли попечителей народных школ. По отчёту Петрозаводской земской управы за 1872 г. с этим предложением мало кто согласился. Например, в Остречинской волостном правлении было проведено 5 сельских сходов, где никто не изъявил желание стать попечителями училищ. В Петрозаводском уезде только в Ладвинском и Горском обществах крестьяне М. М. Копосов, И. Ф. Кипрушкин, Д. П. Аксёнов сочли возможным стать попечителями начальных школ.² В селе Вознесенье Вытегорского уезда купцами Антоновым и Зиминым собрано пожертвований 1100 рублей. В 1874 г. Лука Иванович Волков ходатайствовал перед Повенецким уездным земским собранием об открытии в селе Паданы земского училища, при этом он предлагал бесплатно на один год свою квартиру с отоплением и освещением, а на будущее время обещал построить для школы отдельное здание. 9 сентября 1877 г. в селе Паданы состоялась торжественная закладка фундамента будущей начальной школы. На строительство народного училища он потратил 2600 рублей. Кроме того, Л. И. Волков взял троих мальчиков из беднейших семей «на собственное содержание и обучение их при училище»³. Большую помощь оказывал В. Т. Максимов почётный блюститель Вохтозерского училища Петрозаводского уезда. На его средства 851 рубль 42 копейки в год содержалась не только начальная школа, но и ночлежный приют.⁴ Иногда в роли попечителей выступали бывшие жители сёл и деревень, проживающие в Москве или Санкт-Петербурге. Так, в селе Юргилица Олонецкого уезда на средства бывшего жителя этой деревни Василия Богданова, мастера-портного Санкт-Петербургского Императорского вточного цеха была открыта народная школа.

Постепенно количество почётных блюстителей увеличивалось. Помощь школе стали оказывать и неграмотные крестьяне. Так, почётным блюстителем Пряжинского училища был Венедикт Кузьмич Киккиев – неграмотный местный крестьянин. Он делал небольшие пожертвования в пользу училища – покупал книги, давал деньги на ремонт, приобрел портрет Государя императора Николая Александровича.

Училищное начальство всячески поощряло такую деятельность. Работу почётных блюстителей освещали в газетах и журналах, их фамилии указывались во всех отчётах по народному образованию, начиная от учителей сельских школ и заканчивая обозрениями губернии губернатором края. За особо выдающиеся успехи в поддержке народных школ награждали медалями на Аннинской и Станиславской лентах. Но не все начальные школы в Олонецкой губернии имели своих попечителей. В отчёте инспектора народных училищ за 1916 г. указывалось, что в Петрозаводском уезде в 102 училищах числилось 49 блюстителей.

В сельских народных школах, в основном, попечителями становились их выпускники. Немаловажную роль играли примеры из жизни выпускников сельских школ, которые после окончания начального училища,

¹ Сборник постановлений и инструкций по МНП. СПб. Т. 3. ст. 719.

² НА РК, ф.14, оп. 2, д. 5/61, л. 33.

³ НА РК, ф.27, оп.1, д. 13/4, л. 3.

⁴ НА РК, ф.27, оп.1, д. 37/8, л. 27.

продолжали учиться дальше в уездных училищах, поступали в университет, а затем становились известными предпринимателями, купцами. Большинство из них старались кратковременно вернуться в своё родное село и оказывали материальную поддержку народной школе, приобретали книги в избы-читальни.

Те крестьяне, которые получили после начальной школы хорошее дальнейшее образование и уехали из Олонецкой губернии в г. Выборг и Санкт-Петербург, а также в соседнюю Финляндию – не забывали родные места. Всегда с благодарностью вспоминали своих бывших учителей, беспокоились о развитии просвещения в их селениях, при возвращении на родину в личных беседах внушали крестьянам о пользе учения.

Одним из примеров благотворительной помощи бывших выпускников народным школам может стать Сямозерское училище Петрозаводского уезда. Одним из первых его благотворителей стал купец Мирон Николаевич Смирнов из города Йоенсу, для которого приобретение грамоты в сельской приходской стало путёвкой в жизнь и толчком для дальнейшего самосовершенствования. М. Н. Смирнов родился в селе Сямозеро Петрозаводского уезда в 1815 г. и после окончания Сямозерской церковно-приходской школы поступил на службу к олонечкому купцу Ф. Метлинскому, который доверял грамотному и сметливому юноше из деревни Сямозеро ведение торговых дел. В своих дневниках мемуарного характера он вспоминает, что грамоте он начал учиться с 10 лет. «У нас учил пономарь при погосте. Через год я уже вышел из училища, то есть выдержал экзамен, как видите – прошёл высокий курс науки: от азъ-земля-есть до фиты и ижицы. Умел, кое-как, прямо по складам читать и в той же степени писать»⁵. Впоследствии, М. Н. Смирнов открыл своё дело в Финляндии, был достаточно успешным предпринимателем и в течение 1874–1895 гг. был почётным блюстителем Сямозерского образцового министерского училища. «Купец из города Йоенсу Великого Княжества Финляндского изъявили принять на свой счет с 1 января 1874 г. в течение 5 лет расходы на наем квартиры с отоплением, освещением и прислугою для помещения Сямозерского сельского училища».⁶ Также Смирнов снабдил училище книгами и учебными пособиями и ежегодно с 1874 г. присылал 200 рублей на содержание школы. Необходимо отметить, что благодаря стараниям М. Н. Смирнова в селе Сямозеро было открыто образцовое министерское училище. Он лично ходатайствовал перед дирекцией народных училищ об открытии школы и выделении дополнительных средств на приобретение училищного дома: «Принимаю с моей стороны в этом современном общепольном народном деле народного образования участие и в этот раз жертвую на начало такого благого дела двести рублей»⁷. Мирон Николаевич оказывал материальную помощь не только Сямозерскому училищу, но и беднейшим жителям Сямозера. Так, в мае 1881 г. он «для раздачи самобеднейшим крестьянам Сямозерской волости деревни Сямозерского погоста и окрестных деревень в помощь на посев полей и яровыми семенами» пожертвовал 100 рублей.⁸

Купцы из города Выборга Иван Тимофеевич Акимов и его сын Василия Иванович Акимов тоже были уроженцами села Сямозеро и выпускниками Сямозерского училища. Они в течение 11 лет (1896–1917 гг.) являлись попечителями Сямозерской школы. Купцы отправляли книги в народную библиотеку, портреты императора и его супруги, различные суммы на обувь для детей, организацию новогодних елок, ремонт школы. И. Т. Акимов и его сын ежегодно, в качестве пожертвования, отправляли Сямозерской школе значительное количество книг. Так, в марте 1896 г. в Сямозерскую училищную библиотеку купцом В. И. Акимовым было направлено 100 книг, а в 1906 г. И. Т. Акимовым «пожертвовано в фонд библиотеки полные собрания сочинений В. Загоскина и Н. В. Гоголя в золочёных переплётах»⁹. В 1903 г. И. Т. Акимов также был награжден золотой медалью на Станиславской ленте за пожертвования.

С 1905 по 1917 гг. почетным блюстителем школы в Сямозере по личной просьбе стал купец из Выборга Иван Петрович Пезаев, который также был жителем села Сямозеро, учился в Сямозерской школе и впоследствии окончил Олонецкую гимназию. В г. Выборге он имел частную фирму «Оптовая и розничная торговля разным товаром». Иван Пезаев ежегодно высылал на нужды школы по 25–35 рублей в год. Делал пожертвования в пользу беднейших учащихся, так в 1906 г. им было отправлено в школу «3 фунта чаю, 27 фунтов сахару, 18 аршин ситцу на платья 3-м девочкам и 50 аршин сукна на блузы и брюки для 10 мальчиков и 8 пар валяных сапог – всего на сумму 65 рублей».¹⁰ В 1907 г. И. П. Пезаев «кроме обязательного ежегодного взноса 25 рублей, пожертвовал в январе месяце для бедных учащихся одежды и обуви на 50 рублей, чаю сахар на 10 рублей».¹¹ Кроме помощи Сямозерской школе. В 1907 г. И. П. Пезаев стал инициатором открытия в селе Сямозере бесплатной библиотеки-читальни для жителей села. В своём письме на имя инспектора народных училищ в 1907 г. И. П. Пезаев писал: «Я подумал посредством журналов развить библиотеку и читальню... и решил отправить для начала маленькую библиотеку. Я вполне знаю наше село, довольно крупное, грамотностью оно страдает»¹². Просьба И. П. Пезаева рассматривалась в апреле 1907 г. на заседании Петрозаводского училищного совета, на котором было принято решение «об открытии в селении Сямозеро при училище бесплатной народной библиотеки»¹³. На личные средства он снабдил библиотеку годовыми подписками журналов «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русская старина», «Русская мысль» и другими, приобрёл полные собрания сочинений Салтыкова-Щедрина и Григоровича и

⁵ Смирнов М. Голос корела. Путевые заметки и корельская поэзия. СПб. 1890. С. I–II.

⁶ Пожертвования // Олонецкие губернские ведомости. 1874. № 93.

⁷ НА РК, ф. 78, оп. 1, д. 16/247, л. 85.

⁸ Пожертвования // Олонецкие губернские ведомости. 1881. № 33.

⁹ НА РК, ф. 78, оп. 1, д. 59/659, л. 6.

¹⁰ НА РК, ф. 78, оп. 1, д. 60/681, л. 1.

¹¹ НА РК, ф. 78, оп. 1, д. 60/699, л. 158.

¹² НА РК, ф. 78, оп. 1, д. 60/688, л. 4.

¹³ НА РК, ф. 78, оп. 1, д. 60706, л. 40.

474 экземпляра различных книг «всего же на 722 рубля»¹⁴. П. И. Скворцов – учитель местной школы отмечал в своих отчётах хорошую работу купца по оказанию помощи в пользу Сямозерского училища. Начиная с 1905 по 1908 гг., Иван Пезаев пожертвовал на нужды училища 825 рублей. В 1909 г. выборгский купец был награждён золотой медалью на Станиславской ленте, а в 1910 г. его наградили серебряной медалью на Аннинской ленте.

Почётным блюстителем Лахтинского училища Петрозаводского уезда стал П. А. Федотов, также бывший житель села Лахта. В 1905 г. он проживал в Санкт-Петербурге. П. А. Федотов оказывал большую помощь Лахтинскому училищу. Ежегодно на средства попечителя устраивались праздники новогодней ёлки. В отчёте учителя Лахтинского училища Н. Печёрина за 1905 г. отмечалось, что все присутствующие на празднике остались довольны подарками попечителя. Взрослые – просмотром концерта учащихся, а дети – подарками от попечителя. П. А. Федотов приобрёл для школы портреты императора и императрицы, глобус, компас, термометр и волшебный фонарь с туманными картинками, покупал обувь и одежду для беднейших крестьян. Народная библиотека в Лахте была открыта благодаря заботам почётного блюстителя Лахтинского училища П. А. Федотова. Как отмечал С. А. Лосев инспектор народных училищ Петрозаводского уезда «на благотворительные средства... открыта бесплатная народная библиотека при Лахтинском земском училище»¹⁵. Попечитель Лахтинской школы выписывал для библиотеки следующие газеты и журналы: «Нива», «Сельский хозяин», «Юная Россия», «Педагогический листок», «Отклики народного учителя», «Юмористический альманах», «Былое», «Музыка и пение» и др. всего 10 наименований»¹⁶. В отчётах инспектора народных училищ Олонецкой губернии за 1908 г. отмечалось: «из библиотек самая богатая Лахтинская народная библиотека-читальня, благодаря усилению значительных пожертвований местного благотворителя Петра Алексеевича Федотова – жителя Санкт-Петербурга»¹⁷. В фонде Лахтинской библиотеки в 1913 г. насчитывалось 2500 книг. П. А. Федотов не только полностью укомплектовал народную читальню книгами, но и ежегодно покупал учебники и учебные пособия для школьной библиотеки. В 1911 г. за большой вклад в развитие народного образования в селе Лахта П. А. Федотов был награждён серебряной медалью на Александровской ленте для ношения на груди.

Важно отметить присутствие в числе попечителей народных школ представителей петербургской интеллигенции. Петербургская либеральная профессура в 1890–1900-х гг. активно занималась просветительской и благотворительной деятельностью. Бесплатно или за символическую плату читались лекции в так называемом «Народном университете», воскресных школах, наиболее состоятельные из петербуржцев занимались организацией пожертвований и постановкой учебного дела в народных училищах. Так, Г. В. Форстен, профессор-скандинавист Петербургского университета был попечителем народных школ в Новгородской губернии¹⁸. Так, попечителями Вешкельского училища с 1905–1912 гг. были А. П. Воронов, преподаватель Санкт-Петербургского Археологического института и В. Ф. Веселовская, жена профессора Санкт-Петербургского университета А. Н. Веселовского¹⁹, бывшей также членом благотворительного общества вспомоществования бывшим воспитанникам учебных заведений ведомства императрицы Марии²⁰. Они оказали значительную помощь в организации Вешкельской народной избыв-читальни. Кроме этого, почётным блюстителем Вешкельского образцового министерского училища с 1901 по 1917 гг. был потомственный почётный гражданин, проживающий в г. Йоенсу М. Я. Смирнов. Он ежегодно отправлял на нужды школы 50 рублей, а также «делал значительные пожертвования на беднейших учащихся и вообще на нужды учителей»²¹. В 1906 г. М. Я. Смирнов был представлен к серебряной медали на Станиславской ленте.

Часто в роли попечителей народных школ выступали крестьяне, проживающие в селениях, где открывались народные школы. Например, в Курмойльском училище оказывал помощь житель деревни Курмойла Ф. С. Молосовкин, Салменижской школе – местные крестьяне В. Станиславов и Г. И. Лазарев, В Вешкельской – М. Евдокимов, Сямозерской – Д. Фомин. Благотворительная помощь местных крестьян была незначительна и выражалась обычно в небольших суммах по 5–20 рублей в год. Но даже эти пожертвования позволяли учителям проводить рождественские ёлки, устраивать праздники древонасаждений, что, несомненно, привлекало местное население к школе.

Таким образом, благотворительность попечителей народных школ играло важную роль в развитии образования и культуры на селе. Выделяя денежные средства на поддержку начальных школ, попечители не только материально помогали училищам, но и укрепляли авторитет народной школы в глазах местного населения. Благодаря такой заботе дети из беднейших семей могли беспрепятственно посещать школу – на средства попечителей им приобреталась одежда и обувь; крестьяне могли знакомиться с новинками художественной литературы, читали газеты и журналы, т. к. фонды народных избыв-читален регулярно пополнялись также за счёт благотворительности. Получив дальнейшее хорошее образование, даже проживая далеко от родных мест, они оказывали большое внимание развитию народных школ, выпускниками которых они являлись прежде. Становясь почётными блюстителями, они материально поддерживали начальные училища, открывали народные библиотеки в

¹⁴ НА РК, ф. 78, оп. 1, д. 60/699, л. 158.

¹⁵ Лосев С. Народное образование в Петрозаводском очередном земском собрании. Петрозаводск. 1905. С. 30.

¹⁶ НА РК, ф. 17, оп. 1, д. 53/743, л. 46.

¹⁷ НА РК, ф. 78, оп. 1, д. 60/710, л. 3.

¹⁸ См.: Пресняков А. Е. Письма и дневники. 1889–1927. СПб. 2004. С. 187.

¹⁹ НА РК, ф. 27, оп. 2, д. 59/831, л. 5.

²⁰ Весь Петербург на 1903 г. адресная и справочная книга. СПб. 1902. С. 117.

²¹ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 10849, л. 187.

своих сёлах. Во многих сельских школах почётными благодетелями становились сами местные жители, которые выделяли средства (пусть незначительные) на развитие сельских школ, библиотек, музеев. Крестьяне сами изготовляли мебель для школы, покупали книги для народных библиотек, выделяли деньги на проведение сельских праздников, организуемых в народной школе для жителей села. Благодаря меценатству и благотворительной деятельности предпринимателей и крестьян начальные школы имели значительную материальную поддержку.

*Сподобаев А. В.,
школа № 33*

География торговых отношений в Олонецкой губернии в первой половине 19 в.

Анализируя масштабы внутренней торговли в Олонецкой губернии, невольно сталкиваешься с целым рядом парадоксальных обстоятельств.

Близкое расположение к столице Санкт-Петербургу и тесных экономических связей не означало экономического процветания региона. Большая территория – малое население. Предпринимательское сословие в наибольшем процентном отношении представлено государственным крестьянством, в наименьшем – купечеством. При почти полном отсутствии крепостного права (за искл. Лодейнопольского и Вытегорского уездов) товарное хозяйство развивается крайне медленно.

География щедро наградила северо-западный край природными ресурсами и водным коммуникациями. Вопрос состоит в том, насколько эффективно экономически и грамотно юридически всё это использовалось!

Летняя торговля была связана с судоходством по рекам и озёрам. Обратимся к данным Олонецкого губернского правления на 1786 г.:

1. В уезде Петрозаводском: река Свирь.
  2. В Олонецком: река Свирь и река Низовая, впадающая в Ладожское озеро.
  3. В Каргопольском: река Онега, вышедшая из Лачи-озера и впадающая в Белое море.
  4. В Вытегорском: река Свирь, река Ошта, река Мегра, впадающая в Онежское озеро, река Андома, река Вытегра, река Ковжа, впадающая в Белое озеро.
  5. В Пудожском: река Водла, из озера Водлозера, впадающая в Онежское озеро.
  6. В Лодейнопольском: река Свирь.
  7. В Повенецком судоходных рек нет.
- (НА РК ф. 2.оп. 61.д 6/85. с. 157–158).

Как известно, огромную роль в снабжении хлебом Олонецкой губернии играла популярная Мариинская водная система, связывавшая реку Волгу с Онежским озером. «Главные судоходные реки в губернии: Ковжа, Вытегра и Свирь, из них в особенности замечательная последняя, на ней находится Вознесенская пристань на границе Петрозаводского и Лодейнопольского уездов. Пристань эта существует около 50 лет; на ней преимущественно производится перегрузка хлеба, идущего из Рыбинска по рекам Шексне, Ковже и Вытегре. К Вознесенской пристани средним числом приходит до 2500 судов в год, которые большею частью отправляются отсюда в Санкт-Петербург».

(НА РК ф. 27.оп. 2. д. 5/71. с. 3).

В 1895 г. вышла статья А. Соборнова «Олонецкий край» ч. 1., в которой он скептически оценивает торговую политику в регионе. «Торгово-промышленное дело в Олонецком крае развито плохо, вследствие плохого состояния в крае путей сообщения, ничтожности и малочисленности торгово-промышленных пунктов и отсутствия в губернии местных, более или менее значительных и предприимчивых капиталистов... Главнейший торгово-промышленный центр – это река Свирь с её Вознесенской пристанью».

Судоходство в Олонецком крае довольно развито. Суда ходят по озеру Онегу, рекам Свири, Вытегре, Мегре, Оште, Ояти, Олонке, Тулоксе, Видлице и их притокам, и по каналам Мариинской водяной системы. Судоходство по водам Олонецкой губернии не везде удобно. Наиболее препятствий судоходство встречает на каналах и реке Свири, изобилующей порогами. На обширном озере Онежском судоходство не всегда безопасно. На этом озере суда нередко разбиваются о подводные луды, во время бурь, свирепствующих временами на озере Онего.» (А. Соборнов «Олонецкий край», ч. 1. с. 5–6.).

Из различных видов торговли в 18, первой пол. 19 в. ведущую роль играла целая система ярмарок на северо-западе России. Какие города имели стратегическое значение в этом плане? Из центра страны на север товаропоток направлялся через Весьегонск, где ярмарка проходила с 6-го по 23 января, далее товары перевозили в Вытегру (ярмарка проходила со 2-го по 12 февраля). После этого дополненный товаропоток разделялся: на Архангельск через Каргополь, на Олонец, откуда через две действовавших там ярмарки, грузы развозились по различным местностям Карельского края.

Огромную роль в системе торговых отношений играла Шуньгская ярмарка (Повенецкий уезд). Ещё во 2 половине 18 века Шуньгский погост играл важнейшую стратегическую роль. Ярмарки там проводились 2 раза в год. Товары из Петербурга следовали по двум временным сезонам:

- 1) Петербург – Новая Ладога (15–24 августа) – Тихвин (1–4 октября) – Шуньга (6–12 января).
  - 2) Петербург – Новая Ладога (25–29 июля) – Тихвин (23 февраля–10 марта) – Шуньга (25 марта–3 апреля).
- (История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск. «Периодика» 2001. с. 220).

Масштабы торговли на Шуньгской ярмарке в конце 18 – первой половине 19 века постоянно росли и охватывали весь Северо-Запад России. На неё регулярно приезжали купцы из Москвы, Новгорода, Тихвина, Архангельска, Каргополя, Вологды, Петрозаводска.

В начале 1840-х годов продажа товаров составляла 150 тысяч рублей в год, в начале 1850-х годов – более 250 тысяч рублей, а на рубеже 1850–1860 гг. – достигла 950 тыс. рублей. Шуньгская ярмарка входила в число 60-ти крупнейших ярмарок России.

(История экономики Карелии. В. Г. Баданов, Н. А. Кораблёв, А. Ю. Жуков. Петрозаводск. «ПетроПресс» 2005 г. книга 1, с. 89).

Где конкретно, когда и какие ярмарки действовали в Олонецкой губернии в 1855 году?

Ниже я привожу список по населённым пунктам из отчёта Олонецкого гражданского губернатора за 1855 год:

- 1) Афанасьевская в Петрозаводске (18–31 января).
- 2) Крещенская и Рождественская в Олонце (январь и сентябрь).
- 3) Введенская в Лодейном поле (21 ноября).
- 4) Алексеевская в Каргополе (17 марта).
- 5) Троицкая в Пудоже (июнь).
- 6) Рождественская в Петрозаводском уезде и в Кондопожском погосте (8–15 сентября).
- 7) Рождественская в Остречинском погосте (8–15 сентября).
- 8) Троицкая в Олонецком уезде (июнь).
- 9) Александро-Свирская в Олонецком уезде при Александро-Свирском монастыре (30 августа).
- 10) Благовещенская в деревне Сысойве (25–28 марта).
- 11) Афанасьевская в Лодейнопольском уезде в Оштинском погосте (18–28 января).
- 12) Рождественская в Пудожском уезде (8–14 сентября).
- 13) Богоявленская в Повенецком уезде в Шуньгском погосте (6–18 января).
- 14) Благовещенская в Повенецком уезде в Шуньгском погосте (25 марта–2 апреля).

(НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д 5/71. с. 66).

Главным предметом, производящимся в Олонецкой губернии на ярмарках торговли, были привозные красные и колониальные товары, а также съестные припасы: звериные шкуры, рыба, птица, из коих звериные шкуры скупаются большей частью в Повенецком уезде в Шуньгском погосте на двух ярмарках: Богоявленской и Благовещенской и в городе Каргополе. Дальше товары отправляются частично в Санкт-Петербург, а больше – на Нижегородскую ярмарку. Рыба и дичь по скупке в разных местах и, главным образом, на тех двух ярмарках (Богоявленская и Благовещенская) отправляются преимущественно в Санкт-Петербург.

Вывозятся из Олонецкой губернии лён, мыло, анданская глина, брёвна, доски, дрова и сено в Санкт-Петербург, а привозятся взамен этого: хлеб из Рыбинска, красные и колониальные товары из Москвы, Санкт-Петербурга и с Нижегородской ярмарки.

(там же, с. 68).

На основе материалов газеты «Олонецкие губернские ведомости» интересны следующие факты.

В Олонецкой губернии в 1857 году действовало 37 ярмарок. В частности, привоз и продажа увеличилась на ярмарках: Афанасьевской в Петрозаводске, Рождественской в Остреченском погосте и Троицкой при Александро-Свирском монастыре.

Торговля вообще в Олонецкой губернии весьма незначительна. Причиной такого ничтожного развития торговой деятельности надобно считать чрезвычайно малое население нашего края, хотя оно удачно сгруппировано по большим водяным сообщениям губернии и отсутствие больших капиталов. Не менее важное препятствие к расширению торговли составляет и то обстоятельство, что единственная значительная по своим оборотам Шуньгская ярмарка существует не в центре губернии, а в глухой и отдалённой местности.

(Олонецкие губернские ведомости. 1 ноября 1858 года, стр. 4–5).

Обобщая некоторые факты экономической ситуации торгового предпринимательства в Олонецкой губернии в данный период, можно сделать выводы о несоответствии богатых природных ресурсов и масштабов деятельности региональных ярмарок. С одной стороны, Шуньгская ярмарка являлась центром торговли в регионе, но не в самом удачном географическом расположении. С другой стороны, в период навигации (май–октябрь) торговые обороты были гораздо выше по сравнению с зимним периодом. Единственная крупная река Свирь, связывающая Ладожское и Онежское озёра, позволяющая ходить крупным судам, обеспечивала товарооборот между Петрозаводском и Санкт-Петербургом.

Даже во второй половине 19 века Олонецкая губерния оставалась единственным из европейских регионов в России, где не было железной дороги, что свидетельствовало об экономическом отставании региона.

Из истории рода Заводовских в Олонецкой губернии и Карелии

Первые официальные упоминания о роде Заводовских в Олонецкой губернии относятся к концу XVIII века. Степан Михайлович Заводовский (р. 1797), сын священника, в 181 г. закончил Петрозаводское духовное училище, а затем служил пономарем в Челмужском погосте, в Церкви Великомученика Георгия Пудожгорского прихода Повенецкого уезда. Имел троих детей: Василия, Михаила и Алексея (Православие в Карелии..., 2008).

Василий Степанович Заводовский стал священником (Список должностным лицам..., 1894). Более подробная информация о его биографии в литературных источниках отсутствует.

Михаил Степанович Заводовский родился в 1830 г. Окончил Олонецкую духовную семинарию. В 1849 г. был определен сельским наставником в Кондопожское сельское училище. В 1852 г. был посвящен в священники Кижской церкви. С 1867 по 1872 гг. состоял уполномоченным на общепархиальном съезде. Указом Олонецкой духовной Консистории от 28 декабря 1871 г. № 7663 назначен цензором проповедей. Был награжден бронзовым крестом на Владимирской 3-й степени ленте. Награжден бархатною фиолетовую скуфьею и камилавкою за службу по Епархиальному ведомству (Нарк. ф. 25. оп. 20. д. 26/263 за 1880).

Наиболее полная информация об Алексее Степановиче содержится в «Олонецких губернских ведомостях» № 16, 17 за 1903 г. Алексей Степанович родился в 1828 г. По окончании курса в Олонецкой духовной семинарии, он поступил на службу в Олонецкую палату государственных имуществ. Здесь он прошел должности от делопроизводителя до ассессора палаты. В 1867 г. Алексей Степанович переходит на службу в Министерство внутренних дел, в том же году был назначен помощником правителя канцелярии Олонецкого губернатора, а через три года становится старшим чиновником особых поручений. В 1885 г. Алексей Степанович был назначен правителем канцелярии губернатора. В указанной должности он служил до 1903 г.

За свою долголетнюю трудовую деятельность Алексей Степанович был награжден орденом святого Владимира 4-й степени, орденами святой Анны 2-й и 3-й степени, орденами святого Станислава 2-й и 3-й степени, имел знаки отличия беспорочной службы за 40 лет и медали в память царствования императора Николая I и Александра III (Список должностным лицам..., 1894).

Алексей Степанович и его супруга, Мария Ивановна, имели 9 детей. При анализе литературных источников удалось найти информацию о биографии 3 человек. Владимир Алексеевич Заводовский работал учителем приходского училища. Андрей Алексеевич Заводовский работал ветеринарным врачом в Петрозаводском уезде (Памятная книжка..., 1912). Николай Алексеевич Заводовский служил становым приставом в г. Пудоже (Список должностным лицам..., 1894), а затем состоял на службе помощником Повенецкого уездного исправника.

В семье Николая Алексеевича и его супруги Марии Михеевны было четверо детей: Михаил, Алексей, Мария и Елена.

Старший из них Михаил Николаевич Заводовский, внес существенный вклад в развитие здравоохранения Карелии. Михаил Николаевич родился в 1891 г. По окончании Олонецкой гимназии (г. Петрозаводск) с серебряной медалью в 1910 г. поступил на медицинский факультет Казанского государственного университета. Добровольцем принял участие в Первой мировой войне. В 1915–1916 гг. служил в Центральной анатомо-бактериологической лаборатории Красного креста Северо-Западного фронта в должности лаборанта. В августе 1916 г. был отпущен в университет и окончил медицинский факультет Казанского университета. В 1918 г. был избран в Олонецкий губернский исполнительный комитет и назначен заведующим Петрозаводским городским отделом здравоохранения. В декабре 1918 г. – апреле 1919 г. был избран председателем Петрозаводского горсовета. Членом горсовета избирался 13 раз. Участвовал в боях против интервентов в Заонежье, в 1919 г. ушел добровольцем на фронт во время борьбы против войск Юденича. Кроме этого, Михаил Николаевич является активным членом правления Карельского красного креста и первым заведующим Облздравотдела Карелии. После образования Карельской АССР Михаил Николаевич был назначен заместителем наркома здравоохранения и главным госсанинспектором. Он был первым врачом, который начал научную разработку социально-гигиенических проблем в нашей республике и напечатал по этим вопросам ряд интересных статей и брошюр: «Жилищно-санитарное благоустройство г. Петрозаводска» (1922), «Программа санитарного описания селений АКССР» (1927) и др. Более 15 лет преподавал гигиену в фельдшерско-акушерской школе г. Петрозаводска. В период Великой Отечественной войны Михаил Николаевич добровольцем ушел на фронт врачом истребительного батальона. Погиб 5 декабря 1941 г. на Карельском фронте при защите Медвежьегорска (Афанасьева, 1983; Гуткин, 1980; Мы освободим..., 1990; Три века Петрозаводска, 2003).

От брака Михаила Николаевича с Екатериной Ивановной Романовой (старинный заонежский род), родилась дочь Изольда Михайловна Заводовская. Изольда Михайловна, ее дети и внуки продолжают историю рода Заводовских в наше время.

Список литературы

1. **Афанасьева А. И.** Великий октябрь и становление советской культуры в Карелии: 1918–1927 / Карел. филиал АН СССР, И-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 240 с.
2. **Гуткин К.** К 60-тию Карельской АССР. Член Губисполкома / Ленинская правда. – 1980. – № 120 (18063).

3. **Заводовский М. Н.** Жилищно-санитарное благоустройство г. Петрозаводска / Гигиена и эпидемиология. – № 2. – 1922.
4. **Заводовский М. Н.** Программа санитарного описания селений АКССР. – Изд НКЗ. – 1927.
5. **Мы освободим родную советскую землю: Письма с фронта, письма на фронт** / Архивное управление при Совете Министров КАССР. – Сост. Н. М. Минин, Н. В. Шумейко. – 2-е изд. доп. – Петрозаводск: Карелия, 1990. – 368 с.
6. **Нарк.** ф. 25. оп. 20. Д. 26/263. Формулярная ведомость о церквах Кижского погоста Петрозаводского уезда за 1880 г.
7. **Олонецкие** губернские ведомости. – № 16. – 1903.
8. **Олонецкие** губернские ведомости. – № 17. – 1903.
9. **Памятная книжка** Олонецкой губернии на 1912 г. – Петрозаводск. – 1912.
10. **Православие** в Карелии: Материалы 3-й региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов / отв. ред. Пивоев. – Петрозаводск : Изд-во КарНЦ РАН, 2008. – 480 с.
11. **Список** должностным лицам гражданского, военного и других ведомств Олонецкой губернии. – Петрозаводск, 1894. – 123 с.
12. **Три века** Петрозаводска: иллюстрированная история города 1703–2003 гг. / авт.-сост.: Ю. В. Шлейкин, Н. П. Кутьков, В. П. Лобанов. – Петрозаводск : ПетроПресс, 2003. – 320 с.

*Дианова К. А.,
Петрозаводский государственный университет*

А. Ф. Шидловский и Вологодское общество изучения Северного края

В начале XX в. на Европейском Севере России большую роль в изучении края играли краеведческие Общества, созданные в губернских центрах – Архангельске, Вологде и Петрозаводске. Появление данных Обществ было связано с некоторой демократизацией общественно-политической жизни в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг., которая послужила толчком для создания различного рода организаций, в том числе и историко-краеведческого характера.

Одним из активнейших деятелей, сыгравших важную роль в становлении и развитии краеведческих Обществ на Европейском Севере России, был Александр Фёдорович Шидловский (1863–1942). За труды по составлению библиографии по Северу и краеведческую работу в северных губерниях России он даже был награжден серебряной медалью имени П. П. Семенова¹.

Свою карьеру Шидловский начинал в качестве военного: после окончания Николаевского кавалерийского училища он продолжил военное образование в Военно-юридической академии, а затем – Офицерской кавалерийской школе в Санкт-Петербурге. В 1903 г. в звании полковника он перешел на гражданскую службу по ведомству Министерства юстиции. В 1906 г. Шидловского перевели в Министерство внутренних дел и назначили вице-губернатором Вятской губернии, однако уже в ноябре 1907 г. он был переведен на этот же пост в Архангельск. Шидловский увлекался историей, литературой, библиографией и архивным делом, в 1890-е гг. активно публиковался в журнале «Русская старина»; поэтому, находясь на посту вице-губернатора, он продолжал заниматься исследовательской работой².

В связи с этим Шидловский также стал одним из инициаторов создания в декабре 1908 г. и первым председателем Архангельского общества изучения Русского Севера (далее – АОИРС) – первого крупного объединения краеведов региона. Основной задачей Общества было изучение края для выявления его особенностей с целью привлечения внимания правительства и общественности к существующим проблемам. Для этого члены АОИРС планировали собирать разного рода материалы; организовывать научные исследования по разным вопросам местной жизни путем снаряжения экспедиций, образования комиссий из членов и др.; разрабатывать и публиковать собранные материалы; распространять научные сведения о губернии путем устройства публичных чтений, временных выставок, справочных бюро и т. д.³ Основные результаты исследований члены Общества публиковали в журнале «Известия АОИРС», выпуск которого был налажен с 1909 г.

Деятельность архангельских краеведов послужила примером и для соседних губерний: уже 12 апреля 1909 г., по образцу АОИРС, в Вологде было создано ВОЙСК. На одном из первых заседаний Правления данного Общества обсуждался вопрос о сотрудничестве с аналогичными научными объединениями, для чего было решено «переслать устав Общества ученым обществам с извещением о приступе нашего Общества к деятельности и с просьбой о

¹ Григорьев С. В. Биографический словарь. Естествознание и техника в Карелии. – Петрозаводск, 1973. – С. 242.

² Шидловский Александр Федорович // Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы: биографический справочник. – Петрозаводск, 2006. – С. 92.

³ Устав Архангельского общества изучения Русского Севера. – Архангельск, 1908. – § 1–2.

высылке ему печатных трудов»⁴. Следует отметить, что в АОИРС основой для установления сотрудничества с другими обществами был журнал «Известия АОИРС», который высылался в обмен на издания данных организаций. Вологодскому же обществу долгое время, до 1914 г., не удавалось издавать свой журнал, что в определенной степени ограничивало возможности для налаживания таких же обширных контактов какие, например, были у АОИРС.

Одним из направлений работы указанных краеведческих Обществ был сбор библиографических материалов по Русскому Северу. Шидловский еще до основания АОИРС всерьез занялся библиографией, и потому уже к 1909 г. под его руководством был собран значительный материал – до 10 тысяч карточек русской и иностранной литературы по Северу. В мае 1909 г. Шидловский обратился в ВОИСК с предложением о сотрудничестве в области библиографии, поскольку в Вологде также велась работа в этом направлении. Члены АОИРС особо приветствовали инициативу ВОИСК по изданию «Указателя литературы по Северному краю» П. А. Дилакторского, поскольку это, по их мнению, восполнило значительный пробел⁵.

Для установления более прочных контактов между Общества Шидловский, в качестве председателя АОИРС, приглашал на обсуждение докладов по наиболее важным проблемам Севера и членов ВОИСК. Так, в сентябре 1909 г. для обсуждения проектов Обь-Архангельской и Восточно-Уральско-Беломорской железных дорог в АОИРС были приглашены представители ВОИСК⁶. Следует отметить, что в дальнейшем члены ВОИСК выступили против последнего проекта, сочтя его не отвечающим интересам Вологодской губернии как части Русского Севера.

Шидловский и далее приглашал членов ВОИСК для участия в обсуждении наиболее важных проблем, касающихся всего Севера. Так, в апреле 1910 г. в Архангельск был командирован член Правления Вологодского Общества Ф. М. Новокшанов для участия в лекции «О нуждах лесов северного края», прочитанной в АОИРС профессором Сурож⁷.

Летом 1911 г. Шидловский был назначен вице-губернатором Олонецкой губернии. Прибыв в Петрозаводск, он предложил местной интеллигенции создать свое краеведческое общество по образцу Архангельского. Это предложение было поддержано, и 18 апреля 1913 г. было учреждено Общество изучения Олонецкой губернии (далее – ОИОГ). Целью этого Общества также было стремление «изучать край в историческом, географическом отношении, привлекать правительственное и общественное внимание к нуждам и особенностям губернии для содействия проведению в жизнь необходимых в крае улучшений»⁸.

В Вологодское Общество было направлено объявление об открытии ОИОГ и приглашение на его Первое торжественное заседание⁹. В дальнейшем Олонецкое Общество также налаживало сотрудничество с вологодскими краеведами, и большую роль в этом по-прежнему играл личный вклад А. Ф. Шидловского. Так, еще в январе 1913 г. он отправил в ВОИСК снимки с гравюр Корнелия де Брюна видов Вологды, Устюга и Тотьмы, которые в дальнейшем были переданы в музей Вологодского Общества¹⁰.

Одновременно являясь вице-губернатором Олонецкой губернии и председателем местного краеведческого Общества, Шидловский сумел наладить регулярный выпуск журнала «Известия ОИОГ», в котором публиковались основные результаты краеведческих исследований. Кроме того, по примеру АОИРС, журнал стал основой для установления контактов и обмена изданиями с другими научными обществами. В связи с этим в конце 1913 г. Шидловский предложил наладить обмен изданиями и с Вологодским Обществом¹¹, которому в 1914 г. удалось выпустить первый номер «Известий ВОИСК». Однако с началом Первой мировой войны сотрудничество краеведческих Обществ было несколько приостановлено: это было связано с сокращением численности членов Обществ и с уменьшением финансирования, а также с определенными ограничениями в условиях военного времени, что в целом привело к некоторому свертыванию краеведческой работы.

В то же время война не сумела полностью остановить деятельность краеведческих Обществ Европейского Севера России, а даже напротив – стала в некотором роде новым импульсом к работе. Так, летом 1915 г. был открыт Тотемский Отдел ВОИСК, куда тут же было направлено приветствие от А. Ф. Шидловского, а также

⁴ Журналы заседаний правления общества изучения северного края (12 апреля 1909 г. – 22 декабря 1917 г.) // Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). – Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 1–4.

⁵ Переписка с различными учреждениями, обществами и отдельными лицами. Список членов Вологодского общества изучения северного края. Сведения к проекту Нижегородско-Обской железной дороги (9 мая 1909 г. – 27 октября 1916 г.) // ГАВО. – Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 3.

⁶ Переписка с различными учреждениями, обществами и отдельными лицами. Список членов Вологодского общества изучения северного края. Сведения к проекту Нижегородско-Обской железной дороги (9 мая 1909 г. – 27 октября 1916 г.) // ГАВО. – Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 6.

⁷ Отчеты о деятельности правления общества изучения Северного края (12 апреля 1909 г. – 12 марта 1917 г.) // ГАВО. – Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 4 об.

⁸ Известия АОИРС. – 1912. – № 16. – С. 759.

⁹ Переписка с различными учреждениями, обществами и отдельными лицами. Список членов Вологодского общества изучения северного края. Сведения к проекту Нижегородско-Обской железной дороги (9 мая 1909 г. – 27 октября 1916 г.) // ГАВО. – Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 88.

¹⁰ Журналы заседаний правления общества изучения северного края (12 апреля 1909 г. – 22 декабря 1917 г.) // ГАВО. – Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 45–46.

¹¹ Переписка с различными учреждениями, обществами и отдельными лицами. Список членов Вологодского общества изучения северного края. Сведения к проекту Нижегородско-Обской железной дороги (9 мая 1909 г. – 27 октября 1916 г.) // ГАВО. – Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 100.

пожелания «успешной и плодотворной работы на пользу нашей Северной окраины». Также Шидловский, «как человек немного поработавший в этом направлении и имеющий некоторый опыт», посоветовал созданному Отделу «не смущаться всеми теми затруднениями, которые неизбежно встретятся на пути, и не огорчаясь недостаточно сочувственным отношениям местного общества к Вашей задаче, энергично продолжать Вашу полезную деятельность – Наше Общество и я лично рады служить Вам своим опытом и знанием и Вы всегда можете рассчитывать на наше полное содействие». Кроме того, в честь по случаю открытия Шидловский подарил Тотемскому Отделу комплекты «Известий ОИОГ» за 1913 и 1914 гг., а также снимок с гравюры «Тотма в начале XVIII столетия» с выписью из «Путешествия Корнелия де Брунна через Московию» (1709 г.)¹². Всё это было положено в основу формирования библиотеки и музея данного Отдела.

В конце 1915 г. возникла идея об объединении всех краеведческих обществ Севера России, включая АОИРС, ВОИСК и ОИОГ. В январе 1916 г. в Ярославле по этому поводу состоялось совещание, в котором приняли участие представители Ярославского естественно-исторического общества, Владимирского Естественно-Исторического общества, Костромского общества по изучению местного края, ВОИСК и др. Данное совещание подтвердило идею о необходимости объединения северных краеведческих обществ и признало желательным включить в состав предлагаемого объединения 12 губерний: Архангельскую, Вологодскую, Новгородскую, Олонецкую, Вятскую, Пермскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Нижегородскую, Московскую и Петроградскую. Для реализации данного проекта было решено создать в Вологде организационное Бюро по объединению научных обществ севера России и устроить в 1917 г. в Вологде съезд представителей обществ¹³. Однако последнее не удалось реализовать в связи с началом революционных событий, которые поставили краеведческую работу на второй план.

Что касается А. Ф. Шидловского, то в самом начале 1917 г. он вновь был переведен на службу в Архангельскую губернию, после чего он был вынужден несколько приостановить свою исследовательскую работу – всё внимание краеведов в тот период было обращено к политической жизни страны. В ходе гражданской войны АОИРС и ОИОГ прекратили свое существование, а ВОИСК – приостановило работу. В 1920-е гг., вошедшие в историю как «золотое десятилетие» отечественного краеведения, краеведы Архангельска, Вологды и Петрозаводска возобновили свою работу, во многом следуя тем принципам и методам, которые были заложены еще в дореволюционный период, в том числе и усилиями Шидловского.

Что касается его самого, то он успешно продолжил изучение Севера в Академии наук: занимался составлением климатических и гидрографических карт Севера, подготовкой к 200-летию академии в 1925 г., описанием Мурманской дороги и т. д. Однако с 1929 г. Шидловский подвергся гонениям со стороны властей: он был уволен из Академии и лишен всех прав как «враг пролетариата, не поддающийся перевоспитанию». Только заступничество академика Ферсмана, руководителей Арктического института Визе и Самойловича, геолога Кулика в 1933 г. помогли ему на некоторое время вернуться в науку. Но уже в марте 1935 г. Шидловский был арестован и без всякого обвинения выслан Особым совещанием в Казахстан как «бывший тюремщик и губернатор». Вскоре ему разрешили поселиться в Муроме, Шидловский продолжал свою работу по библиографии Русского Севера. В 1942 г. Шидловский скончался¹⁴.

Несмотря на столь тяжелую судьбу, Александр Федорович Шидловский внес большой вклад в изучение Русского Севера, в том числе и в становлении краеведческого движения в Вологде – путем содействия ВОИСК. Последнее в свою очередь, наряду с АОИРС и ОИОГ, заложило основы для дальнейшего изучения Европейского Севера России.

Ершов В. П.,

Карельская государственная педагогическая академия

Магические формулы в фондах музея «Духовной культуры» КГПА

«Заговор – это магические формулы, предназначенные для достижения практических целей» (Турилов, Чернецов, С. 16). Считаются древнейшим самостоятельным жанром устной поэзии. В то же время, они могут входить как составные части в другие эпические произведения (рун, саг, ёйг) и фольклора. О широком распространении этого магического искусства в прошлом свидетельствуют руны, наполненные заговорными стихами – эти древнейшие документы первобытной эпохи, понять которую без них трудно. В далекие времена они обслуживали все стороны жизни человека и общества (рода, племени, общины): на случай войны, охоты, оберегание территории, жилища, скота, жизни человека, его лечение, заклинания, сопровождали обрядовую

¹² Отчеты о деятельности правления общества изучения Северного края (12 апреля 1909 г. – 12 марта 1917 г.) // ГАВО. – Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 54.

¹³ Наряд об объединении ВОИСК с Архангельским обществом изучения русского севера и с другими обществами Севера (15 ноября 1911 г. – 8 июля 1916 г.) // ГАВО. – Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 27.

¹⁴ Доморошенов С. «Мало я сделал, господа...»: [Электронный ресурс] / Доморошенов С. – Электр. ст. – Режим доступа к ст.: <http://www.pravdasevera.ru/?id=1051773997>.

(магическую) практику. Они дошли до нас в качестве фрагментов обширных заклинательных текстов, зачастую трансформированных, с большими утратами и разрывами, с включениями формул и персонажей из христианства. И все же, в силу сакрального отношения к слову заговоры сохранялись на протяжении тысячелетий и сохранились! К Слову относились как к святыне, ибо изменение священной формулы считалось утратой ее силы. Нечто подобное мы наблюдаем в индийских ведах, сохраненных в неизменном виде человеческой памятью на протяжении тысячелетий. Их хранителями – как в Индии так и на Руси были жрецы, ведуны, знахари, лекари, колдуны, кудесники, ворожеи, ведьмы, повитухи, пастухи, кузнецы, скоморохи. Исполнение заговоров было священнодействием. Шептались они в уединении, подальше от чужих ушей, в особом состоянии знахаря.

Известный исследователь рунического наследия Пертту Пекка пишет, как исполняла заговор уже в наше время Юлисен Оути: «Она рассказывала о заговорах, которые знали и применяли ее мать и бабушка, и для наглядности исполнила заклинание от «баенного пара». Во время исполнения я заметил в уголке ее рта затаившуюся улыбку, которая ни в коем мере не входила в «игру», так как Оути прочла заговор так, как его читали знахари, с тем, чтобы я мог записать его на магнитофонную ленту. Не были забыты Оути никакие эффекты исполнения – ни многозначительные интонации, ни меняющийся ритм стиха, ни различная в разных местах скорость чтения. Но затаенная улыбка выдавала истинное отношение заговору, потому что обычно заклинания произносятся в состоянии неистовства» (Пертту, След лодки Вяйнямйнена, С. 159).

Записанные заговоры можно и сейчас увидеть у многих деревенских (да и не только деревенских) жителей в тетрадочках, на отдельных листочках, хранящихся в укромных местах. Вера в силу и прочность заговорного слова, с помощью которого человек общался с таинственными и могущественными стихиями (божествами, духами, стихиями, Хозяевами), способствовала его неизменности, как по структуре, так и по содержанию. Потаенность этого жанра делает его исключительным в ряду других эпических и фольклорных произведений. Старые листки, конечно, сохраняли текст, но как справедливо пишет Пертту Пекка «как много мы потеряли, не имея возможности увековечить манеру исполнения (выделено нами – В. Е.) заговоров во времена истинных ведунов. Хоть и дошли до нас записанные на бумаге слова этих заговоров, поражающие своим поэтическим совершенством, но текст не дает полной картины – так же, как слова песни, лишенные музыки, или пьеса, не поставленная на сцене» (Пертту, С. 159).

Тайну сию народ хранил верно, записывать, собирать заговоры было нелегко, как, впрочем, и публиковать. Негласное табу лежало на этом жанре всегда – от средневековья и до советского времени. Если в средневековье колдунов, ведьм, ворожей сжигали, живьем закапывали в землю, то в 30-е годы XX века арестовывали, судили, штрафovali. Обо всем этом можно прочитать в интересной книге Тамары Сергеевны Курец «Русские заговоры Карелии».

В справочных изданиях заговоры часто называются заклинаниями, колдовством, суеверием. В Энциклопедическом словаре (М., 1980) заговор рассматривается как суеверие (С. 451). В «Словаре русских суеверий» (Нижний Новгород, с. 157–158) заговор (ворожба) рассматривается как магическая сила слова, проявление которой оговаривается рядом условий, несоблюдение которых лишает Слово силы. В. Даль видит в заговорах колдовство (Даль, Т.-1, С. 569). И.М. Дуров так же считает это колдовством и в соответствии с идеологией 30-х гг. – суеверием (Дуров, с. 125, Словарь живого поморского языка... П., 2011). Я помню, как в бытность мою студентом Казанского педагогического института преподаватель «Основ марксизма-ленинизма» наряду с религиозностью отвергал и заговоры, как проявление суеверий, темноты и невежества. И я искренне верил, что это, действительно так, пока мне не попали в Карелии несколько «любовных» заговоров, «присух», в которых я почувствовал народную поэзию, любование Словом, ритмику стиха, сказочные формулы, биение горячего чувства. Это теплое прикосновение народной поэзии к душе человека мне захотелось передать и студентам.

Эта статья о коллекции заговоров, хранящихся в фондах музея «Духовной культуры Карелии» (МИРАПИ, МДК – 254, 445, 1325, 1471–1475). В коллекции более 300 текстов заговоров на русском и карельском языках (выражаю благодарность старшему преподавателю карельского языка КГПА Т. И. Медведевой за редактирование карельских текстов), «Святые письма», «Сны Богородицы», записи быличек, обрядов, примет... Коллекция собиралась 30 лет. Это пока неопубликованный материал, собранный студентами-непрофессионалами (т. е. не филологами), а так же автором за время жизни и работы в Карелии. В настоящее время я готовлю ее к публикации. В основном – это записи студентов-заочников разных факультетов КГПИ-КГПУ-КГПА. Я выбрал эту категорию студентов не случайно: большинство из них проживают в районах республики, многие уже встречались с проявлениями в жизни заговорной практики, имеют среди своих родственников «знающих» людей, по сравнению с очниками имеют значительно больше жизненного опыта, легче устанавливают контакты с людьми. В силу всего этого им значительно легче вести собирательскую работу.

В процессе подготовки студентов к этой нелегкой работе (через семинары, индивидуальные консультации) я старался показать им специфику сбора материала, методику работы. И хотя методика сбора материала была отработана, тем не менее, у многих проявились досадные ошибки в работе: не всегда указан возраст информаторов, их имена-отчества, или не указаны сопутствующие магические действия.

Анализируя собранный материал, я убедился:

1. Что и в настоящее время в народной среде заговоры востребованы, есть немало «знающих», которые используют свое искусство при лечении детских, кожных и др. заболеваний, а так же «помогают» при решении личных проблем. Например, известная поморская сказительница Фекла Быкова вспоминает:

«Были у нас в деревне старухи-шепотухи. Они знали заговоры – как кровь заговорить, и как дитя от лихomanки вылечить. Эти заговоры они держали в великой тайне. Произносили их тихим шепотом. И все же их приговоры да причеты я выучила. Бывало и применяла их на практике...».

Студент 4 к. факультета «Физического воспитания» Зинков В. В., п. Повенец, 1985 год:

«Долгое время страдал от фурункулов. Обращался к врачам, но нарывы появлялись снова. По совету знакомой обратился к женщине, она работала в магазине. Осмотрев плечо, она подвела меня к стенке, взяла нож с деревянной ручкой и рукояткой обвела несколько раз вокруг чирья, каждый раз постукивая о сучек в стенке и что-то приговаривая. Вся процедура длилась 1–2 мин. Не помню точно, когда исчез фурункул – через день или два, но уже через неделю плечо было здоровым, и больше я не страдал от фурункулов».

Кулаков Н. И. – преподаватель физкультуры школы № 16 г. Северодвинска (1983 г.). В спортлагере у меня появился фурункул. Хотел обратиться в больницу, но знакомая женщина предложила безбольно и быстро вылечить. Я в это плохо верил, тем не менее, пошел. Она делала круговые движения вокруг фурункула, что-то шептала, сплевывала. На следующий день я стал лучше себя чувствовать. Люди говорили, что она многим помогает...

Ягуров А. В., тренер: родилась дочь, и до года перепутывала день и ночь. Ночью совсем не спит. Сходили к знахарке, та что-то пошептала. И вот дочке год и четыре месяца, спит спокойно по 12–13 часов. Стал совсем другой человек.

Бурцева Л. И., председатель городского Совета ДСО «Спартак»: Нарывал палец, обратилась к врачу. Он вскрыл, но почему-то направил к «бабке». Она заговаривала, гной выходил, напоминавший волос. После третьего дня палец опух вновь...

Тихонов В. И., г. Петрозаводск: в 1968 г. на левой руке появилась большая бородавка и очень болела. Знакомые предложили сходить к бабушке. ... Она взяла нитку, обвязала ею бородавку и что-то шептала. Затем положила эту нитку в карман фартука и отправила меня домой. Через месяц бородавки не стало.

Завадская В. А., г. Петрозаводск: ветрянка – детская болезнь, но иногда может заболеть и взрослый человек. Моя бабушка вылечила одного мужчину: велела ему одеть красную рубашку и стала заговаривать (слов не слышала). Через два дня болезнь прошла...

Николаева В. В., студентка з/о ЕГФ, Туксинская школа, Олонецкий район, географ. В 1985 году записала заговоры от своей бабушки Жарковой Анны Александровны: «она знает заговоры на «грыжу», «на ячмень». Научила этим заговорам и меня. Потом я заговаривала чирий и грыжу двум детям, вроде бы спать они стали спокойней.

Федорова В. Е. п. Салми: я жила у бабушки в д. Тукса Олонецкого района (у Лидии Герасимовны Федоровой). Она заговаривала мне ангину. Засушенный поросячий пяточок она прикладывает к печи, дует на него, затем прикладывает к горлу и что-то шепчет. Мне нельзя разговаривать, смеяться. Бабушка моя карелка, креста не признает, никогда не крестится, в церковь не ходит, но в бога верила, правда, не знаю в какого. И, умирая, запретила ставить крест.

Таких записей много, редко, кто не знал или не сталкивался с заговорами в наше время.

2. Конечно, сфера их использования значительно сократилась. Они бытуют в глубинке, где нет больниц или фельдшерских пунктов, где трудно до врачей добираться или врачам не очень доверяют, особенно в лечении таких детских болезней как родимчик, грыжа, рожа, испуг.

3. До сих пор сохраняется отношение к заговорам как сакральному искусству, что ярко проявляется при их хранении, при записи, при передаче другому лицу: носители их неохотно открывают свои тайны.

4. Тем не менее, ярко проявляется противоположная тенденция – заговоры стали тиражироваться в СМИ, в интернете, на телевидении, откровенно пропагандируют себя разного рода знахари, колдуны, специалисты по любовным делам, по снятию сглаза, порчи с соответствующими комментариями, советами (например, г. «Семья», № 38 от 16–22 сентября 1991, от 23–29 декабря 1991; от 1992 г., г. «24 часа», 1991 г., г. «На досуге», г. «Вперед» (г. Медвежьегорск), ж. «Работница», №№ 6, 1991, № 2, 1992 и т. д.). Причем сфера действий «колдунов», «знахарей», «целителей» значительно расширилась в соответствии с печальной действительностью.

5. Появились литературные обработки заговоров. В 2009 году, например, вышла небольшая книжечка карельского поэта Ивана Костина «Заповедное слово. По мотивам заговоров и заклинаний». П., 2009.

6. Время наложило свой отпечаток на заговорную тему: наблюдается сокращение текстов, их деформация, рудиментированность, при переписывании текста нередко искажаются отдельные слова, отчего уходит смысл, появляется современная стилистика: уходит сказочная реальность, красочность:

– Хозяин с хозяйшкой,
Пустите нас жить.
И сами живите тихо, спокойно,
И нас не беспокойте,
И сами не расстраивайтесь,
И нас не расстраивайте...

Или: «Хозяин с Хозяйшкой, с малыми детушками, мойтесь, все вам тут в достатке, мойтесь, парьтесь...».
«Черт, Черт, помоги воду с лодки убрать».

«Как с гуся вода, так с Танечки (имя) – худоба».

«Грызу, выгрызу грыжу у младенца (имя). Аминь!» (При грыже).

Заговор от клещей, клопов и тараканов: «Здравствуйте, клещи, оставайтесь в чащи!»

Самыми поэтичными были «присушительные» заговоры, но и их коснулось разрушительное время: например, присушка: подавая жидкость любимому, сказать:

«Как моя слюна бела, буду (имя в ласкательной форме) (имя мужчины) мила!»

7. Получают распространение заговоры, приближенные к детским стишкам:

Варись-варись, каша,

И румяна и вкусна.

Принеси добра

Для нашего двора.

Или:

Мышка-игрушка, ты подшутила над рабом Божьим младенцем.

Я, раба Божия, отшучу над тобой.

На-ко топорок, да ножичек,

Да палочку и работай во всю ночь.

Не спи и дай рабу Божьему (имя) младенца спать.

И будьте мои слова

Крепки и емки.

Дождик, дождик, перестань, мы поедem на ердан.

Станем богу молиться, Христу поклониться.

Ключиком, замочком, шелковым платочком, утиральничком.

(Заговор на прекращение дождя)

9. Появились новые функции заговоров – обереги от злых начальников, от современных вездесущих воров, заговоры на дело (чтобы дело спорилось):

«Как этот узел завязан, так бы и у нас, рабов Божиих (имя) дело скоро сошлось». Завязать узлом нитку, положить через порог, проговоря заговор, уйти.

Заговор при закрывании двери на замок:

Камена стена, железен тын,

Замок мой. Аминь! Аминь! Аминь! Закрывают дверь, затем надо перекрестить дверь мизинцем.

Заговор-оберег при выходе на улицу: «Здравствуйте – здорово! Я здоровее вас!»

При получении новой работы: входя в здание три раза сказать: «Я – волк, всех под лавку! Я лучше всех, умнее всех!»

10. В тексты заговоров входят новые слова, понятия, реалии современности: «здорово», начальник, кабинет, диваны, кресла, деньги, сдача...

«Вздымаюсь на крыльцо начальника... Не тот, не тот хозяин, который в кабинете живет, а тот, который в крыльцо идет...»;

«Купить хлеб, подать деньги в кассу магазина и сказать: «Вот вам деньги без сдачи (вслух), и ячмень в придачу (шепотом)» (От ячменя).

11. Известно, что заговоры уже в далеком прошлом испытали сильное влияние православия. Архаичные формулы заменяются христианскими, мифологические образы уступали место евангельским персонажам, заговор принимал форму молитвы или контаминация заговора с молитвой. Нередко сохраняется древняя, дониконовская формула в конце молитвы: «век-повек, отныне и до век», иногда – «во веки веком».

Или молитва-оберег от воров, записанная в пос. Ледмозеро:

«Огороди, господи, силою честною и животворящего креста твоего. И сохрани нас от всякого зла. Во имя отца и сына и светого духа. Аминь!»

«Крест господний на весь мир – освещенный, благодатный и... (неразборчиво) Господа нашего Иисуса Христа, дай нам оружие от врагов наших видимых и невидимых. Аминь!» (Стиль и орфография сохранены – В. Е.).

Встречаются тексты заговоров, списанные со старых листов, содержание переписчику было уже не понятно или не разбирал почерк – многие слова деформированы, православные формулы или персонажи искажены, поскольку религиозная грамотность была низкой, например: «Вокруг моего хозяйства каменная стена, черно мако сейна, спасова рука, пречисть замок. Закрой ты, Господи, своєю нетленного ризою...».

В заговоре на грыжу евангельский Лазарь становится Назарем, его почему-то избивают, как Христа жидове (евреи), хотя, возможно, заговор имеет в виду «Иисуса Назорея», формула «во веки веков» трансформируется в «Век навек донинь во век»:

Били жидова святого Назаря
Между мукой, между раем.
На Алтарном пороге приходила
К Назарию болезнь грыжняя...

12. Тем не менее, собранные нами заговоры сохраняют свою мифологическую природу. В них мы видим обращение к природным персонажам – Солнцу, месяцу, луне, ветрам, Востоку (востоку). Сохраняются яркие метаобразы: железная щука, безглазый ворон, змея Шарлупея, камень Алатырь, многие заговоры обращены к иному миру и его персонажам, используются их силы, могущество, сохраняется мотив дороги, тропы, по которым идет заговорщик: «Выйти на перекресток дорог, что услышишь, то и сбудется...»¹, сохраняются сакральные локусы: лес, камень Латырь, порог, дверь, ворота, баня, цифровая магия. Чаще всего упоминаются Заря утренняя и Заря вечерняя – богини восточно-славянского мифа, сестры Солнца, возвещающие приход своего лучезарного брата на небосвод и уход его в таинственный мир мрака. Они изображались в образе огненно-красной девы (Мария) и девой зеленой (Маремьяной). Они имеют волшебную самопрялку, на которой прядут золотые нити для завесы – утренней и вечерней.

Интересно для современного человека олицетворение болезней: Будихи, что не дает ребенку спать по ночам, Девы лихорадки – бескрестные, беспоясные,пологрудые и косматые, Чирий-Василий, бабы-шимоволоски, девки домоволоски, Прытка – дух удачи, страшный лесной дух Пушевик, дух похититель – Удельница, Призоры и Прикосы, прицы... Все это известно исследователям заговоров. Остановлюсь только на одном персонаже: на Змее Шерлупее. «...Это – одна из наиболее сложных и неразгаданных фигур мирового фольклора и мировой религии», - пишет В. Пропп (Пропп, Истор. Корни волш. сказки, С. 216). Действительно, если персонажи заговорной поэзии чаще всего понятны (ветры, заря-заряница, красная девица, Тряся и др.), то змеи носят таинственный и устрашающий характер. В заговорах змея называется – «змея лютая», или «поганые (несчастные) твари». В заговоре **от укуса** змеи называется и змея Шарлупея.

Почему Шарлупея? Что это за образ? Былине и сказке хорошо известен Змей Тугарин (Тугарин Змеевич) или Змей Горыныч, которого побеждает Алеша Попович, Добрыня Никитич. Учеными установлено, что этот сказочный и былинный персонаж Змей Тугарин – историческое лицо: половецкий хан Тугоркан, убитый в бою русскими. Известно даже, что произошло это 19 июля 1096 года. Он был из династии Шаруканидов. Советский лингвист, доктор филологических наук И. Г. Добродомов установил, что имя Шарукана у половцев означало (переводилось) как «змей». Имя тотемистическое, оно было известно славянам, в русских летописях упоминается половецкий город Шарукан (змиев город). Таким образом, в лице Тугоркана Шаруканида персонифицировалась вся «змеиная» династия половецких ханов, терзавших русскую землю. Память заговора в сохранила в деформированном виде 12 гнезд на дубе (дуб – символ русской земли) с двенадцатью змеями во главе со змеей Шарлупеей. (А. Членов «Жил-был Змей Горыныч», г. «Неделя № 9, 1983). Не забыло Змея и народное декоративно-прикладное искусство: деревянные ковши с ручками в форме змеи встречаются еще и поныне, начиная с Древнего Новгорода, здесь змей переосмыслен как доброе божество – змей-покровитель. Христианство в свою очередь переосмыслило языческое божество как негативное, враждебное. Змеевидный славянский Велес разделил судьбу всех богов Киевского пантеона. Змея знала и карельская древность. В археологических находках нередко встречаются изображения или скульптурки змеи (Шуйская Чула – каменная подвеска с изображением змеи, Оленеостровский могильник – две фигурки змеи, в средневековом могильнике Карелы XII–XIII в. (д. Суотниemi) найдено шейное украшение с золочеными змеиными головками. Кочкуркина С. 97).

13. Записи заговоров студентами сопровождаются иногда очень интересными и важными характеристиками людей, от которых записывали. Судьбы этих пожилых людей не могут не волновать. В них отразился наш трагический XX век – с революциями, войнами, экономическими экспериментами, с неумной политикой вождей по отношению к крестьянину. Трудное время, трудная жизнь...

Анна Арсентьевна Никифорова. От нее записала заговоры студентка 1 курса педфака КГПИ з/о Мухина Светлана Алексеевна, п. Каменный Бор, Сегежский р-н, в 1979 г. Родилась она в д. Пригорье Смоленская обл., 1907 г/р. в семье крестьянина. В 18 лет вышла замуж в д. Оселье Смоленской области. Муж умер, оставив ее с 3 детьми. Войну пережила в своей деревне, а в послевоенные годы переехала в Белоруссию в поисках работы. Ходила по домам, помогая крестьянкам по хозяйству. В 1953 году вербуетея в леспромхоз в Телекино Медвежьегорский р-н., работала в лесу, в детских яслях поваром. В 1960 г. всех жителей поселка переселили в Каменный Бор Сегежского района. Работала сторожем на лесопункте Майгуба до 1969 г. Вышла на пенсию. Умерла в 1979 году. Знала много заговоров, частушек, сказок, песен от своей мамы и от старушек-подружек.

Екатерина Ивановна Мишина – свекровь студентки: неактивно-верующая, слабо разбирается в религиозном учении, активно интересуется наукой, событиями жизни, читает газеты, ходит в кино, слушает радио, смотрит телевизор, работает в ДК уборщицей и с удовольствием ходит на все мероприятия в ДК. Знает заговоры, у нее 8 внуков и всем заговаривала что-либо. Рассказать заговоры категорически отказалась (запись 1988).

¹ Мотив дороги часто встречается в сказках, например сказка «Колобок».

Литература:

1. **А. А. Турилов**, А. В. Чернецов Отреченные верования в русской рукописной традиции // Отреченное чтение в России XVII–XVIII века. М., 2002.
2. **Пертту** Пекка След лодки Вяйнямйнена, П., 1985.
3. **Т. С. Курец** «Русские заговоры Карелии». П., 2000.
4. **Энциклопедический** словарь, М., 1980.
5. **М. Чулков** «Словарь русских суеверий», Нижний Новгород,
6. **В. Даль**, Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, Т.-1.
7. **Дуров И. М.**, Словарь живого поморского языка, П., 2011.
8. **Библиодайджест** Быкова Фекла Ивановна, Беломорск, 2009.
9. **Иван** Костин «Заповедное слово. По мотивам заговоров и заклинаний». П., 2009.

Федосов А. В.,

Культурный центр МВД по Республике Карелия

Полиция Олонецкой губернии накануне Первой Мировой войны

Драматические события в России, последовавшие после шквала Февральской революции 1917 года, не только уничтожили Российскую империю, в корне изменив социально-политические и общественные устои некогда могущественной государства, но и создали все предпосылки для следующего Октябрьского переворота, определившего большевистскую стратегию его дальнейшего развития в условиях небывалого по своим масштабам геноцида собственного народа. В этой череде событий первыми приняли на себя удар верные долгу и присяге чины немногочисленной городской и сельской полиции, открыв тем самым счет в массовой бесчеловечной бойне российского народа, основанного в дальнейшем исключительно на идеологических доктринах новых вождей. Благодаря их постулатам состоялось причисление российской полиции к главным силам и «оплоту самодержавия» с одновременным преданием советской «анафеме» и автоматическим переводом всех бывших полицейских служащих в категорию «врагов народа».

Попытка большевиков на первых порах вовсе обойтись без органов охраны правопорядка привела к непоправимым результатам, а дальнейшее создание новых органов в составе милицейской системы оказалось целиком построенным на презираемом ими же прежнем полицейском опыте. Поэтому уже «к середине 1920 гг. всякое упоминание в печати о полиции, как таковой, и методах ее работы, для исключения возможности размышлений в обществе, наводящих на аналоги с новой правоохранительной системой страны, попало под строжайший запрет»¹.

Только спустя более 80 лет история царской полиции стала предметом для серьезного изучения в новой стране – Российской Федерации в рамках подготовки к празднованию в 2002 году 200-летия МВД России с одновременной попыткой объединения имперской, советской и современной российской истории правоохранительных органов.

Наша задача также способствовать этому в рамках современной науки Республики Карелия, а также оказать помощь процессу реабилитации российской полиции в целом и полиции Олонецкой губернии в частности, особенно ввиду того, что в отношении последней в республике каких либо исторических исследований фактически не проводилось/

В конце XIX – начале XX вв. Российская империя вступила в период своего небывалого промышленного подъема, увеличения населения городов и развития рыночных отношений, где «особенностью экономики России являлись резкие контрасты – сочетание отсталого полуфеодального сельского хозяйства с новейшими формами промышленного капитализма»². На этом фоне произошедшая «первая российская революция 1905–1907 гг. была порождена глубокими противоречиями в экономическом и социально-политическом развитии страны после реформы 1861 г., а также неудачным консервативно-реформистским курсом, проводившимся правительствами Александра III и Николая II. Ее мощными ускорителями стали промышленный кризис 1900–1903 гг., неурожаи и голод, поразившие многие губернии России в 1902–1904 гг., и русско-японская война 1904–1905 гг.»³.

При этом помпезно названная идеологами большевизма высоким словом «революция», она «носила чисто криминальный характер. Это была очередная русская буза, руководимая всяческим отребьем – ворами, бандитами и грабителями», которой «С. Ю. Витте тогда впервые дал четкое определение, ... назвав ее смутой»⁴.

¹ Ф. Лурье. Политический сыск в России. 1649–1917. Изд. Центрполиграф, МиМ-Деельта, М – СПб, 2006, с. 6.

² Великий Октябрь. Крат. историко-революционный справочник. Изд. политической литературы, М, 1987, с. 17.

³ http://welcome-karelia.ru/history-of-karelia/Kareliya_v_kontse_19-go_nachale_20-go_vekov.

⁴ А. В. Орлов. Исторические заметки для тех, кто жил в XX веке. Изд. «Мастерство», М, 2007, т. 1, с. 119.

В 1905–1907 гг. Олонецкая губерния вместе со всей страной впервые столкнулась с массовыми проявлениями протеста, где «собрания, митинги, манифестации рабочих стали обычным явлением в общественной жизни Петрозаводска» и ряда уездов, а также с волнениями в средних учебных заведениях города и брожением среди крестьян против существующих в деревне порядков, платежей казенных и земских налогов, выполнения натуральных повинностей, в т. ч. и за свои национальные приоритеты среди карел. При этом главными «носителями радикальных, революционных идей в Карелии в пореформенные десятилетия XIX в. выступали, главным образом, политические ссыльные», приток которых резко усилился с 1904 г. ввиду волнений в южных и центральных губерниях России и «временного прекращения ссылки в Восточную Сибирь из-за начавшейся русско-японской войны».

Все это крайне отрицательно влияло на поддержание системы правопорядка в губернии, изматывало имеющиеся силы полиции и жандармерии, вынужденные находиться в постоянной готовности и действовать оперативно для предотвращения негативного развития подобных событий, грозящих вылиться в «кровавые побоища». В дальнейшем их анализ стал поводом для губернской власти принять «экстренные меры по кадровому обновлению и повышению боеспособности подчиненных ему полицейских сил».

Роспуск 3 июня 1907 г. II Государственной думы в стране, начатый с подачи министра внутренних дел П. А. Столыпина, явился по существу «государственным переворотом», с которым связано не только окончание российской «смуты», но и дальнейшее укрепление новых более демократических основ жизни России. Этому способствовало и введение в стране ряда законодательных актов, определяющих использование войск для наведения порядка⁵, а также создание для охраны «благочиния» или правопорядка новых полицейских подразделений⁶. Всем этим на местах было укреплено положение полиции, а также возможности губернаторов для пресечения развития подобных событий. Введенное повсеместно Положение усиленной (чрезвычайной) охраны (общее название – исключительное положение)⁷ – определяло в государственном праве Российской империи возможность объявления особенного правового статуса для местностей, охваченных гражданскими волнениями и революционным движением. При этом губернаторам предоставлялось право административной высылки «смутьянов» на срок до пяти лет, а местной полиции – неограниченные возможности для задержания людей в течение двух недель только по подозрению в причастности к «преступному сообществу».

Принятые меры, а также акции по увольнению рабочих (в 1907 г. было уволено свыше 400 человек, в большинстве своем участников манифестаций 1906 г.), признанных нелояльными к действующей власти, активное преследование властями всех без исключения политических партий, как либеральных, так правых и левых, вынудило их «к отказу от активного участия в политической жизни», а то и к фактическому прекращению своей революционной деятельности. «Таким образом, первая в истории Карелии многопартийность, возникшая в ходе революционных событий конца 1905 – начала 1906 г. к середине 1908 г. перестала существовать».

Такой же участи подверглось и зарождающееся карельское национальное движение, сопровождавшееся полицейскими арестами активистов движения «Союза беломорских карел» и его разгоном в Карелии с одновременным введением послаблений в местах проживания карел в вопросах использования карельского языка в сельских школах и при богослужении.

Постепенно, благодаря активной позиции правительства России и твердости губернаторов в организации управления на местах, в т. ч. и в Олонецкой губернии, при надлежащем кадровом укреплении полиции и подготовкой ее к подобным проявлениям, прежняя мирная жизнь стала налаживаться.

К началу XX века полиция Олонецкой губернии являлась важной составной частью государственного механизма управления, центром которого являлся сам губернатор со своим губернским правлением. Ему же напрямую подчинялась и вся полиция. Так, прибывший в 1910 г. на должность губернатора Н. Д. Грязев⁸ при подготовке «всеподданнейшего доклада» на имя императора Николая II указывал, что им принята губерния, насчитывала 130.719 кв. верст с населением в 434.817 человек. На этой территории дислоцировались полицейские силы в составе Петрозаводского полицейского управления и уездных Петрозаводского, Повенецкого, Пудожского, Каргопольского, Вытегорского, Олонецкого и Лодейнопольского полицейских управлений⁹, в штатах которых в числе сельской полиции действовали 19 станových приставов и 90 урядников, размещенных при волостных управлениях, 197 пеших и 42 конных стражника, расквартированных по уездным городам и волостям, а также конная полицейская стража в количестве 27 человек в г. Петрозаводске и 15 человек в г. Вытегре¹⁰. Все эти

⁵ «Правила о призыве войск для содействия гражданским властям» от 7.02.1906 г.

⁶ Положение о районных охранных отделениях полиции от 14.12.1906 г. и Положение об охранных отделениях (низовой охране) – 1907 г., Закона «Об организации сыскной части» от 6.07.1908 г.

⁷ «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» введенное от 14 августа 1881 года вскоре после убийства Александра II, являлось законодательным основанием положений чрезвычайной и усиленной охраны, называлось временным, но продолжало действовать до революции 1917 г. http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E%EB%E6%E5%ED%E8%E5_%F3%F1%E8%EB%ED%EE%E9_%F7%F0%E5%E7%E2%FB%F7%E0%E9%ED%EE%E9_%EE%F5%F0%E0%ED%FB (Википедия).

⁸ Грязев Николай Дмитриевич, губернатор Олонецкой губернии (23.08.1910–31.12.1912 г.). См. Н. А. Кораблев, Т. А. Мошина «Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы» Библиографический справочник, Петрозаводск, 2006, с. 84–85.

⁹ Свод Законов Российской империи (далее – *СЗПИ*), том II, Глава 4, Отделение первое. О составе и устройстве уездного и городского полицейского управления. См. <http://civil.consultant.ru/reprint/books/172>.

¹⁰ Национальный архив РК (далее – *НА РК*), Фонд 1 Опись 1 Дело 112/27 «О представлении всеподданнейшего отчета за 1910 и 1911 гг.», с. 76–77.

полицейские управления непосредственно подчинялись губернатору и губернскому правлению¹¹ и взаимодействовали между собой только через их распоряжения.

Надо отметить, что в составе Петрозаводской полиции (создана 25.05.1761 г.¹²) под руководством полицмейстера и его помощника находились канцелярия, штат городских приставов и их помощников, полицейские околоточные надзиратели и городовые, служители полицейской команды и нижние чины конной полицейской стражи. Кроме этого при полицейском управлении находилась Школа для полицейских урядников (создана в 1888 г.¹³), а также пожарная команда, подчиненная брандмейстеру. При городской полиции действовало недавно учрежденное по Закону «Об организации сыскной части» от 6.07.1908 г. Петрозаводское сыскное отделение, сформированное уже к 6.10.1908 г. и занимавшееся вопросами уголовного сыска (розыска)¹⁴.

Департамент полиции центрального аппарата МВД Российской империи, как высший полицейский орган, которому в полной мере подчинялись все губернаторы и градоначальники, постоянно требовал от них создание «надлежащих условий для поддержания уважения к полиции и ее тяжелой службе со стороны местного населения и ее нравственного уровня, необходимости бережного отношения к чести и достоинству полицейских чинов» с постоянным включением в приказы о поощрении «случаев оказываемых полицейскими чинами отличий, а особенно подвигов мужества и самоотверженного служению своему делу». При этом также обращалось внимание на необходимость всяческого противодействия «публичному порицанию в газетах незаконных действий полицейских до проверки предъявленных им обвинений судом», а также о пресечении «случаев возмутительных злоупотреблений полицейских чинов и постигшей их за это кары в назидание прочим чинам при условии окончательного установления всех данных о проступке»¹⁵.

Российское законодательство¹⁶ четко определило место полиции и ее разнообразные функции в государственной системе управления страной, но на практике полицейские порой были вынуждены решать и несвойственные задачи, не вписывающиеся в «прокрустово ложе» действующего законодательства. Главным недостатком этого являлось то, что в империи изначально, начиная со времен Петра Великого, на полицию законодательно смотрели, «как на складочное место для всякого рода задач, имеющих целью уврачевание разнообразнейших внутренних зол»¹⁷. Развивая эту мысль, И. Т. Тарасов еще в 1885 г. с сожалением отмечает, что исторически «законодательство смотрело на полицию как на нечто такое, чему можно было поручить выполнение всех вообще неорганизованных задач государственного управления, для которых не установлено было особых учреждений или которые не подходили под компетенцию существовавших нормальных учреждений, причем число таких задач множилось чрезвычайно и в состав их входило немало задач совершенно фантастических, неудообоосуществимых»¹⁸.

По положениям свода законов Российской империи в основные обязанности полиции на местах входило «1) наблюдение за исполнением законов, охранением безопасности и дел общественного благоустройства; 2) исполнение обязанностей по делам казенного управления и общественного хозяйства; 3) исполнение обязанностей по делам судебного ведомства, и 4) исполнение обязанностей по делам военного ведомства»¹⁹.

В то же время на полицию этим же Сводом возлагалось и участие по своей линии в выполнении Законов гражданских, Судебных уставов Императора Александра II, Устава горного, Устава врачебного, Устава о прямых налогах, Устава о земских повинностях, Устава лесного, Устава оброчного, Устава казенных имений, Устава по промышленности, Устава уголовного судопроизводства, Устава о содержании под стражей и о ссыльных, Устава о паспортах, Устава таможенного, Устава о воинской повинности и свода военных постановлений по делам воинских повинностей, Устава военно-судебного и Устава военно-морского, а также Положения о земских учреждениях, Городового Положения, положений и правил об эмеритальных кассах и вспомогательных капиталах, ряда других «надлежащих законов, уставов и положений».

Такое обилие законодательных документов, исполнение которых в той или иной мере было возложено на полицию, указывает либо на невозможность создавать в стране другие специализированные гражданские и военные бюрократические органы, в т. ч. как из экономии государственного бюджета, так и в силу устоявшихся традиций, либо на возможность исполнения российских законов только с использованием силовых методов и при помощи силовых структур, которой и являлась полиция. Несомненно одно, что именно отлаженная работа правоохранительных органов во многом позволяла поддерживать в губерниях и уездах законодательную систему России, ее органов власти и государственного самодержавного управления.

¹¹ СЗРИ, 1906 г., том II, гл. 4, Отд. третье. О порядке подчинения и сношений полицейских управлений. См. <http://civil.consultant.ru/reprint/books/172>.

¹² Петрозаводск. 300 лет истории. Изд. Петрозаводск «Карелия», 2001, книга 1, с. 143.

¹³ Бюллетень Музея истории МВД Карелии, вып. 3 (17), Петрозаводск, 2005. / Макаров Д. В. «Петрозаводская школа полицейских урядников».

¹⁴ Бюллетень УКиВР МВД Карелии. Спец. выпуск 8, Петрозаводск, 2002, с. 10 / Матвеева Е. Ю. «Из истории организации сыскного отделения в составе Петрозаводского полицейского управления».

¹⁵ Ф. 1, оп. 2, д.10–98, с. 5. Циркуляр Департамента полиции по 1 Делопроизводству от 13.03.1913 г. № 2842-с.

¹⁶ Свод Законов Российской империи. Том II, гл. 4. «Учреждение полиции».

¹⁷ Полиция России. История, законы, реформы, перспективы (под ред. В. С. Чижевского). Изд. Книжный мир, М, 2011. // И. Т. Тарасов. Полиция в эпоху перемен. по изд. «Юридический вестник», 1885 // с. 12.

¹⁸ Там же, с. 8.

¹⁹ СЗРИ, том II, гл. 4, Отд. второе. О предметах ведомства полицейских управлений и пределах их власти. Ст. 680. См. <http://civil.consultant.ru/reprint/books/172>.

При таких условиях отношение населения к полиции, участвующей во всех делах управления государства и жизни народа на территории губерний, городов и уездов, всегда было негативным, что дополнительно подогревалось и на уровне революционной пропаганды и агитации. Как следствие, под общим влиянием подобное отрицательное отношение к полиции передавалось чиновникам, офицерству и интеллигенции, особенно при совершении ими противоправных действий, в т. ч. справедливо полагавшим, что подобные встречи с полицией могут им грозить увольнением со службы²⁰.

Со стороны органов власти контроль за деятельностью полиции возлагался непосредственно на губернатора и его правление, но изучение архивных дел указывает также на особое внимание к ней и со стороны Олонецкого губернского жандармского управления под руководством Отдельного корпуса жандармов полковника Фон-Оглио. В этих материалах отмечено ведение непосредственного надзора со стороны «помощника начальника ОГЖУ в Петрозаводском и других уездах», должностное которого в обозначенный период занимали ротмистр Александр Беккер²¹, а с сентября 1913 г. – ротмистр Отдельного Корпуса жандармов Шершеневич. Они, каждый в свою очередь, являлись прямыми начальниками для уездных полицейских исправников по вопросам организации борьбы со всякого рода инакомыслием на подотчетной территории. В делах ОГЖУ²² имеется и обширная переписка помощников с единственным периферийным структурным жандармским подразделением – Пунктом ОГЖУ в г. Вытегра, которым руководил далеко не молодой вахмистр Алексей Стриноголович со штатом из двух унтер-офицеров. Из нее можно установить, что при самостоятельном выполнении пунктом специфических жандармских задач с использованием негласного аппарата осведомителей, в обязательном порядке шло его взаимодействие с уездной Вытегорской полицией. При этом осуществлялось не только оказание помощи ее руководству в борьбе и с уголовной преступностью, но также велся неусыпный контроль за правовой деятельностью Вытегорского полицейского начальника, в т. ч. с использованием негласных агентов из числа местного населения.

Надо отметить, что в то время всякий профессиональный интерес жандармерии к любому человеку, а равно и к делам полиции, расценивался как уровень подозрения их в неблагонадежности, что по тем временам могло привести и приводило к отставке с должности. Примером может являться недопустимый конфликт этих двух служб в Вытегорском уезде, произошедший в январе 1913 г. по вине крайне недалекого и «зломстительного» полицейского исправника Крынова, не стеснявшегося в работе с подчиненными и местным населением хамского поведения и крепких выражений. Находясь в положении подчиненного по отношению к офицерскому званию уездного полицейского начальника, именуемому вместе с другими полицейскими начальниками не иначе как «Ваше Высокоблагородие», Вытегорский жандармский вахмистр²³ Стриноголович стал более пристально присматриваться к делам этого человека, сообщая обо всем начальству в секретной переписке. В результате до ОГЖУ дошли сведения о нелцеприятных случаях поведения Крынова, связанные с его появлением в общественных местах в крайне нетрезвом виде и управлении в таком состоянии лошадью местного купца Панова, в избиении на почве пьянства своей жены, в ненадлежащем поведении на городской санитарной комиссии. Но наиболее тяжелым обвинением стал случай с торгами имения некоего Локтева в размере 32 десятин земли с дровяным лесом в Ухотской волости того же уезда, которое полицейский исправник Крынов, используя служебное положение, приобрел на торгах на имя своей жены за смешную сумму в 69 рублей при молчаливом согласии его хозяина.

С учетом всего этого 3 июля 1913 г. в Вытегру прибыл чиновник Олонецкого губернского правления статский советник Штенгер, который на месте производя дознание, получил тут же на свое имя жалобы от населения и на другие незаконные действия полицейского исправника, считавшего себя в Вытегорском уезде самым главным начальником. Надо полагать, что все изложенные факты подтвердились и Крынов был уволен с этого поста, т. к. уже к концу 1913 г. в делах ОГЖУ упоминается на должности Вытегорского полицейского исправника Талов.

Возвращаясь к деятельности полиции, надо отметить, что при относительном снижении разного рода революционных выступлений в условиях действия «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» в России неотвратимым образом «под влиянием определенных социально-экономических и политических условий преобладающее место в общем итоге преступности занимали политические и уголовные преступления»²⁴. Этому способствовали стремительное развитие капиталистического производства, изменения устоявшихся общественных отношений, развитие новых технологий и производственных отношений, рост самосознания производительных сил, в т.ч. под влиянием достижений в науке, в сфере образования и культуры, а также процесс массовой миграции обедневшего крестьянства «на заработки» в промышленные города, для которого сегодня можно использовать современный уничижительный термин «гостарбайтеры».

Преступления, совершаемые в этот период по «политическим» статьям, в большей степени хотя и были отголосками событий «русской смуты» в 1905–1907 гг., но свершались они в основном в состоянии алкогольного

²⁰ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 87–88. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта г. Вытегра от 19.03.1913 г.

²¹ Ротмистр Александр Александрович Беккер, помощник начальника ОГЖУ в Петрозаводском и других уездах, после 19.08.1913 г. убыл к новому месту службы в г. Николаевск-на-Амуре.

²² Ф. 19., оп. 3 Документы Олонецкого губернского жандармского управления.

²³ «Советская энциклопедия» / гл. ред. А. М. Прохоров, М, 1988, с. 198. Вахмистр – чин и должность унтер-офицерского состава в кавалерии и конной артиллерии, а также в жандармерии.

²⁴ С. С. Остроумов. Преступность и ее причины в дореволюционной России. Изд. Московского универ-та, 1980.

опьянения и даже с элементами своеобразной бравады «на людях» в присутствии полиции. В основном это было связано с распеванием революционных песен и разнузданным поведением в присутственных местах, в т. ч. сопровождавшихся грубыми высказываниями против императора и его семьи. Надо отметить, что полиция в этой ситуации даже по пустяковому случаю, в т. ч. и при поступлении сведений из жандармерии, использовавших осведомительные источники, могла решительно возбудить дело с составлением протоколов для дальнейшего производства дознания и передачей дела в суд. Далее такие дела шли на рассмотрение начальнику ОГЖУ «на зависящее распоряжение» для принятия решения «на основании Положения о мерах к Охранению государственного порядка и общественного спокойствия»²⁵, а затем – на рассмотрение губернатора. Тем не менее, к чести полиции, надо отметить, что в таких случаях ко всем затевающим в пьяном виде всенародное исполнение революционных песен полицейские вежливо обращались с просьбой прекратить противоправные действия и только при неподчинении производили их задержание. При этом, применяя при задержании силу для доставки «возмутителей спокойствия» в полицейский участок, полицейские нередко страдали от нанесенных нарушителями ударов^{26 27 28 29 30 31}.

Подобные случаи происходили и при участии представителей проправительственной, т.н. организации «Союз Русского народа»³², члены которой как отстаивали сторону самодержавия и были за это избиты³³, так и сами не чурались публичного исполнения революционных песен³⁴, подтверждая лишний раз некоторую «моду» в то время на революционность.

В любом таком случае к подобным нарушителям решением губернатора «на основании Положения о мерах к Охранению государственного порядка и общественного спокойствия, Высочайше утвержденного в 14 день августа 1881 года» могла применяться административная ссылка, которой подвергались не только низшие слои населения, но и мелкие чиновники, в т.ч. и полицейские чиновники^{35, 36}.

В этот период во всей России, а также в Олонецкой губернии, вместе с бунтарскими проявлениями против действующей власти и существующего порядка управления весьма нагло заявил о себе совершенно новый вид общественно-опасного деяния, обозначенного как «хулиганство», которое по сей день не изжито в обществе и признается мировой правовой практикой, как «грубое нарушение общественного порядка, открытое выражение неуважения к устоявшимся нормам общества»³⁷. В статье «Драчуны и буяны», опубликованной в «Олонецких губернских ведомостях» в 1905 г.³⁸, ее автор М. Захаров отмечает это явление, как «проявление какой-то дикой разнузданности, в среде местной молодежи, выражающейся в совершенно беспричинном нападении на мирных обывателей, причем в ход пускают палки, ножи, кастеты и кистени». Причиной этого автора видел не корыстные или классовые побуждения, полагая, что она «заключается в каком-то своеобразном понятии об удали и своего рода молодчестве». Он отмечает, что «какой либо подросток в сообществе десятка своих приятелей, считает за собой отличие, пользуясь ночной темнотою, ударить камнем стоящего на посту городского, не сознавая того, что городской преследует безобразия не потому, что оно не нравится лично ему, а потому, что он по долгу службы обязан это делать. Позорно нападать на беззащитного человека, пользуясь превосходством своих сил, и нет тут ровно никакой доблести». Главным фактором борьбы с таким явлением, наряду с предполагаемым внесением изменений в законодательство в сторону ужесточения мер ответственности за подобные деяния, автор признает недостаток и семейного воспитания.

Именно это и подчеркивал в своем докладе за 1910–1911 гг. на имя Николая II губернатор Н. Д. Грязев, указывая, что самые серьезные проблемы в губернии стали создавать высланные «из других губерний за порочное поведение по приговорам сельских обществ и с Кавказа по приговорам народных судов. Первая категория этих лиц – подонки крестьян, нетерпимые у себя буяны и воры, вторые – обыкновенно убийцы, привыкшие у себя на Кавказе при всякой ссоре пускать в ход кинжалы, а здесь за неимением кинжалов сплошь и рядом в драках прибегают к ножам. Горцы не ограничиваются драками между собой, а очень часто дерутся и с местным населением, которое при защите стало употреблять оружие, почему последнее время и участились вооруженные

²⁵ Ф. 19, оп. 3, д. 20/5, с. 34–35. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта г. Вытегра от 28.03.1914 г.

²⁶ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 3–4. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта г. Вытегра от 2.01.1913 г.

²⁷ Ф. 19, оп. 33, д. 19/6, с. 56–57. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта г. Вытегра от 4.02.1913 г.

²⁸ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 76–77. Доклад Лодейнопольского уездного исправника в ОГЖУ от 4.02.1913 г.

²⁹ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 91. Доклад в ОГЖУ Лодейнопольского уездного исправника от 2.05.1913 г.

³⁰ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 92–93. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 6.05.1913 г.

³¹ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 132. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 10.12.1913 г.

³² «Союз Русского народа», организация черносотенцев в России в 1905–1917 гг., выступала за сохранение самодержавия, религиозную и национальную нетерпимость. Центр в Петербурге, отделы в ряде городов. После Февральской революции был распущен. См. «Советский энциклопедический словарь», гл. ред. А. М. Прохоров, изд. «Советская энциклопедия», М., 1988, с. 1253.

³³ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 134–136. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 16.12.1913 г.

³⁴ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 130. Доклад в ОГЖУ Лодейнопольского исправника от 15.10.1913 г.

³⁵ Ф. 19, оп. 3, д. 19/10 «О Вытегорском мещанине Николае Иванове Яхонтове» за 1913 год.

³⁶ Ф. 19, оп. 3, д. 119/9 «О Вытегорском мещанине Николае Иванове Яхонтове с перепискою по Охране» 1913 г.

³⁷ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Хулиганство>.

³⁸ НА РК. Олонецкие губернские ведомости. 1905, № 102, с. 3–4.

драки. Тоже замечается и в отношении других преступлений, краж, проступков против личности и буйств. Вообще преступность увеличивается и большое влияние в этом отношении имеют ссыльные»³⁹.

Во второй половине XIX – начале XX вв. Олонецкая губерния получила наименование «подстоличной Сибири» виду близости от столицы России Санкт-Петербурга и при постоянном притоке административно-ссыльных, как из числа революционеров всех мастей, так и из потенциально опасных представителей общества. Анализ архивных документов указывает на состав таких ссыльных, отбывавших сроки за «принадлежность к революционным партиям», «революционную агитацию», «подстрекательство к аграрным беспорядкам», «принадлежность к разбойничьим шайкам», «поджоги имущества сельчан», «распространение идей «панисламизма», «сбыт казенного оружия для революционных целей на Кавказ», которые по распоряжению Министра внутренних дел определялись в среднем 2–3 года.

Но были и другие категории ссыльных из числа представителей Северного Кавказа, сосланные «навсегда» за убийство и грабежи «вместо Сибири» по приговорам «Народного (окружного) суда» и по распоряжениям «Военного губернатора Дагестанской области». Однако наибольшее количество ссыльных было из числа крестьян, сосланных «за порочное поведение по приговору сельских общин», которым сельскими сходами всем без исключения давался срок ссылки на 5 лет, что не мог позволить себе даже Министр внутренних дел. При этом задачи полицейского надзора за таким сбродом целиком ложились на уездную сельскую полицию.

При этом в документах встречаются доклады в ОГЖУ ряда уездных полицейских начальников о перемещениях ссыльных в другие села уездов «для пользы полицейского надзора», а также требования начальника ОГЖУ полковника Фон-Оглио через своего помощника к уездным исправникам «принять соответствующие меры к воспрепятствованию побега ссыльных», которые происходили постоянно. При этом бежавших из Олонецкой губернии ссыльных, задержанных полицией в других городах России, возвращали «к месту обозначенной ссылки» обратно «этапным порядком».

После окончания сроков любой ссыльный, находящийся в Олонецкой губернии под гласным надзором полиции, получал по месту ее отбытия соответствующее проходное свидетельство в полицейском управлении, по которому мог выехать к месту своего прежнего проживания при условии, что в полиции «в предосудительном в политическом отношении замечен и дознан не был»⁴⁰, о чем и извещалось местное жандармское начальство, а также полиция по месту ожидаемого прибытия бывших ссыльных.

Для предотвращения всех хулиганства, а также для пресечения «шинкарства»⁴¹, немало способствующего его процветанию среди населения губернии, губернатор Н. Д. Грязев предпринял неотложные меры, связанные с перегруппировкой состава уездной полиции. Для этого, согласно указаниям МВД Российской империи⁴², в интересах «общего спокойствия населения губернии» и ввиду удаления населенных пунктов от уездных центров он приказал разместить часть пеших стражников в составе 112 человек «в 85 пунктах губернии по одному или по два в помощь урядникам, с возложением на них части полицейских обязанностей»⁴³. При этом губернатор отмечал необходимость «всех доставочных стражников конных и пеших разместить не более как по двое по крупным населенным пунктам, и тогда только полицейский надзор в губернии можно будет признать удовлетворительным». Возбужденное ходатайство перед МВД об увеличении числа полицейских стражников и некоторых классных чинов полиции не могло получить поддержки, что отмечает и сам Н. Д. Грязев, даже «ввиду предстоящей общей реформы полиции». Между тем, по его мнению, «это было бы одной из существеннейших мер для прекращения все увеличивающегося хулиганства в сельских местностях»⁴⁴.

Помимо «шинкарства» расширение сети питейных заведений стало еще одной проблемой для полиции на территории уездов Олонецкой губернии, в подготовке разрешений на открытие/закрытие которых полицейские исправники принимали самое непосредственное участие. При этом руководящим звеном по вопросам открытия казенных точек торговли и разрешения частной торговле спиртным являлся аппарат управляющего Акцизными сборами Новгородской и Олонецкой губернии, стоявший на страже интересов государственной спиртной монополии, приносявшей не малый доход в казну. Полицейские начальники, объективно подходя к рассмотрению вопросов об их открытии, постоянно высказывали свое отрицательное мнение, прежде всего, исходя из необходимости поддерживать около любой «питейной точки» силами полицейских состояние правопорядка или «благочиния», которых к тому времени совсем не хватало^{45 46 47 48}.

³⁹ НА РК, Фонд 1 Опись 1 Дело 112–27 «О представлении всеподданнейшего отчета за 1910 и 1911 гг.», с. 90–92.

⁴⁰ Ф. 19, оп. 3, д. 19/7. Дело «О состоящих и высланных в Олонецкую губернию под гласный надзор полиции».

⁴¹ Незаконное изготовление, хранение и торговля спиртными напитками, см <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-120570.htm>.

⁴² Ссылка на Циркуляр МВД от 8 ноября 1911 г. № 14921.

⁴³ НА РК, Фонд 1 Опись 1 Дело 112–27 «О представлении всеподданнейшего отчета за 1910 и 1911 гг.», с. 90–92.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Ф. 1, Оп. 2, д. 10–101, с. 8–15. «Переписка о закрытии питейных заведений».

⁴⁶ Ф. 1, оп. 3, д. 16–687, с. 10–11. Предписание Канцелярии от 14.01.1914 г. № 222 Вытегорскому исправнику.

⁴⁷ Каргопольский исправник ссылается на пп. 8 и 9 правил, утвержденных Министерством финансов от 31.12.1907 г.

⁴⁸ Ф. 1, оп. 3, д. 16–687, с. 49–53. Переписка Канцелярии губернатора от 25.04.1914 г. № 2992 и Каргопольского полицейского исправника от 13.05.1914 г. № 158, от 7.06.1914 г. № 1149.

В число мер надзора за торговлей в казенных винных лавках и «о соблюдении в них благочиния» можно отнести и строгий учет т. н. «храмовых праздников», не совпадающих с официальными праздничными днями⁴⁹, а также «не храмовых» местных праздников в местах, в т. ч. базарных и ярмарочных дней в местах, где имелись точки продажи спиртных напитков, в т. ч. на вынос, а также ренсковые погреба и пивные лавки⁵⁰. При этом единственной мерой борьбы с пьянством, согласно циркуляра Департамента полиции от 31.01.1913 г., стало определение губернаторам организовать через полицию удаление и задержание «впредь до вытрезвления» лиц, находящихся «на публичных местах в состоянии алкогольного опьянения, угрожающему безопасности, спокойствию и благочинию»⁵¹.

На этом поприще в уездах к тому же развернулась целая «война интересов», где полиция всячески пресекала незаконную торговлю спиртным, а также и противодействовала распространению пьянства, иногда выходя из рамок законности и приводя к жертвам.^{52, 53}

Серьезным испытанием для полиции, жандармерии и высших чинов Олонецкой губернии стало известие о массовых беспорядках в пределах Пудожского уезда, грозивших охватить и соседний Каргопольский уезд, а также перекинуться за пределы губернии. Причиной тому стал исход большого количества сектантов из числа т. н. «бессарабцев» или молдаван, прибывших в Муромский монастырь следом за сосланным туда по указу Святейшего синода России в конце марта 1912 г. из Бессарабской губернии иеромонаха Балтского монастыря Иннокентия, в миру – «зарянин Иоанн Васильев Левизор». Прибывающие нескончаемым потоком паломники переполняли помещения монастыря, братия которого была вынуждена тесниться и ежедневно «терпеть мирское присутствие». Среди последователей Иннокентия развились заболевания и появилась большая смертность, что вынудило духовное начальство монастыря в канун 1913 года потребовать от Иннокентия их удаления. В конце концов религиозные фанатики все же покинули его в начале февраля, прихватив с собой своего лидера, которого понесли на ковре, а также святые иконы и книги, направившись через Пудож в Каргопольский уезд на железнодорожную станцию Няндомы, откуда намеревались поездами выехать в Бессарабскую губернию. По ходу движения толпы в сторону Пудожа 7 февраля состоялась стычка с конвойной командой из двух человек, сопровождавших одного арестанта и поводу с ямщиком, перевозившей кандалы для особо опасных арестантов, в результате чего Иннокентий был легко ранен. Тем не менее, не взирая на морозы и пройдя Пудож толпа продолжало свое шествие, устилая этот скорбный путь телами людей, погибших от жестокого холода, болезней и истощения. Силами прибывшей из Вологодской губернии полицейской стражи и местной полиции 16 февраля Иннокентий был отнесен от толпы, задержан и препровожден в Петрозаводский тюремный замок, где ему были предъявлены обвинения, в т. ч. в воспрепятствовании конвойной команде выполнять свои обязанности, за что могло последовать весьма суровое наказание. Но для Иннокентия оно закончилось ссылкой еще дальше на север в Соловецкий монастырь, из которого он вышел после Февральской революции и в 1917 г., а по другим источникам – в 1919 г., был убит в Бессарабии своими сторонниками. Остальных участников шествия, насчитывавших по разным источникам 400–600 человек, в т. ч. женщин, стариков и детей, либо поместили в земскую больницу, либо отправили под конвоем обратно на родину в вагонах⁵⁴. К этому надо добавить, что после оставления толпой Муромского монастыря сектантами там были найдены специальной комиссией свидетельства о разгульной и далеко не «монашеской» стороне жизни Иннокентия.

В повседневной жизни полиции, на примере докладов Петрозаводского полицмейстера Олонецкому губернатору в 1912 г., прослеживается тенденция системного обеспечения охраны общественного порядка в городе, где ежедневно в полицейские наряды выставлялся один помощник пристава или полицейский надзиратель, а также один городовой. Их направляли на различные городские увеселительные и благотворительные мероприятия, в т. ч. в Коммерческое собрание, в Назарьевский братский дом, а также в Гостиный двор и на Мариинскую улицу на время вечернего гуляния публики. Кроме того, ежедневно для обхода города в ночное время назначались 2 городовых под руководством полицейского надзирателя⁵⁵, в результате которых всех подозрительных лиц, ночующих в ненадлежащих местах, задерживали до выяснения личности, препровождая для временного арестного содержания «при полиции». Такие задержания в докладах обозначались, как «взятые обходом»⁵⁶.

В условиях непрекращающегося к 1913 г. «забастовочного движения среди фабрично-заводских рабочих», распространяющегося «постепенно из Петербурга на другие местности Империи», правительство страны пыталось «обратить самое серьезное внимание на необходимость принятия ныне же мер к устранению поводов и причин к возникновению забастовок», очагами которых являлись те предприятия, где «по тем или иным обстоятельствам условия труда и вознаграждения рабочих оказываются более тягостными и неравномерными». При этом, новый

⁴⁹ Каргопольский исправник ссылается на общие праздничные дни, указанные в п. п. 8 и 9 «Правил о торговле в казенных винных лавках и о соблюдении в них благочиния», утвержденных Министром финансов от 31.12.1907 г.

⁵⁰ Ф. 1, оп. 3, д. 16–694 Дело «переписка и списки праздников в Каргопольском уезде и о торговле спиртными напитками».

⁵¹ Ф. 1, оп. 2, д. 10–98, с. 1–2. Циркуляр Департа. полиции по 2-му делопроизводству от 31.01.1913 г. № 10347.

⁵² Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 111. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 11.07.1913 г.

⁵³ Ф. 19, оп. 3, д. 20/5, с. 42–45, 47. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта г. Вытегра от 2.06.1914 г.

⁵⁴ <http://www.bibliotekar.ru/encSekt/76.htm>.

⁵⁵ Фонд 1, опись 2, д. 10–96, с. 6–8. Рапорт Петрозаводского полицмейстера от 20.11.1912 г.

⁵⁶ Ф. 1, оп. 2, д. 10–96, с. 1–12. Дело «Приказы по Петрозаводской городской полиции (дежурство, наряд). Сведения об арестованных, содержащихся в тюрьме».

губернатор М.И. Зубовский⁵⁷ в августе 1913 г. отмечал, что «для успешности действия мер, направленных на предупреждение и подавление забастовочного движения, непременным условием является своевременность принятых мер и соответствие этих мер действительным причинам забастовки, которые не всегда совпадают с формальными требованиями рабочих. Ближайшая и непременная обязанность следить за настроением рабочих и быть в курсе всех условий и вопросов местной рабочей жизни лежит на чинах полиции». При этом все чины полиции «под угрозой строгого взыскания» обязаны при первых же признаках рабочих волнений докладывать об этом губернскому начальству и «фабричной инспекции» с указанием действительных причин и инициаторов начинающегося движения^{58, 59, 60}.

Перед самой войной стали доходить тревожные вести о массовых выступлениях в Санкт-Петербурге, где по свидетельству очевидцев, выехавших из столицы, «рабочие бастуют потому, что один городской застрелил невинного рабочего, а теперь забастовщики рабочие убивают полицию, да ее и следует бить, зачем она убила невинного, что, к сожалению, теперь в Петербурге мало студентов, а то бы студенты не так бы разделали»⁶¹.

В условиях начавшейся земельной реформы участились случаи оставления крестьянами своей общины и выделении или «отрубе» от общинной земли индивидуальных участков. Все это поставило российскую деревню в сложные условия, в которой сложились все предпосылки для разрушения ее многовековой крестьянской общинной укладности. В центральных губерниях России этому всячески сопротивлялись, в т.ч. методом угроз и поджогов своих сельчан, вынуждая их в таком случае покинуть родные места без выделения «отрубных» участков. Правительство причисляло эти действия к аграрным беспорядкам и агитации, ссылая смутьянов, в т.ч. и в Олонецкую губернию. Однако подобные беспорядки пришли и сюда, где только благодаря своевременному вмешательству полиции они не переросли в более опасные противоправные деяния⁶².

Приходилось разбираться городской и сельской полиции и по поводу разного рода уголовных преступлений, в т.ч. связанных с убийством⁶³ и нанесением увечий⁶⁴ в обоюдных драках, при бытовых ссорах⁶⁵ и по злему умыслу⁶⁶, а также при покушении на изнасилование, в т.ч. несовершеннолетних⁶⁷ и для предотвращения покушений на убийство⁶⁸. Одним из громких преступлений, потрясших в начале февраля 1914 г. всю Вытегру, стало жестокое убийство в одном из частных домов из корыстных побуждений двух взрослых женщин, которых преступники зарубили топором, а свидетельнице их злодеяния 10-летней девочке перерезали горло перочинным ножом. Добычей убийц стали деньги в общей сумме 22 рубля 50 копеек. Для их розыска была поднята вся полиция и жандармерия уезда, результатом чего в течение недели стало задержание двух злодеев из горожан и их заключение под стражу в Вытегорскую тюрьму⁶⁹.

Кроме этого полиции постоянно приходилось участвовать в осмотре мертвых тел людей, утопленников или умертвивших себя⁷⁰, а также тел убитых матерями новорожденных детей и не только из простых людей^{71, 72}, но и из дворянского сословия⁷³.

Другой проблемой для полиции были преступления имущественного характера, связанные с похищением денежных средств⁷⁴, расхищением товаров из складских помещений, в т.ч. совершаемых целыми группами лиц из корыстных побуждений^{75, 76, 77}. В одном из таких случаев о мелком хищении досок и задержании похитителей в начале 1912 г. помощник пристава Успенский получил выговор от полицмейстера Русаковича за не доклад пристава об этом, когда был дежурным по управлению⁷⁸.

---

⁵⁷ Зубовский Михаил Иванович, губернатор Олонецкой губернии 16.06.1913-15.11.1916 гг. См. Н.А. Кораблев, Т.А. Мошина «Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы», Петрозаводск, 2006, с. 90-91.

⁵⁸ Ф. 1, оп. 2, д. 10-98, с. 16. Циркуляр Олонецкого губернатора, стол 22 от 9,12.08.1913 г. № 5844-конфиденциально – начальникам полиции Олонецкой губернии.

⁵⁹ Ф. 19, оп. 3, д. 20/5, с. 46. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 18.06.1914 г.

⁶⁰ Ф. 19, оп. 3, д. 20/5, с. 51. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 24.06.1914 г.

⁶¹ Ф. 19, оп. 3, д. 20/5, с. 59. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 12.07.1914 г.

⁶² Ф. 1, оп. 3, д. 16–692 «По прошению крестьян Каргопольского уезда Панфиловской волости Печниковского общества Тимофея Данилова и Федора Андомина, жалующихся на чиненные притеснения со стороны соседей ввиду выдела их на отрубные участки» за 1913 г.

⁶³ Ф. 19, оп. 3, д. 19/16, с. 10. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта г. Вытегра в начале 1913 г.

⁶⁴ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 75. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта г. Вытегра от 2.03.1913 г.

⁶⁵ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 120. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 26.07.1913 г.

⁶⁶ Ф. 19, оп. 3, д. 20/5, Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта Вытегра от 15.04.1914 г.

⁶⁷ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 118. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 14.07.1913 г.

⁶⁸ Ф. 19, оп. 3, д. 119/6, с. 46. Доклад в ОГЖУ унтер-офицера доп. штата пункта г. Вытегра от 15.04.1913 г.

⁶⁹ Ф. 19, оп. 3, д. 20/5, с. 24–25, 28, доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 8.02. и 14.02.1914 г.

⁷⁰ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 82. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 11.03.1913 г.

⁷¹ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 10. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта г. Вытегра в начале 1913 г.

⁷² Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 119. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта г. Вытегра от 27.07.1913 г.

⁷³ Ф. 19, оп. 3, д. 20/5, с. 26, доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 14.02.1914 г.

⁷⁴ Ф. 1, оп. 3, д. 16-685, с. 23. Рапорт Петрозаводского полицмейстера от 12.07.1913 г.

⁷⁵ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 121–124. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 5.08.1913 г.

⁷⁶ Ф. 19, п. 3, д. 20/5, с. 3–14, 19–20, Дело «О происшествиях и наблюдении за общественной жизнью» за 1914 г.

⁷⁷ Фонд 1, опись 2, д. 10-96, с. 1–3. Рапорт Петрозаводского полицмейстера от 28.01.1912 г.

⁷⁸ Там же, с. 4–5. Рапорт Петрозаводского полицмейстера от 30.01.1912 г.

Еще одним направлением деятельности полиции в рамках законодательства было обеспечение «мер предосторожности при проявлении заразительных и других повальных болезней», где в январе 1912 г. Петрозаводский полицмейстер организует контроль и доклады губернскому начальству о наличии в больницах людей, заболевших скарлатиной, большую часть которых составляли дети, а также о поступлении в ноябре того же года в больницу людей, заболевших брюшным тифом и корью. Смертность в обоих случаях не указана.

Вероятно, к мерам санитарной безопасности можно отнести и контроль полиции за перевозкой тел умерших и их захоронением (перезахоронением) в местах последнего упокоения из других уездов и губерниях по ходатайству родственников и с разрешения самого губернатора или по свидетельству врачебного начальства из других губерний⁷⁹. В этих условиях заявитель получал под расписку от уездного полицейского исправника т.н. «открытый лист» с обязательством выполнить все предписанные меры безопасности⁸⁰ и «... принять меры предосторожности, установленные законом по перевозке трупов» и в назначенном месте «прах придать земле по церковному обряду». При перевозке тел из других губерний все расходы по телеграфной переписке взыскивались через полицию с заявителей.

Также полицией должны были приниматься «меры по предупреждению и пресечению скотских падежей», где летом 1914 г. у крестьян Чернослободской волости и по линии Мариинской системы в Вытегорском уезде был установлен случай выявления заболевания домашнего скота сибирской язвой, погубившего 38 крестьянских лошадей и коров в период с 27 июня по 7 июля. В докладе жандармского вахмистра Стриноголовича прозвучало, что «для прекращения означенной эпидемии меры, как со стороны чинов полиции, так и ветеринарных врачей приняты, каковая в настоящее время продолжается»⁸¹.

Также в обязанности полиции входило «охранение безопасности от пожаров и наводнений в городах и селениях», где полиция должна была организовать дознание по каждому случаю и вести «наблюдение за устройством нужных к сему заведений и мер пособия»^{82, 83, 84}.

Вместе с тем полиции было предписано и «содействие к предупреждению и пресечению пожаров в лесах и полях». Так ввиду сухой и жаркой погоды в июле 1914 г. в Вытегорском уезде «от разных причин начали гореть леса казенные и крестьянские, а также и частновладельческие», в связи с чем возникла чрезвычайная ситуация почти во всех волостях. При этом отмечалось, что «хотя со стороны полиции и местных волостных и сельских должностных лиц меры приняты к тушению пожаров, но является затруднительным прекратить пожары, так как земля и лес слишком сухие, в особенности торфяная земля очень горит, горят они в глубину более аршина»⁸⁵.

В условиях нарастающей борьбы с царским самодержавием, объявленного классовым врагом революционерами всех мастей, распространение печатного слова в массовых изданиях, тиражных газетах, листовках и прокламациях приравнивалось властью к тяжким видам преступления, соответственно карая за это как издателей, так и распространителей. Со стороны губернатора, полиции и жандармерии за этим видом торговли устанавливался самый жесткий контроль. Тем более, что на полицию ложилось «наблюдение за тем, чтоб не обращались и не продавались на ярмарках, рынках и в лавках запрещенные правительством товары, книги, эстампы и рукописи». При этом в архивных документах можно выделить и желание губернатора всячески способствовать стабилизации и прогрессу в обществе через распространение печатного слова, ставшего к 1914 году прибыльным делом для крестьян-предпринимателей^{86, 87}.

На основании бесчисленных циркуляров Управления по делам печати МВД, губернаторам предписывалось пресекать по соображениям цензуры распространение запрещенных перечисляемых номеров на русском, польском, латышском, армянском языках, выходящим как в Российской империи, так и Царстве Польском и Великом Княжестве Финляндском. При даже беглом взгляде на такие циркуляры можно сказать, что Россия фактически утонула в судебных преследованиях редакторов и авторов, как за отдельные статьи, так и за целые издания, арест массового тиража которых осуществлялся целыми выпусками. В свою очередь губернатор отписывал всем полицейским начальникам и начальнику ОГЖУ обеспечить надлежащее выполнение присылаемых циркуляров на территории губерний⁸⁸. В этих условиях полиция постоянно возбуждала дела в

⁷⁹ Ф. 1, оп. 3, д. 16–683. Дело «О выдаче разрешения на провоз тел умерших в другие местности для предания там земле».

⁸⁰ Ссылка на правила, утвержденные Министером внутренних дел Российской империи от 23.12.1903 г. и на предписание Врачебного отделения Олонецкого губернского правления от 27.11.1909 г. № 1538.

⁸¹ Ф. 19, оп. 3, д. 20/5, с. 17. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегре от 9.07.1914 г.

⁸² Ф. 19, оп. 3, д. 20/5, с. 21–22. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 5.02.1914 г.

⁸³ Ф. 19, оп. 3, д. 20/5, с. 42. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 16.05.1914 г.

⁸⁴ Ф. 1, оп. 3, д. 16–696, с. 11–13.

⁸⁵ Ф. 19, оп. 3, д. 20/5, с. 50. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 25.06.1914 г.

⁸⁶ Ф. 1, оп. 3, д. 16–687, с. 78–86. Переписка просителя с губернатором от 28.02.1914 г. № 676 и от 19.06.1914 г. № 4622, Канцелярии губернатора от 25.04.1914 г. № 2991-с, ср. с Петрозаводским полицмейстером от 30.04.1914 г. № 86-с и Вытегорским полицейским исправником от 14.06.1914 г. № 123-с.

⁸⁷ Ф. 1, оп. 3, д. 16–696, с. 6–8.

⁸⁸ Ф. 19, оп. 3, д. 19/8 «Об изданиях, запрещенных к обращению».

отношении находок запрещенных книг у населения⁸⁹, в т. ч. доводя их до переписки «в порядке Положения о Государственной Охране»⁹⁰.

Ввиду обязанностей полиции вести «наблюдение за исполнением правил лова рыбы» можно привести весьма неординарный пример тяжбы двух рыболовецких партий из д. Сулажгора Шуйской волости Петрозаводского уезда за право ставить сети в акватории Онежской⁹¹ губы Онежского озера. Реагируя на жалобу, направленную губернатору менее удачливой артелью, пристав 1-го стана умело решил спор на месте, а затем принял соответствующие полицейские меры к нарушителям принятой договоренности с привлечением виновных к ответственности через Земского начальника 1-го участка Петрозаводского уезда⁹².

Полиция постоянно принимала участие и в «выдаче свидетельств о бедности и поведении вдовам и сиротам» по делам опекунов, а также для оказания им материальной помощи. При этом полицейские должны были по предписаниям губернского правления подтверждать материальное состояние просителей, обращавшихся в различные вышестоящие инстанции России о выдаче пособий и пенсий, т. к. губернатор помочь в этих вопросах не мог. В условиях социальной незащищенности крестьяне, разночинное сословие, мещане и даже дворяне писали Министру финансов и Министру внутренних дел о своей крайней бедности и о выдаче им денежной помощи ввиду потери кормильцев или вследствие наступившей старости, где полиция приходилось скрупулезно вникать во все перипетии их нелегкой жизни и нехитрые источники доходов^{93 94 95 96}.

Интересен факт уведомления Олонецкого губернатора прокурором Петрозаводского окружного суда о факте сдачи внебрачных детей матерями-одиночками из числа прислуги в семью Орефьевых, проживающей в д. Сулажгора Петрозаводского уезда. При отсутствии надлежащего питания, ухода и санитарных норм среди детей в этом доме процветала смертность, а «местный священник в последнее время уже отказывается хоронить этих младенцев без разрешения полиции и публично убеждает семью Орефьевых не брать более детей на воспитание и не морить их беднотой своей». При этом прокурор высказал здравую мысль, что на таких матерей «вероятно имеет влияние надежда на скорую и безнаказанную смерть стесняющих их внебрачных детей». В этом деле как всегда пришлось разбираться полицейским⁹⁷.

Для исполнения обязанностей по «наблюдению за чистотой в городах и селениях» на полицию возлагалось обеспечение санитарного состояния населенных пунктов во избежание распространения заразных болезней. Здесь интересен случай в г. Вытегра, который нарушил установленный порядок санитарной очистки «отхожих мест и помойных ям и дворов», проводившийся собственниками жилья после таяния льда в период 1–10 мая. Нарушителем стал недалекий и уже известный нам полицейский исправник Крынов, приказавший уже в марте 1913 г. сделать это досрочно к 15 апреля. Собравшаяся по этому поводу в городской управе 1 апреля экстренное собрание санитарной комиссии попыталось восстановить прежний порядок, но исправник предупредил, что донесет об этом рапортом губернатору и, пройдя по дворам, составит «полтора протоколов на домовладельцев» за неисполнение его предписания. В результате в знак протеста произошел самороспуск попечителей санитарной комиссии при выходе из нее 16 человек⁹⁸.

Другой обязанностью полиции, наряду с надзором за «свободой иноверников, признанных правительством исповеданий» ей предписывалось и «охранение неприкосновенности прав и спокойного совершения обрядов Церкви Православной». Для этого, по докладам Петрозаводского полицмейстера на имя губернатора в начале 1912 г., указывается о ежедневном назначении на дежурство в Кафедральный собор помощника пристава и одного городского для обеспечения надлежащего порядка^{99 100}.

Неприятным случаем при выполнении таких обязанностей стало «проведение молебствия и водосвятия на Иордани с крестным ходом по реке Вытегре» во время празднования Крещения в 1913 г. в г. Вытегре, когда купальщики, в нарушение сложившихся традиций, вышли к проруби-Иордани полуодетыми, вероятно, с голым торсом. Усмотрев в этом грубое нарушение порядка, Вытегорский исправник Крынов лично вмешался в происходящее, не допустив «к купанию» более 10 человек с помощью подоспевших полицейских. Это вызвало сильное недовольство со стороны молящихся горожан, считавших действия полицейского начальника

⁸⁹ Ф. 19, оп. 3, д. 20/1 «О порядке Положения о Государственной охране о Петрозаводских мещанах Николае Павлове Одинцове и Петра Иванова Алексеева» за 1914 год.

⁹⁰ Ф. 19, оп. 3, д. 20/5, с. 8–9. Дело «О Петрозаводском мещанине Василии Михайлове Михайлове в порядке Положения о Государственной охране» за 1914 г.

⁹¹ Ныне наименование – Петрозаводская губа (прим. Автора).

⁹² Ф. 1, оп. 3, д. 16–687, с. 57–62. Переписка крестьян д. Сулажгора с губернатором от 5.05.1914 г. № 1467 и Петрозаводским полицейским исправником от 29.05.1914 г. № 1746.

⁹³ Ф. 1, оп. 3, д. 16–696 Дело «Сведения о личном, семейном и имущественном положении лиц, ходатайствующих о назначении денежного вспомоществования» за 1913 г.

⁹⁴ Ф. 1, оп. 3, д. 16–685, с. 12–17.

⁹⁵ Ф. 1, оп. 3, д. 16–687, с. 13–15.

⁹⁶ Ф. 1, оп. 3, д. 16–687, с. 63–64. Переписка заявительницы с губернатором от 4.05.1914 г. № 1483 и губернатора от 11.05.1914 г. № 3447 с Петрозаводским уездным исправником.

⁹⁷ Ф. 1, оп. 3, д. 16–693 «Переписка о воспрещении крестьянам брать на воспитание детей».

⁹⁸ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 95–96. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 9.05.1913 г.

⁹⁹ Ф. 1, оп. 2, д. 10–96 (с. 1–3). Рапорт Петрозаводского полицмейстера от 28.01.1912 г.

¹⁰⁰ Фонд 1, опись 2, д. 10–96 (с. 1–3). Рапорт Петрозаводского полицмейстера от 28.01.1912 г.

незаконными, в результате чего некоторые во время молебна высказали, что «исправник Крынов не более ни менее дурак»¹⁰¹.

Но, пожалуй, самым ответственным делом полиции была «рассылка, по принадлежности, к благочинным предписаний духовного начальства, при коих препровождаются для чтения в церквях Высочайшие манифесты, указы, формы возношения Императорской фамилии, табели праздников и торжественных дней» требовавшие «совокупного исполнения их по духовному и светскому начальству». Так во время празднования 300-летия «Дома Романовых» для всенародного чтения Высочайшего Манифеста на имя губернатора постоянно слались из Санкт-Петербурга телеграммы с требованием быть в готовности принять текст и опубликовать его в губернских ведомостях. Губернатор тоже в свою очередь слал уездным полицейским исправникам свои требования быть в готовности разослать этот текст настоятелям городских церквей для чтения после богослужения, а также по вверенной территории уездов силами сельских полицейских и стражников для чтения в церквях близлежащих сел. Наконец, 20 февраля 1913 г. в 4 часа утра, текст Манифеста поступил в Петрозаводск по телеграфу, а на следующий день 21 февраля к 10 часам утра директор Департамента полиции Белецкий потребовал уже к вечеру телеграфировать, «насколько благополучно прошел юбилейный день». Ответ губернатора П. П. Шиловского был лаконичен – «День прошел благополучно вполне»¹⁰².

По представленным позже докладом Лодейнопольского уездного полицейского исправника видно, что день прошел действительно спокойно и никаких выступлений против власти на местах не было, в т. ч. и ожидаемого распространения злополучных листовок¹⁰³. Можно предположить, что при таком напряжении на обеспечение празднования династического юбилея и поддержание порядка на местах были брошены все силы полиции, т. к. буквально накануне этих событий Олонецкая полиция, по циркулярному указанию губернатора от 30.01.1913 г. № 859, стояла на страже правопорядка 10 февраля, приходившегося на день запрещенного нового революционного праздника – женского дня¹⁰⁴, в который все было тихо.

Следующим испытанием для полиции должна была стать готовность к обеспечению правопорядка 1 мая, когда революционно настроенное население могло незаконным образом праздновать его как «День солидарности трудящихся». И здесь подтверждением равнодушия населения ко всякого рода революционным выступлениям стали рапорта с мест об отсутствии демонстраций, митингов и выступлений, а также о полном спокойствии в этот день на улицах губернского и уездных городов¹⁰⁵. Уже позже в сентябре 1913 г. в циркуляре губернаторам из Департамента полиции пришло разъяснение о том, что это праздник исключается из расписания нерабочих дней в промышленных заведениях и «допускается празднование этого дня лишь как совершенное исключение в тех отдельных местностях, где 1 Мая искони считается местным праздником, вошедшим в обычаи и не носящим никакого демонстрационного международно-политического характера»¹⁰⁶. Здесь же губернаторам предписывалось принять мер, чтобы этому рабочему дню не был придан политический оттенок. Соответственно Олонецкий губернатор в этом вопросе мог рассчитывать только на силы полиции, о чем и поспешил осведомиться о возможности празднования такового дня на местах у полицейских через циркуляр от 9.10.1913 г. № 7005, получив на это соответствующие ответы¹⁰⁷.

В завершение рассмотрения функций полиции по разделу «наблюдения за исполнением законов, охранением безопасности и дел общественного благоустройства» можно выделить предписанные «всякие объявления, извещения и вызовы по приказанию начальства». При этом указания, поступающие от Олонецкого губернского начальства, могли быть разного рода, как впрочем, и следовавшие «сверху» и подлежащие тем не менее обязательному исполнению. К их числу можно отнести циркуляр Департамента полиции от 16.03.1913 г. № 12056¹⁰⁸ о хождении в обращении по стране подделки медали с ликами царей Алексея Михайловича и Николая II, выпущенной в память от 300-летия царствования Дома Романовых, которые «не могут быть разрешаемы к выпуску для обращения в публике». Естественным образом исполнение этого циркуляра в Олонецкой губернии было полностью возложено губернатором на начальников полиции.

Еще одним фактом «незаконного» использования полиции может являться пример ее участия в сборе разного рода благотворительных средств на различные нужды, указания по которым лились как из «рога изобилия», как из МВД, так и от разного рода сообществ под прикрытием имени Николая II Александровича или его «Высочайшего повеления», в т. ч. денежных «пожертвований» для Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества по подписным листам в «подведомственных ... учреждениях и через подведомственных ... лиц» для помощи раненым и осиротевшим православным славянам в ходе «кровавой борьбы на Балканском полуострове». Сбор денег на местах шел до глубокой осени и лишь в ноябре губернатор М. И. Зубовский смог отчитаться об исполнении порученного дела.

При этом в середине этой акции в июле 1913 г. из 6-го отделения Департамента общих дел МВД к губернатору пришел циркуляр о подготовке к пересмотру «всех действующих законоположений и правил, нормирующих

¹⁰¹ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 8. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта г. Вытегра от 7.01.1913 г.

¹⁰² Ф. 1, оп. 3, д. 16–690, с. 2–16. Переписка по высочайшему Манифесту о 300-летию «Дома Романовых».

¹⁰³ Там же. С. 24–25. Доклад Лодейнопольского уездного полицейского исправника.

¹⁰⁴ Там же. С. 17–23. Доклады всех уездных полицейских исправников.

¹⁰⁵ Ф. 1, оп. 3, д. 16–690, с. 27–32. Рапорта уездных полицейских исправников и телефонограмма Петрозаводского полицмейстера.

¹⁰⁶ Циркуляр Департамента полиции от 22.09.1913 г. № 21072.

¹⁰⁷ Ф. 1, оп. 3, д. 16–690, с. 40–48. Доклады Петрозаводского полицмейстера и уездных полиц. исправников.

¹⁰⁸ Ф. 1, оп. 2, д. 10–98, с. 6.

порядок разрешения и производства всякого рода пожертвований» и «встречаемых на местах сомнениях по сему предмету». Затребованные Олонецким губернатором от полицейских исправников предложения во многом говорят, как о самой проблеме дела, так и о конкретных исполнителях – уездных полицейских начальниках¹⁰⁹. Так, по мнению Петрозаводского полицмейстера и Каргопольского исправника, затруднений в деле сбора пожертвований у них не возникало, а Вытегорский исправник отметил необходимость освободить полицию от распространения подписных листов и сбора таких средств. При этом он отмечал, что «сбор денег по подписным листам ставит чинов полиции в ненормальное отношение к населению». Пудожский исправник также указал на необходимость освободить полицию от подобных обязанностей ввиду «многочисленных лежащих на полиции прямых обязанностей» и «во избежание невольной возникающих в среде населения неудовольствий по поводу обращения за пожертвованиями, особенно не на местные нужды». Олонецкий исправник добавил, что «по воззваниям подписка проводится вяло, в особенности в уезде, что объясняется бедностью населения, а зажиточные люди более склонны обслуживать местные нужды». Целый трактат представил Повенецкий исправник со ссылкой на руководящие документы МВД¹¹⁰, расписывая как и каким образом должны распространяться благотворительные акции, в т. ч. с учетом особого внимания со стороны губернского начальства на цели благотворительности для исключения сбора средств на партийные (читай – революционные) нужды. Обобщенный ответ губернатора от 16.09.1913 г. за № 6497 в Департамент общих дел МВД был лаконичен – «в губернии нарушений и проблем с благотворительностью нет».

Различные недоразумения в трудовых отношениях частного порядка между рабочими и нанимателями тоже приходилось разбирать с помощью полиции. При условии, что вера народа в справедливый суд была на низком уровне, то к губернатору шли многочисленные жалобы по разным вопросам, решить которые он мог только при помощи полиции, которой предписывал для уточнения претензий просителя, «если таковые представляются основательными, путем переговоров с подрядчиком и в случае неуспеха такого посредничества объявить просителю, что с жалобой своею ему надлежит обратиться в надлежащий суд»¹¹¹.

Еще одной проблемой стали земельные споры между крестьянами по вопросам отмежеваний общинной земли, предусматривающего разрушения крестьянских изгородей и установки новых межевых знаков с вызовом полицейских для исключения насильственного противодействия со стороны сельчан. Обращение крестьян к губернатору по таким вопросам заканчивалось тем же уведомлением просителей через полицию их о необходимости обращения в суд¹¹².

Не последнее место в деятельности полиции занимали предметы ее ведомства «по делам казенного управления и общественного хозяйства», предписанные законодательством страны. Прежде всего, это относилось к выполнению функций фискальных органов по «вызысканию недоимок и всяких вообще казенных и общественных сборов, начетов и платежей», что ставило полицию в положение «отбирающего», а значит во враждебное населению положение. Единственное, что могло сделать на местах губернского начальство в конкретных ситуациях, так это предписать полицейским начальникам при обращении граждан отсрочить платежи по недоимкам с разбивкой выплат по месяцам^{113 114}. При этом полиция имела право описать в счет недоимок в качестве первых взносов наиболее ценные вещи хозяев¹¹⁵.

Другим направлением в этой области стало принятие мер против фальшивомонетничества с «отвращением и пресечением всяких злоупотреблений к уменьшению веса и достоинства монеты». Так, по сведениям жандармерии в г. Вытегре, полученным негласным путем, стало известно о предположительной подделке монет мещанином г. Петрозаводска Николаем Сидоровым, высланным под гласный надзор уездной полиции. Хотя обыск, быстро организованный полицией, и не установил причастность подозреваемого к подделке монет, но это лишний раз показывает, насколько высока была оперативность полиции в этих вопросах, если учесть, что годом ранее такой же обыск уже проводился по информации из других источников¹¹⁶.

По вопросам выполнения полицией «обязанностей по акцизным сборам» можно отметить факт обращения к губернатору в начале 1914 г. неграмотной крестьянской вдовы Оштинской волости Лодейнопольского уезда Ирины Корсаковой о возврате ей полицейскими конфискованного вина, которым она торговала, не имея на то разрешения, и освобождении от уплаты наложенного штрафа. Предписанием правителя канцелярии губернатора через уездного полицейского исправника четко было определено заявителнице, «что если она не изъявит согласия на уплату штрафа, наложенного управляющим Акцизными сборами, согласно ст. 1125 ч. 2 Уст. Угол. Судопр., дело будет передано на рассмотрение суда, которому она и может представить свои оправдания»¹¹⁷.

Как уже отмечалось ранее, полиция должна была обеспечивать и «производство в уездах торгов на продажу казенных и лесных материалов и на лесные работы», где, как уже отмечалось, Вытегорский полицейский

¹⁰⁹ Ф. 1, оп. 3, д. 16–686. Дело «О сообщении департаменту общих дел сведений о производстве в губернии всякого рода сборов, пожертвований, как благотворительных, так и частных (продажа цветов, жетонов и т.п.)» за 1913 год.

¹¹⁰ Упоминаются циркуляры МВД от 26.07.1882 г. № 2074, от 17.03.1902 г. № 16, от 6.12.1909 г. № 38/9146.

¹¹¹ Ф. 1, оп. 3, д. 16–687, с. 34–35. Переписка губернатора 19.02.1914 г. № 975 с Олонецким уездным исправником.

¹¹² Ф. 1, оп. 3, д. 16–687, с. 36–42. Переписка Лодейнопольского исправника от 20.03.1914 г. № 408 и от 22.04.1914 г. № 338, Канцелярии губернатора от 5.03.1914 г. № 1836 и губернатора от 27.03.1914 г. № 2373.

¹¹³ Ф. 1, оп. 3, д. 16–678, с. 2. Письмо губернатора от 3.01.1914 № 22 Петрозаводскому полицмейстеру.

¹¹⁴ Ф. 1, оп. 3, д. 687, с. 22. Письмо губернатора от 11.01.1914 г. № 179 Петрозаводскому полицмейстеру.

¹¹⁵ Ф. 1, оп. 3, д. 16–687, с. 101–102. Переписка Канцелярии от 26.06.1914 г. № 2059 и № 4746.

¹¹⁶ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 60–61. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта г. Вытегра от 5.02.1913 г.

¹¹⁷ Ф. 1, оп. 3, д. 16–678, с. 5–7. Указание Правитель канцелярии от 3.01.1914 г. № 25 Лодейнопольскому исправнику.

исправник Крынов, пользуясь служебным положением, приобрел на имя своей жены незаконным путем лесное имение. Но имеется и другой факт, связанный с этим полицейским начальником, выдавшим в начале 1913 г. разрешение лесопромышленнику Кучнерову на производство дефицитного строительного материала – дранки¹¹⁸ из собственных дров, не сплавленных с Санкт-Петербург для продажи заготовки 1912 года и «оставшихся на местах сволок по берегам Тудозерского озера». При этом исправник полностью игнорировал вынесенный еще от 22.04.1912 г. «общественный приговор» крестьян, запрещавший лесопромышленнику такие работы. Хотя Крынов предписал волостному старшине «иметь наблюдение за разработкой дранки Кучнеровым из собственных дров», а не из «крестьянского сырорастущего леса», но следующим крестьянским приговором по данному делу от 18.01.1913 г. и сходом от 27 января негодующие крестьяне Тудозерской волости вновь запретили Кучнерову вести работы. Важным доводом при этом стало то, что лесопромышленник не только не платит арендной платы и оставляет в нарушение закона спиленный лесной материал «на сволоках» более 6 месяцев после освидетельствования, но и ввиду негодности своего материала для дранки получает возможность привлекать для этого местных крестьян, готовых «дранку щипать из своего леса», что привело бы к расхищению «крестьянских сырорастущих лесов» и их истреблению¹¹⁹.

Не оставлен был без внимания «предмет ведомства полиции по делам военного ведомства», где в ее обязанности входила обязательная проверка всех призываемых лиц на предмет «благонадежности» во время рекрутских наборов, проводившихся ежегодно в стране до 1 июля и до 1 января. Особое внимание при этом уделялась качеству новобранцев, поступающих на пополнение воинских частей, дислоцированных в императорских резиденциях вблизи от Санкт-Петербурга¹²⁰. Дополнительно к этому циркуляром Департамента полиции от 25.06.1913 г. № 76775 по 6 делопроизводству через начальника ОГЖУ предписывалось «местной полиции и жандармерии проверить политическую благонадежность призываемых лиц из запасных с учетом возможного присутствия «Высочайших особ на военных сборах и маневрах войск округа»¹²¹.

В условиях нарастания революционных настроений в обществе, когда на смену бомбе террориста пришло новое оружие – печатное слово, способное влиять с еще большим размахом на коллективное сознание масс через распространяемые листовки, газеты, брошюры. При этом местом их распространения в эти годы становятся и Русская армия, куда их могли пронести через призывные пункты новопризванные из числа фабричных и заводских рабочих. В таких условиях во время призыва 1913 г. чинам полиции предписывалось продолжить практику «отдельных осмотров вещей тех призывников, относительно коих возникнет подозрение о нахождении у них прокламаций и запрещенных изданий», начатую еще во время призывов в 1906–1912 гг. Дополнительно указывалось, «что подобные осмотры должны быть проводимы с полной осмотрительностью и, по возможности, без излишней огласки – во избежание возникновения со стороны призывных каких либо неудовольствий и столкновения их с чинами полиции». Такая же практика предусматривалась и при явке новобранцев на сборные пункты и из домашнего отпуска¹²².

После «Сараевского убийства» наследника австро-венгерского престола эрц-герцога Франца Фердинанда и его жены Софии, произошедшего 15.06.(28.07.)1914 г., Австрия под давлением Германии объявила войну Сербии, а 19.07.(1.08.)1914 г. Германия объявила войну России, а затем 22.07.(4.08.) – Франции. В ответ их союзница Великобритания объявила войну Германии, выступив на стороне Антанты. Так началась страшная и небывалая по своему размаху Первая Мировая война, названная в России как Вторая Отечественная, продлившаяся 11.11.1918 г.

При этом на волне всенародной эйфории патриотизма и готовности «положить жизнь на алтарь Отечества» российское общество не ощущало перспективу длительной и изнурительной борьбы с сильным, энергичным противником. Большинство надеялось на завершение войны уже к концу 1914 года, но немногие предчувствовали наступление «страшных лет России».¹²³

В нашем случае можно отметить факт настойчивого предсказания грядущей войны, отмеченное в докладе в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра Алексея Стриноголовича от 17.01.1913 г. Он сообщал, что по полученным им сведениям «от крестьянской жены д. Татарщина Андомской волости Вытегорского уезда Александры Минкиной» стало известно, что «около 10 сего января прохожий крестьянин Шильдской волости того же Вытегорского уезда, фамилию его (она) не знает, возвратившегося домой из монастыря Муромска Пудожского уезда, что находящийся в Муромске в ссылке священник Иннокентий проповедовал богомольцам в Муромске так: «Скоро будет всемирная война, хлеб будет дорогой, который и за деньги негде будет достать, каждый кусок хлеба будет стоить 10 руб., вообще в народи будет голодовка и говоря: а которые люди теперь у меня хлеб едят, то будут тогда есть, сыты будут хлебом». Приводимые им ссылки на отношение к этому населения, слушавшего такие

¹¹⁸ Тоже, что и дрань – тонкие 3–5 мм. Деревянные планки (дощечки) для обивки стен и потолка под штукатурку и для устройства кровли. См. «Советский энциклопедический словарь», гл. ред. А. М. Прохоров, изд. «Советская энциклопедия», М, 1988, с. 411.

¹¹⁹ Ф. 19, ОПП. 3, Д. 19/6, С. 63–64. Доклад в ОГЖУ вахмистра пункта в г. Вытегра от 5.02.1913 г.

¹²⁰ Ф. 1, о.2, д. 10–98, с. 11. Циркуляр Департамента полиции МВД по 6 Делопроизводству от 11.06.1913 № 76121-с.

¹²¹ Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 116.

¹²² Ф. 1, оп. 2, д. 10–98, с. 13. Циркуляр МВД, Управление по делам воинской повинности, по 2 Делопроизводству от 27.07.1913 № 16-с.

¹²³ <http://www.rusempire.ru/voyny-rossiyskoy-imperii/pervaya-mirovaya-voyna-1914-1918.html>.

проповеди, подчеркивало, что некоторые признают Иннокентия «как-бы за угодника, т. е. Святого, а некоторые Антихристом»¹²⁴.

Но тогда на это никто не обратил особого внимания.

Семакова И. Б.,
музыковед

Разыскания в области скоморошества у карелов на основе современных исторических и этнографических материалов (к постановке проблемы)

Проблема скоморошества сегодня одна из наиболее актуальных у специалистов разных отраслей знаний. В рамках этой проблемы, как и два столетия назад, продолжается столкновение научных мнений, взаимная аргументированная критика позиций и поиски новых, ранее не известных науке точек зрения на предмет, доказательств авторской позиции, вовлечение открытых в последние десятилетия материалов и фактов¹. И, тем не менее, вопросов внутри проблемы возникает у исследователей больше, нежели ответов на них. Серьезной научной проблемой является этимология термина «скоморох», который лингвисты считают привнесенным в культуру Руси. Принято считать, что термин происходит от индоевропейских понятий «смех», «насмешник», «шут», «шкура» и сходных с ними². Среди множества версий семантики слова обращу внимание трактовку термина «скоморох» в традиции жителей Кенозерья XIX века, которые понимают его как «колдун»³.

В современном карельском языке, принадлежащем к группе прибалтийско-финских языков, слова «скоморох» не выявлено. Вероятно, либо люди данной профессии обозначались как-то иначе – либо по специализациям, либо обобщающим термином, который неизвестен нам. Если же деятельность местных скоморохов была связана с магиго-мифологическими аспектами карельской культуры, то обозначающий их термин существовал и мог быть известен общине, но никогда не произносился вслух в охранных целях. В то же время термин быть следующим в зависимости от локального региона деятельности скоморохов: *t'ietäjä*, *harehtija* соб. кар./ *t'ied'äjä* кар. тв. /*tiedoniekku* (*tietoinikku*) кар. ливв./ *tiedäi* (*tietäi*), *tieduoinikka*, *noid* кар. люд. – знаток, знахарь, колдун⁴; *oppi* кар. ливв.- знахарь, ведун, колдун; производным от *arpa*, например, *arvuuttaja* соб. кар. /*arba* кар. тв. /*arbu* кар. ливв. – жребий⁵ или, может быть, *Wöseloy* или Веселой⁶. Только в писцовых книгах русскоязычных переписчиков встречается как прозвище – понятие скоморох, в иноязычных поземельных книгах такого термина нет.

¹²⁴ НА РК, Ф. 19, оп. 3, д. 19/6, с. 15.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 4. С. 203. Барщевский И. Несколько слов из истории искусства скоморохов. Ростов-Ярославский, 1914; Беляев И. О скоморохах // «Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских». М., 1854. Кн. 29.; Морозов А. М. Скоморохи на Севере // Север, альманах. Архангельск, 1946, Морозов А. М. Д. Кривополенова и наследие скоморохов // Кривополенова М. Д. Былины, скоморошины, сказки. Архангельск, 1950. Кривополенова и наследие скоморохов // Кривополенова М. Д. Былины, скоморошины, сказки. Архангельск, 1950. Архангельский А. Театр допетровской Руси. Казань, 1884; Веселовский. Старинный театр в Европе. М., 1870; Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русская устная народная драма. М., 1959; Газо А. Шуты и скоморохи всех времен и народов. М., 1898; Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. // Известия Киевского университета им. Св. Владимира. Киев, 1895; Е. Гусев. А. Н. Веселовский и проблемы фольклористики // Известия Отделение русского языка и словесности. СПб., т. XVI. Вып. 2. М., 1957; Срезневский А. И. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян... Харьков, 1846; Фаминцын А. С. Скоморохи на Руси. СПб., 1889; Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. Т. 1. М., 1928; Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975; Власова З. И. Старина о большом быке // Русская литература, журнал. Л., 1982; Следы творчества скоморохов в традиционном песенном фольклоре // Русская литература, журнал. Л., 1985; Скоморохи и сказка // Русская литература, журнал. Л., 1988; Скоморохи и волошебничество // Русская литература, журнал. Л., 1989; Скоморохи и календарно-обрядовый фольклор // Русский фольклор. СПб., 1993; Скоморохи и фольклор. СПб., 2001. Скоморохи в памятниках письменности. СПб., 2007; Фрэнсис (Гладких). Е. П. Скоморохи и церковь. // Власова З. И., Фрэнсис (Гладких). Е. П. Скоморохи в памятниках письменности. СПб. 2007, с. 463–477; С. Е. Юрков Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.). СПб., 2003.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка М., 1986–1987. Т. 3. С. 648–649.

³ Западная часть современной Архангельской области, ранее входившая в состав Олонецкой губернии.

⁴ «Поученный – знающий. Молодцы, поученные, скоморохи». – Рыбников П. Н. Песни собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 305.

⁵ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) Сост. Макаров Г.Н. Петрозаводск, 1990. Словарь карельского языка (тверские говоры) Сост. Пунжина А. В. Петрозаводск, 1994. Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков. Ред. Елисеева Ю. С., Зайцева Н. Г. Петрозаводск, 2007. Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000.

⁶ По мнению С. Б. Веселовского, это прозвище указывало на принадлежность человека к скоморохам.

Однако, несмотря на отсутствие, несохранность или использование неизвестных нам местных терминов, обозначающих скоморохов⁷, их профессиональная деятельность в средневековой Кореле все же явно присутствовала⁸. В нашем распоряжении находятся списки прозвищ людей, живших в XVI–XVII вв. на данной территории, следы которых были зафиксированы в трех сборниках «История Карелии XVI–XVII вв. в документах», подготовленных историками двух ВУЗов – Петрозаводского государственного университета и Университета г. Йюенсуу (Финляндия) Г. М. Коваленко, И. А. Черняковой, В. Салохеймо, К. Катаяла и др.⁹ Документы – писцовые и поземельные книги – учитывали материальное положение населения северных земель России и, соответственно, юго-восточных территорий Швеции, которое время от времени находилось то под одним, то под другим государственным контролем. Эти книги были созданы ранее 1648 года – времени появления Грамот царя Алексея Михайловича в Белгород воеводе Т. Ф. Бутурлину, в Дмитров воеводе И. А. Шишкову и Верхотурскому приказчику Ирбитской слободы Г. Барыбину по вопросам борьбы с падением нравов и уничтожения суеверий, т. е. до времени официального объявления борьбы государственной власти со скоморошеством и скоморохами. Это означает, что сведения о скоморошестве на Северо-Западе, которые мы выявили, относятся к периоду до начала гонений на скоморохов и их вынужденного ухода и выселений на северные и иные отдаленные от центра территории страны. В нашем случае, следовательно, речь может идти только о сложившейся до 1648 года собственной местной локальной традиции или традициях скоморошества в Кореле, т. е. на финно-угорской территории.

Заметим, что основная часть прозвищ в обозначенных выше писцовых и поземельных книгах XVI–XVII вв. выявлена нами в сельской местности, а не в городах с их изначально полиэтническим населением. Этот факт служит для нас залогом и отправной точкой в разысканиях в области карельской культуры и основанием для выявления в ней влияния культуры народных профессионалов.

Наибольшее число выявленных нами прозвищ являются производными от названий карельских музыкальных духовых инструментов – аэрофонов. Затем следуют прозвища, производные от слова «медведь» – *karhu*, *kontie*, *kondie*, *kondia* соб. кар./ *kondii* кар.ливв., кар.люд., от слов «гудок», «плясун», «скакать», «ходули», «харя». Встретились нам в документах и прямые указания на профессию средневековых жителей Корелы и смежных с ней территорий – Скоморох, Позорин, Гусельников¹⁰. Лингвисты – д.ф.н. И. И. Муллонен и к.ф.н. И. А. Кюршунова¹¹ считают, что ряд выявленных автором статьи средневековых прозвищ могли быть производными от личных качеств конкретного человека, названий мест проживания, носить характер оберега, а так же могут указывать на их возможные источники дохода, например, коробейничество.

В старинной и современной научной литературе о скоморохах и скоморошестве в качестве одного из доказательств их былого существования, внутреннего профессионального подразделения, а так же и несомненного влияния скоморошества на народную культуру исследователи привлекают материал по празднованию святок и ряжению. Приведем одно из мнений известного собирателя эпоса и этнографических сведений по Карелии П. Н. Рыбникова относительно русского по самосознанию, а скорее, русскоязычного Заонежья¹²: «О святках парни являются на беседы *окрутниками*¹³, т. е. наряжаются скоморохами и калеками. Скоморохи должны одеться в свое же платье, только вывороченное наизнанку, и прикрыть лицо платком или маскою, а калеки и нищие покрываются каким-нибудь дырявым старьем, приделывают на спину горб и навешивают на себя кошель и корзинки. Первые пляшут и выделывают разные штуки¹⁴, а вторые подходят к зрителям просить у них милостыни»¹⁵.

⁷ Возможным термином для обозначения скоморохов в Заонежье могло быть слово «изнимальник» или «изымальник» («изнимала», «изнемония»), происходящее от глагола «изнимать». В. И. Даль объясняет его как слово, бытующее в Олонецкой губернии: «шалить, дурить, проказить, задирать», а так же как «корчи, падучая, черная немочь или кли'канье, чепела» – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 2. С. 99. Слово «изнимальник» приводится Рыбников П. Н. Песни собранные П.Н.Рыбниковым. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 133. Он же в «Сборнике слов, употребляемых в Олонецкой губернии приводит значение слов «изнимальник Заон., изнемония Карг. – выделяющийся телом фигуры. – Рыбников П. Н. Там же, С. 318. Автор считает, что в этот круг терминов должно войти и слово «кудь», известное нам по выражению, применяемому к ряженным «ходить кудесами». В. И. Даль приводит его значения как «злой дух, бес, сатана; волхованье, чернокнижье. Кудесь нвг. – окрутник, человек в личине, переряженный. Кудеса' также зовут святки, когда переряжаются» – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 2. С. 212.

⁸ Семакова И. Б. Скоморошество: новые открытия в Карелии и на смежных с ней территориях // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2012 (в печати).

⁹ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Сост. Коваленко Г. М., Чернякова И. А., Салохеймо В. Петрозаводск, Йюенсуу, Ч. I. 1987; История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Сост. Чернякова И. А., Катаяла К. Петрозаводск, Йюенсуу, Ч. II. 1991; История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Сост. Чернякова И. А., Катаяла К. Петрозаводск, Йюенсуу, Ч. III. 1993.

¹⁰ Семакова И. Б. Скоморошество: новые открытия в Карелии и на смежных с ней территориях // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2012 (в печати).

¹¹ Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных названий Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010.

¹² В XX веке многие исследователи – представители различных научных дисциплин, отмечают значительный вклад коренного прибалтийско-финского населения Карелии – вепсов и карелов – в процесс формирования жителей Заонежского полуострова.

¹³ «Окрутникъ – ница – наряженный, переряженный, маскированный, маска, окрутившийся о святкахъ, святочникъ». – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 2. С. 669.

¹⁴ «Человек, выделяющийся фигуры, в Заонежье получает прозвище «изымальник» – Рыбников П. Н. Песни собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 133. Автор просит так же обратить внимание на сноску 4 настоящей статьи.

Известный этнограф А. П. Конкка в работе о зимнем ряжении карелов приводит термин «ряженный» для разных регионов Карелии: «huhl’akat, kuhl’akat, huuhel’nikat, У части людиков – smuutat (от рус. «смуты», «смутьяны»), а в западной части Калевальского р-на – kummat (от фин. и карел. kumma – «чудо»). Были еще и некоторые локальные термины, например, в Тунгуде особую группу ряженных составляли буколицы»¹⁶. Словари карельского языка¹⁷ сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков» приводят так же термины: hahac̄cu от hahattua – громко смеяться, хохотать; быстро двигаться, быстро бежать, нестись – соб. кар.; čuwda, kegri, huhl’akka – кар.тв; smuwttu – кар. лив.; kummal’iine – смешной, забавный от kummi – чудо; озорство, выходка – кар. лив.)

Обратимся к данным сведениям в культуре карелов и мы.

Анализ самой большой группы (около 70 единиц) прозвищ людей, проживающих на небольшой территории Корелы в XVI–XVII вв., производных от местных названий духовых инструментов-аэрофонов показывает, что в ситуации повсеместного в средневековье свободного выпаса скота у карелов¹⁸, все представители данной группы прозвищ пастухами быть не могут – эта профессия практически не была востребованной в средневековых карельских деревнях за исключением случаев нападения на скот диких животных – волков и медведей. В этой ситуации приглашенный пастух должен был выполнять магические действия относительно «врагов» домашних животных. В такой роли выступали местные (ближние и более дальние) пастухи – знахари и колдуны – люди, которые общались, по мнению общины, с потусторонними силами:

Убегай отсюда, серый,
Жадный зверь из края Виро,
Уходи на крайний север,
На простор земли лапландцев,
Где деревья стали падать,
Где у трав верхушки сохнут.
Убегай до тех пор, серый,
Жадный зверь из края Виро,
Пока когти есть на лапах,
И на челюстях есть зубы¹⁹.

В северной Карелии к медведю во время медвежьего праздника в целях предотвращения потравы домашнего скота обращались так:

Ohtoiseni Linduiseni,	Охто, моя птичка,
Caunoiseni Culdaiseni,	Красавец, мое золотце,
Anna rauha raavaille,	Дай покой животным,
Sondareisille sovinto.	Стаду согласие.
Uckoiseni Linduiseni,	Укко, моя птичка,
Caunoiseni culdajseni,	Красавец, мое золотце,
Käypä caiten carjamaita	Обходи пастбища,
Lävitellen lehmi-tarhat ²⁰ .	Проходи мимо загонов.

Напомним, что сумка, палка-батог, кнут и музыкальный инструмент, преимущественно аэрофон пастуха для общины даже в конце XX в. были сакральны и прикасаться к ним посторонним людям запрещалось. Каждый пастух²¹ ежегодно заключал договор с хозяевами леса на благополучный выпас скота. Условия этого договора

¹⁵ Рыбников П. Н. Песни собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 133.

¹⁶ Конкка А. П. Календарные обряды карел XIX– начала XX в. Святочное ряжение // Финно-угорские народы и соседи: Проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 219.

¹⁷ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) Сост. Макаров Г. Н. Петрозаводск, 1990. Словарь карельского языка (тверские говоры) Сост. Пунжина А. В. Петрозаводск, 1994. Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009. Сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков. Ред. Елисеева Ю. С., Зайцева Н. Г. Петрозаводск, 2007. Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000.

¹⁸ Кочкуркина С. И. Древняя Корела. Л., 1982. С. 151.

¹⁹ Карельское народное поэтическое творчество. Подготовка и перевод текстов В. Я. Евсеева. Л., 1981. С. 12. Заговор использовался при травле волков. Текст записан помощником Э. Леннрота Давидом Эммануэлем Даниэлем Европеусом (1820–1884 гг.), в 1848 г. в д. Кормилисто (современный Пряжинский район Республики Карелия) и опубликован: Suomen rfnan vanhat runot, II. Helsinki. 1903, 995.

²⁰ Лаванен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 43–44. Эта песня калевальской метрики, по сведениям исследователя, пелась в двух ситуациях – при весеннем выгоне стада 6 мая (Егорьев день) и на «медвежьей свадьбе» в честь убитого медведя.

²¹ Логинов К. К. пишет: «Знанием заклинаний и магической силой народная память наделяет в первую очередь пастухов и патьвашку. Пастухи весной при первом выгоне скота трижды обходили стадо – два раза по солнцу, один – в обратном направлении. (Фон. 2506/27). Этими действиями они все лето «держали медведей в строгости», и те якобы не нападали на стадо: «у них не было разрешения» (ei ole lupua – Фон. 2645a/12). Такие пастухи были настолько уверены в своих силах, что

всегда были тайной для окружающих. С Егорьева дня (23.04/06./05) до Покрова Пресвятой богородицы (1./14.10) пастух был как бы «владельцем леса». За сохранность скота в течение сезона по соглашению с хозяевами леса он должен был выполнить ряд условий. Среди них могли быть: охота, отказ от сбора и поедания ягод определенного цвета, например, красного, или при сборе ягод не есть их прямо с куста, а только из посуды уже в деревне, отказ от бритья в течение лета, от сексуальных отношений с женщиной, условие утреннего выгона скота из дома и его вечернюю встречу членами сельской общины только в обуви, хозяйка скотины должна была отравлять скотину в стадо только ритуально «чистой» и другие. Пастух мог договориться и о невозврате с территории пастыбы одного или нескольких животных из стада в течение сезона выпаса. Община молча осуждала пастуха за это условие, но никогда не высказывала пастуху своего недовольства²². Известный фольклорист А. С. Степанова пишет, что на стадо, которое пасли карельские мальчики-пастушата «напал медведь. Мальчики отогнали его с помощью огня, загнали в воду, и медведь был убит. И все-таки старики считали, что причиной появления медведя являлось нарушение мальчиками определенных запретов»²³.

Палка-батог, а иногда и кнут пастуха становились сакральными предметами после убоя ими одного или нескольких змей различного цвета (об этом написано ниже).

Аэрофон или иной музыкальный инструмент пастуха (редко) – подлинник был всегда спрятанным, а сам пастух использовал в сезон его копию. Поэтому на инструменте-копии в XIX–XX вв. стало возможным исполнять музыкальные импровизации («так называемая «своя игра», различные звукоподражания, например, лаю собаки), а так же песни и плясовые наигрыши. Автору известны факты трубли на аэрофоне-подлиннике с колокольни местной церкви на четыре стороны света в целях охраны деревенского стада от лесных зверей на рассвете праздника Троицы. В XIX в. функция трубли-оберега могла возлагаться на старосту церковной общины. Нам не известно насколько широко этот обычай был распространен у народов Карелии, но именно так было в XIX и начале XX вв. в с. Шуньга (Заонежье)²⁴.

Автор утверждает, что даже в 1970–80-х годах в карельских деревнях местное население относилось даже к пастуху колхозного стада с большой осторожностью как к колдуну и носителю тайных для общины знаний. И сами пастухи при встречах с собирателями фольклора упорно поддерживали некую таинственность в общении и не отрицали своей причастности к знаниям и умениям в особой, колдовской и знахарской сферах. Кстати, эти области человеческой деятельности пастухи никогда не называли прямо, а обозначали лишь намеками.

Житель современной карельской деревни Кевязозеро Алекси Максинен (тунгудские карелы) вспоминал о деревенском пастухе следующее: «Из кожаной сумочки, висевшей у него (пастуха Ондreja – И. С.) на поясе, он достал предмет, напоминавший по виду маленький напильничек, пошептал над ним что-то. Потом велел мне открыть рот, чуть дотронулся до (большого – И. С.) зуба (напильником), и в тот же миг боль исчезла; и после этого в течение 10 лет зубы не болели»²⁵. Пастух мог «найти» и указать на вора, он умел делать и многое другое. За это пастуха в деревне прозвали «biessan kuoma/бесов кум»²⁶.

Среди аэрофонов, от которых могли произойти прозвища: wolinka/волынка (не встретился в последующие годы ни в Карелии, ни на соседних землях ни разу), lullu/луллу – окарина или глиняный свисток, тугу/тюрю или тугу/туру – аэрофон, известный сегодня карелам людикам и ливвикам, дудка (название, которое применяется к любому аэрофону), truba/труба (так же любой из аэрофонов удлиненной формы), lut/лут, лигу/лиру, sarvi/сарви, torvi/торви, piisku/пииску (манок). За исключением – piisku/манка (обычно на рябчика) и неизвестной сегодня карелам wolinka/волынки, все остальные инструменты или, точнее, их следы все еще можно встретить в карельской культуре. Все вышеперечисленные инструменты требуют особого мастерства в изготовлении и последующей настройке²⁷. Сегодня в карельских деревнях практически нет традиционных мастеров как, впрочем, и традиционных пастухов, а также, к сожалению, и самих объектов пастушества – коров, коней. Тем не менее, некоторые информаторы еще помнят эти духовые инструменты и людей, некогда на них игравших.

Приведем научные сведения об аэрофонах, собранные автором,²⁸ названия которых послужили толчком для прозвищ жителей средневековой Карелы. Классификация инструментов приводится нами по системе Э. М. Хорнбостеля и К. Закса²⁹.

Аэрофоны народов Карелии представляют собой реликты финно-угорской языковой общности, балто-финских и славяно-финских культурных контактов, отражают специфические черты культурно-хозяйственного типа этноса.

могли находиться сами дома, когда стадо паслось в лесу. По словам А. В. Кемовой, пастух из деревни Коккосалми с такой силой заговаривал стадо, что корова с медведем могли есть с одной кочки и «медведь корову не тронет». (Фон. 2505/3).

²² Устная поэзия тунгудских карел. Издание подготовила Степанова А. С. Петрозаводск, 2000. С. 31.

²³ Устная поэзия тунгудских карел. Издание подготовила Степанова А. С. Петрозаводск, 2000. С. 31. Эти нарушения касались прежде всего поведенческих норм и взаимоотношений живых с умершими предками, т. е. нарушений культа умерших предков.

²⁴ Сведения предоставила устно автору Е. В. Пономарева. Заонежье – русскоязычный район Карелии, язык и культура которого несут в себе глубокий след взаимодействия русского и прибалтийско-финского населения края.

²⁵ Устная поэзия тунгудских карел. Издание подготовила Степанова А. С. Петрозаводск, 2000. С. 33.

²⁶ Устная поэзия тунгудских карел. Издание подготовила Степанова А. С. Петрозаводск, 2000. С. 33.

²⁷ Leisiö T. Suomen ja Karjalan vanhakantaiset torvi-ja pillisoitimet. Kaustinen, 1983.

²⁸ Семакова И. Б. Традиционные инструменты народов Карелии // Семизвездье. Петрозаводск, 2003.

²⁹ Хорнбостель фон Э. М. и Закс К. Систематика музыкальных инструментов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка, Т. 1. М., 1987.

Детские фигурные глиняные свистки относятся к сосудным флейтам со щелью (№ 421.221.4). Некоторые из них не имеют боковых отверстий (№ 421.221.41), однако большая часть инструментов имеет по 2 боковых отверстия (№ 421.221.42). Распространены в Карелии повсеместно через систему ярмарок и иные формы торговли. Только для средних и северных вепсов изготовление инструментов – *nemuxov, kukeine, fistul'k, tutuška* – на большом пальце руки и обжиг их в печах является традиционным. Наигрыши импровизационны, часто звукоподражательны голосам птиц. Карелы называют такую птичку-окарину *lullu*.

В шалмеях – одиночных с цилиндрическим каналом кларнетах с бьющим язычком, отщипнутым приемом «сверху» – воздушная струя вдувается в звуковой цилиндрический канал (№ 422.211). Ствол инструмента может быть без боковых отверстий (№ 422.211.1) или с 2–3 боковыми отверстиями (№ 422.211.2). В Приладожской и Олонецкой Карелии были распространены инструменты с названием *toropilli* и 3–4 боковыми отверстиями со специально оформленными для удобства ладами на расширяющемся стволе с цилиндрическим каналом или без них на стволе ровного диаметра. Язычок отщипывался от края ствола инструмента на расстоянии 0,5 см. Финляндский исследователь А. О. Вайсянен зафиксировал в п. Суйстамо инструменты с параметрами: а) длина инструмента – 28,0 см., дл. ствола – 17,2 см., дл. язычка – 1,1 см., длина раструба из бересты – 11,5 см.; 3 боковых отверстия, строй: $ces^1 - des^1 - es^1 - f - g^1$; в) – 30,5/14,0/2.8//18,0; 3(?) боковых отверстия, строй: $as - des^1 - es^1 - f^1 - g^1$ ³⁰. Инструменты могут называться: *sarvi, liru, lirutti, paimentruba, paimenlirutti* кар. ливв.; *liru* – собств. кар.; *sarv', truba, dudka*. Иногда в качестве раструба мастера использовали вместо бересты вываренный коровий рог. В XIX – сер. XX вв. в Олонецкой и Беломорской Карелии карелы культивировали цельнодеревянный с просверленным цилиндрическим воздушным каналом, выжженными 4–6 боковыми отверстиями и привязанным бьющим язычком из можжевельника инструмент. В северной Карелии он называется *liru*, в южной и средней – *lirua, brelo, breloa*. Исследователь карельских инструментов А. П. Черпахина отмечает, что звук лиру светлый, прозрачный³¹.

Аналогичный инструмент в некоторых местных традициях изготавливали путем раскола деревянной (осиновой, ольховой) заготовки, выжигания и вычищения воздушного цилиндрического канала и выстругивания бутылкообразного раструба. Обе части инструмента скреплялись берестяной обмоткой. Согнутый под углом 90° можжевельный бьющий язычок привязывался к стволу инструмента. Аэрофон имел 3–4 боковых отверстия. Инструмент назывался у карелов ливвиков как *lirua, brelo, breloa*; у *вепсов* – *truba, paimen-truba, lut, lutuine, tutuine, rožok*. Длина инструмента от 28 см до 1 м., диаметр раструба – 8–15 см., диаметр звукового цилиндрического канала – 0,7–1 см.

Трубы из бересты без мундштука (№ 423.111). Карелы называли их как *tuohitorvi, torvi, torvio, paimentruba, truba, труба, рожок*. Эти инструменты были распространены в Карелии практически повсеместно. Они имеют как прямую, так и изогнутую форму. Трубы изогнутой формы Э. М. фон Хорнбостель и К. Закс определяют как продольные рога (№ 423.121.2). Размеры инструментов разнообразны. Часто трубам помимо сигнальной придается магическая функция.

В Олонецкой Карелии еще в 30-е гг. XX в. встречалась натуральная прямая бутылкообразной формы труба без мундштука длиной до 2 м. Ее название – *turu, tyru* – от произносимых исполнителем в процессе формирования звука слогов. Инструмент способен издать только два звука, составляющие интервал кварты.

В Пряжинском районе еще в 30 г. существовал пастушеский инструмент – труба, носивший название *liru* и имевший сходную с *liru* форму.

В Олонецкой и Приладожской Карелии распространена натуральная продольная труба с мундштуком и раструбом, оплетенная берестой. Это *paimentorvi*, пастушья труба. Ее форма напоминает металлическую трубу, т. е. звуковой канал овально сложен втрое или в круг. Звуковой канал узкий – 0,3–0,5 см.³²

Приведенные достаточно подробные описания аэрофонов карелов позволяют сделать вывод, что все инструменты имели либо сигнальную, либо магическую функции, но, скорее, и ту, и другую одновременно. В целях усиления музыкально-эстетической функции инструментов необходимо было бы усовершенствовать конструкции инструментов, сделав их технически более подвижными и относительно физически незатратными для исполнителя с одной стороны, с другой – расширить звуковой диапазон. Однако шагов в этом направлении в средневековой Кореле, скорее всего, предпринято не было, т. к. относительно несовершенные технически инструменты-аэрофоны дожили до наших дней. Однако, местные названия именно этих инструментов легли в основу многочисленных прозвищ жителей Корелы. В то же время, как мы выяснили, пастухи в Кореле были востребованы мало и преимущественно в функции знахарей. У нас возникает естественный вопрос: чем же все-таки занимались в средневековой Кореле носители прозвищ, ведущих происхождение от названий аэрофонов?

Один из возможных ответов ответ на возникший у нас вопрос, возможно, кроется в следующих строках дневниках и письмах пятого и седьмого путешествий Элиаса Леннрота в Карелию. «Тут же был еще один мужик из деревни Кольёла³³ с женой и дочкой. ...Они надумали поехать в Россию искать лучшей доли, чтобы, как он сказал, прокормиться, другими словами, *собрать милостыню*, или, попросту *просить*, как здесь говорят о

³⁰ Väisänen А. О. *Karjalainen kansanmusiikki // Karjalan kirja, 2 painos. Porvoo, 1932.*

³¹ Черпахина А. П. О традиционных формах бытования карельской инструментальной музыки // *Музыкальное искусство Карелии. Л., 1983. С. 5–16.*

³² Гудков В. П. *Музыка карельских пастухов // Алм. «Начало», № 3–4. Петрозаводск, 1934.*

³³ Кольёла (Koljola) – современная деревня Тийро Калевальского национального муниципального района Республики Карелия.

нищих³⁴.... *Старика считали лучшим знахарем края* (выделение мое – И. Семакова), да и он сам рассказывал, что за ним приезжают даже издалека, чтобы изгнать из людей порчу». Старик сказал, что лечит он успешно и за свою работу он берет немного³⁵. Э.Леннрот не упоминает мотивов карельской семьи, отправляющейся нищенствовать. Однако понятно, что семья попала в сложные жизненные ситуации, учитывая, что в эти годы было несколько неурожайных лет зерновых культур³⁶.

В относительно недавней истории из жизни карелов в эвакуации в Великую Отечественную войну на Урал некоторые из женщин рассказывали, что их матерям и бабушкам приходилось добывать пропитание тем, что они ходили «просить» у местного населения: пели песни, говорили с хозяевами домов по-карельски, изображая ведуний или гадалки. Местные русские жители карелкам, которых не воспринимали «просящими», давали съестное, т. е. расплачивались за «магические» услуги продуктами, что было в обычаях народов Урала и Поволжья. Вероятно, и карельская семья, о которой писал Элиас Леннрот, занималась, как и наши земляки в войну, тем же: с позиций карелов – они «просили», но с позиции людей их принимавших, карелы выступали в роли, очень близкой либо скоморохам, либо каликам, либо знахарям и ведунам.

По вопросу поездки карелов «просить» уместно будет привести и цитату из статьи А. П. Конкки о ряжении: «Нищие». Данный персонаж ряжения распространен повсеместно. «Нищие» появлялись в доме одетыми в старые, поношенные тряпки (3062/2, д. Колвица), в вывернутых шубах (2924/4, д. Ухта; 2583/21, д. Климкколя Ругозерской вол.), с берестяными корзинами, «бураками», коробами в руках, старыми кошельками за спиной, в лаптях, с косами за плечами (3064/11, д. Гомсельга), в рибушных штанах. В Сямозере «нищие» надевали лапти и рабочие полотняные штаны «будто на пожар» (подсеку – А. К.) собрались работать» (ПМА, 1984, с. 4). *Часто «нищих» изображали двое – «старик» и «старуха», причем с подчеркиванием всякого рода несурзностей. «Двухметровая старуха» вдруг начинает играть на гармошке, а «маленький круглый мужичок танцует» (д. Аконлакша)* (выделение мое – И. Семакова).

«Нищие», как правило, изображали калек – хромых, слепых, горбых (выделение наше – И. Семакова). «Одевались в тряпки, шубы, горбы приладят за спину, на грудь комки такие, как лепешки. В руки возьмут косы» (2717/1, д. Лахта Лоухского р-на) или палки/батоги. В Иломантси, Вегарусе, Ключиной Горе (суоярвские карелы) под одежду на спину сооружали «горбы», на руки наматывали тряпки, делали сверток – «ребенка». В Реболах помимо «младенца» на груди к животу привязывали подушку, изображая беременных (2940/5).

У всех «нищих» в руках были палки, которыми они иногда стучали по коробам за спиной, требуя подаяния (2929/4, Ухта). «Нищим» всегда что-нибудь давали – «хоть картошки вареной надо положить». В корзины ряженных клали стряпню, хлеб, картофель, печеную репу, могли положить сахар (Ухта) или яйца (Гомсельга), иногда – конфеты или чай (да. Каркуярви, Вокнаволок), стряпню» (Климкколя). *Однако «калеки» не всегда воспринимались как нищие, часто используя деланное уродство, они превращались в своего рода шутов»³⁷* (выделение мое – И. Семакова).

Приведенная цитата из работы современного карельского этнографа как бы «раскрывает» содержание наблюдения финского фольклориста XIX века Элиаса Леннрота. Заострив внимание читателя, оставим пока без ответа эти вроде бы несурзные с позиций бытового поведения карела вопросы.

Врач и фольклорист Элиас Леннрот во время своих путешествий по Карелии был удивлен отношением карелов к нему как врачу и пишет о своих наблюдениях за местными нравами так: «... здесь люди порою называют обычных деревенских знахарей и заклинателей полубогами и идолами. Скверный обычай у здешних людей – возможно, что это влияние Востока³⁸: если они хотят оказать кому-нибудь особую честь, то падают в ноги»³⁹. За лечение и лекарства Элиасу Леннроту «дарили медные колечки⁴⁰ и другие подобные предметы, которые я до сих пор храню»⁴¹.

Среди таких подарков у Элиаса Леннрота могли быть зубы и когти медведя. Уверенность автора опирается относительно современные ситуации⁴². Среди них – тайный подарок свежего медвежьего когтя автору статьи женщиной-информатором⁴³. Она объяснила свой подарок необходимостью защиты собирателя «от сглаза», т.к. она, фольклорист, «много ходит по людям». Через некоторое время случайно у автора статьи этот коготь увидела

³⁴ Выделение курсивом. Леннрота Э.

³⁵ Леннрот Э. Путешествия Элиаса Леннрота. Петрозаводск, 1985. С. 170.

³⁶ «Самые крупные голодовки николаевского царствования 1833, 1845–1846, 1851, 1855 гг. сопровождаются резкой продовольственной нуждой в белорусских и литовских губерниях, – пишут в статье о голоде Якушкин Н.и Литошенко Д. // Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 14. С. 39–46. Заметим, что на севере современной Карелии (бывшая Архангельская губерния) зерновых практически не выращивали, т.к. культуры не успевали за короткое лето вызреть (в начале XIX века земледелие в Карелии и на соседних землях преобладало подсечно-огневое, т. е. изначально было низкоурожайным).

³⁷ Конкка А. П. Календарные обряды карел XIX начала XX вв. Святочное ряжение // Финно-угры и соседи. Проблемы межкультурных контактов на территории Балтийского и Баренц-регионов. Сборник научных трудов. СПб, 2002. С. 218–248.

³⁸ Думается, что данный вывод Элиаса Леннрота ошибочен.

³⁹ Леннрот Э. Путешествия Элиаса Леннрота. Петрозаводск, 1985. С. 128.

⁴⁰ Беломорские карелы часто носили на руке медное кольцо при уходе за домашними животными, особенно коровами. Это возможно объяснить как модой, так и тем, что металл медь и само кольцо являлись у карелов оберегами.

⁴¹ Леннрот Э. Путешествия Элиаса Леннрота. Петрозаводск, 1985. С. 129.

⁴² Эти случаи произошли в 1985 и начале 1990-х годов.

⁴³ Женщина-вепсянка, живущая в п. Винницы Подпорожского района Ленинградской области, уроженка д. Озера.

регент прихода Смоленской Божьей Матери в г. Олонце, карелка, и очень сурово высказалась о недопустимости поведения автора статьи, так как по ее мнению, ношением при себе медвежьего когтя автор грубо попрала поведенческие нормы православной христианки.

О другой ситуации автор статьи узнала от коллеги, муж которой в 1980-е годы работал на санитарной авиации Карелии. В штормовую погоду он ценой своей жизни сумел благополучно доставить на вертолете тяжело больного ребенка из пос. Калевала (ранее Ухта) в республиканскую больницу в г. Петрозаводске. Матерью больной девочки в дорогу летчику в качестве оберега и подарка была подарена бесценная семейная реликвия – ожерелье из зубов медведя.

Опыт и различные жизненные ситуации, в которые попадал автор статьи, показывают, что и сегодня медвежьи когти, медвежья лапа, медвежьи зубы в карельском доме являются надежным оберегом от всевозможной «нечисти», воров и вообще «от любой напасти». Они и сегодня используются карелами по своему магическому назначению. Известный исследователь карельской культуры, фольклорист Н. А. Лавонен пишет: «Медвежий зуб был у карелов одним из важных принадлежностей знахаря-колдуна. Существует поверье, что настоящий заклинатель⁴⁴ силой слова «выпевал» зубы из черепа, не притрагиваясь к нему руками. Таким высшим проявлением заклинательной силы славился известный рунопевец Онтрей Малинен из северо-карельской деревни Войница⁴⁵. По словам его правнучки Анни Лехтонен, Онтрей⁴⁶ мог «lauloi kontielta hampahat irti ta sijah jälelläh / мог пением удалять зубы из пасти медведя и вставлять их опять на место»:

Jogo otan Ochojani,
Alan ambu – Linduani,
Repäisen Leucaluita.

(выделение мое – И. Семакова).

Ужели примусь за Охто,
Приступлю к подстреленной (мною) птичке,
Порву ему челюсти⁴⁷

Широко известными являются факты поклонения карелов медведю как одному из важнейших тотемов и духов леса, а так же наличия в архаичной культуре следов так называемой медвежьей свадьбы – похорон⁴⁸. После праздника «свадьбы» череп и кости медведя «жених» и «невеста», мужчина со жбаном пива и рунопевец, а также выбранные по жребию люди, уносили в лес. Там череп вешали на высокий сук сосны или ели, а кости оставляли или зарывали у корней этого же дерева. Эти действия служили залогом будущего возрождения медведя, а так же его возвращением в свой род, ведущий начало от сосны, где женское божество Hongotar/Хонготар – Сосновица⁴⁹ по поверьям считалась покровительницей медведя:

Hongikosta sinun sukusi
Hongotar sinun sukusi

Из сосняка твой род,
Сосновица твоя родня⁵⁰.

Карелы считали, что свои зубы и когти медведь «получил» от дерева, т. е. считают, что магической силой медведя одаривает дерево:

Vaan eipä ollut hampahia,
Eikä kyhätty kyntösiä,
Lähammasten hakuhun,
Kysymähän kyntösiä
Pihlajilta piukkehilta,
Katajilta karkehilta,
Jurmuisilta juurikoilta.
Kesuen kannoilta kovilta.
Niistä kynsiä kyhäsi,
Sekä hatsi hampahia.

Только не было зубов,
И не созданы были когти.
Пошел зубы добывать,
Просить когти
У рябин твердых,
У можжевельников горьких,
У угрюмых корневищ.
У крепких сосновых пней.
Из них когти создал,
И зубы сотворил⁵¹.

В карельских загадках, которые, по мнению Н. А. Лавонен, во многом отражали элементы древних верований, родство сосны и медведя очевидно⁵².

⁴⁴ В северной Карелии на медвежьей свадьбе иногда вместо «жениха» и «невесты» во главе стола садился лучший рунопевец.

⁴⁵ В северной Карелии было много «знающих», но и среди них славился как могущественный ведун-заклинатель Ваассила Киелевийнен, сын Игната, известный рунопевец.

⁴⁶ Онтрей Малинен сын Савастея (1780–1856 гг.).

⁴⁷ Лавонен Н.А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 44–45. Разрывание – один из способов жертвоприношения.

⁴⁸ «Сохранившееся описание праздника можно принять за свадьбу, похороны или коллективную ритуальную трапезу. Чаще исследователи называют его медвежьей свадьбой», – пишет Н. А. Лавонен: Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 41.

⁴⁹ «Hongotar – слово, трудно переводимое; может быть, хозяйка сосняка, Сосновица», – пишет Лавонен Н. А.. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 73.

⁵⁰ Naavio M. Supmalainen mytologia. S. 24. Цит. по: Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 45–46.

⁵¹ Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 46.

Во время медвежьего праздника у всех народов финно-угорской языковой семьи полагалось петь специальные песни. Обратим внимание на деталь, которая могла по каким-либо причинам, например, ее обыденности или в силу «ненормативного» участия в обряде пожилых женщин, не фиксироваться у карелов, но на которую обратил внимание в обряде медвежьего праздника манси финляндский исследователь А. Коннисто: «Если не было певцов, песни допускалось заменить сказками»⁵³.

Допустим, что подобная ситуация могла некогда возникнуть и в карельской культуре. Известно, что в целях берега карельского дома зимней ночью, особенно в периоды активного общения этноса с представителями иного мира – во время Кегри⁵⁴ или Святка, – на дом «надевались» железные обручи обязательным вечерним рассказыванием сказок. Рассказанных сказок должно быть не менее трех⁵⁵. Они служили оберегами и не позволяли потусторонним силам проникнуть в дом. Фактически сказками накладывались/очерчивались ритуальные круги-берега, так же, как, например, во время святочных гаданий очерчивались круги острым железным предметом. Утром наложенные на дом «железные обручи» необходимо было снять при помощи загадок и их правильных отгадок⁵⁶. В этикетные поведенческие нормы в обязанности гостя, ночевавшего в доме, входило обязательное рассказывание сказок на ночь. Обратим внимание на высказывания информаторов: «Поilla ei ni arvoiteltu, sanottih jotta arvон akka tulou ta persieh tuukuttau yöllä/Вечером не загадывали, говорили, что «хозяйка загадок» придет и в задницу постучит ночью»⁵⁷. Там же читаем: «Arvautuksen akka kuh tulou... siitä pitäy osata vassata... / Хозяйка загадок как придет – тогда надо уметь отвечать»⁵⁸. «В случае нарушения вечернего запрета загадывания «хозяйка загадок» («arvautuksen akka»⁵⁹) появлялась в доме и заявляла: «Nyt kun ettäsoattane sanuo semmoista arvautusta mitä mie en tiijä, niin mie syön teat/Теперь, если не сумеете загадать такой загадки, которую я не знаю, я вас съем»⁶⁰.

В Карелии, особенно Беломорской, загадки⁶¹ были близки святочным гаданиям. У рождественской, крещенской и святочной хозяйки, предсказывающей судьбы и раскрывающей тайны будущего и мироздания – «Vierissän akka/ бабы Виэристе»⁶² гадание-слушание было связано не только с особым ритуалом – оберегом, но и с необходимостью гадающих знать загадки. Если загадки бабы Виэристе⁶³ не были угаданы, то, по поверьям, святочная хозяйка затягивала гадающих в прорубь или преследовала до самого дома, где могла ударить любопытствующих по голове. С этой целью на головы вбегающим в дом гадалкам надевались глиняные (и из иных материалов) горшки⁶⁴, в которых они могли даже спать. С этими горшками в Беломорской Карелии было связано поверье о том, что эти горшки были не только оберегами, но и указывали на принадлежность их надевших на голову на инородное, потустороннее начало.

Понятие «заставлять отгадывать», в частности загадки – «arbaittua кар. ливв./ arvawttua кар. тв.», в карельском языке очень близко вепским словам «arboida» – гадать, ворожить, «arboi» – гадалка, ворожея (от «arb» – жребий)⁶⁵, а также и карельскому «arba кар. тв./arpa/ arva соб. кар./arbu кар. ливв./arbe кар. люд.» – жребий. Ситуация с загадками рождественской бабы Виэристе гадающим напрямую была связана с пониманием судьбы, жребия. Неслучайно, некоторым счастливицам баба Виэристе могла подарить ключи как символ будущего

---

⁵² Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 74. О помеле в загадках говорится как о медвежьей лапе. Используется образ, связанный с медведем – «tutturi, tuitturi, tuuhakka/мохнач».

⁵³ Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 48.

⁵⁴ Кегри – древний праздник карелов, связанный с почитанием предков и окончанием сезонных сельскохозяйственных работ. Праздник приурочивался к первой субботе ноября.

⁵⁵ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 20. « В каждом доме надо бы рассказать три сказки ежедневно вечером. От этого якобы образовывалось три железных обруча вокруг жилья, и они защищали дом от всего плохого. Сказку скажешь хоть и похуже, от этого греха не будет, ведь бог шутки любит», – рассказывал Вилхо Юриноя из Аконлахти. Заметим, что каждый гость, оставшийся в доме на ночлег, согласно негласному этикету должен был рассказать сказку. – Лавонен Н. А. Там же. С. 23.

⁵⁶ Загадок у карелов было великое множество. Считается, что каждый знающий информатор знал около 40–50 загадок и отгадок. Знатоки владели большим репертуаром. Например, в 1973 г. в п. Калеавала Т. Ф. Федорова вспомнила 67 загадок. – Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 42.

⁵⁷ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 21.

⁵⁸ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 21.

⁵⁹ Буквально: баба загадок.

⁶⁰ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 21. Заметим, что угроза съедения часто встречается и в сказках и исходит от персонажа иного мира к персонажу мира реального. В некоторых ситуациях она может трактоваться не только как угроза смерти, но и как угроза сексуального акта персонажа из потустороннего мира, например, с медведя к персонажу реального мира.

⁶¹ Жанровый признак загадок – диалог – Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 40.

⁶² Vieriste akka.

⁶³ Основная загадка бабы Виэристе носила мифологический, в том числе космогонический, характер. Например: «Что есть один (два, три – десять)?». Ответы были: «Я тут; глаза на лбу; ноги в самопрялке; сосцы у коровы; пальцы на руке; копылья в санях; звезд в Большой Медведице; обручей в бочке; дырок в человеке; десять ногтей на пальцах ног». – Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 25.

⁶⁴ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 25–26. Конкка А. П. указывает на связь горшков на головах ряженных со свадебным ритуалом карелов – Конкка А. П. Календарные обряды карел XIX начала XX вв. Святочное ряжение // Финно-угры и соседи. Проблемы межэтнических контактов на территории Балтийского и Баренц-регионов. Сборник научных трудов. СПб., 2002. С. 227.

⁶⁵ Словарь вепского языка. Сост. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Л., 1972.

богатства человека. Вероятно, у данного персонажа карельской мифологии некогда были и иные дары, которые она могла раздавать гадающим, в том числе, вероятно, и «дары смерти»⁶⁶.

В древности карельские загадки заканчивались игрой-путешествием в некое местечко – Huikkolä/Хуйкколя, где после наказания за неотгаданные загадки, давались крестной матерью ответы на них. По мнению, финляндских и российских исследователей, Хуйкколя – это, как и Туонела, иной мир, мир, где все явления оборотные к реальным. Все «путешествия в Хуйкколя» имеют черты «пародийности и театральности, но по происхождению оно (действие) может быть и обрядово-магическим»⁶⁷.

Исходя из изложенного, мы можем предположить, что в древности функция рассказывания сказок и загадывания загадок у карелов была у t'ietäjät – знающих, а затем, ближе к нашему времени, отошла к представителям общины, приобретаю черты театральности и пародийности. Основанием для нашего вывода является группа слов, подразумевающая понятие «жребий» – человек связанный с загадкой или отгадкой, а так же гадающий, т. е. выбрасывающий жребий: arvuttaja, arvauttaja/ загадывающий – соб.кар.; arvaaja/ отгадчик – фин.; arboi, arbnik/гадалка, ворожея (в т. ч. на камешках), arbiitaze/ бросать жребий – вепс. В данной ситуации слово t'ietäjät – знающие – уже само по себе выступает в качестве метафорической замены сакрального магического действия.

В списках выявленных нами прозвищ, которые могли обозначать профессию людей, связанную со скоморошеством, большую группу прозвищ составляют производные от слова «kontie/медведь». В кругу слов, близких в карельском языке к «kontie – соб. кар./kondie – соб. кар., кар. люд., кар. лив./ медведь», возможно рассматривать не только Hongoitar/Сосновицу, которая считалась покровительницей медвежьего рода, но и слова kondo/ род – соб. кар., кар.тв., а так же яма между корней дерева – кар. лив., kontto/яма, углубление под корнями большого дерева – соб. кар., kontu/ хозяйство, угодя – соб. кар., kontii/короб, котомка, кошель – соб. кар. Возможно, что рассматриваемое метафорическое обозначение медведя восходит к понятию kontata/двигаться на четвереньках – соб. кар.⁶⁸.

Обратим внимание, что очень близко к данным словам в карельском языке стоят и термины, обозначающие колдовство – koneht`ie/заклинать, колдовать – соб. кар., и konehuš/ колдовство, заклинание – соб. кар.

Среди выявленных нами прозвищ людей, производных от слова «kontie/медведь» по мнению, известного лингвиста, д.ф.н. И. И. Муллонен, есть производные от топонимов. Например, Стаффан Кондулайнен из Тиурольского погоста, местечка Лаврола (1637 г.)⁶⁹. Его прозвище указывает на то, что этот человек – житель д. Контула.

По другой версии, некоторые из жителей средневековой Корелы могли уже в первой трети семнадцатого века добывать средства к существованию переносной торговлей – коробейничеством⁷⁰.

Тем не менее, рассматриваемый пласт прозвищ, производных от слова «kontie/медведь» в наших материалах присутствует. Рассмотрим явление ближе.

В исследованиях российских этнографов вождение медведей (медведчики) вслед за Писцовыми книгами, считается отдельной профессией, а не только направлением в скоморошестве. Описаний общественной значимости «медвежьей потехи» в исторических документах оставлено немало⁷¹. Обратим внимание на наиболее известный из них – «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна, австрийского посла, побывавшего в Московском государстве дважды, в 1517 и 1526 гг. Он пишет о том, что у государя, Василия III был заведен «Княжеской зверовой двор»⁷². В честь приема послов царь устроил медвежью потеху⁷³: у князя есть и другая потеха, на

---

⁶⁶ С вопросами (загадками?) у карелов связана и хозяйка потустороннего мира Туонелы. Именно в Туонеле, по поверьям, собраны все знания карелов, а знахари – t'ietäjät- умели не только разговаривать с хозяйкой Туонелы но и отправляться, по мнению общины, к ней за магическими знаниями и умениями. Хозяйка Туонелы спрашивала каждого вновь прибывшего зачем он прибыл.

⁶⁷ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 35.

⁶⁸ Среди метафорических замен понятия «медведь» достаточно большой пласт в карельском языке терминов, производных от слов «kärri/kärälä/лапа» и «ošča/лоб».

⁶⁹ Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta. II. Joensuu – Petroskoi, 1991 / История Карелии XVI–XVII вв. в документах П. Петрозаводск – Йоенсуу, 1991. С. 477.

⁷⁰ Эту идею в устной беседе автору высказала исследователь карельских традиций О. В. Огнева. Она утверждает, что в XVII в. в Кореле уже существовало коробейничество как промысел.

⁷¹ Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – М., 2005; Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века // Искусство. Л., 1984. № 11.

⁷² Зверовой двор был основан отцом Василия III Иваном III Великим в XV в.

⁷³ Флетчер Джильс, один из английских посланников в Россию (1591 г.), пишет в работе «О государстве русском» – М., 2002, С. 254–255: «Другая особенная потеха есть бой с дикими медведями, которых ловят в ямах и тенетами и держат в железных клетках, пока царь не пожелает видеть это зрелище. Бой с медведем происходит следующим образом: в круг, обнесенный стеной, ставят человека, который должен возиться с медведем, потому что бежать некуда. Когда спустят медведя, то он прямо идет на своего противника с отверстой пастью. Если человек с первого раза дает промах и подпустит к себе медведя, то подвергается большой опасности; но как дикий медведь весьма свиреп, то это свойство дает перевес над ним охотнику. Нападая на человека, медведь поднимается обыкновенно на задние лапы и идет к нему с ревом и разинутой пастью. В это время если охотник успеет ему всадить рогатину в грудь между двумя передними лапами (в чем, обыкновенно, успевает) и утвердить другой конец ее у ноги так, чтобы держать его по направлению к рылу медведя, то, обыкновенно, с одного разу сшибает его. Но часто случается, что охотник дает промах, и тогда лютый зверь или убивает, или раздирает его зубами и когтями на части. Если охотник хорошо выдержит бой с медведем, его ведут к царскому погребу, где он напивается допьяна в

которую, как я слышал, он приглашает иных послов. Откармливают медведей, посаженных в обширном и нарочно для того построенном доме, в котором князь, взяв с собою послов, показывает им игры. У него есть несколько людей низшего сословия, которые по приказанию князя, в его присутствии, выступают против медведей с деревянными вилами⁷⁴ и вызывают их на бой. Наконец они сходятся, и если приведенные в бешенство медведи их ранят, то они бегут к: князю, крича: «Государь, вот мы ранены». Князь говорит им: «Ступайте, я окажу вам милость». Потом он приказывает лечить их и кроме того награждать одеждой и несколькими мерами хлеба⁷⁵.

Во время своего первого путешествия в страну австрийский посол в своих записках не обошел вниманием и медведчиков из народа: «Кроме того, многие бродяги, которые в тех странах имеют обыкновение блуждать с медведями, приученными к пляске, найдены были мертвыми на дорогах. Да и самые медведи, подстрекаемые голодом, оставив леса, рыскали по соседним деревням и врываются в дома; когда испуганные крестьяне убежали от них, то за воротами погибали от стужи»⁷⁶ (речь идет о зиме 1517 г. – этот год в Московии был неурожайным).

К сожалению, автором не найдены документальные свидетельства о том, что «медвежьи потехи» были занятием древним. Письменные источники указывают, что медвежий промысел на Руси якобы начинается с XVI века – времени царских «медвежьих потех» и основания зверового двора Иваном III, дедом Ивана Грозного. Однако известно, что этот промысел просуществовал на территории России вплоть до 1930-х годов. Попытки власти закрыть промысел предпринимались много раз, начиная с 1648 г.⁷⁷, но всегда это было безуспешным. В XIX веке промысел был настолько распространен⁷⁸, что царь в декабре 1866 года вынужден был издать специальный указ о прекращении данного промысла со сроком 5 лет: к середине столетия оформилось несколько центров подготовки дрессированных медведей и их вожаков. Юг и восток России обслуживал «медвежий центр» в г. Сергач Нижегородской губернии. Здесь в конце XIX в., по информации П. П. Семенова и П. Альбинского⁷⁹, одновременно находилось до 90 медведей, а в близлежащем селе Андреевка даже 150! Обычным же было содержание в каждом из сел центра до 50–100 медведей⁸⁰. Известны так же центры подготовки медведей и их вожаков в Великом Новгороде (обслуживал северо-западные губернии России), Костромской губернии, а так же в Белоруссии – запад, юго-запад и за границу, где соперничал с венгерскими вожаками и др.

Считается, что русские «медвежьи потехи» развивались в трех направлениях: травля медведя собаками, медвежьи бои (с человеком или с медведем), а так же общеизвестная «медвежья комедия». Если первые две формы использования медведей можно считать исторически более ранними, то «медвежья комедия» особенно стала популярна у жителей России в XIX–XX вв.: «Мишенька (или иное собственное имя медведя), покажи как девки румянятся, воду носят, жених с невестой спят, мальчишки горох воруют, баба платок повязывает» и др.

Автора настоящей работы смущает вопрос явного несоответствия ментальности карельского народа относительно медведя и круга традиционных представлений о нем с тем, что составляло смысл деятельности вожаков медведей в русской этнокультурной среде. Ни одно из трех обозначенных выше направлений деятельности скоморохов – вожаков медведя для карелов невозможно⁸¹. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, которые опубликованы в этнографической, фольклористической и лингвистической литературе о карелах.

Медведь карелами воспринимается как первопредок, живший на небе⁸² и член карельского рода – человек (он – *tätini poika*/сын тети, – т. е. двоюродный брат)⁸³. Его обозначение табуировано: в «Сопоставительно-ономастическом словаре диалектов карельского, вепсского, саамского языков»⁸⁴ приводится 14 терминов-метафор, обозначающих животное в языке карелов (*kontie/kondie/kondia/kondii/kontio*; *karhu*; *mesikämmen/mezikämmen*; *leviočča/leviočču*; *leviluappa*; *mämmikäpälä*; *mečäneläjä*; *mečänkäpälä*; *mušta mies*; *pöppö*; *gašvakämmen*; *mötti*; *liinansiemen*; *mihalivuanou/mihalivaanoo*). Медведь, тем не менее, является объектом охоты, значительная часть которой, в свою очередь, еще в начале XX в. обставлялась как ритуал «медвежьей свадьбы»⁸⁵. В крайнем случае,

---

честь государя, и в этом вся его награда за то, что он жертвовал жизнью для потехи царской. Чтобы пользоваться этим удовольствием, царь содержит несколько ловчих, определенных для ловли диких медведей. Травлею царь забавляется обыкновенно по праздникам.

⁷⁴ Имеется в виду рогатина, с которой крестьяне обычно охотились на медведей. Данный вид «забавы» являлся повторением действий охотника во время охоты на медведя.

⁷⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 296–297.

⁷⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 225–226.

⁷⁷ Грамота царя Алексея Михайловича Дмитровскому воеводе Ивану Акинфиевичу Шишкову от 20 декабря 1648 г. // Власова З. И., Фрэнсис (Гладких) Е. П. Скоморохи в памятниках Письменности. СПб., 2007. С. 65–67.

⁷⁸ В сезон вожак медведя мог заработать до 70 рублей в месяц.

⁷⁹ Некрылова А. Ф., Савушкина Н. И. Фольклорный театр. М., 1988. С. 442–444.

⁸⁰ Некрылова А. Ф., Савушкина Н. И. Фольклорный театр. М., 1988. С. 442–444. П. П. Семенов заметил, что медвежий промысел в XIX в. был популярен у жителей Ключева, Кладбищ, Ендовищ, Шубина, Грибанова и Пицы.

⁸¹ Sarmela M. *Karhu ihmisen ympäristössä* // *Kalevalaseura vuosikirja*, 71. Helsinki, 1991. S. 209–250.

⁸² Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 35. «Медведь считается небожителем, откуда его спустили (он спустился) на землю».

⁸³ Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 37. «Встретившись с медведем в лесу, в нем признавали сородича, с ним беседовали как с человеком: «Здоров ли ты? За грибами или за ягодами пришел в лес? Мы за грибами. Если ты не за грибами».

⁸⁴ Сопоставительно-ономастическом словаре диалектов карельского, вепсского, саамского языков. Ред. Елисеева Ю. С. и Зайцева Н. Г. Петрозаводск, 2007. С. 50–51.

⁸⁵ Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 35–51.

это мог быть как большой ритуальный праздник, где во главе стола пиршества вместо выборных жениха и невесты мог восседать лучший рунопевец поселения. Эти факты свидетельствуют, что медведь для карелов являлся и, вероятно, и сегодня является тотемным животным, а, следовательно, в традиции должны были существовать и выраженные формы ритуального поклонения медведю, основу которых составляли заговоры или стихи (стишки), как их определяют в Беломорской Карелии. В исследовательской работе Н. А. Лавонен «Заговоры в кругу религиозно-магических представлений карел»⁸⁶ на основе анализа полевых материалов утверждается идея о том, что *заговоры в основном знают те же лица, которые исполняют и эпические песни, т.е. рунопевцы.* (выделение мое – И. Семакова). Следовательно, лучшие рунопевцы, прозвище которых происходило от обозначений медведя, чаще это Kondulain/ Kondia / Condia/ Kåndtinen/ Karhu и другие были жрецами культа медведя, т. е. были t'iedejat/знающими. По мнению исследователя религиозных воззрений тверских карелов О. М. Фишман, t'iedejat/знающие – в отличие от kolduna/ колдуна, владельца «чертей», т. е. «в буквальном смысле люди вне Бога и без креста»⁸⁷ – жреца, владеющего черной магией, – входили в структуру конфессиональной общины. Она пишет: «Лесные карелы (и русские) абсолютно убеждены в богоугодности знахарского дела. «Это ведь ни худому, не заораживаю, а помогаю людям»; «это ни к плохому, а хорошему»; «добро делать»; «людей счастливыми делать» – так оценивают свою деятельность сами «знающие», уверенные в том, что их способности получены от Бога»⁸⁸. Вот почему во время своих «попыток» они никогда не снимают крестов: «На кресты (перекресток дорог. – О. Ф.) ходила с крестом, у ней Боженька с собой, она божественное все»; не берут за свою помощь денег – «те, кто берет деньги, то нахалы, Господу Богу грешат»; позволено дарить платки, конфеты, но дороже всего считалась устная благодарность – «Скажи, дай Бог здоровья»; не обязательным был и акт передачи знаний перед смертью – «это ведь не черти, что обязательно» (передавать. – О. Ф.)»⁸⁹.

Любопытные и очень важные наблюдения над способами исполнения заговоров приводит Н. А. Лавонен: «**Заговоры произносили (luvettih) в отличие от эпических песен, которые пели (laulettih)** (выделением мое – И. Семакова). По мнению исследователей, в древности заговоры, так же, как эпические песни, могли петь. О магической силе пения напоминают руны о состязании Вяйнямйнена и Еукахайнена в пении. Многие фольклорные жанры требовали аудитории, были рассчитаны на слушателей, а заговоры в этом ряду составляют исключение. Их произносили без свидетелей, в стороне от посторонних глаз. Это была как бы тайна исцелителя и пациента. О заговорах старались не говорить, о них не принято было рассказывать. В одних случаях их произносили тихо: «Luvettih hil'al'akkaiseh, jott'ei ni ken kuulis». (Фон. 2546/9). – «Произносили тихо, чтобы никто не слышал». «Ei se pie huutua, sita mita tiijat». (Фон. 2650/7). – «Не надо кричать, о чем знаешь». Но, с другой стороны, заговоры нужно было произносить сильно, четко, уверенно. При этом скрипели зубами, «кусали» железный предмет, который нанес рану. На наш вопрос, как быть заклинателю, если у него уже нет зубов, информант А. Е. Салониemi ответила: «Ei pie kylasta kauva hamrahe». (Фон. 2646/1). – «Не надо у соседей занимать зубы». М. А. Кондратьева (родом из дер. Елетъярви) произносила заговоры быстро, громко, с напряжением, на нашу просьбу повторить их не так быстро (чтобы получилась разборчивая запись на магнитофонной ленте) она ответила: «Se pitau lujasti» – «(Так) надо громко, быстро». Заговоры, чтобы были более действенными, полагалось произносить трижды»⁹⁰. Приведу еще одну цитату из этой же работы: «Они «кричали и прыгали» («karjuttih ta hypittih»). (Фон. 2649/27), умели вступать в контакты с сверхъестественными силами, обращались к «хозяевам» леса, воды, к тем, кто «прятал» животных в лесу, насылал болезни. По воспоминаниям Ф. Д. Никоновой, таким умением обладал Михай Васильев из дер. Катослампи. Он вызывал хозяина леса («kussu mecasta mecan isannan»), если тот не отдавал «спрятанную» в лесу корову. Приступая к роли tietaja он затапливал дома печь, оставлял жену стоять во дворе, чтобы никто не заходил в дом и не выходил из него, сам шел в лес и «вызывал того» (kussu sen); «тот» говорил с ним как будто из-под земли (niin kuin muan alta puajiu mykettay). Михай-укко здоровался с вызванным «хозяином», держа в руке березовое полено, сжимая его с такой силой, что из полена выступала вода («ukko ottau koivuhalon katehensa, sanou: «pita'y tovan'salla katta antua», sita kun halkuo kopristau, ni vesi pusa'jau siita halosta»). (Фон. 2604/14, 15). После этого корова возвращалась из леса к владельцам. Присутствие второго человека при обрядовом действе, в данном случае жены – рудимент архаических верований.

⁸⁶ Лавонен Н. А. Заговоры в кругу религиозно-магических представлений карел // Лавонен Н. А. Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988.

⁸⁷ Фишман О. М. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии Петрозаводск, 1994. С. 28.

⁸⁸ В статье: Фишман О. М. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии Петрозаводск, 1994. С. 27–28 – исследовательница приводит обряд передачи «знаний»: «приобщение «tied'aja» (тверские говоры – И. Семакова) к тайнствам происходило в детстве. Так, одна из современных знахарок рассказывала, что «стишкам» (заговорам) ее научила одна пожилая женщина, посадив при этом на подол своей фрезы (сарафан. – О. Ф.). Большинство были родом из семей «знающих», преемственность осуществлялась путем передачи от старших к младшим; ряд современных «знающих» отказывались говорить тексты заговоров на том основании, что в этом случае «силы не будет у стишков»; «ничего у нее (самой знающей – О. Ф.) не будет получаться», а ей еще хочется «людей счастливыми сделать».

⁸⁹ Фишман О. М. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии Петрозаводск, 1994. С. 28–29.

⁹⁰ Лавонен Н. А. Заговоры в кругу религиозно-магических представлений карел // Лавонен Н. А. Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 137–138.

В древности заклинатели имели обыкновение приглашать помощника, который будил его, поднимал при впадении в транс»⁹¹.

Мы можем предположить, что при исполнении обрядов культа медведя карельские *t'iedejat* /знающие произносили заговоры в двух манерах: просьбы к хозяевам стихий – тихо, а в случаях требований или угроз – громко. Руны карельского народа, в частности, о Вайнемейнене, об Еукахайнене, об Илмаринене⁹² дают исследователю сведения и о манере исполнения песен – громко, четко произносятся слова. Не исключено, что в обрядах культа должен был присутствовать и организованный шум, который способствовал гармонизации окружающей среды, т. е. игра на музыкальных инструментах.

Рассмотренные нами в статье факты позволяют нам сделать вывод о том, что карельские скоморохи с прозвищами *Kondulain/ Kondia / Condia/ Kándtinen/ Karhu* – производными от слова «медведь» не занимались, в отличие от русских скоморохов вождением и дрессурой реальных медведей, а лишь использовали в своей деятельности шкуры медведей и «сакральные» части медвежьей туши. Поэтому содержательное наполнение действий ряжения в медведя у карелов несколько иное, сакральное. Поэтому не случайным является выявление в южной Карелии (Ведлозерье) мужских плясок, подражающих топтанию медведя (колени исполнителя присогнуты, голова несколько наклонена и выдвинута вперед, предплечья рук образуют относительно туловища угол примерно в 90°, а кисти и руки от локтя свободно «висят») ⁹³. Обязательными во время исполнения обрядов культа медведя должны быть и жертвоприношения. О них очень образно и подробно пишут А. П. Конкка⁹⁴, К. К. Логинов⁹⁵, Н. А. Лаванен⁹⁶ и др. Сохранились и фотографии 1894 г., выполненные И. К. Инха в Беломорской Карелии.

Таких праздников с жертвоприношениями животных в течение года у карелов было несколько. В некоторых деревнях это были праздники, связанные по православному календарю: со святым Ильей – 2 августа, а так же на Успенье Пресвятой Богородицы – 28 августа и некоторые другие местные локальные праздники, например, в Сямозерье это был Власьев день – 4 август (в православных святцах это день Марии Магдалены).

«На севере Карелии в дер. Суднозеро (*Venehjärvi*), на территории нынешнего Калевальского района финскими исследователями К. Карьялайненом и И. Инха в 1894 г. был зафиксирован и описан обряд жертвоприношения баранов на «первую богородицу», т. е. в день Успения Богородицы 15/28.08. Все действие и приносимые в жертву животные посвящались святому Миколу (Николаю Чудотворцу), что, видимо, и вызвало ошибочное утверждение И. К. Инха о дне проведения праздника как «дне Миколы»⁹⁷.

⁹¹ Лаванен Н. А. Заговоры в кругу религиозно-магических представлений карел // Лавонен Н. А. Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 138–139.

⁹² В книге Кочкуркиной С. И. Народы Карелии. Петрозаводск, 2005. С. 29 указывается, что кузнецы у карелов тоже могли быть скоморохами.

⁹³ Такую пляску умершего отца автору показала Н. Н. Антонова, уроженка с. Ведлозеро Пряжинского национального муниципального района Республики Карелия.

⁹⁴ Конкка А. П. Календарные обряды карел XIX начала XX вв. Святочное ряжение // Финно-угры и соседи. Проблемы межэтнических контактов на территории Балтийского и Баренц-регионов. Сборник научных трудов. СПб, 2002. С. 218–248.

⁹⁵ Логинов К. К. О «магических специалистах» Карелии и Архангельской области // Живая старина. 2004. № 2. С. 13–16; Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия // История и культура Сямозерья / Отв. редактор В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2009. С. 153–236; Логинов К. К. Великие «тиздяяд» Сямозерья на закате древней традиции // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 277–288 и др.

В статье О «магических специалистах» Карелии и Архангельской области» К. К. Логинов В среднем на каждую волость приходилось по одному сильному и несколько более слабых колдунов. У вепсов Карелии каждый родившийся с карими глазами считался потенциальным колдуном.

Нельзя не подчеркнуть, что карельские (наверное, и не только карельские) знахари, так же как и колдуны «других специальностей» – патьвашки, пастухи, охотники и т. д., действительно верили в реальность религиозно-магических познаний и представлений об окружающем мире, населенном всевозможными духами «предков» (сюндузет), «хозяев» (халдиат) – леса, воды, земли, дома, человека (у каждого свой «халдия») и т. д., верили они и в магическую силу разных талисманов (оберегов и т. п.). Также уверены они были в своих колдовских способностях управлять (например, с помощью заклинаний) природными стихиями, дикими животными, разными духами, изгонять «зло» и «порчу», лечить больных. И, видимо, достаточно часто знахари, как и другие колдуны, достигали положительного эффекта, а этот критерий еще больше укреплял их веру в свои способности, так что шарлатанами они не были. В то же время карельские знахари не водились с «нечистой силой». И хотя идейное содержание православной веры, да еще при разногласиях между «мирянами» и староверами, они, как и большинство карелов, представляли себе весьма смутно, тем не менее крест носили и считали себя истинно верующими православными людьми (кар. «ристиканза» – «человек», букв. «крещеный человек»). В своей знахарской практике они не видели ничего предосудительного, поскольку были убеждены, что даже самые «колдовские» действия их и самые могущественные магические атрибуты никоим образом не связаны с нечистой силой» – С. 13–14. Логинов К. К. считает, что в среде карелов сохранились древние шаманские знания и практики. Наиболее сильными колдунами в XX и XX вв. являлись пастухи, патьвашки, а так же охотники.

⁹⁶ Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000.

⁹⁷ Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 78–79. Ю. Крон уточняет: «Обряд жертвоприношения начинался в пятом часу утра (практически еще в темноте). Сосновую рошу, в которой стояла часовня, он считает священным жертвенным местом, он пишет, что, по крайней мере, запрещено было вообще что-либо трогать в этой роше в обычное время, ни одной сосновой иголки нельзя убирать или уносить, все должно гнить на месте. Добавим, что те же запреты характерны и для всех карельских кладбищ. Ю. Крон пишет, что свежевание туш и варка мяса проходила вне ограды, которой была обнесена часовня, т. е. внутри ограды проходило только само заклинание (на крыльце) и съедение мяса и каши. По его сведениям, бараньи головы и ноги сжигались на

Исследователи считают, что с образом пророка Ильи-Громовержца карелы связывали благополучие урожая зерновых культур. А. П. Конкка пишет: «Пророк Илья у местного населения (как, кстати, и во многих других местах – в Сегозерье св. Ильи часто выступал даже синонимом слова «хлеб») был покровителем злаков. Считалось, как отмечает Н. Саухке, что грозы на ильинской неделе способствовали обильному урожаю. «Чем больше ильинских гроз, тем больше осенью в ларях зерна», — говорили в народе. Если в начале лета холод останавливал рост трав и злаков, крестьяне обращались с молитвой к святому Илье о тепле и хорошей погоде, ясном небе. К Илье обращались и тогда, когда ранние заморозки угрожали побить урожай. Как у славян (Перун-Илья), так, вероятно, и у многих прибалтийско-финских народов христианский святой перенял основные функции языческого божества Укко – бога грома, владельца высших небесных сфер»⁹⁸. В исследованиях об этикете за столом Н. А. Лавонен приводит тексты молитв, которые произносились карелами, если хлеб случайно падал на пол:

«Hospoti, plagoslovi, Jumalan kämmen alla/
Господи, благослови. Божья ладонь снизу.

В Южной Карелии подносили/прикладывали ко лбу и просили прощения у Святого Ильи: «Prosti, Pyhä Ilja / Прости, Святой Илья»⁹⁹. В некоторых карельских деревнях, например, в Сегозерье, Святой Илья практически означал синоним понятия «хлеб», будучи «покровителем злаков»¹⁰⁰. Для убедительности приведем и молитву сторожа часовни = жреца перед ритуальной трапезой: «Святой Илья-кормилец, ты всегда выращивал для нас хороший урожай, кормил свой народ и угощал нас обедом из своей пищи (запасов), мы благодарим тебя за все и просим тебя вырастить этим летом урожай еще лучше и обильнее, потому что, как ты и сам знаешь, у нас едоков прибавилось. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, присно и во веки веков. Аминь»¹⁰¹.

Стол у карелов – это Божья ладонь. В контексте исследований стола ученые выдвинули и доказали идею о том, что стол – это особый культ у многих народов мира. В своей эволюции он прошел путь от камня, дерева, например, как стол Тапио («низкая, но широкая ель с ровными ветвями или можжевельник, напоминающий стол») ¹⁰², насыпь (= гора) и, собственно стол. В этом контексте вспомним руну карелов о Вяйнемеинене, который играл на кантеле, сидя на берегу/на камне или возле камня, у воды ¹⁰³, возле дерева, на ветвях которого сидела владычица вод « в чулочках синих». К Вяйнемеинену вышло и стадо Тапио – дикие лесные звери. В одной из своих работ автор доказал, что и музыкальный инструмент-хордофон кантеле являлся инструментом сакральным, на котором могли некогда играть только жрецы во время магических ритуалов. В некоторых рунах карелов главный эпический герой Вяйнемеинен и верховный бог Ukko/Укко являются одним персонажем и фигурируют в рунах как Вяйнемеинен.

В контексте изложенного, в том числе и с учетом горизонтальное положения кантеле во время игры на нем относительно тела музыканта, и «пеструю крышку» инструмента – верхнюю деку, и материал его изготовления – дерево (сосна, ель, ольха или, редко, осина) мы можем предположить, что кантеле могло являться инструментом Святого Ильи /Ильи Громовержца/ верховного бога карелов Ukko/Укко, а так же и Ukko/Укко = Вяйнемеинена. Следовательно, мы можем предположить, что кантеле могло выступать и как ритуальный стол, на котором размещалась и «жертва» – форма инструмента имитировала одновременно рыбу, утку, в ряде локальных традиций и женский половой орган (кантеле с позиций рассмотрения от нижней деки), а так же ладью, перевозящую ушедших в царство мертвых Туонелу. В целом же, форма кантеле имитирует форму созвездия Большой Медведицы.

На кантеле исполнители при игре задействуют пять пальцев – три пальца – большой, указательный и средний – на правой, «мужской» руке и два – указательный и средний – на правой, «женской» руке. При небольшом подсчете (точный счет у карелов, например, детей, добычи и пр. запрещен!) получается, что на кантеле музыканты играют пятью пальцами. Здесь уместно вспомнить загадку akka Vieriste/бабы Виэристэ: «Что есть пять? – пальцев на руке». Для нас это может означать два аспекта – первый из них – особый счет пальцев исполнителя (играет как бы только пятью пальцами «мужскими» и «женскими», т. е. как бы одной «общей» рукой). При гипотезе, что кантеле – это особый ритуальный стол = ладонь Бога = жертвенный алтарь (камень, дерево, вода и пр.) ¹⁰⁴, то игра на этом музыкальном инструменте могла приурочиваться к празднику Святого Ильи 2 августа. В свою очередь, данный факт позволяет предположить, что на кантеле могли играть, как это происходит в мире t'iedejat/знающих только мужчины и только в каждый третий четверг месяца – священный день для t'iedejat/знающих и четверг – день верховного бога древней Руси – Перуна.

костре (что не совсем ясно из сообщения К. Карьялайнена), каша варилась ячменная, а у каждого, кто привел барана для жертвы, с собою имелся и свой хлеб. Мужчины едят, сняв головные уборы. Добавим, что у кострового, занимающегося варкой мяса, шапка также отложена в сторону».

⁹⁸ Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 83.

⁹⁹ Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 133.

¹⁰⁰ Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 84–85.

¹⁰¹ Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 84.

¹⁰² Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 29.

¹⁰³ Сакральность воды была присуща почти всем традиционным культурам мира, в том числе культуре карелов.

¹⁰⁴ Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000.

Если кантеле – это ритуальный стол особой формы, то и игра на инструменте должна быть связана с ритуальной, жертвенной пищей. У Н. А. Лаванен мы находим следующую информацию: «по правилам этикета того времени (до XVIII в. – И. Семакова) мясо рекомендовалось брать тремя пальцами, а не всей рукой»¹⁰⁵ – уточним, правой, «мужской». Вероятно, некоторые ограничения ритуального характера были и при поедании мяса жертвенного животного у карелов, кстати, карелы ложку¹⁰⁶, в том числе для поедания ритуальной, жертвенной пищи, держат тоже тремя пальцами правой руки.

Следовательно, среди карельских *t'iedejat/знающих* наряду с пастухами, патьвашками, охотниками, знахарями¹⁰⁷ мы можем выделить и *t'iedejat/знающих* – жрецов Святого Ильи/ Ильи Громовержца/ верховного бога карелов *Ukko/Укко*, а так же и *Ukko/Укко* = Вайнемейнена.

В поверьях карелов Святой Илья /Илья Громовержец/ *Ukko/Укко* ведал не только молнией, громом, дождем, но и ветрами. Поэтому не исключено, что выявленными нами многочисленными прозвища скоморохов, восходящие к названию духовых инструментов-аэрофонов тоже могут быть *t'iedejat/знающими* культа Святого Ильи /Илья Громовержца¹⁰⁸/ *Ukko/Укко/Вайнемейнена*¹⁰⁹. Это предположение может нам объяснить значительное количество людей с прозвищами данного уровня среди карельских скоморохов, которые могли быть пастухами в условиях стойлового содержания скота и его свободного выпаса – вопрос, поставленный нами в начале статьи. Данное предположение возможно подкрепить типологически сходным фактом в культуре южных славян. Слово «дундар»¹¹⁰ – игрок на любом духовом инструменте, т. е. «дующий» является эпитетом бога-Громовержца. Следовательно, в функции игрока на любом аэрофоне, так же как и на кантеле, входило локальное управление погодой. Заметим, что еще в начале 1990-х годов автором статьи была высказана идея о том, что струны кантеле из рыжих женских волос позволяют рассматривать инструмент как элементарный прибор-гигрограф¹¹¹.

Группа прозвищ скоморохов, производных от слова «медведь»¹¹² могли носить *t'iedejat/знающие* культа медведя. Именно они вели на него охоту, праздновали «медвежьей свадьбу», устраивали возврат костей медведя Сосновице. Охотничий промысел длительное время был связан с луком, а затем и с арбалетом, а на медведя – с рогатиной. Мы выяснили, что менталитет карелов не допускал ни одно из действий «медвежьей потехи», которые производились в средневековой Руси/России скоморохами и вожаками медведей. Однако, карелы в культуре активно культивировали ряжение в медведя, надевание масок, в том числе, из бересты, использование ряжеными искривленного посоха=рогатины, стук, шум, молчаливые пляски ряженных под инструментальное сопровождение¹¹³. Активно в ритуальных, магических и лечебных целях использовалась шкура медведя, его зубы, когти и иные части туши¹¹⁴. В обозреваемом прошлом инструменталистами, сопровождавшими ряженных, в том числе и в медведя, ходили люди с коровьими колоколами, бубенцами, печными заслонками, с различными бытовыми предметами, по которым громко стучали. То есть, ряженные, поведение которых восходило к поведению предков рода, у карелов – это мифическое существо, появившееся в период праздника Предков *kegri/кегри* и святок – *Syundy/Сюндю*.

Среди выявленных ними прозвищ скоморохов – карелов есть группа прозвищ, восходящих к обозначению музыкального инструмента, производящего значительный шумовой эффект, инструменту, на котором играли двумя-тремя пальцами тыльной стороны кисти левой, «женской» руки. Наиболее древние формы инструмента напоминали своей формой морду лося, выполнялись во многом в соответствии с технологией изготовления кораблей, имели крученые из конского волоса струны, колки, а так же смычок. В современной жизни этот инструмент назывался *jouhikko/йоухикко* от слова *jousi* – волос. У приладожских карелов игра на *йоухикко*

¹⁰⁵ Лаванен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 127.

¹⁰⁶ Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 85. Авторы приводят факты, что каждый присутствующий на ритуальной трапезе и на последующих конских состязаниях мужчина имел при себе деревянную ложку. О значимости ложки в карельском быту подробно пишет и Н. А. Лаванен. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 127–130.

¹⁰⁷ В одной из работ К. К. Логинов пишет следующее: «В южных районах Карелии, по крайней мере, еще в 1960–1970-х гг. довольно широко применялись в качестве универсального лечебного средства и как могущественные обереги (в том числе от «зла» – рапа, т. е. от «нечистой силы») древние каменные орудия (сланцевые топоры, тесла и т.п.), которые, как явствует из местного названия – «долото грома святого Ильи» (*pyhailanjiyrgyntalitu*) считались окаменевшими молниями; в Северной Карелии они известны как «уконталтта», т. е. «долото Укко».

¹⁰⁸ Наиболее «громовыми» и дождливыми карелы считают следующие дни: 1 августа – «Макрида», 4 августа – день Марии Магдалины, 6 августа – день Бориса и Глеба, 9 августа – Палий, день св. Пантелеймона. Все даты приводятся по новому стилю.

¹⁰⁹ Любопытна руна, записанная А. Э. Алквистом в 1854 г. в Кореле (г. Приозерске) и опубликованная В. Я. Евсеевым в «*Karjalais-suomalainen Kansan eeros/Карело-финский народный эпос*» М., 1994. Т. I. С. 45; Т. II. С. 20, 451., где при создании мира из яйца присутствует ветер как первопричина создания мира.

¹¹⁰ В работе Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных названий Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010. С. 155–157 проводится имя Дуда, Дудыр и др. – это могут быть и персонажи, «говорящие густым басом; дурной человек; тот, кто пьет много воды; дурак и др.», а Дудылов – «ребенок, сосущий грудь».

¹¹¹ Семакова И. Б. Карельское кантеле как элементарные приборы по наблюдению за окружающей средой. Рукопись.

¹¹² Про мнению И. А. Кюршуновой «безусловно, это охранное имя. Известно, что медведь – звериный двойник человека, оборотень ... Медведь – предок людей, их старший родственник» в мифологической трактовке – Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных названий Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010. С. 338.

¹¹³ Конкка А. П. Календарные обряды карел XIX – начала XX в. Святочное ряжение // Финно-угорские народы и соседи: Проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 217–225.

¹¹⁴ Лаванен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 43.

сопровождала пляски. У русских соседей карелов родственный йоухикко смычковый инструмент-хордофон назывался гудком. Отсюда, возможно и происходит прозвище карелов-игроков на йоухикко – от иноэтничного названия внешне похожего по исполнительской технике инструмента. Не исключено, что некоторые выявленные нами прозвища «Hutkof/ Butkof/ Butkehof» и др. имеют. По мнению лингвистов И. И. Муллонен и И. А. Кюршуновой¹¹⁵ некоторые из прозвищ «Гудков» имеют бытового характер и означают подвижного, пакостливого человека, а может быть и плаксу¹¹⁶. Автор понимает определенную справедливость замечания, однако может высказать сомнение по вопросу хорошего знания карельской общиной тонкостей русского языка: известно, что карелы старшего возраста еще в первой половине XX века не владели русским языком настолько, чтобы давать меткие русскоязычные прозвища своим соплеменникам.

В ранее рассмотренном нами материале жертвоприношения животных – быка, теленка, овец осуществлялось карелами 4 августа¹¹⁷, в непризнанный церковью летний праздник Власия (по святам это день Марии Магдалены), 28 августа, в день Успенья Богородицы – день окончания сбора зерновых и заламывания на поле последнего снопа – «бороды Ukko», или «Николиной бороды» или «Власьей бородки». Забивался скот и перед древним осенним праздником кегри – праздником рода и окончательного сбора урожая. В тонкой по своим наблюдениям статье о календарных обрядах, связанных с ряжением и святками А. П. Конкка подводит читателей к выводу о том, что древнее «волохатое» божество в медвежьем облике – древний бог Волос/Велес, Кегри, Сюдю, святой Николай и баба Виэристе, отчасти и Мокошь – это разные ипостаси одного и того же бога Волоса/Велеса¹¹⁸. На основании выводов А. П. Конкки автор, в свою очередь, может выдвинуть гипотезу о том, что некоторые карельские скоморохи, прозвища которых восходят к словам «медведь» и «гудок» являются t'iedejat/знающими культа Велеса/Волоса и его ипостасей Кегри, Сюдю, святого Николая и бабы Виэристе, а так же Мокоши.

В отличие от культа Перуна, охранителя зерновых культур, культ Волоса/Велеса был направлен на домашний скот и имел целью репродуцирующую магию. Карельские t'iedejat/знающие свои устремления направляли на сферу охоты и животноводства, а так же на домашние женские ремесла – прядение, ткачество, вязание. Во многих случаях проявления обоих культов в карельской среде смешивалось, а иногда и заменялось содержанием другого культа. Это касалось и деятельности скоморохов – карелов, а так же их игры на различных музыкальных инструментах, ряжения.

Автор выявил и некоторые другие прозвища представителей скоморошьей карельской среды. В контексте данной статьи они являются второстепенными по сравнению с описываемыми и полностью реализуются в рамках предлагаемой автором гипотезы о скоморохах в карельской среде.

Приложение

Списки представителей скоморохов на территории Карелии и сопредельных земель по памятникам истории

Таблица 1

История Карелии XVI–XVII вв. в документах I (Петрозаводск – Йоенсуу, 1987)				
Поземельная книга северной части Корельского уезда (Задняя Корела) 1618 г. Кякисалми				
Антропоним	Территория	Год	Стр	Совр.Адм. принадлеж.
1. Kuisma Penroff Wolinka (Кузьма Петрович Волынка)	Madzari, Укуниеме	1618	338	Финляндия
2. Ofonka Penroff Wolinka (Офонька Петрович Волынка)	Madzari, Укуниеме	1618	338	Финляндия
3. Maxim Penroff Wolinka (Максим Петрович Волынка)	Madzari, Укуниеме	1618	338	Финляндия
4. Romana Kalinanpoika (Lulluinen) (Роман Калинович Глиняный Свисток, т. е окарина)	Huhtilambi, Суоярви	Зап. 1614		Карелия

¹¹⁵ Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных названий Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010. С. 136, 137.

¹¹⁶ Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных названий Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010. С. 137.

¹¹⁷ Праздник отмечался как заветный в первую субботу августа.

¹¹⁸ Конкка А. П. Календарные обряды карел XIX – начала XX в. Святочное ряжение // Финно-угорские народы и соседи: Проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 217–225.

Поземельная книга 1631 г., Корела				
5. Luut Törö (тё – рё – звукоподражание звукоизвлечению на музыкальном духовом инструменте)	Kiimajärvi, Ruhäjärvi	1631	392	Финляндия
6. Iwasko Dudtnich (Ивашко Дудник)	Habalax (Хаапалахти), Хийтола, Кексгольм	1631	407	Карелия
7. Tommos Tuttninen (Томас Дудкин)	Kylälahti, Хийтола, Кексгольм	1631	409	Карелия
8. Pauilka Tudin (Павелка Дудин)	Kylälahti, Хийтола, Кексгольм	1631	410	Карелия
9. Hendrich Togo (Генрих Торо – как духовой музыкальный инструмент)	Kumpu, Укуниемеи	1631	434	Финляндия
10. Hendrich Sarwi (Генрих Рожок – как духовой музыкальный инструмент)	Kumpu, Укуниемеи	1631	435	Финляндия
11. Peter Torwi (Петр Торви – разновидность рожка)	Sijka Järfui, Juankoski, Липери	1631	484	Финляндия
12. Pääll Turuin (Павел Туруин. Туру – большой духовой инструмент)	Viiniranta, Липери	1631	485	Финляндия
13. Hendrich Piskain (Генрих Манок)	Kuikansalmi, Липери	1631	490	Финляндия
14. Sacharko Turuieff (Захарко Туруиев – туру как духовой музыкальный инструмент)	Karpansalmi (Kurkelansalmi) , Липери	1631	491	Финляндия
15. Anders Turuin (Андрей Туруин – туру как духовой музыкальный инструмент)	Hammas Lax, Пюхяселькя	1631	499	Финляндия
16. Kásta Tubarj (Костя Тубарь)	Melaselkä, Noutlahti, Иломантси	1631	510	Финляндия
17. Michaelka Torwi (Михалко Торви – torwi как духовой музыкальный инструмент)	Kontioleppälahti i, Рускеала	1631	532	Карелия
18. Ogafanko Torvi (Агафонко Торви – torwi как духовой музыкальный инструмент)	Soovalax , Pälkjärvi, Рускеала	1631	541	Карелия
Писцовые книги Обонежской пятины 1495 и 1563 гг. (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб, 2007)				
19. Янюк Дудин	Д. на Пидмо же озерке, Погост Воскресенский в Венежах на Свири	1495 и 1563	209	Ленинград. обл.
20. Сменка Дудина да сына его Федка	Д.на Остречене, Погост Воскресенский в Венежах на Свири	1495 и 1563	209	Ленинград. обл.
21. Иванко Васильев Дудыр	Д. противу погоста, Погост Никольский на Шунге		209	Карелия

Писцовая книга Водской пятины 1568 г.				
22. Вдова Марья Турубарова и сын ее Фетко	г. Корела, ул. Вельца	1568	60	Ленинград. область
23. Двор Василия Турубарова	г. Корела, ул. Спасская	1568	72	Ленинград. область
Сотная № 20. Список с сотной списан слово в слово ... лета 7070/1572 г. (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб, 2007)				
24. Митюшка и Сисонко Дмитриевы, дети Дудина	Волостка Корелская на речке на Вонгуде, д. Омосовская	1572	91	Карелия
Акты Соловецкого монастыря 1579, июля 29. (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб, 2007.				
25–26. Евсюк и Онисим Дуда Ивановы дети	Сумская волость (Поморье)	1579	93	Карелия
Дозорная книга Лопских погостов за 1597 г.				
27. Васка Пистоев (след), <i>т. е. Свисток или Манок</i>	Погост на Панозере	1597	215	Карелия
Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г. Заонежские погосты				
28. Д. Ивановская, а в ней двор помещиков Гневаша Лутохина	в Пиркиничих Рождественский погост на р. Свери.	1582/ 83	816 об./ / 84	Ленинград. обл.
29. Д. Якова Тутыхина на Волкоострове, Ерофеевская	Кижский Спасский погост	1582/ 83.	993 об./ /15 1	Карелия
30. Д. у Малоозерка Доудыловская, а в ней Гришка Дудылов	Шуньгский Никольский погост	1582/ 83	108 4//1 81	Карелия
31. Д. на Пулозере Посиденье Мартынка Дудникова	Выгозерский Спасский погост	1582/ 83.	112 2 об./ /19 4	Карелия
32. Пустошь в Верхней Лопи Ондрушки Лутьянова (лут – аэрофон)	Выгозерский Спасский погост	1582/ 83	112 4/1 94	Карелия
33. Пустошь Ивановская Луткова (лут – аэрофон)	Челмужский Петровский погост на р. Пимоне	1582/ 83	116 3 об./ /20 7	Карелия
34. Д. в Чюропаке ж Ондрейка Офремова, а в ней... Иванко Пикалев	Пудожский Никольский погост	1582/ 83	122 3//2 26	Карелия
35. Д. на Красной горе Васки Микитникова: Минка Дудин	Андомский Никольский погост	1582/ 83	130 5 об. //25	Вологодская обл

			4	
Шведская поземельная книга 1629 г.				
36. Iwanko Mikulin Dudinka Иванко Николай Дудинка	Тиурольский погост, Хаапалахти	1629	376	Карелия, Хийтола
37. Iwaska Dudurises (stele) Ивашка Дудурев (умер)	Тиурольский погост, Риекала	1629	382	Карелия, Хийтола
Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г.				
38. Iwaska Dudnikof Ивашка Дудников	Тиура(о)льский погост Nabalax (Хаапалахти)	1637	61	Карелия
39. Soffäsko Lutianof Софощко Лутьянов (лут – аэрофон)	Куркийокский погост Jati Järffwi (Ятярви)	1637	93	Карелия
40. Kusämka Lutianof Куземка Лутьянов (лут – аэрофон)	Куркийокский погост Kurcki Randa (Куренранта)	1637	110	Карелия
41. Waska Lutianof Васька Лутьянов (лут – аэрофон)	Куркийокский погост Kurcki Randa (Куренранта)	1637	110	Карелия
42. Päsko Luttinen Пека Луттинен (лут – аэрофон)	Jouki (Евгинский) погост Mantizkala (Мансиккала)	1637	138	Карелия
43. Jussi Turrunen Юсси Туррунен (туру - вид аэрофона)	Китее погост Ågawa Laxi	1637	177	Финляндия
44. Jako Torvinen Яков Торвинен (торви – аэрофон, разновидность рожка)	Липери погост Widanemi	1637	238	Финляндия
45. Päsko Luttinen Пека Луттинен (лут – аэрофон)	Липери погост Hirwi Sari (Хирвисаари)	1637	239	Финляндия
46. Jako Torwinen Яков Торвинен (торви – аэрофон, разновидность рожка)	Липери погост Contilan Salmi (Konttilansalmi)	1637	246	Финляндия
47. Zacharko Turoief Захарко Туруиев (туру – большой аэрофон)	Липери погост Sarpän Salmi (Карпансалми)	1637	249	Финляндия
48. Uljaska Waganof Ульяшка Ваганов	Иломанси погост Kuckson Wara (Куксонваара)	1637	272	Финляндия
49. Michailka Torwief Михалка Торвиев (торви - торви – аэрофон, разновидность рожка)	Пялкиярви погост Kondian Leppä Lax (Контио Леппялахти)	1637	293	Карелия
50. Pätesko Torwief Потешко Торвиев (торви – аэрофон, разновидность рожка)	Пялкиярви погост Såwa Lax (Соанлахти)	1637	311	Карелия
51. Waska Lutianof	Суйстамо	1637	322	Карелия

Васька Лутианов (лут – аэрофон)	погост Rogo Järwi (Руокоярви)			
52. Pawali Luttief Павел Луттиев (лут – аэрофон)	Салминский погост Kässnäs (Кясняселькя)	1637	357	Карелия
53. Jörian Turronen Джорин Турроев (туру – аэрофон)	Сортавальский погост Pimi Rytty by (Пиени Рюттю)	1637	371	Карелия
54. Tomas Tytjnen Томас Тюрйнен (Тюрю – аэрофон или тю-рю – звуки, издаваемые при игре на большом аэрофоне)	Сортавальский погост Räuskula (Реускула)	1637	391	Карелия
55. Knut Tögö Кнут Тёрё (Тё - рё – аэрофон или звуки, издаваемые при игре на большом аэрофоне)	Пюхьярви погост Kima Järwi (Киимаярви)	1637	405	Финляндия
56. Nils Lieru Нильс Лиру (лиру – аэрофон)	Рауту погост Vehmais (Вехмайс)	1637	413	Финляндия
57. Knut Tögö Кнут Тёрё (Тё - рё – аэрофон или звуки, издаваемые при игре на большом аэрофоне)	Рауту погост Palkehola (Палкеала)	1637	418	Финляндия
Поземельная книга северного лена Кякисалми (Книги окладные Корельского уезда потсеверных погостов лета 7146 /1637 г.)				
58. Ивашко Дудников	Тиурольский (Тиврольский) погост Габалакша	1637	472	Карелия
59. Гаврилко Дудников	Тиурольский (Тиврольский) погост Габалакша	1637	472	Карелия
60. Сенка Стефанов Путорви (Pu – дерево, вероятно, Луторин от лут – аэрофон)	Куркиёки погост Няттила	1637	485	Карелия
61. Юш Турунен, бобыл (туру – аэрофон)	Kinee (Китежский) погост Орвалакша	1637	574	Финляндия, Китее
62. Оллы Путконен (путки – аэрофоны из борщевика)	Kinee (Китежский) погост Кондыяла	1637	590	Финляндия, Китее
63. Яко Торвине (торви – аэрофон)	Liperi (Либелицкой) погост Сигаярви	1637	608	Финляндия, Липери
64. Пека Луттонен (лут – аэрофон)	Liperi (Либелицкой) погост Гирвищари	1637	608	Финляндия, Липери
65. Кавпи Пира, бобыл (лира? = лиру)	Liperi (Либелицкой) погост Каланеми	1637	608	Финляндия, Липери

66. Яков Торвине, бобыл Торви – аэрофон)	Liperi (Либелицькой) погост Контилансалма	1637	614	Финляндия, Липери
67. Захарко Туруев (туру – аэрофон)	Liperi (Либелицькой) погост Капина Салма	1637	617	Финляндия, Липери
68. Гемми Туруне (туру – аэрофон)	Pielisjärvi (Пеелицкой) погост Алалоста	1637	626	Финляндия, Пиелисярви
69. Стагво Туруне (туру – аэрофон)	Pielisjärvi (Пеелицкой) погост Вайку	1637	629	Финляндия, Пиелисярви
70. Власко Ваганов	Pomansi (Иломансой) погост Кукшонвара	1637	638	Финляндия, Иломанси
71. Пяртюли Турдин (вероятно, звукоподражание игре на аэрофоне или неверно записанное производное от туру или Трубин)	Tohmajärvi (Тогмо озерской) погост Сигозеро (Тохмоярви)	1637	652	Финляндия, Тохмоярви
72. Михалко Торвиев (торви – аэрофон)	Pälkjärvi (Пялкозерской) погост Кондыева Лепалакша (Пялкярви)	1637	665	Карелия, Пялкярви
73. вдова Торвиева (торви – аэрофон)	Pälkjärvi (Пялкозерской) погост Анонеми (Пялкярви)	1637	680	Карелия, Пялкярви
74. Поташка Торвиев (торви – аэрофон)	Pälkjärvi погост (Пялкозерской) Шавалакуша	1637	680	Карелия, Пялкярви
75. Гришка Торвин (торви – аэрофон)	Шуезерской погост Чипакнеми	1637	686	Карелия, Суоярви
76. Васка Лутьянов (лут – аэрофон)	Шуйстомский погост Рогозеро	1637	703	Карелия, Суйстамо
77. Паво Лугтиев (лут – аэрофон)	Соломенской погост Княжа	1637	634	Карелия, Салми
Итого в период с 1495 по 1637 гг. – 77 человек с прозвищем, происходящим от названия аэрофона				

История Карелии XVI–XVII вв. в документах I (Петрозаводск – Йоенсуу, 1987) Поземельная книга северной части Корельского уезда (Задняя Корела) 1618 г. Кякисалми				
Антропоним	Территория	Год	Стр	Совр. Адм. принадлеж.
1. Staffan Kondulain (Степан Медведев)	Lawolax (Лаволахти, Хийтола)	1618	288	Карелия
2. Gavrilka Nemtzin Kondia (Гаврилка Немжин Медведь)	Karova Salmi, Липери	1618	349	Финляндия
3. Iwan Kondiäinen (Иван Медведев)	Kontioleppälahti Рускеала	1618	370	Карелия
Поземельная книга 1631 г. Korela				
4. Jören Karhu (Джорен Медведь)	Kiviniemi, Саккола	1631	398	Ленинград. обл.
5. Staffan Kándtinen (Степан Медведев)	Hiitola Хийтола, Кексгольм	1631	407	Карелия
6. Nicko Condia (Нико Медведь)	Kesvälahti. Яккима	1631	423	Карелия
Писцовые книги Обонежской пятины 1495 и 1563 гг. (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб, 2007)				
7. Истомка Медведник	Д. на Мужеле речке Погост Воскресенский в Венежах на Свири	1495 и 1563	209	Ленинградская область
Грамоты великого князя Ивана Васильевича Курутским и Ковдинским даньщикам и слободчику о судних сроках. (Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Ред. В. Г. Гейтмана., Петрозаводск, 1941, с. 143.) (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб, 2007)				
8. Сенка Кондратов Медведчик	Кереть	1542	91, 94	Карелия
Сотная с книг описи двинян Якима Романовича и Никиты Пятунина на волости Кереть лета 7071/1563 г. (страницы приводятся по книге З.И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб, 2007)				
9.-10. Якуш да Титко Медведчиковы (упоминается Якуш дважды)	Волость Кереть, Якуш как владелец солеварни, земель	1563	92	Карелия
Он же: Якуш Медветчиков (упоминается четырежды)	Волость Кереть на реке Кереть	1574– 1575	91	Карелия, Поморье
11. Тишка Медветчиков (место пусто)	Волость Кереть	1574– 1575	91	Карелия, Поморье
Из купчей на варницу и угодя (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб, 2007)				
12. Семен Кондратьев сын Медведчик, целовальник, послух	Волость Кереть	?	94	Карелия, Поморье
Дозорная книга Лопских погостов за 1597 г.				
13. Олексейка Медведев («четы лука пусто»)	Погост на Шуезере	1597	212	Карелия, Поморье

Указатель имен (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности»)				
14. Борис Медведь	Сумская волость	XVI– XVII вв.	93	Карелия, Поморье
История Карелии XVI–XVII вв. в документах II (Петрозаводск – Йоенсуу, 1991) Поземельная книга Кексгольмского лена 1637				
15. Staffan Kondien (Степан Медведев)	Тиура(о)льский погост Kitula (Китула.)	1637	63	Карелия
16. Staffan Konduldijnen (Степан Медведев)	Тиура(о)льский погост Laurola Vu (Тиурала)	1637	67	Карелия
17. Bärtell Kondinen (Бяртелл Медведев)	Куркийокский погост Kumola by (Кумола)	1637	106	Карелия
18. Häjki Kondinen (Хейки Медведев)	Куркийокский погост Kumola by	1637	106	Карелия
19. Häjki Kändien (Хейкки Медведев)	Jouki (Евгинский) погост Ilmean kylä (Илмее)	1637	122	Карелия
20. Mikiforko Kondief (Никифорко Медведев)	Jouki (Евгинский) погост Kotsalax (Койтсанлахти)	1637	126	Карелия
21. Pawo Kondiajnien (Павел Медведев)	Китее погост Kondiala	1637	194	Финляндия
22. Larka Kondief (Ларка Медведев)	Китее погост Kondiala (Контиола)	1637	195	Финляндия
23. Rodi Kondief (Родион Медведев)	Китее погост Kondiala (Контиола)	1637	195	Финляндия
24. Jutka Kondief (Ютка Медведев)	Китее погост Kondiala (Контиола)	1637	195	Финляндия
25. Kalaska Kondief Калашка Медведев	Китее погост Kondiala (Контиола)	1637	195	Финляндия
26. Matti Karhunen (Матти Медведев)	Китее погост Kalama (Калама. Пюхярви)	1637	206	Финляндия
27. Rista Kårhonen (Ристи Медведев)	Пиелисярви погост Alakefreti (Алакейритти)	1637	259	Финляндия
28. Clementiko Kondief (Климент Медведев)	Пялкиярви погост Kondian Leppä Lax (Контио Леппялахти)	1637	293	Финляндия
Поземельная книга северного лена Якисалми (Книги окладные Корельского уезда потсеверных погостов лета 7146 /1637 г.)				
(см. № 16) Стаффан Кондулайнен	Тиурольский (Тиврольский) погост Лаврола	1637	477	Финляндия
(см. № 18) Гейки Кондиев	Куркиёки погост Кумоля	1637	512	Карелия
(см. № 19) Гейки Кондыев	Juoki (Евгинский) погост Илмея	1637	526	Карелия
(см. № 20) Никифорко Кондыев	Juoki (Евгинский) погост Кочалакша	1637	529	Карелия
(см. № 21) Павелка Кондыев	Kinee (Китежский) погост Кондыяла	1637	590	Финляндия
(см. № 22) Ларка Кондыев	Kinee (Китежский) погост Кондыяла	1637	590	Финляндия
(см. № 23) Родюшка Кондыев	Kinee (Китежский) погост Кондыяла	1637	590	Финляндия
(см. № 24) Иютка Кондыев	Kinee (Китежский) погост	1637	590	Финляндия

	Кондыяла			
(см. № 25) Фалешка Кондыев	Kinee (Китежский) погост Кондыяла	1637	590	Финляндия
29. Юсси Кондыянен	Liperi (Либелицкой) погост Воткума	1637	606	Финляндия
(см. № 28) Клементей Кондыев	Pälkjärvi (Пялкозерской) погост Кондыева Лепалакша (Пялкярви)	1637	665	Карелия
30. Осипко Иванов Кондыев	Pälkjärvi (Пялкозерской) погост Кондыева Лепалакша (Пялкярви)	1637	665	Карелия
История Карелии XVI–XVII вв. в документах III (Петрозаводск – Йоенсуу, 1993) Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г. Заонежские погосты				
31. Да Юрьева ж монастыря на погосте беспашенных бобыльских дворов ... Фомка Медведь, ... Сидорко Иванов, вдова Натальяца	Шальский Спасский погост	1582/83	1188/ /215	Карелия
Переписная книга Тиурольского погоста 1629 г.				
32. Staffan Staffanson Condiainen (Степан Степанович Медведев)	Тиурольский погост, Китула	1629	377	Карелия, Хийтола
Итого в период с 1495 по 1637 гг. – 32 человека, имеющих прозвище на основе слова «медведь»				

Таблица 3

Поземельная книга 1631г. Korela				
Антропоним	Территория	Год	Стр	Совр. Адм. принадлеж.
1. Jören Käurainen (Джорен Собакин)	Kiviniemi, Саккола	1631	398	Ленинград. обл.
2. Mårten Käurainen (Мортен Собакин)	Kiviniemi, Саккола	1631	398	Ленинград. обл.
3. Kusemka Sobakin (Куземка Собакин)	Lahdenkylä, Сортавала	1631	557	Карелия
Переписная книга Тиурольского погоста 1629 г.				
4. Pawoij Petarinpoika Koira (Павел Петрович Собака)	Тиурольский погост, Хийтола	1629	371	Карелия, Хийтола
История Карелии XVI–XVII вв. в документах III (Петрозаводск – Йоенсуу, 1993) Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83г.				
5. Д. в Ужном наволоке Климентиевское до Панфиловское Посиденье. А в ней крестьян ... Гришка Собака	Выгоозерский Спасский погост	1582/83	1136 об.// 199	Карелия
Итого в период с 1582/83 по 1631 гг. – 5 человек, имеющих прозвище на основе слова «собака»				

Писцовые книги Обонежской пятины 1495 и 1563 гг. (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб, 2007)				
Антропоним	Территория	Год	Стр	Совр. Адм. принадлеж.
1–2. Суботка Гудков да зять его Софронко	Д. Олферьевская, Погост Воскресенский в Венежах на Свири	1495 и 1563	209	Ленинград. обл.
3. Ромка Гудин	Д. Волосово, словет Пилатниковская у погоста, на Хутынского монастыря половине, Погост Покровский на Ветегры за Онегом озером	1495 и 1563	209	Вологодская обл.
Переписная окладная книга 1500 г (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб, 2007)				
4–5. Ондрейко Ермолин сын Гудкова, да сын его Олексейко	В Сакульском погосте монастырские Спасские, Валаамского монастыря Деревня Зайково у Сванского ж озера.	1500	197	Ленинград. обл.
6. Яков Конеев, крестьянин Семозерского погосту. Играл на гудке. (Расходы императрицы Екатерины I)	Марциальные Воды	март, 3-й день 1722	368	Карелия
Он же: Яков Олонченину, гудошнику (Книга расходная подьячего Гаврилы Замятина)	С-Петербург?	1722, апрель, 19-й день	369	Карелия
Он же: Якова Гудошника теще Василисе Астафьевой дочери Филеповой денег 5 рублей (Книга 1723–1724 годов приходная и расходная деньгам, что от Петра Мошкова и от прочих в С.Петербурге прием)	С-Петербург	1724, марта 6-й день	369	Карелия
Он же: Якову Кирилову сыну Конееву денег 10 рублей на дорогу. (Книга 1723–1724 годов приходная и расходная деньгам, что от Петра Мошкова и от прочих в С.Петербурге приему)	С-Петербург	1724, марта 18-й день	369	Карелия
История Карелии XVI–XVII вв. в документах II (Петрозаводск – Йоенсуу, 1991) Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г.				
7. Pärssa Hutkof Перша Хутков	Uukluniemi погост Märiä (Мерия)	1637	164	Финляндия
8. Samuillka Hutkof Самуилка Хутков	Uukluniemi погост Märiä (Мерия)	1637	164	Финляндия
9.. Waska Hutkof Васька Хутков	Uukluniemi погост Märiä (Мерия)	1637	164	Финляндия
10. Timäska Butkof Тимошка Бутков	Иломанси погост Kotzulan Nemi (Котзулан Неми)	1637	270	Финляндия
11. Särgeijko Butkof Сергейко Бутков	Иломанси погост Butkola (Путкела)	1637	272	Финляндия

16. Nacko Butkof Нако Бутков	Иломанси погост Butkola (Путкела)	1637	272	Финляндия
12. Särgejko Butkehof af Kuncoss Ödhe Сергейко Буткехов из Кункосс, умер	Иломанси погост Butkola (Путкела)	1637	438	Финляндия
13. Nebâijko Butkof af samma Ödhe Небойко Бутков, умер	Иломанси погост Butkola (Путкела)	1637	438	Финляндия
14. Mirånka Håtkof Миронко Гутков	Суйстамо погост Susskawa (Сюсюя)	1637	325	Карелия
15. Iwanko Håtkof af Aristas Ödhe Иванко Хутков из Аристар, умер	Сортавальский погост Kåaska Nemi	1637	447	Карелия
16. Iwanko Hutko af Okuloss Ödhe Иванко Хутко из Окулоса умер.	Тохмоярви погост Kämmiä (Кемие)	1637	434	Карелия
17. Iwanko Hutko af sitt gambla och Jörgias Ödhe Иванко Хутко из Жоргиаса, умер	Тохмоярви погост Kämmiä (Кемие)	1637	434	Карелия
Поземельная книга северного лена Кякисалми (Книги окладные Корельского уезда потсеверных погостов лета 7146 /1637 г.)				
18. Перша Гутков	Uukuniemi (Угонемский) погост Меря	1637	563	Финляндия
19. Самылка Гутков	Uukuniemi (Угонемский) погост Меря	1637	563	Финляндия
20. Васка Гутков	Uukuniemi (Угонемский) погост Меря	1637	563	Финляндия
21. Тимошка Бутков	Pomansi (Иломансой) погост Кочюляфнеми	1637	636	Финляндия
(см. № 15) Сергейко Бутков	Pomansi (Иломансой) погост Буткола	1637	638	Финляндия
(см. № 16). Некко Бутков	Pomansi (Иломансой) погост Буткола	1637	638	Финляндия
История Карелии XVI–XVII вв. в документах III (Петрозаводск – Йоенсуу, 1993)				
23. Д. Яковлевская: Гудашко Устюженин (на Саре озере)	Оштинский Никольский погост	1582/83	1469/ /310	Вологодская обл.
Всего в период с 1495 по 1722 гг. – 23 человек гудошников				

Таблица 5

Писцовые книги Обонежской пятины 1495 и 1563 гг. (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб, 2007)				
Антропоним	Территория	Год	Стр	Совр.Адм. принадлеж.
Захарка Офонасьев Гуселник	Д. на Лопской матке, Погост Никольский на Шунге	1495 и 1563	209	Карелия
Различные исторические источники из книги З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности», С-Пб, 2007				
2. Захар Гусельников (Веселовский С. Б. «Ономастикон». М., 1972)	Олонец	1564	349	Карелия
3. Тихон Пустохин, Олонецкого батальона солдат. Играл на гусях (Расходы императрицы Екатерины I)	Марциаль- ные Воды/Олонец	1722, март, 3-й день	368	Карелия

История Карелии XVI–XVII вв. в документах III (Петрозаводск – Йоенсуу, 1993)				
4. Д. Боярщина (Семеново), а в ней Тренка Васильев Гусильников	Шальский Спасский погост	1582/83	1192/ /216	Карелия
История Карелии XVI–XVII вв. в документах II (Петрозаводск – Йоенсуу, 1991) Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г.				
5. Jöran Husslar Джоран Хусляр	Тиура(о)льский погост Idaala (Итула)	1637	53	Карелия
Всего в период с 1582 по 1722 годы – 5 гусляров				

Таблица 6

Различные исторические источники из книги З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности», С-Пб, 2007				
Антропоним	Территория	Год	Стр	Совр. Адм. принадлеж.
1. Смык, крестьянин (Веселовский С. Б. «Ономастикон». М., 1972)	Заонежье	1564	350	Карелия
История Карелии XVI–XVII вв. в документах III (Петрозаводск – Йоенсуу, 1993)				
2. Пустошь, что была д. Гришки Смыковская	Остреченский Рождественский погост на р. Ивине	1582/83	907// 122	Карелия
Всего с 1564 по 1582/83 гг. – 2 следа людей с прозвищем, восходящим к «смыку»				

Обратимся к группе антропонимов, которые прямо указывают на профессию их носителей – скоморошество (Таблица 7).

Таблица 7

История Карелии XVI–XVII вв. в документах I (Петрозаводск – Йоенсуу, 1987) Поземельная книга северной части Корельского уезда (Задняя Корела) 1618 г. Кякисалми				
Антропоним	Территория	Год	Стр	Совр. Адм. принадлеж.
1. Piiska Posorin (Ильюшка Позорин)	Muliula, Китее	Зап. 1614	347	Финляндия
2. Pätöi Koldijrin Weseloï (Пятой Колтырин Веселый)	Kibrola, Салми	1618	379	Карелия
Поземельная книга 1631 г. Korela				
3–4. Stramicko N (Страмин Н), – Iuantko Stramik (Иванко Страмик)	Oravilahti, Китее	1618	346	Финляндия
	Oravilahti, Рякюля, Китее	1631	470	Финляндия

5. Sentka Posorin (Сенька Позорин)	Sonkaja, Иломанси	1631	508	Финляндия
6. Sentka Posorin (Сенька Позорин)	Kontioleppälahti. Рускеала	1631	533	Карелия
7. Demetricko Kâmin (Дмитришко Комин – комедящий или видный)	Onnila, Сортавала	1631	567	Карелия
Писцовые книги Обонежской пятины 1495 и 1563 гг. (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб., 2007)				
8. Третьяк Скоморох	Д. на Погах, слывет Муторова, Погост Пиркинический на Свири	1495 и 1563	209	Ленинград. обл.
9. Онишин след Скоморохов	Починок на Свири на пригороде под Деготнецею, Погост Воскресенский в Венежах на Свири	1495 и 1563	209	Ленинград. обл.
10. Ширяйко Скоморох	Д. в Согиницах на горое, Погост Воскресенский в Венежах на Свири	1495 и 1563	209	Ленинград. обл.
11. Коржава скоморох, бобыль	Д. в Погачинцах словет на Гивечь наволоке, Погост Воскресенский в Венежах на Свири	1495 и 1563	209	Ленинград. обл.
12. Савко Скоморох	Починок Кузнецов, Погост Рождественский Мегрежской	1495 и 1563	209	Ленинград. обл.
13. Якимку Терентьеву скомороху	Д. на Волосове ж горе, Погост Никольский на Ояте реце	1495 и 1563	209	Ленинград. обл.
14. Мартьянков след Скоморохова пуст	Погост Никольский на реке Ояте	1495 и 1563	209	Ленинград. обл.
15-16. Микулка Скоморох да сын его Ивашка	Д. на Киштове, погост Никольской на Шунге	1495	208	Карелия
17. Еремка Скоморох	Волостка Михайловская князя Берденева, починок в Гонговичах, Погост Ильинский в Веницах на Ояте	1495	209	Ленинград. обл.
Переписная окладная книга 1500 г Воцкая пятина (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб., 2007)				
18-23. «А молодых людей на посаде без промысла за рекой Федоровкою... Белава Скоморох..., Васка Прибыток, скоморох; Суворец Малой, скоморох; Ивашко Рыско, скоморох, Воробей, скоморох, Полежай скоморох.	Г. Корела на реке Узерве	1500	197	Ленинград. Обл.
Писцовая книга Водской пятины 1568 г.				
24. Иванко Жилин, скоморох	г. Корела, ул. Вельца	1568	71	Ленинград. Обл.

<p align="center">Таблица антропонимов по Карелии и сопредельным землям в документах из книги З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности», СПб, 2007. (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб., 2007) Сотная № 20. Список с сотной списан слово в слово ... лета 7070/1572 г.</p>				
25. Васко Степанов, сын Скоморох	Волостка Корельская на речке на Вонгуде, д. Жеребцова Гора	1572	91	Карелия, Поморье
26. Ларка Ортемов сын Дураков	Волостка Корельская на речке на Вонгуде, д. Лавровская	1572	91	Карелия, Поморье
Дозорная книга Лопских погостов за 1597 г.				
27. Васька Смехов (след)	Волостка на Тикше, Ругозерский погост	1597	208	Карелия, северная
<p align="center">Различные исторические источники из книги З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности», С-Пб, 2007. (страницы приводятся по книге З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности». СПб, 2007)</p>				
28. (см. № 11). Коржава (-ин), скоморох (коржава – ржавчина) Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1972	Олонец	1564	349	Карелия
29. Васка Игроков, пудожский староста Тупиков Н.М. (Словарь древнерусских личных собственных имен, разд.3, отчества С-Пб, 1903)	Пудож	1693, с. 615	347	Карелия
<p align="center">История Карелии XVI–XVII вв. в документах II (Петрозаводск – Йоенсуу, 1991) Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г./7146 г.</p>				
(см. № 4). Iwanka Sramick (Иванка Срамик)	Китее погост Árawa Laxi	1637	176	Финляндия
30. Soffranka Passorin (Софронка Пазорин)	Китее погост Soro Laxi	1637	178	Финляндия
31. Päsärcka Michief (Позорка Михиев /Мишиев?)	Иломанси Погост Kuusi Järwi	1637	438	Финляндия
(см. № 2) Petoу Wöseloy (Пятой Весельй)	Салминский погост Raschälä (Раскола)	1637	355	Карелия
<p align="center">Поземельная книга северного лена Кякисалми (Книги окладные Корельского уезда потсеверных погостов лета 7146 /1637 г.)</p>				
(см. № 4). Иванко Срамик	Китее (Китежский) погост Орвалакша	1637	574	Финляндия
(см. № 30). Софонко Позорин	Китее (Китежский) погост Шуралакша	1637	576	Финляндия
(см. № 1) Илюшка Скоморох	Китее (Китежский) погост Ниникумбу	1637	577	Финляндия
(см. № 2) Пятой Веселой, бобыл	Соломенской погост Пуздъела (Pussila, Салми)	1637	632	Карелия

История Карелии XVI–XVII вв. в документах III (Петрозаводск–Йоенсуу, 1993)				
32. Д. Павловская: Куземка скоморох	Важинский Воскресенский на р. Важене (над оз. над Шиничиным. Шеменичи)	1582/83	851 об./9 9	Ленинград. обл.
33. Д. на Кузаранде а в ней... Тренка Скоморох	Толвуйский Егорьевский погост	1582/83	1032 //164	Карелия
34. Омоско Скоморох д. на реке на Медме (=Падме)	Толвуйский Егорьевский погост	1582/83	1066 об. // 176	Карелия
35. Д. в Ужнем наволоке Климентиевское до Панфиловское Посиденье. А в ней крестьян ...Митка Дураков, Курица Денисов, Гришка Собака	Выгоозерский Спасский погост	1582/83	1136 об./1 99	Карелия
36. Д у погоста Большой Двор, а в ней крестьян ... бобыль Пятушка Яковлев скоморох	Пудожский Никольский погост	1582/83	1220/ /225	Карелия
37. Д. в Палтеге Савельева: двор пуст Васки Дуракова	Мегорский Рождественский погост	1582/83	1401 об./2 83	Вологодская обл.
Переписная книга Тиурольского погоста 1629 г.				
38. Рафуо Антир. Кomi Павел Антипович Веселый (?)	Тиурольский погост, Кюлянлахти	1629	367	Карелия, Хийтола
Всего в период с 1495 по 1637 гг. – 37/38 человек с указанием профессии «скоморох»				

Таблица 8

История Карелии XVI–XVII вв. в документах I (Петрозаводск – Йоенсуу, 1987) Поземельная книга 1631 г. Korela				
Антропоним	Территория	Год	Стр	Совр. Адм. принадлеж.
1. Eskell Kargiain (Ескель Плясун)	Otsanlahti, Куркиёки	1631	430	Карелия
Таблица антропонимов по Карелии и сопредельным землям в документах из книги З.И.Власовой «Скоморохи в памятниках письменности», С-Пб, 2007. Выпись из писцовых книг Василья Третьякова сына Агалина да подьячего Степана Федорова Соболева на волости Кереть лета 7083/1574-1575гг				
2. Гридя Тряска	Волость Кереть, варница у крайней Щелейки	1574- 1575	92	Карелия, Поморье
История Карелии XVI–XVII вв. в документах III (Петрозаводск – Йоенсуу, 1993) Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83г. Заонежские погосты				
3. Ларка Каргуев (в д. Каргуевская Григорьевская)	Остреченский Рождественский погост	ПК 3п 1582/83г.	904// 121	Ленинград. обл. или Карелия

Переписная книга Тиурольского погоста 1629 г.				
4. Patrakeikå Jorief Kagri (Kargi?) (Папракейка Джориев Пляска)	Тиурольский погост, Тенькалаhti, Кяеисалми	1629	362	Карелия, Хийтола
История Карелии XVI–XVII вв. в документах II (Петрозаводск – Йоенсуу, 1991) Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г./7146 г				
5. Micko Tantzief (Михаил Танциев)	Иломанси погост Kotzulan Nemi (Котзулан Неми)	1637	270	Финляндия
6. Teräska Tantzief (Терешка Танциев)	Иломанси погост Kotzulan Nemi (Котзулан Неми)	1637	270	Финляндия
7. Bärtell Päsuef (Бяртелл Плясуев (?))	Салминский погост Raschälä (Раскола)	1637	355	Карелия
Поземельная книга северного лена Кякисалми (Книги окладные Корельского уезда потсеверных погостов лета 7146 /1637 г.)				
7. Матти Каргуев	Kitee (Китежский) погост Калама	1637	600	Финляндия
8. Юшко Каргапьев	Pomansi (Иломансой) погост Чонгя	1637	635	Финляндия
9. Степанко Каргапьев	Pomansi (Иломансой) погост Чонгя	1637	635	Финляндия
10. Иванко Каргапьев	Pomansi (Иломансой) погост Чонгя	1637	635	Финляндия
(см. № 5). Микки Танциев	Pomansi (Иломанской) погост Кочюляфнеми	1637	636	Финляндия
(см. № 6). Терешка Танчиив	Pomansi (Иломансой) погост Кочюляфнеми	1637	637	Финляндия
11. Оллы Кяркяянэн	Tohmojärvi (Тогмо озерской) погост Гамашлакши (Тохмоярви)	1637	657	Финляндия
Всего за 1574–1637 гг. – 11 человек с прозвищем, производным от «плясать» / «танцевать»				

Таблица 9

История Карелии XVI–XVII вв. в документах I (Петрозаводск – Йоенсуу, 1987) Поземельная книга 1631г. Korela				
Антропоним	Территория	Год	Стр	Совр. Адм. принадлеж.
1. Waska Hodulin (Васька Ходулин)	Korlolansaari, Куркиёки, Яккима	1631	296	Карелия
2. Fedårko Hådulin (Федорко Ходулин)	Korlolansaari, Куркиёки, Яккима	1631	296	Карелия
3. Rigo Hådulanpoika (Риго, сын Ходулина)	Korlolansaari, Куркиёки, Яккима	1631	296	Карелия

Писцовые книги Обонежской пятины 1495 и 1563 гг.				
4. Кирилко, Ехтихейко Григорьева Скокуновы	Васкино поселение в деревне на низу Олонца, Погост Олонецкий	1495 и 1563	209	Карелия
Различные исторические источники из книги З. И. Власовой «Скоморохи в памятниках письменности», С-Пб, 2007.				
5. Мина Скоков (Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1972)	Обонежье	1496	350	Ленинград. обл. или Карелия
Всего за период 1495–1631 гг. – 5 человек, прозвища которых происходят от терминов «ходули» и «скакать»				

Таблица 10

История Карелии XVI–XVII вв. в документах I (Петрозаводск – Йоенсуу, 1987) Поземельная книга 1631 г. Korela				
Антропоним	Территория	Год	Стр	Совр. Адм. принадлеж.
1. Michaicko Häre (Михайко Харя)	Káfuele Vu, Хийтола, Кексгольм	1631	410	Карелия
2. Iuantko Naarin (Иванко Харин)	Hottila, Сортавала	1631	566	Карелия
Писцовая книга Водской пятины 1539 г.				
3. Фомка Харин, бобыль	Починок у Кимервы, Сакульский погост	1539	30	Ленинград. обл.
4-5. Терко Харин и брат его Терешка	д. Масолга у Большого Двора, Ровдужский погост	1539	37	Ленинград. обл.
История Карелии XVI–XVII вв. в документах III (Петрозаводск – Йоенсуу, 1993) Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г. Заонежские погосты				
6. Д. на Толвуде Николщина ... Лучка Харин	Никольского монастыря вотчины Шунского	ПК 3п 1582/83г.	1078 об./180	Карелия
7. Д. на Хашозере, а в ней крестьян: Иванко Харин	Шуньгский Никольский погост	ПК 3п 1582/83г.	1105 об./188	Карелия
8. Д. в Нигижме Еремки Ортемова, а в ней крестьян: Федка Харин	Шальский Спасский погост	ПК 3п 1582/83г.	1208/222	Карелия
9. Д. у погоста за Водлорекою, а в ней ... Васка Харло(в), Харя Иванов	Пудожский Никольский погост	ПК 3п 1582/83г.	1223 об./226	Карелия
10. Д. на Коловом Плесе, а в ней... Ивашко Харлов	Пудожский Никольский погост	ПК 3п 1582/83г.	1261 об./240	Карелия
11. Д., что был починок Васюковский Кузмина... да к той же деревне припущен в пашню	Мегорский Рождественский погост	ПК 3п 1582/83г.	1389 об./282	Вологодская обл.

починок на Лем же речке Харинской: Левка Харин				
12. Д. на усть Свери Малакшинская Чюракова... Демех Харин	Оштинский Никольский погост	ПК Зп 1582/83г	1469/ /306	Вологодская обл.
История Карелии XVI–XVII вв. в документах II (Петрозаводск – Йоенсуу, 1991) Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г./7146 г				
13. Luuka Rähin (Лука Ряхин)	Сортавальский погост Rauda Lax (Рауталахти)	ПККЛ 1637 г	393	Карелия
Всего за 1539–1637 годы зафиксировано прозвищ, этимология которых может восходить либо к имени Харитон, либо к скomorошьей атрибутике – харе (личине – маске).				

*Титов С. М.,
Национальный музей Республики Карелия*

Гидроавиаотряд Онежской флотилии. 1919–1920 гг.

Деятельность советской авиации в олонецком небе в годы гражданской войны является одной из малоизученных страниц истории российского Воздушного флота. Лишь в редких изданиях можно встретить упоминания о пребывании в 1919 г. в Петрозаводске красных морских летчиков и отрывочные, но, к сожалению, не всегда точные сведения об их полетах над Онежским озером¹. Вместе с тем события эти представляют определенный интерес не только для истории авиации. За ними – хоть и небольшая, но весьма любопытная глава истории боевых действий на Онежском озерном фронте, за ними – маленькая частичка истории Карелии в один из самых драматичных ее периодов.

Первые боевые самолеты появились в небе над Онежским озером летом 1918 г. Самолеты эти были английскими. Их появление было связано с разворачивавшейся на севере России интервенцией стран Антанты. Особое внимание командование союзников уделяло Мурманской железной дороге, контроль над которой обеспечивал прямой путь наступления на Петроград. Для действий в этом районе было сформировано «международное» соединение – так называемые силы «Сайрен» («Syren» force), включавшие в себя английские, французские, итальянские и сербские части. Позднее к ним добавились вновь сформированные подразделения белой армии (Вооруженных сил Северной области). Общее командование войсками осуществлял английский генерал Ч. К. Мейнард².

2 и 3 июля 1918 г. англо-французские войска захватили Кандалакшу и Кемь. 10 июля была занята станция Сорока (ныне г. Беломорск), после чего, преодолевая сопротивление немногочисленных красноармейских отрядов, интервенты двинулись на юг, в сторону Петрозаводска³. Планируя боевые действия, англо-французское командование позаботилось о включении в состав своих экспедиционных сил авиационной группировки. Уже в момент захвата Сороки в ее гавани находился английский гидроавиатранспорт «Найрана» с морскими бомбардировщиками «Шорт-184» (Short-184) на борту⁴. То, что основной расчет был сделан на использование гидропланов – неудивительно. Наземных аэродромов в Архангельской и Олонецкой губерниях не было, но было огромное количество водоемов, любой из которых можно было легко превратить во взлетно-посадочную площадку.

Первоначально (в июле 1918 г.) действия экипажей «Шортов» ограничивались ведением воздушной разведки в полосе железной дороги. В августе наряду с выполнением разведывательных полетов английские летчики приступили к бомбардировке наземных объектов⁵.

В преддверии зимы гидроавиатранспорт «Найрана» покинул Белое море и ушел в Англию. Вместе с ним Россию покинули и гидропланы «Шорт-184». Но без авиационной поддержки находившиеся к северу от Сегежи

¹ Иванов П. Н. Крылья над морем. М., 1973; Хайрулин М. А., Кондратьев В. И. Военлеты погибшей империи. Авиация в гражданской войне. М., 2008.

² Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918–1920. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1964. С. 18.

³ Тарасов В. В. Борьба с интервентами на Мурмане. Л., 1948. С. 116–122.

⁴ Some Naval Work in North Russia, 1918–1919 // The Naval Review. Vol. IX. No 1. 1921. P. 98–99.

⁵ Карелия в период гражданской войны... С. 18.

части интервентов и белогвардейцев не остались. Им было придано звено из трех легких бомбардировщиков и разведчиков «Ариэйт» (RAF R.E.8)⁶.

Осенние и зимние месяцы 1918–1919 гг. прошли на Мурманском фронте относительно спокойно. Однако в конце февраля 1919 г. силы «Сайрен» перешли в наступление и во второй половине мая вышли на берега Онежского озера. 18 мая 1919 г. советские войска были выбиты из Повенца, а 23 мая – из Медвежьей Горы, после чего бои развернулись на подступах к станции Кяппесельга, на Заонежском полуострове и на восточном берегу Повенецкого залива⁷. В Медвежьей Горе были спущены на воду первые (американские, английские и русские) катера союзной флотилии (Allied Naval flotilla) и сразу же началось сооружение базы гидроавиации.

К этому времени из трех имевшихся осенью 1918 г. аэропланов «Ариэйт» в распоряжении генерала Мейнарда остался только один (остальные были разбиты в авариях). Но уже 4 июня в Медвежью Гору прибыл эшелон с людьми и техникой «Передового крыла» («Forward Wing») британской гидроавиации. В составе этого подразделения находились 8 новейших по тем временам морских бомбардировщиков «Фэйри IIIС» (Fairey IIIС). Командовал им лейтенант-колonel Р. Д. Бон. 6 июня английские летчики совершили первые полет над Онежским озером, а на следующий день провели первую атаку на корабли красной Онежской флотилии⁸.

По замыслу командования, пилоты «Передового крыла» должны были вести разведку, прикрывать с воздуха катера своих флотилий и наносить бомбовые удары по судам и наземным объектам большевиков. Понятно, что авиационная техника того времени была еще весьма несовершенна, но вот что сказали о силах противника моряки красной Онежской флотилии: «Блестящее состояние материальной части, особенно летательных аппаратов, обилие снабжения на первых порах существования неприятельской флотилии и авиации давали им значительный перевес над нашими силами»⁹.

Положение осложнялось еще и тем, что противостоявшие войскам «Сайрен» красноармейские части 19-й (позднее 1-й) стрелковой дивизии и корабли Онежской озерно-речной флотилии в тот момент еще не имели достаточного количества наземных и корабельных средств противовоздушной обороны. Тем более не было в их распоряжении и авиационной техники. Это позволяло англичанам практически безнаказанно атаковать позиции красных войск и находившиеся в озере красные канонерки, бомбить и обстреливать из пулеметов поезда и мосты на линии Мурманской железной дороги. Бывало, что британские пилоты бросали бомбы даже на трудившихся на покосе крестьян. 22 и 23 июня 1919 г. отмечены первые полеты вражеских самолетов над Петрозаводском¹⁰. Правда, ни одной бомбы на город тогда еще сброшено не было, но ожидать этого можно было в любое время.

Нельзя сказать, что командование действовавших на Мурманском фронте частей Красной армии и соединений Красного флота не было озабочено отсутствием авиации. Этот вопрос ставился еще в 1918 г. По некоторым данным, уже тогда в Петрозаводске базировались 2 гидроплана М-9 Воздушной бригады особого назначения, а в документе, датированном 17 декабря того же года, упомянут начальник гидроотряда и указано на выделение 90 тыс. руб. на постройку ангаров¹¹. Однако никаких конкретных свидетельств о самолетах и их полетах над Петрозаводском в это время обнаружить пока не удалось.

Еще в одном документе, относящемся к маю 1919 г., приводятся сведения о расположенных в Петрозаводске частях войск, подведомственных штабу 1-й бригады 19-й стрелковой дивизии. Помимо прочих здесь говорится и о гидроотряде, размещавшемся на Зарке в здании бывшего епархиального училища (там же, где и штаб Онежской флотилии)¹². К сожалению, и на сей раз никаких других данных о гидроотряде пока не имеется.

Однако известно другое. К этому времени командующий Онежской флотилией Э. С. Панцержанский уже обратился в Управление морской авиацией (УМА) с просьбой прислать во флотилию несколько боевых самолетов. Положительный ответ на этот запрос был получен довольно быстро, и в июне 1919 г. в Петрозаводск из Ораниенбаумского воздушного дивизиона особого назначения Морских сил Балтийского моря прибыли начальник гидроавиаотряда морской летчик (морлет) Л. В. Ковалевский и комиссар И. И. Демушкин. Итогом этого визита явился выбор места для будущей дислокации отряда. Решено было, что он будет размещаться не в самом Петрозаводске, а в селе Соломенном, на берегу озера Логмозеро. Такое решение было вполне обоснованным. Во-первых, обеспечивалась маскировка самолетов и защита их от ветра и крутой онежской волны, а во-вторых, неподалеку находился лесопильный завод (бывший завод Беляева), с помощью которого можно было осуществлять мелкий ремонт техники и быстро построить все нужные сооружения (ангары и береговой помост). Еще один помост был построен позднее на берегу близ военной гавани в Петрозаводске. Его площадь составляла 176 квадратных сажен (более 800 кв. м)¹³.

⁶ Allied intervention in Murmansk. 1918–1919. http://arrowmaker.bigpondhosting.com/photos/custom_013.htm.

⁷ Тарасов В. В. Указ. соч. С. 195–197.

⁸ Allied intervention in Murmansk. 1918–1919. Хайрулин М. А., Кондратьев В. И. Указ. соч. С. 138; Жалнин Д. Е. Онежская флотилия Северной области в 1919–1920 гг. // Ученые записки МГПУ. Исторические науки. Вып. 9. Мурманск 2009. С. 23–24; Широкопад А. Б. Великая речная война. 1918–1920 годы. М., 2006. С. 305; Thetford O. British Naval Aircraft since 1912. London. 1991. P. 121.

⁹ Годовой отчет о деятельности Онежской флотилии с 1 декабря 1918 года по 1 декабря 1920 года. Петрозаводск, 1920. С. 84–85.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 179. Л. 50, 55.

¹¹ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917–1941. М., 1992. С. 147; НАРК. Р-573, оп. 1, № 32/296. Л. 34.

¹² НАРК. Р-573, оп. 1, № 50/433. Л. 187.

¹³ НА РК. Р-533, оп. 1, д. 54/619. Л. 39.

Однако на этом дело застопорилось. Причиной тому, возможно, была напряженная военная обстановка, сложившаяся к западу от Петрограда. Известно, что в начале июня 1919 г. некоторые из летчиков, отправленных позднее в Петрозаводск (в частности, К. В. Школов), совершали боевые вылеты над Финским заливом¹⁴. Командующий Онежской флотилией был вынужден вновь обратиться с просьбой о присылке самолетов, но только 28 июля из Смоленска, где находился штаб Западного фронта, пришла телеграмма, сообщающая о том, что «по прибытии формируемого в настоящее время гидроотряда к месту своего назначения в Онежское озеро, [он] должен войти в состав Онежфлотилии с непосредственным подчинением комонфлоту Панцержанскому»¹⁵. Однако и после этого пришлось ждать целых две недели, прежде чем на станцию Петрозаводск из Ораниенбаума прибыл эшелон с личным составом и самолетами 3-го гидроавиационного отряда.

К этому времени ситуация на Онежском озере заметно осложнилась. В дополнение к британскому авиаподразделению началось формирование белогвардейской летной части – Мурманского авиадивизиона. Его командиром 25 июля был назначен подполковник В. З. Барбас, а летчики под руководством инструкторов из «Передового крыла» начали осваивать английские самолеты¹⁶. 26 июля 1919 г. в Медвежью Гору в дополнение к уже имевшимся там аппаратам прибыли еще 7 гидропланов: 5 типа «Фэйри» и 2 типа «Шорт-184»¹⁷.

3 августа силы «Сайрен» начали наступление, в результате которого англичанам и белым удалось потеснить части 1-й дивизии красных на железнодорожном и пудоожском участках и полностью овладеть Заонежским полуостровом. 4 августа в состав медвежьегогорского «Передового крыла» с Северной Двины прибыли еще 6 бомбардировщиков «Шорт-184», а 5 августа 3 английских самолета совершили первый налет на Петрозаводск. Всего на город было сброшено около 10 бомб. Из них только 3 «были направлены на Онежскую флотилию» (ранен один моряк), а остальные упали на город, причем осколками была убита двенадцатилетняя девочка¹⁸. В последующем англичане неоднократно совершали налеты на Петрозаводск, стремясь поразить стоявшие у причалов корабли красной флотилии. Однако во время налетов суда обычно отходили от пристани, рассредоточивались и вели огонь из зенитных орудий и пулеметов, так что ни одного попадания добиться так и не удалось.

На кораблях во время бомбежек, за некоторым исключением, особой паники не возникало. А вот среди населения Петрозаводска появление английских самолетов всегда вызывало большое беспокойство. И это понятно, потому что ни средств ПВО, ни укрытий в тот момент в городе не было. Совершая налеты на корабли, британские пилоты нередко «промахивались» и бывало, что на городские улицы падали очень большие бомбы. Так, имеются сведения, что 18 августа 1919 г. на Петрозаводск было сброшено до 20 бомб, одна из которых оставила воронку диаметром 8 и глубиной 4 м¹⁹.

В этой связи становятся понятными и объяснимыми те надежды, с которыми не только военные, но и мирные жители Петрозаводска и прифронтной полосы встретили появление самолетов. Эти надежды в своем докладе 17 августа 1919 г. озвучил военный комиссар Петрозаводского уезда, заявивший, что «на днях прибыли в Петрозаводск гидроаэропланы, которые предназначены для борьбы с противником в воздухе»²⁰. Однако на деле все оказалось иначе.

Как было сказано в отчете по авиационной части Онежской флотилии, «12 августа после многочисленных просьб командования флотилией из Ораниенбаумского воздушного дивизиона особого назначения были присланы 4 аппарата, из которых был сформирован гидроотряд при Онежской флотилии». Вместе с самолетами прибыли трое летчиков (начальник отряда Л. В. Ковалевский, морлеты К. В. Школов и И. И. Клементьев)²¹.

Все доставленные в Петрозаводск летательные аппараты относились к типу летающих лодок М-9 конструкции Д. П. Григоровича. Их серийное производство было начато в 1916 г., и вскоре они стали основными самолетами русской морской авиации (в 1916–1918 гг. выпущено более 200). «Девятки», как тогда называли М-9, отличались прочностью (на них можно было выполнять «мертвую петлю»), простотой в пилотировании, хорошими мореходными качествами (могли применяться в открытом море) и надежностью в эксплуатации. Самолеты могли вести разведку, бомбардировку и даже воздушный бой (в 1916 г. пилоты М-9 сбили около 10 немецких гидропланов). Однако уже в начале 1917 г., после того как у немцев появились новые морские истребители, летающие лодки М-9 перестали удовлетворять требованиям времени. Самолеты противника превосходили их в скорости и маневренности, а отсутствие на «девятке» хвостовой стрелковой точки делало ее беззащитной при атаке с задней полусферы. Необходимость модернизации М-9 стала насущной, но никаких шагов в этом направлении (несмотря на высказывавшиеся пожелания и имевшиеся конструктивные резервы) предпринято так и не было²².

Недостатки летающей лодки М-9, очевидные в 1917 г., два года спустя стали еще более заметными. Особенно это бросается в глаза в сравнении с действовавшими над Онежским озером английскими самолетами (табл. 1).

¹⁴ Иванов П. Н. Указ. соч. С. 35.

¹⁵ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 20, № 184, л. 31.

¹⁶ Макаров Н. А. Военная интервенция и Гражданская война на Севере России 1918–1920 гг. Энциклопедический биографический словарь. Архангельск. 2008. С. 44, 151, 172.

¹⁷ Широкопад А. Б. Указ. соч. С. 312.

¹⁸ Там же. С. 312, 314; Карелия в период гражданской войны... С. 116.

¹⁹ За Советскую Карелию. С. 158; Широкопад А. Б. Указ. соч. С. 314.

²⁰ Карелия в период гражданской войны... С. 116.

²¹ Там же. Л. 9–10.

²² Шавров В. Б. История конструкций самолетов в СССР до 1938 г. М., 1978. С. 220–222.

Британские гидропланы – и новейший «Фэйри ПС», и даже старый «Шорт-184» – превосходили «девятку» в скорости и бомбовой нагрузке (а «Фэйри» еще и в пулеметном вооружении). Но этими самолетами дело не ограничилось. В августе английское командование, уже готовившееся к выводу своих войск из России, решило существенно усилить действовавшую на Мурманском фронте авиагруппировку. Практически одновременно с прибытием в Петрозаводск 3-го гидроавиаотряда красных недалеко от Медвежьей Горы, у деревни Лумбуши, был сооружен полевой аэродром, на который доставили наземное подразделение английской морской авиации – «дивизион Лумбуши» («Lumbushi squadron»). В его составе числились 5 истребителей Сопвич F.1 «Кэмел» (Sopwith F.1 Camel), 4 разведчика «Ариэйт» (RAF R.E.8) и 2 многоцелевых легкомоторных самолета «Авро-504» (Avro-504)²³. После этого превосходство английской авиации – как количественное, так и качественное – стало подавляющим. При этом особо следует выделить появление в онежском небе истребителей Сопвич «Кэмел», относящихся к числу лучших истребителей первой мировой войны. За их штурвалами сидели опытные летчики – асы, прошедшие школу войны на Западном фронте, такие, в частности, как А. Жерар (7 побед) и Р. Сайкс (6 побед)²⁴. Встреча с таким противником сулила красным морлетам мало приятного, но, забегая вперед, заметим, что за все время боевых действий ни одного такого случая не произошло.

Таблица 1

Самолеты, применявшиеся в боевых действиях над Онежским озером в 1919 г.

	Щетинин М-9	Щетинин М-20	Шорт-184	Фэйри ПС	RAF R.E.8	Сопвич F.1 «Кэмел»	Авро-504К
Год выпуска	1915	1916	1914	1918	1916	1917	1914
Двигатель, л. с.	150	120	260	375	112	130	110
Длина, м	9,0	8,2	12,38	10,97	8,5	5,7	8,97
Размах крыльев, м	16,0	13,62	19,36	14,04	12,98	8,6	10,97
Площадь крыльев, м ²	54,8	37,9	63,92	50,35	35,1	23,0	30,66
Масса пустого /полетная, кг	<u>1060</u> 1540	<u>660</u> 960	<u>1680</u> 2433	<u>1538</u> 2177	<u>735</u> 1148	<u>420</u> 660	<u>558</u> 830
Скорость, км/ч	100 – 110	115	142	177	120	181	153
Потолок, м	3000	3500	2745	4500	3500	5800	4875
Время полета, час-мин	3-30	4	2-45	-	4-20	2-30	3
Экипаж	2	2	2	2 – 3	2	1	2
Вооружение	1х 7,62 мм; бомбы	1х 7,62 мм; бомбы	1 х 7,7 мм, бомбы	2 х 7,7 мм; бомбы	2 х 7,7 мм, бомбы	2 х 7,7 мм	1 х 7,7 мм; бомбы

17 августа начальник 3-го гидроавиаотряда Л. В. Ковалевский совершил первый полет над Онежским озером, слетав для пробы в район Большого Клименецкого острова. Второй полет, теперь уже на разведку в Малое Онего, состоялся 19 августа. К этому времени в штабе флотилии уже не испытывали никаких иллюзий относительно боевых возможностей своей авиации. Еще накануне, 18 августа, в Петроград в Реввоенсовет Балтийского флота за подписью командующего флотилией Э. С. Панцержанского была отправлена юзограмма, в которой говорилось: «Присланные УМА гидропланы по своим летательным качествам совершенно не могут бороться с неприятельскими, во много раз превышающими своей скоростью и бомбоподъемностью. Прошу срочно распоряжения УМА о немедленной присылке взамен двух несобранных аппаратов быстроходных истребителей типа М-20»²⁵. Ответ на этот запрос пришел уже 22 августа, и в нем начальник оперативного отдела штаба морской авиации Гинтер сообщил, что «через две недели Вам будут посланы два разведчика М-20 со скоростью 120 километров»²⁶.

В ожидании их морлеты 3-го гидроавиаотряда начали свою боевую работу, летая на гидропланах М-9. Прошло несколько дней и стало ясно, что легкой и безмятежной жизни им ожидать не приходится. И причиной тому, как выясняется, было состояние их летательных аппаратов.

Судя по заводским номерам (№№ 1548, 1549, 1551 и 1553)²⁷, все четыре прибывшие в Петрозаводск «девятки» (а точнее, летающие лодки М-9-бис) были самолетами новыми, выпущенными в 1918 или начале 1919 г. На

²³ Хайрулин М. А., Кондратьев В. И. Указ. соч. С. 141.

²⁴ Shores C., Franks N., Guest R. Above the trenches. A complete record of the fighter aces and units of the British empire Air Forces 1915–1920. London, 1990. P. 212, 356.

²⁵ РГА ВМФ. Ф. п-124, оп. 1, № 180. Л. 262.

²⁶ Там же. № 177. Л. 114.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. п-124, оп. 1, № 355. Л. 46.

авиабазе в Соломенном для их хранения и эксплуатации были созданы все возможные на тот момент условия (построены ангары и помост), а летный состав и технический персонал отряда имели неплохую подготовку. И тем не менее летные происшествия случались довольно часто. Бедой для всех – и самолетов, и летчиков, и техников – стало заливаемое в баки горючее.

Хорошо известно, каким было положение с нефтяным топливом в Советской России эпохи гражданской войны. Его практически не было. Поэтому самолеты (равно как и другие боевые и транспортные средства, оснащенные карбюраторными и дизельными двигателями внутреннего сгорания) работали на разного рода смесях, в которых зачастую не было ни капли чистого бензина. Наибольшее распространение получила так называемая «казанская смесь марки «А» («казанка»), состоявшая из керосина, газолина, спирта и эфира. Наряду с этим использовались чистый спирт и различные спиртовые смеси («авиаконьяк»), состоявшие из этилового и метилового спиртов и уксуса и эфира в разных пропорциях. Для моторов работа на таком эрзац-топливе не проходила бесследно. Засорялись жиклеры карбюраторов, вследствие чего двигатели глохли. Наблюдался недобор мощности моторов и их преждевременный износ. Сгоревшая в цилиндрах «казанка» образовывала трудноудаляемый нагар в камерах сгорания и на клапанах. Работая на спирту, моторы плохо держали малые обороты и легко переохлаждались в полете. Бензол и толуол, наоборот, вызывали перегрев при работе на большом газу. В холодную пору запуск мотора становился своего рода священнодействием, продолжавшимся до получаса и даже больше, а некоторые двигатели и вовсе не желали работать на суррогатах²⁸.

В Онежской флотилии, снабжение которой жидким топливом «было совершенно не организовано»²⁹, в качестве горючего для моторов катеров, автомобилей и самолетов использовалась («почти исключительно») газолино-эфирная смесь. Следствием этого, как писал в своем отчете Л. В. Ковалевский, «являлась необходимость в частой переборке и чистке их (т. е. авиаторов. – С. Т.). Во время длительных полетов моторы сильно нагревались...» и, добавим, в любой момент были готовы выйти из строя³⁰. Поэтому не будет преувеличением сказать, что каждый полет в таких условиях был полетом в неизвестность. Впрочем, обо всем по порядку.

2 сентября вылетел на разведку и не вернулся из полета начальник гидроотряда Л. В. Ковалевский. Подробности и место этого летного происшествия пока неизвестны, но известно, что на поиски сразу же были отправлены посыльное судно № 2 и канонерская лодка № 5, а с ними и самолеты гидроотряда. Искали Л. В. Ковалевского долго, больше недели. Еще 10 сентября, вернувшись из одного такого полета, морлет И. И. Клементьев записал в своем отчете: «Малое Онего – нет, Песчаный Погост – нет, Заонежский залив до острова Котлевец – нет, обратно – через м[ыс] Лейнаволок... Плохая работа мотора, через Гарницкий маяк пошли домой. Аппарата Ковалевского не встретили»³¹.

Наконец, «пропажа» обнаружилась. И летчик, и самолет вернулись на базу, но еще раньше произошла вторая вынужденная посадка, и, как сказано в одном из документов флотилии, 6 сентября «посыльное судно № 2 доставило наш гидроплан, упавший у Гарницкого маяка, в Петрозаводск»³².

В 9 часов утра 7 сентября на задание ушли две «девятки», одна из которых открыла счет боевых вылетов отряда, нанеся бомбовый удар по объектам противника в районе деревни Речки на берегу Заонежского залива³³. Без приключений не обошлось и здесь. Один из самолетов к назначенному сроку не вернулся. К счастью, на сей раз до аварий и падений дело не дошло. Просто, возвращаясь домой в тумане, морлет И. И. Клементьев «промахнулся» и без капли горючей смеси оказался у Рыбреки («в 96 верстах к югу от Петрозаводска»), о чем и телеграфировал в штаб флотилии из Шелтозера, требуя выслать «пять пудов смеси и один пуд масла»³⁴.

10 сентября, когда белые попытались высадить десант на Большой Клименецкий остров, красные летчики совершили несколько боевых вылетов, «во время которых было сброшено 15 бомб на батареи и корабли противника»³⁵. 11 сентября в отряде было получено предписание произвести разведку в Малом Онего. В 20 часов самолет поднялся в воздух и пропал. Как выяснилось позднее, в полете заглух мотор, и летчик был вынужден совершить посадку на воду. Повторно завести двигатель не удалось. В итоге пилот и механик на своем утлом суденышке оказались посредине беспокойного ночного озера, рискуя помимо прочего нарваться на сторожевой катер белых. Сильной волной и ветром самолет в течение четырех часов несло на восток и прибило к берегу в трех милях южнее от Устья Водлы. Там летчики при помощи местных властей извлекли гидроплан из воды и телеграфировали о происшествии в штаб флотилии. 13 сентября в Устье Водлы пришел транспорт «Роза Люксембург», на борту которого и экипаж, и аппарат благополучно прибыли в Петрозаводск³⁶.

15 сентября 1919 г. в Петрозаводск из Северного воздушного дивизиона прибыли долгожданные летающие лодки М-20 (заводские №№ 1588 и 1589), а с ними морлеты А. А. Степанов (назначенный вскоре комиссаром 3-го

²⁸ Хайрулин М. А., Кондратьев В. И. Указ. соч. С. 84–86; Никольской С. Н. «Муромцы» в бою. Подвиги русских авиаторов. М., 2010. С. 303, 309–310.

²⁹ Годовой отчет о деятельности Онежской флотилии. С. 170.

³⁰ РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 170. Л. 9.

³¹ Там же. № 170. Л. 14 об.; № 177. Л. 249, 255.

³² Там же. Л. 14 об.

³³ Боевая летопись Военно-Морского Флота. С. 154.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 177. Л. 224.

³⁵ Там же. № 170. Л. 10 об.

³⁶ Годовой отчет о деятельности Онежской флотилии. С. 35; РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 170. Л. 15.

гидроотряда) и С. Ф. Паенков³⁷. После этого в отряде стало 6 самолетов и 5 летчиков. Но вопреки ожиданиям никаких серьезных последствий прибытие новых гидропланов не имело и иметь, в принципе, не могло.

Самолет М-20 являлся модификацией летающей лодки М-5 конструкции того же Д. П. Григоровича. Выпущен он был в 1916 г. и строился малой серией (пока можно говорить о 15 аппаратах). От прототипа «двадцатка» отличалась силовой установкой. Вместо стоявшего на «пятак» 100-сильного мотора «Гном-Моносупап» на ней был поставлен мотор «Рон» мощностью 120 л. с., что дало некоторый прирост скорости (115 км/ч против 105) и скороподъемности. Но даже в условиях 1916–1917 гг. этого было недостаточно, чтобы считать М-20 полноценным боевым самолетом. Поэтому в русской морской авиации он, как и М-5, использовался в качестве учебного, и только начавшаяся гражданская война, в условиях которой летало все, что только могло летать, заставила принять его на военную службу³⁸.

Понятно, что никакой конкуренции более скоростным и совершенным английским самолетам гидропланы М-20 составить не могли. Мало того, что они никогда не были «быстроходными истребителями», так еще и, полетав на Архангельском фронте, оказались «весьма ненадежными вследствие своей ветхости»³⁹. В этой связи остается только гадать, почему командование Онежской флотилии настаивало на присылке самолетов именно этого типа. Похоже, что в данном случае имело место недоразумение, вызванное тем, что в штабе флотилии слабо разбирались в авиатехнике. А ведь в это время в России уже имелись настоящие морские истребители. Ими были летающие лодки М-11 конструкции Д. П. Григоровича, которых в 1917 г. изготовили около 60 штук. Однако о них никто почему-то не вспомнил. Единственным положительным моментом во всей этой истории можно, пожалуй, считать лишь количественное (не качественное) усиление советской авиации на Онежском озере. В ситуации, когда имевшаяся техника не отличалась надежностью, это позволяло хоть как-то поддерживать интенсивность полетов. А делать это со временем становилось все труднее и труднее.

29 сентября 1919 г. морлет К. В. Школов вылетел на разведку в район Лижмы, но уже через 15–20 минут мотор его «девятки» начал «сдавать», вследствие чего летчик вынужден был вернуться и повторить попытку полета через 1 час 35 минут. На этот раз мотор работал хорошо. Задание было выполнено, хотя, как отметил в своем рапорте К. В. Школов, «во время полета мною ничего обнаружено не было»⁴⁰.

2 октября на задание летали три самолета авиаотряда. В 6 часов 10 мин «для обследования Заонежского и Повенецкого заливов» вылетел комиссар А. А. Степанов. Летал он довольно долго и, вернувшись, составил обстоятельный доклад о своем полете: «Из Соломенного – до Климецкого маяка – к селу Кузаранда – у носа Клима стояло какое-то маленькое судно, предполагаю, катер – на него выброшены две 16-фунтовые бомбы. В Повенецком заливе до губы Кофтен (Кефтен. – С. Т.) судов никак не видно. Повернул обратно, пролетел через полуостров «Заонежье» к Великой губе – никаких неприятельских батарей в этом районе не обнаружил. Обстрелу не подвергался. В 9 ч. 45 м. вернулся благополучно»⁴¹.

В 8 часов того же утра на разведку «в район Заонежский залив, Великая Губа, Вегрукса, Большое Онего для обнаружения неприятельских расположений и батарей» вылетел морлет С. Ф. Паенков. Противника ему обнаружить не удалось, но возвращаться просто так летчику, видимо, не хотелось, а потому, как он записал в своем отчете, «по пути мною было сброшено 4 бомбы на неприятельскую территорию»⁴².

Надо сказать, что к этому времени в послужном списке С. Ф. Паенкова помимо этого и ряда других относительно удачных полетов значился один вылет, завершившийся продолжительным блужданием по лесу. К сожалению, точные даты этого происшествия пока неизвестны, но известно, что случилось оно где-то в районе Лижмы и летчику пришлось четверо суток добираться до ближайшей деревни. Некоторое время спустя аварийную «девятку» (заводской № 1553) удалось каким-то образом доставить на авиастанцию в Соломенное, где выяснилось, что к дальнейшей эксплуатации самолет был уже непригоден. По этой причине позднее его списали и разобрали на запчасти.

Третьим 2 октября взлетел начальник гидроотряда Л. В. Ковалевский. Стартовав с Логмозера, он проследовал до Великой Губы, где обнаружил белогвардейский катер и сбросил на него бомбы. После этого, пройдя над Заонежским полуостровом, он развернулся и через Вегруксу вернулся на базу. За время полета, длившегося 2 часа 45 минут неприятельских батарей обнаружено не было⁴³.

6 октября в ходе боевого вылета были сброшены бомбы на катера белых в Повенецком заливе⁴⁴. На следующий день гидроотряд должен был провести разведку в районе Мегострова. Но, похоже, это задание выполнено не было. Сначала выяснилось, что стоявшие на аппаратах М-9 моторы «Сальмсон» на заливаемой в их баки смеси заводиться не желают. Нужен был чистый бензин или эфир, но ни того, ни другого в запасе не было. Единственным боеготовым оказался М-20, на котором вылетел комиссар А. А. Степанов. Но его тоже постигла неудача. В момент, когда самолет долетел до Ивановских островов, произошла серьезная поломка мотора: «лопнула ось коромысла, выскочила тяга, пробив плоскость аппарата, и поломала два нервюра». Пришлось срочно

³⁷ РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 355. Л. 47; № 170. Л. 10.

³⁸ Шавров В. Б. Указ. соч. С. 216–220, 267.

³⁹ РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 170. Л. 9.

⁴⁰ Там же. № 177. Л. 341.

⁴¹ Там же. № 185. Л. 3 – 3 об.

⁴² Там же. Л. 1.

⁴³ Там же. Л. 2.

⁴⁴ Иванов П. Н. Крылья над морем. М., 1973. С. 37.

выполнять аварийную посадку и возвращаться обратно уже по воде «под буксиром» попутного парохода. «Аппарат – отметил в своем отчете А. А. Степанов, – из-за отсутствия в отряде запасного исправного мотора и [запасных] частей вышел из строя на неделю»⁴⁵.

Пока трудно сказать, каким образом механикам отряда удавалось поддерживать работоспособность своих самолетов. Наверняка это было не простым делом. Однако уже 8 октября на разведку в район Повенецкого залива и Заонежья улетели сразу 3 гидроплана. Итоги этих полетов подведены в оперативной сводке флотилии: «Замечены два катера противника, на которые сброшены бомбы. Батарей нигде не замечено. Обстрелу аппараты не подвергались»⁴⁶.

Как видим, в начале октября 1919 г. петрозаводские пилоты летали сравнительно часто. И это не было случайностью. В эти дни в штабе 1-й стрелковой дивизии завершалась подготовка крупной наступательной операции, имевшей целью «занять г. Повенец и ст. Медвежья Гора, выдвинувшись на линию ст. Масельская и дер. Телекино, ...закрепить за собой пройденное пространство». С озера части дивизии должны были поддерживать корабли Онежской флотилии. Как было записано в плане ее действий, чтобы облегчить выполнение их задачи, 9 октября (в первый день наступления) гидроотряду надлежало «развить возможно большую активность». При этом командирам кораблей предписывалось внимательно следить «за появляющимися воздушными аппаратами, ...так как наши гидроаэропланы будут производить усиленные полеты, причем при приближении к нашим кораблям будут снижаться, летя близко»⁴⁷.

Надо заметить, что подобное предупреждение было нелишним. По всей видимости, еще свежей была память о сентябрьском инциденте, когда, как вспоминал много лет спустя К. А. Безпальчев (в 1919 г. – командир канонерской лодки № 1), один из самолетов 3-го гидроотряда был подбит зенитчиками эсминца «Сторожевой»⁴⁸.

Наступление, как и было запланировано, началось 9 октября. В этот день корабли флотилии пошли на прорыв в Повенецкий залив, но самолеты из-за ненастья подняться в небо не смогли. 10 октября погода улучшилась, и, как было сказано в оперативной сводке флотилии, «три наших гидроплана вылетели на разведку, но, видимо, из-за недостатка смеси принуждены были: один – вернуться, один – опуститься на остров Климецкий. О третьем сведения не поступало»⁴⁹.

«Третьим» самолетом был М-20, на котором ушли на задание комиссар отряда морлет А. А. Степанов и механик Сорокин. Их возвращения ждали довольно долго, несколько недель числа летчиков «не вернувшимися с разведки», но потом стало ясно, что в отряде они уже никогда не появятся. В ноябре в штаб флотилии поступило известие о захваченном у белых в Заонежье гидроплане. На место была отправлена команда авиаспециалистов, которая доставила самолет в Петрозаводск. Им, как выяснилось, оказался М-20 с заводским номером 1588 – тот самый, на котором 10 октября 1919 г. улетели комиссар Степанов и механик Сорокин. При осмотре было установлено, что гидроплан находится «в изуродованном виде» и летать на нем невозможно. По этой причине его пустили на запчастки. Стала известна и судьба обоих летчиков. Выяснилось, что при выполнении боевого задания самолет был сбит противником и совершил аварийную посадку. Оба пилота попали в плен к белым и были ими расстреляны⁵⁰.

Заметим, что версия о повреждении гидроплана М-20 огнем с земли была высказана моряками флотилии в конце 1919 г. Вероятно, так оно и было, хотя вынужденная посадка могла быть связана и с возникшей в полете неисправностью двигателя. Такое могло произойти, потому что, как писал в своем отчете Л. В. Ковалевский, вести разведку Повенецкого залива, летая из Петрозаводска, «было невозможно, благодаря перегреванию моторов»⁵¹. Поэтому еще во второй половине сентября последовал приказ командующего флотилией Э. С. Панцержанского об организации промежуточной авиастанции на Большом Клименецком острове. 8 или 9 октября начальник гидроотряда доложил о постройке «в бухте, расположенной в одной версте от монастыря», двух самолетных помостов («спусков»), а 10 и 13 октября транспорты флотилии доставили на остров сначала «запасы гидроотряда», а потом и сам гидроотряд. Позднее еще одна промежуточная база была оборудована в Толвусе⁵².

Казалось бы, после этого летчики должны были летать уверенней, а может быть даже и чаще. Но, судя по всему, этого не случилось. И причиной тому оказался не чей-то злой (контрреволюционный) умысел. Просто, как писал в отчете Л. В. Ковалевский, «благодаря тому, что моторы работали на смеси, их после 2-х месячной усиленной работы пришлось пустить в переборку, так как моторы, нагреваясь, не давали должного количества оборотов»⁵³. Подтверждением этим словам служат представленные в штаб флотилии сведения о состоянии отряда на 15 и 24 октября 1919 г. (табл. 2)⁵⁴.

⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 177. Л. 344.

⁴⁶ Там же. № 180. Л. 628.

⁴⁷ Годовой отчет о деятельности Онежской флотилии. С. 103, 105, 107.

⁴⁸ Безпальчев К. А. Начало боевых действий в Онежском озере. Дозорная служба в Повенецком заливе. Архив КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 20, № 191. Л. 43.

⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 180. Л. 680.

⁵⁰ Там же. № 170. Л. 9–10; За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963. С. 160.

⁵¹ РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 170. Л. 10.

⁵² РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 355. Л. 40; № 170. Л. 9–10, 15 об., 16.

⁵³ Там же. № 170. Л. 10.

⁵⁴ Там же. № 185. Л. 5, 6.

Состояние гидроавиаотряда Онежской флотилии на 15 и 24 октября 1919 г.

15 октября 1919 г.		24 октября 1919 г.	
Самолет / летчик	Состояние самолета	Самолет / летчик	Состояние самолета
М-20 / Л. Ковалевский	Аппарат признан негодным к полетам	М-20 / Л. Ковалевский	Аппарат признан к полетам непригодным
М-20 / А. Степанов	С разведки от 10 октября не вернулся	М-20 / А. Степанов	Аппарат с разведки не вернулся
М-9 / С. Паенков	Мотор в переборке	М-9 / С. Паенков	Аппарат в неисправности
М-9 / К. Школов	Аппарат на Климецком посту. Сломана тяга	М-9 / К. Школов	Аппарат собирается, мотор перебирается
М-9 / Г. Ковалевский	Аппарат приготавливается к полету	М-9 / Г. Ковалевский	Аппарат в исправности
М-9	-	М-9	Разобран на запасные части

Из них следует, что из шести имевшихся самолетов постоянно боеспособным был только один. И хотя позднее удавалось ввести в строй даже «непригодные к полетам» аппараты, ни о какой интенсивности вылетов в такой ситуации говорить не приходится. И не зря, видимо, о действиях онежских авиаторов у онежских моряков остались не самые лучшие впечатления. Как вспоминал К. А. Безпальчев, «имевшиеся в наличии флотилии несколько дряхлых и давно устаревших гидросамолетов с трудом отрывались от воды и за все время совершили всего три полета...»⁵⁵ Понятно, что занятый своими делами и заботами командир канонерской лодки № 1 плохо представлял, в каком положении находился гидроотряд и сколько вылетов в действительности совершили его летчики, однако случайным подобное суждение назвать трудно.

Попутно заметим, что из представленных в штаб флотилии сведений можно сделать вывод и о происшедших в гидроотряде кадровых изменениях. К началу октября морлет И. И. Клементьев получил другое назначение и отбыл из Петрозаводска. Его место занял летчик Г. К. Ковалевский⁵⁶.

Дальнейшие события показали, что все происходившее в сентябре и октябре было «цветочками» в сравнении с теми «ягодками», которые «созрели» в ноябре. Гидроотряд, который волей старшего авиационного начальства в конце октября сменил свой номер с 3-го на 4-й⁵⁷, находился, говоря словами Л. В. Ковалевского, «на передовых позициях». Моторы гидропланов были перебраны и готовы к эксплуатации, но зима 1919 г. выдалась ранняя, и уже 6 ноября температура упала до -5° . Для механиков и мотористов это стало настоящей бедой. Стоявшие на «девятках» моторы «Сальмсон» на морозе перестали заводиться, чему причиной была все та же злополучная газолино-эфирная смесь. Для запуска двигателям требовалось предварительное прогревание, на что уходило около трех (!) часов. Из-за этого самолеты «не могли выполнять боевых задач в любую минуту», тем более что даже запущенный мотор работал плохо и давал не более 1000–1100 оборотов в минуту⁵⁸.

Так продолжалось больше недели. Потом зима окончательно взяла верх. Причем одолела она не только гидроотряд, но и флотилию, а с ней и все действовавшие в Заонежье красные войска. Заонежский залив начал покрываться льдом, и чтобы не оказаться в ледовом плену, корабли флотилии, погрузив на борт подразделения и штаб 1-й стрелковой дивизии, ушли в Петрозаводск. Вместе с ними был эвакуирован и находившийся на Большом Клименецком острове гидроотряд.

Во второй половине ноября 1919 г. в боевых действиях на Мурманском фронте наступает относительное затишье. Корабли флотилии встали на зимовку, а у летчиков и техников 4-го гидроавиаотряда появилась возможность привести в порядок свою изрядно потрепанную матчасть. 26 ноября из Петрограда был получен еще один гидроплан М-9 (заводской № 1552), вместе с которым прибыл морской летчик Н. В. Гордеев. После этого в составе отряда стало числиться 7 самолетов, из которых к боеготовому состоянию могли быть приведены только 5: 4 аппарата типа М-9 и 1 – типа М-20 (табл. 3)⁵⁹.

⁵⁵ Безпальчев К. А. Указ. соч. Л. 43.

⁵⁶ РГА ВМФ. Р-124, оп. 2, № 80. Л. 36.

⁵⁷ Произошло это, вероятно, между 15 и 24 октября 1919 г. См.: РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 185. Л. 5–6.

⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 170. Л. 9–10.

⁵⁹ Там же. № 355. Л. 46–47.

Ведомость самолетов и моторов 4-го гидроавиаотряда на 10 декабря 1919 г.

Тип (время поступления)	Номер		Состояние		Ремонт	Вооружение, запасные винты, лыжи
	заводской	мотора	самолета	мотора		
М-9 (12.8.19)	1548	2811	исправен	исправен	нет	пулеметы Льюис – 4; патроны – 9000; револьверы – 5; винтовки – 25; бомбы 10-фунтовые – 40; бомбы оскольчатые – 24
М-9 (12.8.19)	1549	2645	исправен	неисправен	сборка	
М-9 (12.8.19)	1551	2632	исправен	неисправен	нет	
М-9 (12.8.19)	1553	2866	на запчасти	переборка	переборка	
М-9 (26.11.19)	1552	2889	исправен	исправен	нет	
М-20 (15.9.19)	1589	51268	неисправен	исправен	нет	
М-20 (15.9.19)	1588	51367	на запчасти	на запчасти	переборка	

Одновременно пришла пора подвести итоги всей боевой работы отряда. Из подготовленного Л. В. Ковалевским отчета следует, что за период с 1 августа по 1 декабря 1919 г. летчики провели в воздухе 71 час (из них 56 боевых), израсходовав при этом 300 пудов (4,8 т) горючего. По более поздним данным советских историков, во время этих полетов на суда и береговые объекты противника (или на его территорию) было сброшено 30 пудов (480 кг) бомб⁶⁰. Одновременно велась воздушная разведка, в том числе и с применением фотоаппаратуры. Ее результаты и сегодня можно видеть на сохранившихся в архивах фотографиях.

За 3 месяца участия в боях отряд потерял двух летчиков (комиссара А. А. Степанова и механика Сорокина, попавших в плен к белым и расстрелянных ими) и два летательных аппарата. Один самолет М-9 (заводской № 1553) разбился при вынужденной посадке под Лижмой и, хотя и был доставлен в Соломенное, восстановлению уже не подлежал. Второй самолет – М-20 (заводской № 1588) – побывал в руках у белых и, будучи возвращен на станцию «в изуродованном состоянии», тоже не восстанавливался. Вместе с этим самолетом были утрачены 1 пулемет «Льюис», 6 магазинов с пулеметными патронами и 2 револьвера системы Наган⁶¹.

Общий расход патронов за кампанию составил, по отчету Л. В. Ковалевского, 1000 штук, что для трехмесячного периода, несомненно, очень немного. При этом следует учитывать те 6 снаряженных магазинов, что попали к белым. К сожалению, неизвестно, к какому типу относились имевшиеся в отряде магазины пулеметов «Льюис». Это могли быть двухрядные диски на 47 патронов или четырехрядные на 97⁶². В одном случае сумма утраченных патронов составляет 282 штуки (почти треть всего расхода), а в другом – 582 (больше половины). Так или иначе, но приходится сделать вывод, что пулеметами красные летчики пользовались крайне редко. Ни одного воздушного боя за всю кампанию, как известно, так и не случилось, а штурмовать позиции или катера противника морлеты не спешили. И причиной тому, скорее всего, были опасения, что моторы их аппаратов могут не выдержать перегрузок и подвести в самый неподходящий момент.

В качестве курьеза или шутки можно указать еще одну статью расхода боеприпасов. Она была связана с озорством начальника отряда Л. В. Ковалевского, который, как вспоминал летавший с ним на задания И. И. Демушкин, при возвращении домой иногда гонял в небе диких уток, подстреливая их из пулемета⁶³.

Зимой, когда озеро покрылось льдом, самолеты гидроотряда возобновили свои полеты. Только теперь взлетать приходилось уже не с воды, а с твердой ледяной поверхности. Для этого аппараты оснащались лыжами (они, судя по ведомостям, в гидроотряде имелись), хотя конструктивные особенности летающих лодок М-9 и М-20 позволяли им выполнять взлет и посадку со снега и на снег и без лыж. Полная статистика зимних полетов 4-го гидроотряда пока отсутствует. Имеются данные лишь за первую декаду декабря 1919 г. Как явствует из ведомости № 359, в период с 1 по 10 декабря самолет М-9 (заводской № 1548) отработал (то есть налетал) 5 часов, самолет М-9 (№ 1551) – 4 часа и самолет М-20 (№ 1589) – 3 часа. В сумме это дает 12 рабочих (летных) часов за 10 дней, что смотрится совсем неплохо на фоне того 71 часа, что был налетан ранее за 3 с лишним месяца. При этом можно утверждать, что хотя бы часть декабрьских полетов была связана с боевыми действиями и сопровождалась бомбежкой противника. Говорить об этом можно, исходя из наличия авиабомб на складе авиаотряда. На 1 декабря их, судя по составленному Л. В. Ковалевским отчету, имелось 70 штук, а на 10 декабря – только 64 (из них 40 штук 10-фунтовых и 24 «оскольчатые», то есть осколочные). 6 бомб, по всей видимости, были сброшены во время какого-то полета⁶⁴.

⁶⁰ Там же. № 170. Л. 10; Иванов П. Н. С. 36.

⁶¹ РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 170. Л. 10 об.

⁶² Там же. Л. 10 об.; Евстафьев Д. Его называли «гремучей змеей». Пулемет «Льюис» и его авиационные варианты // Авиамастер. 2004. № 7. С. 40.

⁶³ Демушкин И. И. Воспоминания. Архив КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 20, № 180. Л. 7.

⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. р-124, оп. 1, № 355. Л. 47; № 170. Л. 9 об., 10 об.

Похоже, что и в этот период не обошлось без происшествий. На одной из фотографий, сделанных, вероятно, в декабре 1919 г., можно видеть взгроможденный на стенку военной гавани Петрозаводска самолет М-20. Лодка и оперение аппарата вроде бы целы, но мотор и оба крыла отсутствуют.

Общий численный состав дислоцированного в Соломенном 4-го гидроавиационного отряда к началу 1920 г. включал в себя 39 человек, но фактически налицо было 37. Начальником отряда по-прежнему был Л. В. Ковалевский, а комиссаром – сменивший погибшего морлета А. А. Степанова автомоторист П. Д. Устинов. Пилотов в отряде имелось четверо: Л. В. Ковалевский, С. Ф. Паенков, К. В. Школов и Н. В. Гордеев. Техническую часть отряда составляли 9 авиамехаников (некоторые из них летали на боевые задания с летчиками) и 6 помощников авиамеханика. Кроме того имелись столяр (для ремонта самолетных крыльев и лодок), 11 строевых матросов, старший лекарский помощник, санитар, делопроизводитель и старший писарь. Еще один человек из состава отряда отвечал за фотографическую часть. Правда, он, как отмечено в документе, находился при штабе дивизии в самом Петрозаводске⁶⁵.

Зимой 1919–1920 гг. отряд, как и вся флотилия, готовился к новым боям, но их не последовало. 3 февраля 1920 г. красные войска начали наступление на архангельском направлении, после чего оборона белых развалилась в считанные дни. 20 февраля красные вошли в Архангельск, а 23 февраля вперед пошли полки действовавшей на Мурманском фронте 1-й стрелковой дивизии. 25 февраля ими была занята станция Медвежья Гора. Там среди прочих трофеев были взяты 8 самолетов и большие запасы имущества Мурманского авиадивизиона белых.

Вскоре после этого в Петрозаводске была создана трофейная комиссия, в состав которой вошел и начальник 4-го гидроотряда Л. В. Ковалевский. Вместе с несколькими помощниками он занимался отбором и доставкой на свою базу авиационных материалов, среди которых оказался и один гидроплан «Фэйри III». В начале марта он в разобранном виде был привезен по железной дороге в Петрозаводск. Со станции его переправили в Соломенное, где собрали и, судя по всему, ввели в строй. В составе авиации Балтийского флота этот самолет летал до середины 20-х гг.

Что же касается онежского гидроавиаотряда, то с февраля или марта 1920 г. он стал называться 6-м гидроавиаотрядом. Комиссаром отряда был назначен вновь прибывший летчик-наблюдатель К. В. Синицын. Кроме этого отряд пополнился еще одним морским летчиком. Им стал недавний выпускник Школы морской авиации имени Л. Д. Троцкого В. К. Бергстрем⁶⁶. Весной 1920 г. 6-й гидроотряд находился в Петрозаводске, а потом был переведен обратно на Балтику. Возможно, что последним эпизодом его боевой истории явилось участие в подавлении Кронштадтского мятежа в марте 1921 г.

Подводя итоги деятельности своего подразделения, Л. В. Ковалевский еще в декабре 1919 г. отметил ее основные моменты: «...Отряд... нес боевые разведки на неприятельской территории и выполнял по мере возможности все боевые задачи дивизии. Отражать налеты противника и нести активную работу на имеющихся в отряде аппаратах не представлялось возможным»⁶⁷. Столь же сдержанной оказалась и оценка штаба флотилии: «Большая удаленность нашей базы (Петрозаводск) от главных центров и баз противника (100 миль) не давала возможности совершать туда налеты, да и, кроме того, слишком большая разница в тактических свойствах аппаратов наших и противника и малое их количество не позволяло рисковать ими, поэтому наши аппараты ограничивались тем, что совершали налеты на второстепенные передовые базы противника и производили возможную разведку, летая всегда одновременно в одиночку в разные районы озера»⁶⁸.

Зеленская Ю. Н.,

Карельская государственная педагогическая академия

Строительство и значение Сорокско-Обозерской железнодорожной линии в первый период Великой Отечественной войны

Кировская железная дорога с первых дней войны оказалась прифронтовой. Выход к единственному незамерзающему Мурманскому порту на севере поставил ее в ряд железнодорожных магистралей большой государственной важности. В систему Кировской железной дороги входили 20 линий и веток общего пользования, примыкающих к главной магистрали с запада и востока.

Одной из важнейших линий, имеющей стратегическое значение была Сорокско-Обозерская, соединяющая Кировскую с Северной железной дорогой. Сорокско-Обозерская железнодорожная линия протяженностью 349,1 км явилась наиболее коротким выходом из Мурманского порта в районы Центральной России, Урала, Сибири и Поволжья.

⁶⁵ РГА ВМФ. Р-124, оп. 1, № 140. Л. 4–5.

⁶⁶ Там же. № 146. Л. 2, 26.

⁶⁷ Там же. № 170. Л. 10 об.

⁶⁸ Годовой отчет о деятельности Онежской флотилии. С. 90.

Ее строительство началось до Великой Отечественной войны. Возведение железнодорожного полотна в 1939 г. осуществлялось силами заключенных Сороклага НКВД. В период Зимней войны (1939–1940 гг.) строительство было приостановлено. Возобновились работы 1 мая 1940 г.

На первом этапе войны в результате наступательных операций немецкие войска оккупировали 28 августа 1941 г. участок Томицы–Суоярви. 3 сентября 1941 г. началась оккупация южной части направления Мурманск–Волховстрой от станции Свирь до станции Кяппесельга.

Таким образом, «единственным звеном, связывающим северный участок Кировской магистрали и Мурманский порт с остальной железнодорожной сетью страны, стала строящаяся железнодорожная ветка Сорокская-Обозерская»¹.

На основании распоряжения ГКО № 487 сс от 15 августа 1941 г. «Об организации временной эксплуатации железнодорожной линии Сорокская-Обозерская», приказов НКПС Л. М. Кагановича от 17 августа 1941 г. за № 377 сс и Народного комиссара Внутренних дел СССР Л. П. Берия № 376 была создана правительственная комиссия. В комиссию вошли заместитель директора Научно-Исследовательского института Строительства и Проектирования Степан Иванович Скрипкин, заместитель начальника Северной железной дороги Леонид Васильевич Смирнов, начальник службы Пути Северной железной дороги Александр Степанович Улогов, начальник строительства Сорокско-Обозерской линии Иван Игнатьевич Орловский и др. Комиссия работала с 24 по 29 августа 1941 года. Был произведен осмотр выполненных работ, изучение и проверка технической документации².

Комиссия обследовала земляное полотно, искусственные сооружения, верхние строения, гражданские здания. Кроме того, было уделено внимание водоснабжению и временной связи. Сметная стоимость дороги составила 337,055 тыс. руб.³ Исходя из результатов осмотра линии, комиссия приняла Сорокско-Обозерскую железнодорожную линию во временную эксплуатацию от НКВД СССР с 1 сентября 1941 г. и передала Северной железной дороге. Однако с 1 по 12 сентября руководство Северной железной дороги не смогло организовать работу этого участка. Движение поездов прекратилось. Вскоре линия была передана Кировской железной дороге. На всем протяжении от станции Сорокская до станции Обозерская был установлен твердый график движения поездов⁴.

В начале эксплуатации скорость движения поездов составляла 5–6 км/ч, а пропускная способность всего лишь 3 пары поездов. Отсутствовали постоянные водоснабжения, линии телефонной и телеграфной связи.

14 мая 1942 г. был издан Приказ по Кировской железной дороге № 171 «О достройке линии Сорокская-Обозерская». Предполагалось произвести развитие и достройку линии в 3 этапа.

I этап со сроком окончания 15–25 мая предполагал увеличение скорости движения поездов до 30 км/ч за счет укрепления земляного полотна, балластировки и выправки пути.

На II этапе в срок до 15 июля 1942 г. планировалось перестроить разъезды, увеличить скорость движения поездов до 45 км/ч. А также укладка станционных путей, организация водоснабжения.

На III этапе до 15 сентября 1942 г. было необходимо увеличить скорость движения поездов до 50 км/ч за счет отсыпки земляного полотна⁵.

Для выполнения намеченного объема работ из ближайших районов было мобилизовано население. Линия проходила по территории с трудными климатическими условиями. Район изобилует торфяными болотами, озерами и многочисленными водотоками. Поэтому требовалось возведение насыпных сооружений и насыпей. Работать приходилось вручную. Отсутствовали вспомогательные инструменты и механизмы. Работая днем и ночью, строители справились с особенностями местности. Усилиями населения были построены «постоянный мост через Онегу, депо в Сумпосаде и на станции Мудьюга, 3 электростанции»⁶. На всем протяжении строительства, а затем в дальнейшей эксплуатации линия неоднократно подвергалась налетам и бомбардировке авиации противника.

Таким образом, Сорокско-Обозерская железнодорожная линия в рассматриваемый период представляла собой общенародную стройку. Общегосударственное, стратегическое значение этой железнодорожной линии заключается в том, что она являлась единственным железнодорожным маршрутом, по которому осуществлялись перевозки продовольствия, боеприпасов, медикаментов для нужд Северного флота, частей и соединений Красной армии на Кольском полуострове. Более того, транспортировка грузов в Центральные районы страны, поступающих от союзников через Исландию в Мурманский незамерзающий порт.

¹ Виролайнен В.М. По стальным магистралям / Незабываемое. Воспоминания о Великой Отечественной войне. – Петрозаводск, 1974. – С. 329.

² НАРК. Ф.Р-528. Оп. 13. Д.2/10. Л. 1–6.

³ НАРК. Ф.Р-528. Оп. 13. Д.2/10. Л. 1.

⁴ Виролайнен В.М. По стальным магистралям / Незабываемое. Воспоминания о Великой Отечественной войне. – Петрозаводск, 1974. – С. 330–331.

⁵ НАРК. Ф. Р-528. Оп. 12. Д. 1/2. Л. 124, 126, 126 об., 127.

⁶ Прокконен П.С. В дни войны. Воспоминания. – Петрозаводск, 1971. – С. 71.

Список источников и литературы:

I. Источники:

1. Воспоминания:

- 1). Виролайнен В. М. По стальным магистралям / Незабываемое. Воспоминания о Великой Отечественной войне. – Петрозаводск: Карелия, 1974. – С. 326–334.
- 2). Прокконен П. С. В дни войны. Воспоминания. – Петрозаводск: Карелия, 1971. – 224 с.

2. Архивные источники:

1). НАРК:

Ф. Р-528 – Управление Кировской железной дороги.

1. НАРК, ф. Р-528, оп. 13, д. 2/10 – Акт правительственной комиссии по приему Сорокско-Обозерской железнодорожной линии во временную эксплуатацию.

2. НАРК, ф. Р-528, оп. 12, д. ½ – Приказ по Кировской железной дороге № 171 от 14 мая 1942 г. «О достройке линии Сорокская-Обозерская».

II. Литература:

1. Куманев Г. А. Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941–1945 гг. – М. : Наука, 1988. – 368 с.
2. От Царскосельской до Октябрьской: история, развитие, перспективы. – СПб. : Лики России, 2007. – 240 с.: ил.
3. Харитонов С. Ф. Мурманская, Кировская, Октябрьская. – Петрозаводск : Карелия, 1996. – 157 с.

*Меньшикова Е. В.,
Карельская государственная педагогическая академия*

Продовольственное обеспечение эвакуированного населения в Пудожском районе в первый период Великой Отечественной войны

В связи с началом Великой Отечественной войны возникла необходимость эвакуации населения и промышленных предприятий прифронтовых республик. В первые месяцы войны шел непрерывный поток людей с западных районов в восточные. В кратчайшие сроки также необходимо было перевезти материальные ценности в тыловые районы страны.

Эвакуация проходила и на территории нашей республики. Вступление в войну 26 июня 1941 г. Финляндии создавали непосредственную угрозу населению и экономическому потенциалу Карелии. В связи с отступлением частей Красной Армии летом-осенью 1941 г. начался процесс эвакуации трудовых и материальных ресурсов.

Эвакуация населения Карелии из приграничных районов началась с первых дней войны. Прежде всего, эвакуировались детские учреждения и дети до 16 лет вместе с родителями. Трудоспособное население оставалось на уборке урожая и оборонных работах. Но в связи с продвижением финских войск на советскую территорию, началась эвакуация взрослого населения.

В основном жители Карелии эвакуировались по железной дороге, на баржах и пароходах по Онежскому и Ладожскому озеру, на автомашинах и подводах по шоссе и дорогам. Один из важнейших эвакуационных потоков проходил из Петрозаводска и Заонежья по Онежскому озеру в Пудожский район. Затем из Пудожа население на машинах или подводах отправляли в Архангельскую и Вологодскую области. Всего через Пудож проследовало около 50 тыс. человек, приблизительно 8 тыс. осталось жить в Пудожском районе¹. Помимо населения эвакуированного их других районов Карелии, в самом районе пришлось организовывать эвакуацию местных жителей, которые проживали прифронтовой полосе.

В Пудож также переехал ряд государственных, финансовых, торговых и промышленных предприятий. Например, наркоматы совхозов, лесной промышленности, финансов, Госбанк, Торговый банк, Карфинпотребсоюз, Военторг и др.² Многие затем переехали в Беломорск, но часть организаций осталась в Пудоже.

В связи с перемещением огромного количества населения через Пудож необходимо было решать множество организационных вопросов: выделения транспорта для дальнейшего передвижения, организация питания, оказание медицинской помощи и т. д. Оставшихся в районе эвакуированных нужно было снабдить жильем, оказать помощь в трудоустройстве, но наиболее острой была проблема продовольственного обеспечения.

В условиях военного времени продовольственное снабжение проходило по карточной системе. Нормированное обеспечение населения продуктами и промышленными товарами вводилось на территории страны с июля 1941 г. В первую очередь были введены карточки на основные продукты питания (хлеб, сахар,

¹ Нилов Е. С. Пудож: повседневная жизнь прифронтового города. 1941–1944 гг. // Историко-культурный традиции малых городов. Материалы региональной научной конференции (7–9 сентября 2006 г.). Петрозаводск, 2006. С. 309.

² Нилов Е. Военные будни района. Сентябрь 1941 // Пудожский вестник. 2001. 2 октября.

кондитерские изделия, жиры, мясoproductы и рыбопродукты). Для эвакуированных жителей направлялись централизованные фонды хлеба и некоторых продовольственных товаров³. Но не всегда районные власти имели возможность отоварить эти фонды. По воспоминаниям эвакуированных в сутки выдавали 200–400 гр. хлеба. Нормы хлеба зависели от продовольственной ситуации в том или ином районе.

Первые эвакуированные стали прибывать в Пудожский район летом 1941 г. В большинстве своем они приезжали на пристани в п. Шальский и Песчаное. От пристаней организовывали транспорт для дальнейшего следования. В сентябре количество эвакуированного населения стало увеличиваться. Описание прибытия эвакуированных в Пудож можно найти на страницах дневника школьника Андрея Коносова: «...Из Петрозаводска все едет и едет народ, загружены все пристани, улицы города забиты автомашинами разных сортов...»⁴.

В результате скопления такого количества населения это привело к тому, что в сентябре в Пудуже появились первые признаки продовольственного кризиса. 4 сентября райком партии в связи с ухудшением положения продовольственной ситуации обязал райпотребсоюз организовать рыболовецкие бригады и заключить договоры с колхозами на поставку овощей, закуп свиней и сбор дикорастущих растений. С 6 сентября был прекращен свободный отпуск хлеба колхозникам из магазинов⁵.

К концу осени – началу зимы 1941 г. ситуация стала критической. В связи с этим Пудожский райисполком принял решение о введении с 1 января 1942 г. карточек на хлебoproductы. Устанавливались следующие нормы выдачи хлеба: рабочим – 800 гр/, служащим – 600 гр., иждивенцам, пенсионерам и другим группам населения – 400 гр. в день. Также карточная система вводилась в столовых района⁶.

Но ситуация в районе к весне 1942 г. не улучшилась, поэтому в мае 1942 г. выдача хлеба населению составляла 200–300 гр.⁷ В столовой Шальской лыжной фабрики порой кроме «воды с мороженой капустой ничего не было»⁸. В связи с этим значительно снизилась трудовая дисциплина, люди свое рабочее время тратили на стояние в очередях за хлебом.

Согласно докладной записки органов НКВД Карело-Финской ССР за апрель 1942 г. в Пудожском районе умерло 238 чел., из них детей до 1 г. – 67 чел. А за 27 дней в мае в Пудожском сельском совете умерло 81 чел., в том числе детей до 10 лет – 17 чел. Основная причина столь высокой смертности истощение⁹.

В такой ситуации тяжелее всего пришлось эвакуированному населению. Об этом свидетельствуют различные воспоминания, приехавших в район людей. Мария Ивановна Кириллова, жительница Олонецкого района, вспоминала: «Пудожский район был переполнен эвакуированными, работу найти сложно, практически невозможно. Школы не действуют. Припасы быстро закончились, хлеба на сутки – 200–300 гр. Зима 1941–1942 гг. была очень тяжелой...»¹⁰.

Эвакуированные вынуждены были есть крапиву, мох, собак и кошек, обменивать дорогие или теплые вещи на картошку или молоко. Так, золотые серьги можно было обменять на одну буханку хлеба и кочан капусты¹¹. Если кто-то в семье устраивался на работу в столовую, то тогда разрешалось на обед приводить одного ребенка. Так, по воспоминаниям Валентины Дмитриевны Амосовой, эвакуированной из Сенной Губы в Пудожский район в п. Транспортное, ее мама работала посудомойкой в столовой. Ей разрешали приводить на обед одного из детей. Для подкормки детей работники столовой использовали – внешние битые листы капусты, обрезки картошки, овощей, рыбы, иногда несвежее мясо¹³.

Положение эвакуированных было тяжелым и виду того, что у них не было продовольственных запасов, т. к. при эвакуации разрешалось брать с собой багаж весом не более 40 кг. на человека. По прибытии в Пудожский район эвакуированные порой сталкивались с враждебными настроениями местного населения. В докладных записках НКВД приводятся примеры таких случаев. Так, колхозники Семеновского сельского совета следующим образом отзывались об эвакуированных: «Черт вас сюда принес. Вы съели наш хлеб, теперь приходится голодать»¹⁴. Не всегда эвакуированное население могло устроиться на работу, в связи с состоянием здоровья, с отсутствием зимней одежды и обуви, а также в связи с отказом некоторых председателей колхозов трудоустроить приехавшее население.

Сложившаяся ситуация ставилась в вину пудожским представителям властям. В адрес руководящих работников района поступали анонимные письма от эвакуированных с выражением недовольства и угроз: «...Кто вам дал право морить народ голодом. Проклятый Гитлер лишил нас всего дорогого, наши мужья, сыновья, отцы и дочери проливают кровь за любимую Родину, а вы содействуете Гитлеру... Единственный выход из положения – это прикончить детей, а затем матерям спокойно умереть...»¹⁵.

³ История социалистической экономики СССР. Т. 5. М., 1978. 465 с.

⁴ Цит. по: Нилов Е. Военные будни района. Указ. соч.

⁵ Нилов Е. Военные будни района. Указ. соч.

⁶ Советы Карелии. 1917–1992 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 220.

⁷ Костин А. Эвакуация // Пудожский вестник. 2011. 23 июня.

⁸ Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. П-8., оп. 1, д. 537, л. 3.

⁹ Неизвестная Карелия: документы спецорганов о жизни республики. Петрозаводск, 1999. С. 71.

¹⁰ Чеботарева М. Как это было! Как совпало – война, беда, мечта и юность! // Олония. 2008. 15–21 мая.

¹¹ Война и дети // Дуэль. 2006. 23 мая – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.duel.ru/200621/?21_6_1.

¹³ Война и дети. Указ. соч.

¹⁴ Неизвестная Карелия. Указ. соч. С. 72.

¹⁵ Там же. С. 73.

Действительно ли местные власти были виноваты в столь тяжелой ситуации судить трудно. Пудожский райисполком постарались обеспечить приехавшее население жильем, организовать эвакуационные пункты, оказать медицинскую помощь, были созданы несколько детских домов, но условия военного времени диктовали свои правила. Район находился прифронтовой полосе, очень частыми были налеты вражеской авиации. Также на территории района базировались части Красной Армии и партизанские отряды. Порой местным властям приходилось оказывать помощь в продовольственном обеспечении военных отрядов. Были и другие объективные причины задержек в поставке продукции в Пудожский район, одна из них – перебои в транспорте.

Так, в ответном письме на телеграмму Совнаркома СССР правительство Карело-Финской ССР объясняло сложившуюся ситуацию в Пудожском районе следующим образом¹⁶. В декабре 1941 г. в связи с тяжелым положением продовольственного обеспечения частей Красной Армии на Медвежьегорском направлении часть хлебных запасов Пудожского района были переправлены туда. Это около 723 т. муки, 107 т. крупы, 147 т. фуража. В январе 1942 г. ожидалась поставка хлеба в район, но вследствие перегрузки Северной железной дороги, хлебопродукты не были завезены. В феврале 1942 г. 300 т. муки должны были завести в район со станции Няндама, но пока готовили транспорт для вывоза муки Архангельский облисполком забрал эту муку. В следующем месяце муку можно было получить в Ярославской области, но из-за отсутствия денежных ресурсов отоварить наряд не удалось. Лишь в апреле 1942 г. в район был произведен завоз 150 т. муки из Мурманска. В связи с этим в мае 1942 г. были снижены нормы выдачи хлеба, так рабочим стали выдавать 400 гр. в день, остальному населению, включая эвакуированных – 200 гр. в день. Далее карельские власти отмечали, что в конце мая с открытием навигации в район было завезено 500 т. муки из Вытегры и к лету в Пудожском районе было восстановлено нормально снабжение населения хлебом.

Для того чтобы такая ситуация не повторилась СНК Карело-Финской ССР просил Москву разрешить организовать поставки хлеба в район досрочно пока не закроется навигация, выделить в район соль, также в связи с нахождением в районе большого количества детей до 12 лет, в том числе эвакуированных, выделить сахар и кондитерские изделия. Также разрешить возвращение эвакуированного скота Пудожских колхозов из Архангельской и Вологодской области.

Помимо того, что правительство республики предпринимало меры для досрочного обеспечения района мукой, также было разрешено все продовольственное зерно из урожая 1942 г. в районе расходовать на собственные нужды¹⁷. Колхозы Пудожского района были освобождены от обязательных поставок зерна на 1942 г., были списаны задолженности прошлых лет.

Еще одной мерой для улучшения продовольственной ситуации в районе было решение об организации на территории района группы совхозов¹⁸. Такое распоряжение поступило от СНК КФССР еще в сентябре 1941 г. В результате в районе были созданы 3 совхоза, в них содержался оставшийся от эвакуации скот – 400 голов крупного рогатого скота и 500 свиней. Работали в совхозах местные жители и эвакуированное население.

В самом районе предпринимались меры по распахиванию ранее не освоенных земель, только в 1942 г. было распахано 1600 гектаров залежных и вновь расчищенных от кустарников земель¹⁹. На семена заготавливали глазки картофеля. Детским домам выделяли нераспаханные участки земли для дополнительного обеспечения продуктами воспитанников.

Таким образом, в начальный период Великой Отечественной войны в Пудожском районе в связи с эвакуационными процессами произошло увеличение численности населения, что в свою очередь привело к достаточно тяжелой продовольственной ситуации. В данных условиях тяжелее всего пришлось эвакуированным, которые в отличие от местных жителей не имели запасов продовольствия, своего подсобного хозяйства, полностью зависели от нормированной выдачи хлебопродуктов. Усугубляло положение порой враждебное отношение местных жителей.

---

¹⁶ НА РК. Ф. П-8, оп. 1, д. 531, л. 64–67.

¹⁷ НА РК. Ф. П-8, оп. 1., д. 537, л. 24.

¹⁸ Нилов Е. Г. Посевная длиной в полвека (историко-бытовой очерк к 50-летию образования совхоза «Пудожский»). Пудож, 1991. С. 7.

¹⁹ Кораблев Н. А. Пудож. Петрозаводск, 1983. С. 81.

Тридцатилетие Музея истории народного образования

Музей истории народного образования Республики Карелия начинался как общественный музей и был ориентирован на сбор материалов по истории НПО. Первый руководитель музея А. С. Ведешкин начал собирательскую работу, опираясь на помощь учащихся ГПТУ-14, членов группы «Поиск». Первые материалы, поступившие в фонды нашего музея – это личные коллекции ветеранов системы НПО и известных выпускников. Одновременно велась работа по сбору коллекций образовательных учреждений НПО. Не лучшим образом обстояло дело с учетом коллекций. Не было конкретного понимания о формировании основного и вспомогательного фондов музея и, тем ни менее, начало музею было положено. С приходом нового руководителя А. И. Харсия работа по сбору фондовых коллекций получила новое развитие, в музее появился штат сотрудников. Ближайшей задачей было открытие полной хронологической экспозиции, связанной с историей системы НПО, что потребовало серьезной проработки вопросов, связанных с историей НПО. Сам директор работал в ЦГА КАССР (ныне НАРК) в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), изучал литературу, много встречался и беседовал с ветеранами. Безусловной удачей музея стало то, что в этот период главным хранителем музея стала Н. Г. Керт, специалист, не один год проработавший в КГКМ, активно включилась в собирательскую работу научный сотрудник Т. А. Гусева. Отличительной особенностью деятельности музея стал не только сбор плоскостных материалов, но и объемных предметов (действующих моделей и макетов, других материалов, связанных с выставками научно-технического творчества молодежи, образцов продукции учебно-производственных мастерских образовательных учреждений системы НПО). Результаты собирательской работы не могли не сказаться на качестве экспозиции, которая была подготовлена. Первая экспозиция музея была открыта 22 октября 1987 г., она называлась «Из истории профессионально-технического образования в Карелии». Создавалась экспозиция при помощи сотрудников Карельского государственного краеведческого музея. В этот период музей носил название «Музей истории профтехобразования Карелии». С 1991 г. носит свое теперешнее название «Музей истории народного образования Республики Карелия». Изменилось не только название музея, изменился в значительной степени сам характер собирательской работы. Для укрепления связей с педагогическим сообществом был организован Совет музея, состоящий из ветеранов образования. Наиболее активные его члены, такие как Г. А. Андерсон, М. Н. Григорьева, М. П. Логиновская, Л. Г. Савинов, А. П. Савин и другие стали главными помощниками музея. Большую работу с ветеранами педагогического труда вела научный сотрудник музея Л. Г. Дубровская, задачей которой стала работа по комплектованию коллекции, связанной с историей школы, Т. А. Гусева сосредоточила свою деятельность на истории НПО. Дальнейшая работа уже не могла обходиться без научных изысканий в области истории образования. Ряд научных статей был опубликован уже в 1990-е гг. сотрудниками музея В. Г. Кондратьевым и Х. О. Инно в 1995 г. открыта постоянно действующая экспозиция «История образования в Карелии. XVIII–XX вв.». Проект был подготовлен творческой группой в составе Н. Н. Тихоновой (экспозиционер) и Д. Ф. Учуваткина (художник). Министерство образования выделило средства на создание новой экспозиции. В монтаже первых двух выставок, а также выставки «Вехи истории» принимал участие Э. Р. Лайдинен.

Музей продолжил работу по изучению истории народного образования. Проблемами дореволюционного образования занимались сотрудники А. К. Егоров и В. Г. Кондратьев. Т. А. Гусева опубликовала ряд работ по истории НПО. В 2000 г. работа научного сотрудника музея Т. А. Гусевой «Из истории профессионально-технического образования в Карелии. XVII–XX вв.» стала победителем Всероссийского конкурса публикаций, по истории начального профессионального, посвящённых 60-летию системы НПО. Изданный в 2010 г. сборник «Трудовым резервам 70 лет. Страницы истории» создавался при самом активном её участии. Сотрудники музея В. Г. Кондратьев, Т. А. Гусева, И. В. Панкратьева, И. В. Савченко сотрудничали с редакцией энциклопедии «Карелия», ряд их статей опубликован в этом издании. В 2011 г. учебное пособие В. Г. Кондратьева «Очерки по истории народного образования Карелии. XVII–XXI вв.» стало победителем II этапа Всероссийского конкурса «За нравственный подвиг учителя» по Северо-Западному федеральному округу.

Важным шагом в развитии Музея стала разработка Концепции музея и долгосрочной программы его развития (авторы И. В. Савченко, В. Г. Кондратьев). Музей четко определил приоритетные направления своей работы. В настоящее время музей является структурным подразделением ГОУ РК «ИПКРО». Сотрудники музея продолжают работу по документированию истории народного образования. Создаётся целый ряд выставок, в том числе создано нескольких виртуальных выставок на сайте института, что способствует ознакомлению значительного числа жителей республики с фондовыми коллекциями музея. Музей занимается регистрацией и учётом музеев образовательных учреждений Республики Карелия. В 2007 г. вышел из печати «Каталог музеев образовательных учреждений Республики Карелия», электронный вариант каталога размещён на сайте института. Работники музея участвуют в научных конференциях, взаимодействуют по различным направлениям с нашими традиционными партнёрами НБРК, музеем «Кижь», Национальным музеем РК, Национальным архивом. Есть опыт создания совместных выставок с Национальным музеем, музеем «Кижь», Национальной библиотекой. В настоящее время работают временные выставки: «Вехи истории» (открыта в 2006 г., восстановлена и обновлена в 2010 г.), «Учителя и ученики», «Мир детства» (Дошкольное образование XIX–XX вв.), «День знаний» (в здании Национальной

библиотеки РК). Музей представлен виртуальными выставками в Интернет на сайте ГОУ РК «Институт повышения квалификации работников образования» – ipk.karelia.ru.

Экспонат в современном музее приобретает новое значение, как отметил хорватский музеолог Томислав Шола: «Нашему времени свойственно наделять каждый музейный экспонат самостоятельной, лишь ему присущей, ценностью, уничтожая тем самым иерархию, оправдывавшую положение, когда «обычные» предметы подлежали забвению».¹ Возрастает ценность обычных вещей, способных, в силу своей «обычности» с наибольшей достоверностью представить антураж эпохи. Ценность музейной коллекции определяется многими факторами: ее полнотой, содержательностью, наличием уникальных и редких предметов.

Наиболее ценными в собрании музея являются личные коллекции, например коллекция братьев В. и П. Плюсниных, содержащая уникальные материалы по истории Петрозаводского низшего училища судовых, коллекция известного педагога, организатора Музея М. Мелентьевой в Пряже Р. Э. Кальске (фотографии, документы начала XX в. – 1980-х гг., личные вещи), коллекция Народного учителя Карелии Г. А. Андерсон (личные документы, фотографии 1930-х – 1990-х гг.), коллекция Т. Ф. Сепсяковой – Народного учителя СССР, коллекция В. А. Жуковой, Залуженного деятеля культуры России (материалы по учительской династии Филимоновых 1920-х – 1990-х гг.), ветерана системы НПО А. Е. Ерлыкина и др. Академик АХ России Л. Ф. Лангинен передал музею две авторские копии своих работ.

Главный принцип в формировании коллекций музея состоит в том, что мы стремимся соединить историю народного образования с судьбами тех людей, которые внесли значительный вклад своим педагогическим трудом в воспитание и образование подрастающего поколения. По мере возможности мы пытаемся создать необходимый вещный и документальный ряд, отражающий особенности школы, учреждений высшего, среднего и начального профессионального образования на разных этапах его развития. Особенно интересны предметы, относящиеся к «кухонной натуре».

Перед музеем стоят большие задачи. Он занимает своё достойное место среди музеев Республики Карелия.

*Карелин В. А.,
Средняя общеобразовательная школа № 1, г. Кондопога*

Лижма – столица краеведов Кондопожского края

Название данной статьи по нескольким причинам условно. Во-первых, потому, что большинство краеведов, о которых пойдет речь, себя краеведами не считали и не называли. Для них краеведческая работа была как дыхание или сердечный стук – т. е. часть жизни. Во-вторых, столица, кроме всего прочего, это результат некоего соперничества, когда выделяется первый среди равных. В нашем случае людей объединяло только время и место. Их не объединяли конференц-залы, научные диспуты, общий заголовок одной книги. Все они писали «в стол» и, если знали друг друга, то в поздний период через местную газету «Новая Кондопога».

И, тем не менее, если сложить все сказанное о крае по краеведческой тематике в XX веке, написанное лижемцами, будет безусловно преобладать. Л. А. Плотников, А. В. Шошин, Ф. Ф. Кашпанов, мать и дочь Лебедевы – все они уроженцы и летописцы села Лижма. Начинает эту плеяду Л. А. Плотников (1883–1980 гг.). Большая жизнь и выпитая полной чашей судьба священника подробно описаны в работах Р. Б. Калашниковой, М. И. Лебедевой, А. В. Сергеевой¹. Оставленные А. Плотниковым записи о Лижме и ее жителях – первый подробный и талантливый труд об этом селе.

Краеведческие пристрастия А. И. Шошина (1903–1977 гг.) значительно шире. Стихи, рассказы «Хроника семейных и служебных событий», «Словарь русского обонежского говора» и, главное, отпечатанные на машинке «Воспоминания» о родном селе. Обо всем этом было написано автором в сборнике «Кондопожский край в истории Карелии и России»².

За исключением газетных материалов и школьной учебно-исследовательской работы А. Авилловой³, публикаций о Ф. Ф. Кашпанове (1916–1999 гг.) нет. Он также уроженец деревни Лижма. Его трудовая биография начиналась здесь еще с довоенной поры. После войны работал учителем географии, директором школы. Создал хороший краеведческий музей. Из номера в номер газета «Новая Кондопога» публиковала его материалы под общим заголовком «Лижма»⁴.

¹ Шола Т. Предмет и особенности музеологии / Т. Шола // Museum – № 153 – 1987 – С. 51.

² Калашникова Р. Б. Священники Плотниковы из лижемского прихода. Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск-Кондопога, 2005, с. 46–71.

³ Карелин В. А. Андрей Иванович Шошин. Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск-Кондопога, 2005, с. 5–12.

⁴ Авилова А. Кондопожский краевед – Ф. Ф. Кашпанов. Рукопись Краеведы Кондопожского края с. 29–33.

⁵ Новая Кондопога. 1994. №№ 86, 88, 89, 100, 102; 1995 № 19.

В последние четверти XX века к истории деревни Лижма и судьбе ее жителей обращаются мать и дочь Лебедевы. Именно они открывают записи Л. А. Плотникова и делают их доступными для историков. Настя Лебедева, учась в школе, пишет большую учебно-исследовательскую работу, посвященную Лижме⁵. Ею впервые делается попытка показать все главные исторические события, связанные с Лижмой, раскрываются особенности архитектуры села, представлены вопросы этнографии. Работа содержит много иллюстративного материала. Таким образом, XX столетие отмечено пятью именами краеведов, увлеченно рассказавших о своем селе. Если учесть, что отец Л. А. Плотникова также вел записи краеведческого характера, то можно с полным основанием говорить о Лижме, как о некоем феномене, требующем объяснений.

Ответ следует искать прежде всего в истории села и его людях. Культурный слой, сформированный несколькими поколениями лижемцев, дал столь удивительные всходы. Так, Шошины, исследуя свою родословную, начинали ее с думного дьяка Шошина и боярина Ростовцева, сосланных вместе с челядью из Москвы в «смутное время», и поселившихся в устье реки Лижмы. И, хотя Г. Я. Пудышев в своем исследовании родословных края, оспаривал этот факт, здесь важно другое – ощущение причастности к знатному опальному роду. «*Не как все*», «*Многое дано, многое спросится*», «*Оставить след*» – вокруг этих понятий вызревало историческое сознание.

Было и другое влияние – родственное. Так, двоюродный брат А. И. Шошина, Василий, десяти лет был увезен в Петербург, учился «в мальчиках» кожевенному делу. По возвращению имел в деревне «свою библиотеку, состоящую из старых книг, а также приложений «Нивы» и «Родины», и также порядочного числа новых книг, им прочитанных»⁶. Другой дядя был квалифицированным столяром, работал в Кронштадте на судостроительном заводе, отделывал каюты кораблей. Затем также вернулся в Лижму.

Такое же сильное влияние семьи испытал и Л. А. Плотников. Так, о своем отце он пишет «*был корреспондентом, не знаю какой газеты, собирал и записывал песни, былины, сказки, причитания*». Дядя Льва Аполлоновича Виктор Васильевич Плотников окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, был законоучителем Павловского женского института, настоятелем Никольского кафедрального собора в Петрограде, епископом Кронштадтским, временным управляющим Олонецкой епархии. Его дочь Таисия Викторовна, часто бывавшая в Лижме, окончила Павловский женский институт, была разносторонне образована, знала пять иностранных языков, бывала за границей, работала редактором в Доме книги, в журналах «Звезда» и «Ленинград», была дружна с Михаилом Зощенко, Ольгой Бергольц, Анной Ахматовой.

Безусловно оказывала свое влияние на формирование лижемских краеведов история села. Конец XVII столетия и весь XVIII век это время деятельности лижемского железодельного завода, а это значит, и более высокий уровень производства, требовавший новых навыков, и новый круг общения для жителей сел⁷. Было, видимо здесь, и влияние иностранных мастеровых, работавших на заводе. Лижемцы ломали мрамор в Тивдии, участвовали в Кижском восстании⁸. Большую роль сыграла и деятельность в Лижме лесозаготовительной и сплавной фирмы Брандта, построившей в деревне лесопильный завод. «*К Брандту приезжали в гости княгини из Петербурга, а мужчины приезжали в смысле охоты, их охота интересовала. Останавливались они не все у Брандта, часто останавливались у нас, в нашем доме в деревенском, у бабушки. Тогда бабушка вынимала самые лучшие кузнецовские сервизы, кормила и поила их*». Так писала дочь Плотникова Т. Л. Козлова.⁹

Жизнь и проповеди местных священников также сыграли свою роль. Об этом не принято было говорить во времена «воинствующего атеизма», когда писали Шошин и Кашпанов. Знаменательно, что в 1850 году В. Плотниковым была основана в Лижме церковно-приходская школа, где им вместе с женой безвозмездно велось обучение детей. Священник в деревне был лицом очень авторитетным. Дочь Л. А. Плотникова рассказывала, что к бабушке «*приходили по всем вопросам, даже включая здоровье, как к врачу, как к учителю, что-нибудь написать, все шли к священнику*»¹⁰.

Еще один важный фактор – местонахождение села. Через него проходил Повенецкий тракт, связывающий центр страны с севером. Много самых разных людей проезжали через село, останавливались на почтовой станции, о чем-то рассказывали, оставляя свой след в сознании деревенских жителей. Позднее, рядом с селом велось строительство Мурманской железной дороги. Инженеры и технические работники снимали в Лижме квартиры. Это был не современный вахтовый метод – приехали и уехали. Люди обустроивались семьями. Новогодние елки, домашний театр, иной быт, все это впервые видели лижемцы и сохраняли в своей культурной памяти. Не случайно, организованный в 1919 году в Лижме молодежный союз, устраивает в брандовском доме театр на 150 мест и ставит спектакль «Его шаги».

И еще одно, о чем не надо никогда забывать, говоря о севере – это нравственная сила севера, его память, умеющая сохранить в себе все лучшее, что накапливали предшествующие поколения. И не только сохранить, но и умножить. Говоря об этом, Д. С. Лихачев писал: «*Он(север) не только душевно русский, – он русский тем, что*

⁵ Лебедева А. В. Лебедева Н. И., Сергеева А. В. Лев Аполлонович Плотников. Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск–Кондопога, 2005, с. 72–79.

⁶ Карелин В. А. Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск–Кондопога, 2005, с. 5.

⁷ Кондопога. Очерки истории и культуры. Петрозаводск, 1996, с. 27–42.

⁸ Кижское восстание: документы. Петрозаводск, 1977, с. 92–93.

⁹ Калашникова Р. Б. Священники Плотниковы из лижемского прихода. Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск–Кондопога, 2005, с. 62.

¹⁰ Калашникова Р. Б. Священники Плотниковы из лижемского прихода. Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск–Кондопога, 2005, с. 63.

сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только спасал Россию в самые тяжелые времена русской истории... он спас от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру... Сюда ездят и будут ездить, чтобы испытать на себе нравственную, целительную силу севера...».

На примере старинного северного села Лижма мы увидели реальное подтверждение этих слов, а также те факторы, которые, безусловно, способствовали созреванию внутреннего мира человека, будили интерес к своему краю и, в конечном счете, сформировали целую плеяду краеведов, способных переплавить этот интерес в слово.

Раздел 3. Секция «Филологические основы краеведения»

Мухина Е. А.,
Карельская государственная педагогическая академия

Субъектно-речевая организация эпических духовных стихов (на материале текстов, записанных в Карелии)

В исследованиях последних лет в области языкознания большое внимание уделяется изучению прагматических особенностей текстов разных жанров. Несмотря на отсутствие в лингвистической литературе однозначного толкования понятия прагматики, большинство лингвистов считает, что к области прагматики относится все связанное с выбором тех, а не иных языковых средств в процессе коммуникации. В связи с этим одной из важных онтологических характеристик текста является наличие в нем соответствующей прагматической установки, которая обеспечивает адекватное восприятие текста и подчиняет себе содержательно-тематическую и структурно-композиционную организацию текста¹.

Исследованию существенных черт языковой динамики повествования, выявлению особенностей фигуры повествователя, соединяющей свойства композиции и свойство речевой ткани текста, способствует изучение субъектно-речевой структуры – важнейшего жанроопределяющего параметра.

Какова связь автора текста и фигуры повествователя в фольклорном произведении? По концепции Е. Б. Артеменко², номинации «повествователь», «сказитель», «эпический певец» в фольклоре обозначают: 1) эпического певца, конкретное лицо, воплощающее в практике бытования и исполнения произведения образ коллективного творца (повествователь-1), 2) обобщенный образ коллективного творца и исполнителя, носителя нарративной функции (повествователь-2). В отличие от литературного произведения, где фигура повествователя связана с формой повествования, фигура сказителя в фольклоре связана с жанром произведения. Былинный сказитель, сказочник, певец, плакальщица и так далее выполняют функцию репрезентации и реализации свойственного народу творческого начала. Это своеобразные «субавторы», наделенные народом авторскими правами³.

Исследование эпических духовных стихов «Алексей человек Божий» (7 вариантов), «Два Лазаря» (10 вариантов) и «Егорий Храбрый» (4 варианта) показало зависимость субъектно-речевой структуры фольклорного произведения от повествователя-1, которому также подчинен повествователь-2. Выбор общерусских сюжетов о праведниках правомочен и целесообразен как наиболее показательных с позиции художественных задач жанра: решая проблемы святости, проблему проявления в земном человеке вездесущего духовного начала, духовный стих призван актуализировать в конкретных образах земную и небесную составляющие христианского космоса.

Поскольку вариативность – единственная форма существования фольклорной традиции, взятый нами для предварительного анализа наиболее полный вариант духовного стиха каждого из сюжетов сам по себе недостаточен, чтобы судить о сублимированном инварианте повествовательной структуры и поэтики выбранных фольклорных произведений. Сопоставительный анализ субъектно-речевой структуры текстов из сборника Ф. М. Селиванова⁴ с другими вариантами (в частности, с вариантами, записанными на территории Карелии) позволяет говорить о проблеме «вибрации»⁵ и инварианта рассматриваемых духовных стихов. В зачине произведения «Алексей человек Божий» отмечается активизация божественных сил, которые становятся адресантами. В ряде рассмотренных текстов⁶ Богородица выступает побудителем Ефимьяна к последующим действиям, что одновременно создает перспективу развития сюжета:

«Встань, Ефимьян, убудися,	Созови-ка попа-протопопа
Ты умой свои ясные очи,	И сзови еще кума с кумою,
Прочитай трижды Иисусову молитву	И нарекай ему имя Олексея,

¹ Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. № 4. С. 356–367; Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. 1981; Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. № 4. С. 305–313.

² Артеменко Е. Б. К проблеме повествователя и его языковой репрезентации. На материале былинного эпоса // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 11. Воронеж, 1998. С. 186–195.

³ См. также: Юдин Ю. И. Интерпретация былинного сюжета: (К методике обнаружения былинного подтекста) // Метод изучения фольклора. Л., 1983. С. 146–153; Федотов Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.

⁴ Стихи духовные / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1991.

⁵ Термин К. В. Чистова. См.: Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986. С. 133–134; 150.

⁶ Истомин Ф. М., Дютш Г. О. Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894 (№ 3); Русские эпические песни Карелии // Издание подготовила Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981 (№№ 30, 45); Архив Карельского филиала КНЦ: кол. № 36–1, ед. хр. № 50; кол. № 28, ед. хр. № 125; кол. № 36, ед. хр. № 162.

И поди сходи в свою лежню, Олексеюшка божья человека»⁷.

Там лежит твоя княгиня трудно-больная,

Эпический певец, отличающийся конкретикой мышления, своеобразно отображает ситуацию общения героя с Богом и Богородицей, представляя это как сон, о чем свидетельствует семантика глаголов:

«Уж ты стань, Ефимьян, да убудися,
От крепкого сну да похватися,
Ты ключевой святой водой приумойся,
Да тонким белым полотенцем приутрися
Господу богу помолися,
Пресвятой Богородице поклонися»⁸.

В карельских текстах обращение Богородицы, которая представлена как реальный собеседник и добрый советчик, к Алексею – это адаптированное для понимания мирян внутреннее стремление героя к аскетизму:

«Не смекай ты (*Алексей – Е. М.*) житья цясового,
Смекай ты житье вековое:
Скидывай с себя цветное платье,
Подпоясывай пояс шелковой,
Складывай с правой руки перстень,
Надевай платье волосенное...»⁹.

Особый интерес представляет вариант¹⁰, включающий диалог Алексея с пустыней, которая не только отвечает герою, но и характеризует себя:

Стал ён (<i>Алексей – Е. М.</i>) пустыни молиться,	Чего ты сюда ко мне приехал?
Стал ён пустыни кориться:	Нету во мне красного ношенья,
«Допусти меня, пустыня,	Нету во мне сладкого еденья,
Допусти меня, святая».	Нету во мне садов-то, виноград,
Пустыня ему и отвецает:	Нет во мне царских забавов» ¹¹ .
«Ай же ты, Олексей человек божий,	

На наш взгляд, диалог с пустыней – трансформированный внутренний диалог главного героя, который, находясь в состоянии принятия важного решения (выбор: жизнь в миру – подвижничество), еще раз проверяет себя, испытывает силу своей веры. Подобная трансформация – отличительная жанровая черта, характерная для духовных стихов. Если в первоисточнике (житие греческого происхождения, получившее распространение на Руси с XII в.¹²) сакральные образы играют роль субъектов речи, то сакральный топос как субъект речи зафиксирован только в духовном стихе.

Среди карельских текстов духовного стиха «Два Лазаря» зафиксированы варианты¹³, которые с точки зрения субъектно-речевой структуры близки по отношению к основному тексту¹⁴: здесь также в роли субъектов речи выступают божественные силы – *ангелы тихие, ангелы грозные (= демоны)*, речевые планы которых организованы однотипно, но с конкретной характеристикой героев, что подтверждается 1) лексическими антонимами в составе обращений (пример 1), 2) наличием обращения к бедному Лазарю и неизменным отсутствием его к богатому (пример 2):

1) к бедному:	«А тут тебе, душенька, мистецка, А тут-то ведь, праведна, уготовано».
к богатому:	«А тут тебе, душенька, мистецко, А тут тебе, грешная, уготовано» ¹⁵ .
2) к бедному:	«Тут тебе душенька век вековать, Век вековать да царствовать» ¹⁶ .

В остальных вариантах божественные силы выведены из числа субъектов речи.

Интерес представляет диалог героев после смерти как итог всей жизни героев, который по степени распространенности может быть сжатым¹⁷, содержащим только просьбу богатого о помощи и отказ бедного,

⁷ Русские эпические песни Карелии // изд. подгот. Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981. С. 239.

⁸ Архив Карельского филиала КНЦ: кол. № 145, ед. хр. № 47. С. 133.

⁹ Истомин Ф. М., Дютш Г. О. Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894. С. 7–8.

¹⁰ Русские эпические песни Карелии // Издание подготовила Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981 (№ 30).

¹¹ Русские эпические песни Карелии // Издание подготовила Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981. С. 191.

¹² Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987.

¹³ Русские эпические песни Карелии // Издание подготовила Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981 (№ 29); Архив. Карельского филиала КНЦ: кол. № 79, ед. хр. № 24; кол. № 8, ед. хр. № 100.

¹⁴ Стихи духовные / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1991.

¹⁵ Русские эпические песни Карелии // Издание подготовила Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981. С. 189–190.

¹⁶ Архив. Карельского филиала КНЦ: кол. № 79, ед. хр. № 24. С. 31.

¹⁷ Истомин Ф. М., Дютш Г. О. Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894 (№№ 6, 7); Русские эпические песни Карелии // Издание подготовила Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981 (№№ 39, 52); Архив. Карельского филиала КНЦ: кол. № 22, ед. хр. № 10а; кол. № 79, ед. хр. № 326.

говорящего о божьей воле, и развернутым¹⁸, через которое повествователь дает возможность полнее представить жизнь героев на земле, отобразить поступки, приведшие к такому финалу. Чаще это повествование бедного о совершенных богатым (или совместных) грехах, где последний говорит о своем незнании и раскаивается в содеянном:

«...Холодного, голодного ты не накормил,
Голого да босого ты не обладел,
От темной ноченьки ты не сохранил»¹⁹.
«Когда мы были с тобой на вольном свету,
Веровали верушку истинную,
Не знали мы, братец, нишего прибрать,
Ни обувь, ни одеть, ни теплом согреть,
За то нам господи жисть таку дал»²⁰.

Следуя эстетическим задачам жанра, исполнитель, драматизируя повествование, приближает содержание к слушателю. Акцентируя внимание на праведной – неправедной жизни, повествователь говорит о зависимости потусторонней жизни от жизни земной, о возможности выбора жизненного пути героем и невозможности что-либо изменить после смерти. Запоздалое раскаяние не способно облегчить мучения грешника в аду. Последовательное противопоставление праведного греховному пронизывает всю структуру произведения, вовлекая разноуровневые средства языка.

Духовный стих «Егорий Храбрый» с точки зрения субъектно-речевой структуры может подвергаться наибольшей трансформации в сравнении с духовными стихами на другие сюжеты, анализируемые нами

Анализ вариантов духовного стиха «Егорий Храбрый» показал, что наиболее варьируемым является мотив «застав». Изменяется не только количество, но и сущность препятствий.

В одном из карельских вариантов наблюдается изменение сюжета, что в свою очередь находит отражение в разработке речевого плана Егория. Субъектами действия становятся преданные неверному люди, а одним из мест действия – его палаты, где был заточен герой. Описывается ситуация, когда Егорий обращается к *царской заставе* с просьбой освободить его и принять веру христианскую:

«Ой вы, слуги царские да гос(под)ские, Не верайте вы царишу Кудриянишу, А поверайте Егорию св(ятох)рабро)му, Раскрутите у меня ручки и ноженьки».	Говорит Егорий таковы слова: «Ой да застава царская да неверная, Не верайте в неверного, Поверайте в Ег(ория) св(ятох)рабро)го, Пропустите во высокий дом» ²¹ .
И поверили слуги царские В Егория свято(храбро)го, Раскрутили ему ручки и ноженьки.	

Наряду с этим появляется и еще один коммуникант Егория – *меч-самосек*, которого герой призывает в союзники в борьбе с *царищем* и который по этой причине становится участником развертывания действия:

«Ой же ты, меч-самосек,
Ты не верай в неверного,
А поверай в Егория святох)рабро)го,
Отруби царишу Кудриянишу
По плеч буйную голову».
Послушал меч Егория св(ятох)рабро)го,
Отрубил царишу по плеч буйную голову»²².

Один из анализируемых вариантов характеризуется пространственным зачином, из которого мы узнаем о появлении героя на свет, о деяниях *царища Грубиянища* и о матери Егория, спасающей своего сына от гибели. Интерес представляет именно описание появления Егория на свет и повествование о матери героя, речевой план которой играет одну из ведущих ролей в композиционном построении стиха:

Ишше туры, олени по горам пошли
Ишше серы-ти заюшки по засекам,
Ишше беленьки горностаюшки по темным лесам;
Тут ведь рыбина ступила во морьску глубину;
Ишше на неби взошол да млад сьветел месяц,
На земли зародилсэ могүц богатырь
Да по имени Егорей-свет Храбрый. <...>²³.

Речевой план матери Егория разработан в этом варианте настолько, что по количеству стихов превосходит даже речь Егория. Он представляет собой в основном дублирование слов повествователя, однако именно ему

¹⁸ Русские эпические песни Карелии // Издание подготовила Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981 (№ 29); Архив. Карельского филиала КНЦ: кол. № 79, ед. хр. № 24; кол. № 8, ед. хр. № 100; кол. № 79, ед. хр. № 936.

¹⁹ Архив. Карельского филиала КНЦ: кол. № 8, ед. хр. № 100.

²⁰ Архив. Карельского филиала КНЦ: кол. № 79, ед. хр. № 936. С. 101.

²¹ Русские эпические песни Карелии // Издание подготовила Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981. С. 238.

²² Русские эпические песни Карелии // Издание подготовила Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981. С. 238–239.

²³ Беломорские былины. Записал А. Марков. М., 1901. С. 151–152.

передана прогностическая функция: со слов царицы мы узнаем о последующих событиях в жизни Егория, например, о том, что ему предстоит по пути к царицу преодолеть ряд преград в виде застав:

«Уж ты гой еси, Егорей-свет ты Храбрия!
До царишша-та есь все три заставушки;
Ишше перьва-та заставушка – леса темныя,
Ото востоку стоят все леса до западу,
Ишше ясному соколу не пролететь будет,
Как тебе-то, доброму молодцу на своем-то на добром кони,
На добром-то кони будет не проехати...»²⁴.

Обстоятельная речь матери влечет за собой инверсию в описании последующих событий: преодоление застав предшествует мучениям Егория царем. Появляется и новый мотив: предчувствуя свою скорую гибель, царь предлагает Егорию стать «братьями»:

«Уж ты гой еси, горий-свет ты Храбрия!
Станем брататце персьнями однозолотными:
Ище будешь ты, Егорьюшко, мне большой ведь брат,
Я ведь буду тебе да все меньшой-от брат»²⁵.

Итак, отличительной чертой духовного стиха является вовлечение в повествование сакральных существностей. Развертывание образов героев наблюдается как в речи повествователя, так и в речи самих героев, что обусловлено степенью разработки повествователем субъектно-речевой структуры, играющей значительную роль и в определении иерархии персонажей на аксиологической шкале народной веры.

*Новоселова В. А.,
Карельская государственная педагогическая академия*

Ретардационная функция частиц в языке былин

Былины Русского Севера стали предметом систематического изучения с середины XIX века, когда устным народным поэтическим творчеством заинтересовались члены этнографического отделения Императорского Русского Географического Общества, петербургское отделение которого возглавлял А.Ф.Гильфердинг.

В 1861–1864 годах в печати появились «Песни» П. Н. Рыбникова, собранные в северных регионах России.¹

Вслед за П. Н. Рыбниковым экспедицию по Олонецкому краю предпринял А. Ф. Гильфердинг, который записал тексты от 71 сказителя, собрал 318 былин, которые стали классическими фольклорными произведениями.²

После опубликования сборников былин П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга началось активное изучение русского эпического наследия, появились новые записи текстов фольклорных произведений. Это «Печорские былины Н. Е. Ончукова,³ «Архангельские былины и исторические песни А. Д. Григорьева,⁴ «Былины Севера» А. М. Астаховой,⁵ «Былины Пудожского края»,⁶ «Былины Печоры и Зимнего Берега»⁷ и др.

Прослушивая и записывая эпические тексты, исследователи отмечали, что сказители исполняли былины речитативом, нараспев, неторопливо, стараясь, чтобы текст был ритмически организованным, с повторяющимся мелодическим рисунком, и с этой целью они употребляли большое количество разнообразных частиц.

При описании языковых особенностей былин Прионежья и Заонежья А. Ф. Гильфердинг обратил внимание на то, что тексты несут «обязательный отпечаток» той местности, где они бытуют. Различие между Прионежской и Заонежской исполнительскими школами он видит прежде всего «в чертах мелких, но которые дают тон всей рапсодии», так как «служат подпорками эпического стиха».⁸ Речь идет о большом количестве повторяющихся частиц, определенных А. Ф. Гильфердингом как «вставочные».

По мнению известного собирателя былин Н. Е. Ончукова, «приставки» и «вставки» *а, ай, и, ле, ли, же, да* и другие замедляют повествование и способствуют напевности исполнения, поскольку в спетой былине их намного больше, чем в рассказанной.⁹

²⁴ Там же. С. 154.

²⁵ Там же. С. 156.

¹ Песни, собранные П.Н.Рыбниковым: В 3-х т. – Петрозаводск: Карелия, 1989–1991.

² Гильфердинг А. Ф. Онежские былины: В 3-х т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949–1951.

³ Ончуков Н. Е. Печорские былины. – СПб.: Изд.-во Имп. АН, 1904.

⁴ Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни: В 3-х т. – М.; СПб.: Изд-во Имп.АН, 1904–1910.

⁵ Астахова А. М. Былины Севера: В 2-х т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1951.

⁶ Былины Пудожского края / под ред. А. М. Астаховой. – Петрозаводск: Госиздат, 1941.

⁷ Былины Печоры и Зимнего Берега: Новые записи. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

⁸ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины: В 3-х т. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949–1951. – Т.1. – С. 61.

⁹ Ончуков Н. Е. Печорские былины. – СПб.: Изд.-во Имп. АН, 1904. – С. 279.

Свои наблюдения относительно исполнения былин талантливым певцом И. Т. Рябининым опубликовал Е. А. Ляцкий в статье «Сказитель И. Т. Рябинин и его былины».¹⁰ Характеризуя язык эпических произведений, спетых сказителем, исследователь отмечает творческую передачу текстов, в которых активно функционируют не только общеупотребительные, но и индивидуально – авторские частицы, «задерживающие песню», чтобы слушатели лучше поняли ее содержание. Особое внимание автор уделяет многочисленным частицам, различающим Кижскую и Толвуйскую исполнительские школы.

М. Н. Сперанский отводил собственно частицам и «постпозиционным членам» (-от, -то, -тко, -тот, -та, -те, же) служебную роль по отношению к ритму.¹¹

М. П. Штокмар, описывая специфику русского народного стихосложения, отмечает, что соблюдение эпического размера не всегда удается сказителям, часто недостает одного или нескольких слогов, необходимых для обеспечения ритма. В этих случаях исполнители прибегают к дополнительным языковым средствам. Они «наполняют» былинную строку уменьшительно-ласкательными формами глаголов (*посмотретьки*), растяженными местоимениями и прилагательными (*тыя, этия, богатырския*), полипрефиксальными глаголами (*понаприехали*), разнообразными частицами (*а, и, да, как, нунь, ай, ай как, ай да, ай-я, да и, вот* и мн.др.).¹²

Например:

ПриезжАет тут казАк да Илья МУромЕц
А на тЫи было гОрушки высОкаИ,
Ко томУ же СвятогОру да богАтырЮ,
ПриезжАет-то к емУ да поблизЕхонькО,
А й поклОн ведЕт да понизЕхонькО (Гильф., № 1).¹³

Таким образом, лингвофольклористы конца XIX – первой половины XX века при анализе языка эпического произведения рассматривали частицы в основном как ритмообразующее средство, хотя замечали и их ретардационную роль.

Как показывают дальнейшие исследования, эти широкоупотребительные языковые единицы отличаются богатством и подвижностью семантических оттенков, способностью к полифункционационированию, свободному перемещению в эпическом стихе; они могут выступать не только как лексически значимые слова, но и как и как частицы с нейтрализованной семантикой (десемантизированные).¹⁴ Помимо ритмообразующей, частицы выполняют суггестивную¹⁵ и ретардационную функции, замедляя повествование.

Героическая былина, как известно, рассказывает о подвигах богатыря, и ее языковая организация подчинена главной задаче – ярко, рельефно, монументально показать героя, поведать о его необыкновенной силе, одержанных победах. Поведение богатыря, его поступки, действия значительны, исполнены величия и достойны воспевания. Для выполнения этой задачи используются разнообразные стилистические приемы и, в частности, ретардация – замедление развития действия. Ретардацию создают различного рода повторы: многократное повторение эпизодов, монологов, синтаксических конструкций, слов, как знаменательных, так и служебных.¹⁶ Вместе с повторами замедляют повествование частицы со слабой лексической наполняемостью и десемантизированные, которые легко меняют местоположение в былинной строке: они обнаруживаются в абсолютном начале строки, на границе полустий, в препозиции или постпозиции относительно любого слова, значимость которого определяет сказитель, исходя из содержания контекста.

Ретардирующие десемантизированные частицы нередко употребляются сказителями в роли анафоры:

Да собирал Дюк стрелы во един колчан,
Да дело-то ведь, братцы, деется:
Да во ту ли во субботу великоденную
Да приехал Дюк во свой Галич-град... (Гильф., № 215).
Да й проездил молодец по первый день,
Да й проездил молодец по другой день,
Да й проездил молодец по третий день.
Не наехал он на гуся да й на лебедя,
Да й на серого перелетного да й утенышка (Аст., № 133).¹⁷

¹⁰ Ляцкий Е. А. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. – М., 1894. – № 4. – кн. XXIII. – С. 105–153.

¹¹ Сперанский М. Н. Былинная речь // Былины / под ред. М. Н. Сперанского. – М., 1916. – С. 428.

¹² Штокмар М. П. Исследования в области русского народного стихосложения. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 231–291.

¹³ Здесь и далее Гильф. – «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга; тексты былин нумеруются.

¹⁴ Новоселова В. А. Десемантизированные частицы в языке былин // Язык и культура: Материалы Международной научной конференции. – Петрозаводск, КГПУ, 2007. – С. 91–96;

¹⁵ Новоселова В. А. Суггестивная функция частиц в языке былин. // Лингвофольклористика на рубеже XX–XXI вв.: итоги и перспективы. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. – С. 68–74.

¹⁶ Тарланов З. К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. – Петрозаводск: ПГУ, 1981. – С. 98.

¹⁷ Здесь и далее Аст. – Астахова А. М. Былины Севера: В 2-х т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1951.

Единоначатие является одним из характерных приемов былинной поэтики. Былине не свойственны резкие переходы от одной мысли к другой, и каждая строка является звеном целого непрерывного повествования. Эти звенья связываются словами с ослабленной или нейтрализованной семантикой, являющимися своеобразными «межфразовыми скрепами».¹⁸

В кругу анафорических ретардирующих частиц встречаются слова, мотивированные разными частями речи: наречием:

Как сильноё могучо-то Иванищо,
Как он Иванищо справляется,
Как он-то тут Иван да снаряжается
Идти к городу ещё Еросолиму,
Как господу там Богу помолитися (Гильф., № 48);

местоимением:

Погодилися у царя люди придворные,
Вот придворные люди губернаторы,
Вот пошли они к царю скоро доложили.
Вот позвал тогда ведь царь да слугов верных (БП и ЗБ, № 54)¹⁹;

междометием:

Ай подпруга из чистого шелку,
Ай стремяна железа из булатнаго,
Ай пряжки меди ты казанский..(Гильф., № 218);

сочинительным союзом:

А ведь пряжечки есть красна золота,
А оне ли мокнут – так не ржавеют,
А шпилечки чиста серебра,
А оно ли гнется да не ломится (Аст., № 133);

подчинительным союзом:

Кабы стол-от идет тут в полустола,
Кабы пир идет у них в полупира,
Кабы солнышко ходит среди пола (Аст., № 2).

Ретардирующие частицы, повторяясь в абсолютном начале каждой строки, способны формально ограничивать смысловые отрезки былины, они помогают нарисовать законченную картину того или иного фрагмента повествования:

Как разостлали скатерки да все берцатныя,
Как садился Кудреванищо на ременчат стул,
Как писал тут ерлыки, да скорописны (Аст., № 33).

Несмотря на то, что глаголы употреблены в прошедшем времени, описанные действия видятся в настоящем, поскольку частица *как* в этом контексте означает «наличие перед глазами».

Выступая в роли анафоры, частица *как* способна полностью утрачивать свою семантику, если за ней не следует глагол:

Как у бурушки грива трех аршин,
Как у бурушки челка трех пядей,
Как у бурушки хвостик трех сажен (Гильф., № 302).

В рамках одной и той же былины возможно соседство разных анафорических частиц. Примечательно, что нередко сказитель меняет начальную частицу в соответствии с чередованием смысловых отрезков:

А срягается Илеюшка в Киев-град,
А кладет он заповедь ведь великую,
А велику кладет заповедь тяжелую:
Ище ехать мне доброму молодцу во Киев-град,
Ище ехать мне-ка ехать – не кровавить рук.
Да кладет ведь он сабельку, прикаиват,
Да прикаиват он сабельку, приговариват,
Да кладет он копейцо долгомерное,
Да кладет он копейцо да приговариват,
Да кладет он ведь палицу боевую (Аст., № 32).

¹⁸ Тарланов З. К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. – Петрозаводск: ПГУ, 1981. – С. 99.

¹⁹ Здесь и далее БП и ЗБ – Былины Печоры и Зимнего Берега: Новые записи. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Вначале речь идет о решении Ильи Муромца поехать в Киев (частица *а*), затем дается заповедь богатыря (частица *ище*), далее следует описание сборов в дорогу (частица *да*).

Здесь действие замедляется не только посредством частиц, но и с помощью повторов слов и синтаксических конструкций (явление синтаксического параллелизма).

Несмотря на то, что былина является вымышленным повествованием, певец в соответствии с поэтикой жанра «преподносит» его как рассказ о реальных событиях, которые когда-то давно происходили в действительности. В их жизненность верит и сам сказитель, иначе он не смог бы спеть былинку так, чтобы заинтересовать слушателя. Воспроизводя эпическое произведение, певец стремится совместить эпическое время со временем исполнения. Он старается «оживить» события, о которых «сказывает». Этой задаче соответствует языковая организация стиха. Одним из средств, помогающих слушателю представить события, отраженные в былине, реальными, являются ретардационные частицы местоименно-наречного происхождения: *вот, как, тут, нын* (*нынче, ноньче, нонь, нонечку*).

Частица *вот*, повторяемая сказителем, ассоциируется у слушателей с омонимичным указательным местоимением *вот*, что создает иллюзию восприятия событий, разворачивающихся прямо перед глазами:

Вот скакал на конюшню стоялую,
Вот на ту конюшню лошадиную,
Вот брал Добрыня доброго коня,
Вот накладывал войлочки на войлочки... (БПК., № 70).²⁰

Здесь частица *вот* подчеркивает активный характер совершаемых действий.

Ретардационную функцию выполняют также постпозитивные частицы с усилительно-выделительным оттенком значения.

Как показывают наблюдения, сказители чаще всего используют усилительную постпозитивную частицу *-то*, которая может располагаться при глаголе:

А ставал-*то* Добрынюшка Никитич есть,
А он есть поутру ранешенько... (Гильф., № 36);
прилагательном, полном и кратком:
...А летит ко Добрынюшки люта змея,
А лютая-*то* змея да печорская (Гильф., № 89);
Тут Добрынина да молодая жена,
И молода-*то* а Настасья да Микулична... (Гильф., № 23);

существительном:

Что судили-рядили, придумали,
Что Настасья-*то* есть Микулична,
Молода жена Добрыни Никитича... (Аст., № 104);

местоимении (личном, притяжательном, определительном, указательном, вопросительно-относительном):

Прибежала-*то* она-*то* во высок терем... (Аст., № 109);
«У моей-*то*, - говорит, - матушки Омельфы Тимофеевны
Калачики-*то* ешь да пуще хочется... (БП и ЗБ, № 24);
Да тут они вси приросхвасталися.
Ай тот-*то* тым, а иной-*то* иным Аст., № 164);
Что-*то* думает возлюбленный плюменничок? (Аст., № 136);

наречии:

А сегодня-*то* иди да ко божьей церкви (Гильф., № 6).

Во многих былинах (особенно в записях более раннего периода) встречаются варианты частицы *-то*: *-та, -те, -ту, -ты*, сохранившие остатки грамматической связи с согласуемым местоимением «*тот*», которому они обязаны своим происхождением:

А во дороженьку *ту* ехать, убиту быть,
Во другую *ту* ехать, женату быть,
Да во третью *ту* ехать, богату быть (Гильф., 221);
Поехал Щелканушко
Да во Тверь-*ту* город-от (Гильф., № 235);
Вси-*ты* на пиру наугощалися,
Вси-*ты* на пиру напивалися (Аст., № 109);
Ино мать-*та* земля да подгибается (Гильф., № 57).

Следует отметить также активно функционирующие в былине постпозитивные усилительные частицы *-ко, -ка, -тко, же*, замедляющие повествование.

²⁰ Былины Пудожского края / под ред. А. М. Астаховой. – Петрозаводск: Госиздат, 1941.

Ретардация усиливается, когда сказитель использует сочетания частиц:

Говорит тут калика перехожая
Ай тому *ли-то* Одолищу поганому (Гильф., № 23);
Ай же ты *ведь-то* стольно-киевской
Самолучшой ты *да* богатырь-от (Гильф., № 213);
Да подай-ко мне-ка-ва саблю вострую (Гильф., № 375);
Ничего же мне-ка-ва не надобно... (Гильф., № 6);
Помоги-ка-се *да* моему горю (БП и ЗБ, № 119);
А как тут же разбойнички напилисе,
А как тут же разбойнички заснули все (БП и ЗБ, № 39).

Не следует забывать, что слушатели воспринимали былинку в устном виде, и певцы не стремились к быстрому ее исполнению; напротив, они, следуя жанровой традиции, замедляли развитие действия. Отсюда большое количество разнообразных частиц, служащих целям ретардации:

Брал *то-ко* *ведь* ей *да* за белы руки,
А за ей-*то* *ведь* за перстни за злаченные... (Гильф., № 271);
Этта дрался *тут* Добрыня на другой-от день,
А й другой-от день *да* он до вечера,
А й проклятая змея *да* побивать стала (Гильф., № 59).

Следует отметить, что частицы обязательно присутствуют в повторяющихся синтаксических конструкциях былинного стиха, становятся его составной частью:

Был *бы* мне *бы* конь *да* богатырский *бы*,
Были *бы* мне латы *да* железныи,
Была *бы* мне *да* сабля вострая,
Было *бы* мне копьё *да* долгомерное,
Были *бы* мне штыки *да* молодецкии... (Гильф., № 40).

Наблюдения показывают, что в указанных сборниках былин насчитывается 86 разновидностей частиц, и только 11 из них встречаются в текстах, записанных во всех районах бытования эпоса (*а, ведь, да, же, и, -ка, как, ли, -то, только, -та* и её варианты). Эпическим текстам известны частицы территориально-ограниченные (*ишию, аще, нонь, этта*) и индивидуально-авторские (*ай-я, ай-яй, ак, э, э-что*). Наиболее разнообразен состав частиц в устнопоэтической речи сказителей Мезени, зафиксированной в сборнике А. Д. Григорьева, – 44 слова. Количество ретардирующих частиц обусловлено целым рядом факторов: исполнительской традицией, индивидуальными особенностями речи сказителя, объемом материала, содержанием быliny.

Большая часть ретардирующих в быline частиц – 59 слов – отмечена диалектными словарями, из них только 25 единиц квалифицированы как слова этого грамматического класса, а 34 единицы получили квалификацию частиц только в быline.

Наличие полифункциональных частиц с различной степенью семантической наполняемости обусловлено поэтикой жанра. Они несут большую стилистическую нагрузку, осуществляя ритмообразующую, суггестивную, ретардационную функции.

Рутт Т. Е.,
Карельская государственная педагогическая академия

Отчеты-письма И. С. Полякова как источник регионального лексикографирования

Среди деятелей науки, оставивших заметные труды о Карелии, достоин широкого признания Иван Семенович Поляков. Он «...разносторонний ученый-зоолог, географ, выдающийся археолог, этнограф, неутомимый путешественник, исследователь природы и археологических памятников восточной и юго-восточной части Олонецкого края»¹. Е. М. Эпштейн в предисловии к книге «И. С. Поляков. Три путешествия по Олонецкой губернии» отмечает, что «экспедиции Полякова в Олонецкую губернию и их научные результаты ставят ученого в ряд наиболее значительных исследователей нашего края в прошлом столетии. Особенно велика его заслуга в

¹ Григорьев С.В. Биографический словарь. Естествознание и техника в Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1973. С. 181.

изучении Пудоожского уезда, почти не затронутого предшествующими экспедициями. Здесь его приоритет очевиден»².

В 1871–75 гг. И. С. Поляков совершил три научные экспедиции в Олонецкую губернию, по итогам первых двух он был награжден золотой медалью Императорского русского зоогеографического общества. Выдающийся ученый, вице-председатель Императорского Русского Географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский, вручая И. С. Полякову золотую медаль, «очень точно и лестно охарактеризовал исследователя «неутомимый изыскатель»³.

В марте 1871 года ИРГО предложило И. С. Полякову совершить поездку в Олонецкую губернию, изучить побережье Онежского озера, гораздо менее известного во всех отношениях (ОГВ, 1871: 51)⁴. Созданная по поручению ИРГО комиссия⁵, которую возглавил П. П. Семенов, разработала программу, уточнила сроки и районы исследований. В задачи научной экспедиции входили не только естественнонаучные изыскания, но и этнографические наблюдения⁶ (См.: ОГВ, 1872: 04).

Один из маршрутов экспедиции проходил по юго-восточному побережью Онежского озера. Выехав из С.-Петербурга 14 апреля, И. С. Поляков проделал трудный путь сначала по рекам Волхову и Свири, затем по Онежскому озеру до г. Вытегры; до конца июня он находился в Вытегорском уезде. 6 июля И. С. Поляков приехал в Пудоож и, пробыв здесь несколько дней, совершил путешествие на Водлозеро в деревню Куганаволок. Вернувшись обратно в Пудоож, исследователь направился в Кенозеро и на Кумбасозеро, а уже оттуда через Вытегру возвратился в С.-Петербург.

О ходе своей первой научной поездки по юго-восточной части Олонецкой губернии (это Вытегорский и Пудоожский уезды) И. С. Поляков подробно сообщает в письмах-отчетах в ИРГО, напечатанных в 1871 году в газете «Олонецкие губернские ведомости»⁷. За время с апреля по ноябрь 1871 года ученый отправил в ИРГО 5 писем, последнее из которых он посылает 7 (19) августа из Куганаволока (См.: ОГВ, 1871: 91).

Наша работа основана на материале писем И. С. Полякова, сделанных им во время своего первого «ученого путешествия». Они могут быть ценным источником для регионального лексикографирования, так как содержат слова, отражающие особенности растительного и животного мира, гидрографическую и орографическую лексику. Это не только общеизвестные, но и местные названия рыб, птиц, зверей, растений, явлений природы, наименования озер, рек и возвышенностей, а также лексемы, связанные с родом занятий и хозяйственной деятельностью местного населения в XIX веке. Для сопоставления привлекаются данные региональных словарей.

Материалы записей И. С. Полякова пополняют картотеку СРГК, позволяют уточнить географию и более глубоко раскрыть диалектное значение отдельных слов, уже представленных в СРГК, выявить особенности их (лексем) употребления в прошлом и обогатить цитатную часть словарных статей. «Современный диалектный словарь, – утверждает А. С. Герд, – это словарь цитат и фразовых иллюстраций на значения. ... нельзя экономить на цитатах из народной речи. Областной словарь сегодня – это словарь примеров из народной речи и демонстрации всех типов фразовой сочетаемости слова, в особенности малейших особенностей сочетаемости, не характерных для общего языка»⁸.

Изучив материалы писем И. С. Полякова, мы выделили группу диалектных слов, которые известны современным говорам Карел., Ленингр. и Волог. обл. (лод., выт. и пуд⁹.) – по этим территориям проходил маршрут первой экспедиции ученого. Это такие слова, как *бочага*, *боровинка*, *бузунок*, *гнила*, *горма*, *жито*, *загоска*

---

² Эпштейн Е. М. Исследователь Олонецкого края // И. С. Поляков. Три путешествия по Олонецкой губернии. – Петрозаводск: «Карелия», 1991. – С. 5–6. Эта книга, сыграла большую роль в популяризации знаний о личности и деятельности ученого. Биографические сведения и литературу об И. С. Полякове см. также на сайте: <http://www.kenozerje.17-71.com/poljakov.htm>.

³ См.: Эпштейн Е. М. Указ. соч. – С. 5.

⁴ См. «Олонецкія губернскія вѣдомости» (ОГВ). Здесь и далее в скобках: сокращенное наименование, год и номер источника.

⁵ В составе комиссии был И. С. Поляков, тогда ещё студент физико-математического факультета Петербургского университета.

⁶ Замечательно то, что И. С. Поляков, изучая разные стороны народной жизни, составил «словарь местных слов, относящихся особенно к семейственной истории, географии и быденной жизни». См. словарь в кн. «И. С. Поляков. Три путешествия по Олонецкой губернии» – С. 87–94. Словарная статья не содержит цитатную часть, а в письмах-отчетах И. С. Полякова имеются интересные материалы, иллюстрирующие употребление диалектных слов в прошлом, так как они обозначали предметы и понятия, актуальные для жителей бывшей Олонецкой губернии в XIX веке. Интересны наблюдения И. С. Полякова, касающиеся языка крестьян. Он, по словам автора, «двойственный: почти каждый предмет имѣет свое особенное название, кромѣ котораго нерѣдко бываетъ извѣстно крестьянамъ и общее великорусское, и въ духѣ этого послѣдняго они стараются на сколько возможно объясняться съ людьми не ихъ круга воспитанія. Такъ напр. кукушка – у нихъ загоска, куликъ – ветлюкъ, берегъ – кенда, крежь, болото – бачага, глина – гнила, отсюда гниловатый – глинистый и др.» (ОГВ, 1871:80).

⁷ См. «ОГВ», № 51-52, 79, 80, 82, 84, 91, 94. В том же 1871 году они полностью опубликованы в «Известиях Императорского русского зоогеографического общества» (1871, т. VII, №№ 3–7); в 1991 г. – с незначительными сокращениями в кн.: И. С. Поляков. Путешествия по Олонецкой губернии, 1991. – С. 47–86.

⁸ Герд А. С. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (Т. 1–6, 1994–2004). Итоги и уроки // Проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. – СПб.: Наука, 2004. – С. 54.

⁹ СРГК фиксирует варианты загоска и загоска (2:106-107); а ЯОС – загоска (4:67).

(кукушка), *крежь, кóрба, лáхта, ледíна, луговíна, лúда, малéнка, мáндера, менéкъ, назёмъ, повѣтеръ, опóка, пíнда, разойтíсь, сузёмки, частик, яма* и нек. др. В данной группе слов есть лексемы, представленные в СРГК, но без указания их бытования в говорах Пуд. и/или Выт. районов: *завáл, извáл, кèнда, мошинíк, нáволок, нетёлочка, прóска, скопá, úда, уртáк*. Другая группа содержит слова, значения которых отличаются от представленных в СРГК, это *матерíца, полѣсникъ, подклѣть, сítникъ, úрбá, копéйка, путíна, чурá*. Такие слова и выражения, как *ветл`юк, глуши́ца, евдо́шка, котрус, мèнда, мèндак, мохови́це, становáть, чегрá; сележные мѣста, рел* и нек. др., имеющиеся в записях ученого, уже, по всей видимости, не употребляются в выт. и пуд. говорах или собирателям не удалось выявить эти лексемы (их нет в СРГК).

Из Писем-отчетов И. С. Полякова можно извлечь интересные иллюстрации, в которых содержится ранее не учтенный материал для диалектной лексики. Так, в СРГК (5:359) в словарной статье *путíна* отмечены следующие его значения: «вода в весеннее половодье» (карг.), «трясина» (сланц.), «дорога, путь» (выт. и кирил.), «работа вахтенным методом в течение установленного времени» (плес.), напр.: «На путину на неделю, больше, а то и на месяц, пока работу не сделаешь [на лесоповале], не уедешь»; «Лес водила, путину отводим, а потом домой». И. С. Поляков, рассказывая об основных занятиях и промыслах жителей Олонецкой губернии, которые (занятия) давали доход семье, среди прочих отмечает и такой вид деятельности, как «ходьба в путины», или, как поясняет автор, «тяга барокъ съ хлѣбомъ и другими товарами по Онежскому каналу и по Марíнской системѣ. Съ лошадыю иногда зарабатываютъ по 5 р. въ недѣлю и болѣе. Безъ лошади тяга барокъ оплачивается рѣдко свыше 10 р. въ мѣсяць, со всѣми расходами» (ОГВ, 1871: 80).

В письмах И. С. Полякова заслуживают внимания такие слова, как *ветл`юк, глуши́ца, евдо́шка*. Данные слова отсутствуют в СВГ, а СРГК не дает лексемы *ветл`юк*. Это слово в значении «кулик» И. С. Поляков услышал в Вытегорском уезде во время своего путешествия. В СРНГ зафиксированы слова *вѣтлик* и *ветл`юк* (заим. из вепск. *vitlik* или карельск. *vikli*) в значении «птица из отряда ржанкообразных; вальдшнеп, известные онеж., олон. и заон. говорам (СРНГ, 4:195). Слово *глуши́ца* в значении «крушина ольховидная» употребляется в говорах Карелии (медв., прион., пуд.), Волог. (выт.) и Ленингр. (подп.) обл., а лексема *евдо́шка* в значении «рыба плотва» бытует в лод. Говорах (СРГК, 2:19).

Слово *глуши́ца* известна говорам Сибири и Псковской обл. в значении «самка глухаря» (ПОС, 7:5; СРНГ, 6:219). В этом значении его услышал от жителей Водлозерья и записал И. С. Поляков: «На черничникахъ стройнаго сосняка, пишет Поляков, – гуляет по обыкновению глушица с выводками и даже сам глухарь, часто пребывающий и токующий впрочемъ на моховых болотах и поэтому называемый здесь мошникомъ» (ОГВ, 1871:83).

Записи И. С. Полякова, в которых подробно описывается Водлозеро, его берега, дно, острова Водлозера, их вид, характер и строение, могут служить дополнительным источником для иллюстраций и обогатить цитатную часть словарных статей СРГК для слов *завáль* (обрыв), *лáхта* (залив), *лúда, мáндера* (возвышенная часть суши), *нáволо́к* (мыс), *опóка* (мелководное место, отмель) *яма* (глубокое место в реке, озере), *уртáк* (омут). Например.: «Есть возвышенія и подводныя (опоки), которыя часто на значительныхъ протяженіяхъ тянутся подводно между островов Нелгостровомъ и Ильскимъ погостомъ. От опóк существуютъ постепенные переходы къ такъ называемымъ ямамъ (уртаки, завалы также). Ямы – это наиболее глубокия части озера; въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ представляются котло-видными углублениями; ... При всемъ этомъ нужно прибавить, что ямы никогда не начинаются и не кончаются внезапными обрывами; скаты ихъ постепенны и поэтому около нихъ возможно рыболовство посредствомъ невода». (ОГВ, 1871:83). Или: «Надъ самой поверхностью озера, какъ въ заливахъ, такъ и въ центральныхъ пунктахъ поднимаются десятки острововъ, строеніе, видъ и характеръ которыхъ тѣже, какъ и въ холмахъ на материкѣ (мандера, материца, суземки)» (Там же).

Среди наименований материковой части суши выделим слово *матерíца*, Данная лексема оказалась вне поля зрения составителей СРГК, но она встречается в цитате словарной статьи с лексемой *мáндера* в значении «материковая часть суши» и с указанием на пуд. говоры, например: «Змеи на мандере есть, на *материце* (Курсив мой – Т. Р), Кугонаволо́к, больша така земля мандера» (3:197). В таком значении слово *матерíца* известно, по всей видимости, только пуд. говорам. Указания на другие говоры нет в СРНГ, в нем слово *матерíца* представлено как «сухое, не болотистое место»(18:23).

Письма-отчеты И. С. Полякова, который прошёл юго-восточную часть Олонецкой губернии, дадут богатые сведения о природе, животном и растительном мире Пудоожского края, окрестностях Водлозера и Кенозера, пополнят КСРГК новым текстовым материалом. Они содержат слова, связанные с понятием *лес* – *боровíнки, мèндак, кóрба, пíнда (мèнда), рудóвый (лес), полесник* и нек. др. Например: «... мѣстечки, принадлежащія къ этой полосѣ, – *боровíнки, мèндаки* (Курсив автора – И. П.), по названію туземцевъ, лежатъ чаще разъединенно и рѣдко распространяются на большихъ протяженіяхъ. Лѣсъ этой полосы въ строительномъ отношеніи заключаетъ въ себѣ много недостатковъ; въ немъ нетъ надлежащей стройности; онъ сучковатъ, корявъ, не высокъ ростомъ и мягокъ по сложенію; въ немъ сильно развита наружная, составная часть древесины, называемая здесь *пíндой* или *мèндой* и весьма мало внутренняя, *рудóвая*. Большаго, а часто и высокаго совершенства сосна достигаетъ на самыхъ скатахъ холмовъ, по направлению къ ложбинамъ и впадинамъ; здѣсь она представляется высокимъ и стройнымъ лѣсомъ, съ гладкимъ и прямымъ стволомъ и съ древесиною, въ которой твердая сердцевинная (рудовая) часть получаетъ сильное преобладаніе, а окраинная *пíндовая* или *мèндовая* часть обнимаетъ её снаружи тонкимъ бѣловатымъ кольцомъ. Это лѣса *рудовые*, служащіе предметомъ поисковъ лѣсопромышленникамъ» (ОГВ, 1871:82).

Слово *мèнда, м`янда* и под., финно-угорские по происхождению, не раз привлекали к себе исследователей, которые отмечали, что данные лексемы в значении «неплотного, непрочного слоя древесины, находящегося под

сосной» широко распространены по всему северу Европейской части России и в Сибири, издавна известны русскому языку¹⁰. СРНГ фиксирует эти диалектные слова как уральск., сиб., алт., арх., волог., олон., медв., прион. (18:106). Однако, как видим, указание на бытование анализируемых слов в говорах пуд. района отсутствует. Русским народным говорам известны также и другие наименования для обозначения «дерева, растущего на краю леса, обычно сучковатого кривого» или «низкорослого кривоствольного соснового леса: *менд́ачина, менд́ач менд́аж, мѣндина* и нек. др. (18:107). В говорах Медв., Прион. и Пуд. районов, а также в Арх., Волог., Лен., Новг., Твер., Яросл. и нек. др. областей бытует слово *руд́овый* (обычно в сочетаниях *руд́овый (-ое, -ая) лес, (дерево, сосна)*, обозначающее «строевой, кондовый; «сосновый лес высокого качества, очень прочный, с тонкой болонью, используемый для разнообразных строительных работ» (СРНГ, 35:235; СРГК, 5:576).

Лексика леса была наиболее актуальной в жизни крестьянина, сосновые и еловые рощи окружали его уже с самого детства, на протяжении всей жизни до её конца, поэтому деревенский житель придавал им особое значение, отношение к лесу, сосновым борам, еловым рощам, было не только прагматическое, но и поэтическое¹¹. На это в свое время обратил внимание и И. С. Поляков, описывая еловые чащи, или корбы. Ср.: «... вершины старыхъ елей тысячами тянутся въ высоту, кончаясь острыми шпипцами, а книзу стволы ихъ пускають мириады мохнатыхъ и колючихъ вѣтвей, которыя около корня, сплываясь другъ съ другомъ, образуютъ непроницаемую сѣть; лучь солнца уже не можетъ чрезъ нее проникнуть и подъ ней господствуютъ вѣчная тѣнь и мракъ. Эти-то чащи ели, въ низменностяхъ и впадинахъ, извѣстныхъ подъ именемъ *корбь* (Курсив – И. П.), наводятъ часто уныніе на здѣшнихъ обитателей, въ воображеніи которыхъ онѣ служатъ часто пристанищемъ сверхъестественныхъ силъ (такова напр. Верхняя корба около Маткалахты); нечистая сила лѣший бродитъ въ нихъ съ его собаками, оглашающими мрачную пустыню ихъ лаемъ Плохо приходится тому, кто огласить эти корбы веселиемъ, смѣхомъ или пѣсней; неуловимый хозяинъ лѣса явится передъ тѣмъ и увлѣчетъ его отъ глазъ человѣка. Мрачный характеръ еловыхъ лѣсовъ увеличивается еще болѣе грудною ягелей и лишайниковъ, которыя часто облепляютъ дерево со всѣхъ сторонъ, сверху до низу» (ОГВ, 1871:82)

Здесь примечательно слова *корба*, которое проникло в русские говоры из прибалтийско-финских языков и повсеместно бытует на территории Карелии. В Карелии и Вологодской области широко распространены топонимы (карельские и русские) с основой *корб-*¹². СРГК фиксирует его как многозначное слово, выделяя семы «густой еловый лес» и «заболоченная влажная местность с еловыми и сосновыми зарослями» (2:420). В таком значении оно употреблялось и в XIX веке. В приведенном выше контексте слово *корба* приобретает дополнительный смысл, иногда зловещий, мрачный. Как известно, еловые рощи, ель и сосна – деревья предков, традиционный мифологический символ печали, смерти, кладбищенского покоя¹³.

В своих письмах И. С. Поляков неоднократно упоминает слово *полесник* (*зверолов, охотник*). В этом значении оно известно медв. и новг., а в значении «лесничий» – тивх. говорам. В вологодск. (чер.) и ленинградск. (лод., тивх.), а также в некоторых говорах Карелии (медв., кем.), употребляются однокоренные слова *полесный, полесоватъ, полесовник, полесь, полесье* (СРГК, V: 53).

Слово *полесник* широко использовалось в Пудожском уезде, в бассейнах рек Онега, Свирь, Оять, Паша, Сясь и Волхов, т. е. на территории районов, из которых в СРГК больше всего материалов. Во время своего путешествия И. С. Поляков мог слышать не раз слово *полесник*, причем не только в значении «охотник, зверолов», но и в значении «лесничий, человек, имеющий отношение к лесу». Безусловно, такие сведения дополняют информацию о сфере бытования лексемы *полесник*. Ср.: «И промысль здѣшнихъ охотниковъ, полѣсниковъ по туземному выраженію, ограничивается по большей части ловлей зайцевъ, которыхъ здѣсь впрочемъ не ѣдятъ; также глухарей, тетеревей, рябчиковъ и стрѣльбой утокъ» (ОГВ, 1871:80); «Уже съ первыми станціями от Новой Ладоги чаще и чаще приходится слышать о полѣсникахъ или звѣроловахъ и птицеловахъ. Рассказываютъ весьма вѣроятный фактъ, и по многимъ мѣстамъ, что такъ называемые здѣсь полѣсники въ осень вылавливаютъ до 300 штукъ рябчиковъ на человѣка; продавая ихъ на мѣстѣ по довольно низкой цѣнѣ мѣстнымъ капиталистамъ по 25–30 коп. за шт., полѣсникъ получаетъ до 50–60 руб. въ осень» (ОГВ, 1871:52). Или: Говорятъ также, что полѣсникъ, разставляя на весьма дальнихъ разстояніяхъ цѣлыя сотни волосяныхъ или нитяныхъ петель на рябчиковъ, не успѣваетъ ихъ осмотрѣть своевременно, такъ что къ нѣкоторымъ ловушкамъ онъ приходитъ только черезъ недѣлю или полторы и въ нихъ находятъ уже давно попавшихся рябчиковъ, которые успѣваютъ мѣжду тѣмъ испортиться» (ОГВ, 1871:52);

Итак, рассмотренные нами материалы в письмах-отчетах И. С. Полякова показывают, что они являются ценным источником для регионального лексикографирования.

¹⁰ См.: Римашевская К. П. Лексика леса в говоре Шушенского района Красноярского края. Дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1964. С. 37. – Цит. по Курбангалеева Г. М. О формировании лексики леса в русских говорах Башкирии // Псковские говоры: синхрония и диахрония / под ред. Л. Я. Костючук. Псков: ПГПИ, 2003. С. 188.

¹¹ Образ леса персонифицирован, одухотворен в фольклоре и в литературе. Образ леса, в частности, хвойные образы, характерны для поэзии Н. Клюева. См. исследования Е. И. Марковой, Н. А. Криничной, В. В. Ершова, Ежи Шокальского, В. И. Николаева и др., напр., в кн.: XXI век на пути к Клюеву. Петрозаводск, 2006.

¹² См.: Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. – Петрозаводск, 1991. С. 41–42; Михайлова Л. П. История края в народном слове. Русские говоры Карелии. – Петрозаводск, 2004. С. 118–119; Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. – Петрозаводск, 1982. – С. 18.

¹³ См.: Ершов В. П. «Я полесник хвойных слов...» (Ель и сосна в творчестве Н. А. Клюева: образы смерти) // Указ. соч. С. 133–142.

Принятые сокращения:

АОС – Архангельский областной словарь. М., 1983–1993. Вып. 1–8.

НОС – Новгородский областной словарь – СПб., 2010. – XXVII, 1435 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными – Л., 1967–2009. – Вып. 1–19.

СВГ – Словарь Вологодских говоров. Вологда, 1983–1997. Вып. 1–7.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л. (СПб.), 1965–2007. Вып. 1–41.

ЯОС – Ярославский областной словарь Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–9.

*Краснолуцкая И. В.,
Национальная библиотека Республики Карелия*

Имена челмужан в прошлом и настоящем (на примере с. Челмужи Медвежьегорского района Республики Карелия)

Исследование региональных именников любого исторического времени актуально, поскольку региональные антропонимиконы являются своеобразными кирпичиками общерусского ономастикона, а без обращения к исследованию таких систем невозможно увидеть общие и частные моменты развития всей системы именования. Этим можно объяснить возросший интерес к антропонимическому материалу различных регионов Руси донационального периода, который описан в работах Афанасия Матвеевича Селищева, Василия Константиновича Чичагова, Александры Николаевны Мирославской, Юлии Ивановны Чайкиной, Сергея Николаевича Смольникова, Елены Николаевны Поляковой, Татьяны Васильевны Бахваловой, Сергея Ивановича Зинина, Ирины Михайловны Ганжиной и др. Современный материал реже становится объектом специального исследования. Состав и особенности личных имен, отчеств, фамилий, прозвищ проанализированы с разной степенью глубины в работах Владимира Андреевича Никонова, Василия Даниловича Бондалетова, Александры Васильевны Суперанской, Василия Ивановича Супруна, Галины Яковлевны Симиной, Татьяны Александровны Сироткиной и др.

Сопоставительный анализ ономастических систем, разделенных временным промежутком, позволяет проследить историю развития онима, выявить причины, которые влияют на репертуар имен, сделать выводы о системных отношениях рассматриваемого антропонимикона. Именно поэтому обращение к исследованию антропонимического пространства небольшой части заонежского региона Карелии от прошлого к настоящему актуально.

Объектом нашего исследования являются процессы, которым подвергались разные группы антропонимической лексики Челмужского погоста, представленные в Писцовых книгах Обонежской пятины 16 в. и современные антропонимы, зафиксированные в с. Челмужи. Предметом исследования являются именования современных жителей с. Челмужи и именования тех, кто являлся их предками в донациональную эпоху.

В качестве источников антропонимического материала были использованы: документы массовой переписи населения 16 века; современный антропонимический материал, собран по вопроснику З. В. Рубцовой¹.

Общее количество исследованных именований составляет 1675 ономастических единиц и представлен личными именами, отчествами, фамилиями, прозвищами, посевскими ойконимами.

Выбор региона обусловлен тем, что именования челмужан, еще не были предметом специального исследования.

Основная цель исследования проследить связь между ономастиконами прошлого и настоящего времени.

Мы анализируем антропосистему Челмужского погоста 16 в., которой, прежде всего, свойственны все те явления, происходившие в русской ономастической системе прошлого: это переплетение некалендарного и календарного именников, активное использование прозвищ в качестве дополнительной характеристики лица и, образованных на их базе патронимов – прототипов будущих фамилий.

Анализ списков показал, что данный период обладает разнообразием структурных моделей именований: одно-, двух- и трехкомпонентных структурных моделей (145), что подтверждает существующее мнение об отсутствии в 16 в. юридической нормы в именовании человека. Самая распространенная структурная модель именований – двухкомпонентная (**Сенка Затопляй, Иванко Онтипов**). Отживающими являются однокомпонентные (**вдова Парасковьяца, вдовы Марфица да Федоска**). Трехкомпонентные модели (**Сенка Ефимов Сычев, Иванко Григорьев Псалтырев**) только начинают развиваться, но имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают возможности в полной мере судить об активности их развития. Такое представление структурных формул в данных памятниках письменности обусловлено официально-деловым жанром и теми установками, которые получал писец при их составлении. Наряду с активным распространением календарных личных имен (далее, КЛИ)

¹ Рубцова З. В. Географические, личные и другие имена в русских селах. Вопросник. – М., 1991.

употребляются и некалендарные личные имена (далее, НЛИ) (**Нечайка, Первой, Богдашко, Ушачко**), хотя их удельный вес в ономастиконе прошлого невелик.

Обращаем внимание и на репертуар календарного именника, и способы образования диминутивно-квалитативных форм (**Ондрон-к-о, Марф-иц-а, Петр-уш-а**).

Представлена семантическая классификация НЛИ и прозвищ (например, **Нечайко, Богдашко** – указывают на отношение родителей к ожиданию и факту появления ребенка в семье; **Ушачко, Харзийко** – характеризуют внешний вид и характер с рождения; **Каргач, Кляпик** – характеризуют внешний вид, характерные черты, особенности поведения), описаны основы патронимов, восходящих к этим группам онимов. Используются также данные топонимии, поскольку названия деревень позволили восстановить и дополнить именник Челмужского погоста, например, имя **Латыня** отмечено только в составе посессивного топонима (дер. **Гаврилка Сергеева Латыни**).

Основная часть именника данной территории была образована на лексической основе русского языка и только несколько онимов типа **Еруев, Мигнуев, Турбасов** отражают взаимовлияния языковых систем (прибалт.-фин. и славян.). Таким образом, именник данного ареала является русифицированным и славянским в своей основе.

В современной антропосистеме с. Челмужи личные именованья челмужан рассмотрены с точки зрения состава, происхождения, образования различных форм, функционирующих в селе. Среди личных имен выделяются как очень распространенные, так и редкие имена. На 150 собранных нами личных имен приходится 92 женских (и только 58 мужских имен). Тезоименность – отличительная черта современного ономастикона. Встречаются устойчивые имена, которые давались детям на протяжении десятков лет (например, **Александр, Николай, Владимир, Алексей, Андрей, Иван** и т. д.). Проживающее в селе население является неоднородным по национальности, поэтому выявлены единичные случаи мужских имен: **Виджай, Мараджаб**. Женские личные имена отличаются своей разнообразностью (**Алевтина, Алина, Альбина, Амина, Анжела, Аполлинария, Валерия, Владислава, Генриетта, Генуэфа, Дарина, Снежана, Стелла, Софья, Фаина, Ядвига, Ярослава** и т. д.), что и позволило избежать высокой одноименности среди жительниц села. Как и в прошлом, так и в настоящем личные имена в неофициальной обстановке функционируют в диминутивно-квалитативной форме (усеченной или осложненной различными формантами).

Теперь о фамилиях челмужан. Всего зафиксировано 280 фамилий на 1113 жителей конца 20 – начала 21 вв. По преимуществу это фамилии исконно русские или с календарным именем и модификатом от него в основе (29 %) или с некалендарным именем или прозвищем (71 %).

Мы выясняем их историю в соответствии с имеющимися на сегодняшний день словарями фамилий (Никонова, Унбегауна, Чайкиной, Поляковой, Ганжиной), а также делаем самостоятельную попытку анализа основы тех фамилий, которые не представлены в работах онимастов. Приведу примеры. Фамилия **Румзин** восходит к прозвищу **Румза**, которое, вероятно, появилось именно в Карелии, поскольку апеллятив **румза, рямза** в значении 'небрежно, неряшливо одетый человек, оборванец' отмечен в Медв., Лод., Тихв. (СРГК, В. 5). **Зезюлькин ← Зезюля ← зезюля**, ср. в говорах **зезюля** 'кукушка' Арх., Пск., Том. (СРНГ, В. 11).

Как видим, это фамилии с некалендарной или прозвищной основой (как, впрочем, и сами НЛИ и прозвища) содержат информацию о духовных ценностях. Нашими предками осуждались такие качества, как безделье, тупость, болтливость, небрежность, неряшливость, жестокость, злобность, упрямство, скупость, ехидство.

Имеются и такие фамилии, внутренняя форма которых для нас осталась загадкой (**Дисиков, Маршева, Толпа, Шоппо, Мирзарахимов**; это фамилии белорусов, украинцев, азербайджанцев).

Кроме того, мы определяем, как это представлено в работах Никонова, Унбегауна, Суперанской, частотность фамилий (например, самая частотная фамилия в селе **Ключев(а)** – 41 носитель), особенности их структуры.

И прозвища. Их сбор вызвал особые затруднения, особенно среди лиц старшего поколения. Главными информантами были школьники и молодежь села. Основной процесс – увеличение группы отфамильных и отыменных прозвищ, в семантике которых иногда отмечен коннотативный элемент, который передан через суффиксы (**Трифонка** от фамилии **Трифонова**, **Хомчик** от **Пахомов**, **Ключик** от **Ключарев**), рифмовками (**Капитан Щеглов**), переосмыслением основы фамилии (**Птица** от фамилии **Соловей**). Распространены именованья лиц по внешности (**Косой, Верзила, Сухарь, Толстый, Клык**), по профессии (**Доктор, Физрук, Вавилон, Химик**), по характеру и особенностям поведения в социуме (**Кузьмич, Купец, Зеленка, Мышка, Павлин**). Большая часть прозвищ имеют мотивировку, исключения редки. Есть группа прозвищ с не установленной мотивировкой, например, **Мунька, Мацик**.

Отмечена еще одна из категорий неофициальных именованья, уличные фамилии, которые как раз и записаны от информаторов старшего и пожилого возраста, хотя известны практически всем старожилам. Уличными фамилиями именуется, как правило, представители одной официальной фамилии с целью дифференциации семей. Например, **Алешинские, Омелинские** – это уличные фамилии людей, имеющих официальную фамилию **Ключаревы**; **Портновские, Тямкинские, Холодные** – **Иудкины**. Так, функционирование частых фамилий на территории села вызывало необходимость различать целые семьи на неофициальном уровне через уличную фамилию.

Перейдем к выводам. Сравнительный анализ антропонимических систем с. Челмужи 16 в. и современного периода (конца 19 – начала 21 вв.) показал, что в номинации лиц, выборе имен, моделях, структурах официальных и неофициальных именованья наблюдаются (подчеркнем) общерусские процессы. Примеры, свидетельствующие о региональных особенностях ономастикона, к сожалению, единичны. Связи между ономастиконами 16 в. и современного периода практически не существует. Ономастикон нашего времени полностью обновился. Но в

истории села известен поп **Ермолай Герасимов**, ключарь и обладатель обельной вотчины в Челмужском погосте, возможно, от него и образовалась фамилия **Ключарев**. В Олонецком сборнике, в статье «Челмужские обельные вотчинники Ключаревы»², упоминаются грамоты: «Царя Михаила Федоровича Толвуйскому попу Ермолаю и его сыну Исааку о пожаловании в вотчинное владение дворцовой волостки в Челмужском Петровском погосте (7122–1614 г.)» и «Царя Михаила Федоровича Толвуйскому попу Ермолаю и его сыну Исааку о подтверждении прав на владение землями, дарованными его отцу (7136–1628 г.)», в которых впервые встречаем фамилию **Ключарев (Петрушка да Федка Исаковы дети Ключаревы)**. В самом Олонецком сборнике зафиксированы **Исаак Ключарев** и внук Исаака **Ганка Ключарев**. Здесь мы можем говорить о связи ономастиконов, но в более поздние сроки, так как фамилия впервые появилась в 17 в. Но возможен вариант связи, рассматриваемых в работе периодов, через топоним деревня **Исаковская** (Дер. **Исаковская**: в Федко Минин, в Михалка Родивоно, ПКООП, 1563 г.³; Дер. у погоста **Исаковская**..., ПКЗПОП, 1582/83 гг.⁴), это название сохранилось до 60-х годов 20 столетия, затем жители стали называть эту историческую часть села Боярщиной.

Считаем, что исследованный материал является скромным вкладом в дело изучения региональной антропонимии. Выявленные особенности в некоторой степени позволяют внести дополнения и уточнения в общую картину развития русской антропонимической системы и имеют значение, прежде всего, для изучения социально-экономической истории и культуры исследуемого региона, а именно: при создании словаря фамилий жителей Карелии, при создании ряда генеалогий для семей жителей Заонежья, для наиболее полного описания ономастического пространства этой территории. Материалы могут быть использованы для внеклассной работы на уроках русского языка, а также могут быть интересны краеведам, историкам, этнографам, лингвистам и всем кто интересуется именами собственными и их историей.

*Пянтина Э. В., Кошелева Т. И.,
Карельская государственная педагогическая академия*

Регионально-групповые прозвища Карелии

*«Мандера – фараоны читали,
Суйсара – девять люди,
Так и ялгубцам назывки прокладены:
Ялгубцы – простокишники...»
(Из книги Л. П. Михайловой «История края в народном слове»)*

Мы знаем, что жители каждого населенного пункта имеют своё официальное название (петрозаводчане, москвичи и т. д.), но в народной среде существуют и неофициальные наименования. Они выполняют фатическую функцию, т. е. позволяют установить контакт между локальными группами. Эта функция – одна из важнейших, потому что мы можем проследить не только взаимоотношения жителей населенных пунктов, но и узнать историю и быт конкретной местности.

Из этого вытекает основная цель нашей работы: описание и выявление семантики регионально-групповых прозвищ нашей республики.

Актуальность исследования состоит в том, что тема мотивации регионально-групповых прозвищ Карелии разработана мало и требует более тщательного изучения.

В области изучения регионально-групповых прозвищ известны имена таких ученых, как: В. А. Никонов, и К. В. Чистов, Н. Г. Гордеева, И. Ю. Карташева, А. В. Кулагина, А. Ф. Журавлев, А. А. Иванова, Е. Л. Березович. К. К. Логинов рассматривает этот вопрос в работах о локальных группах русских в Карелии (Водлозеро), Сироткина Т. А. изучает прозвища на базе этнонимов. И особо разработана эта тема у Н. Г. Дранниковой. В своей статье «К вопросу об изучении и собирании коллективных прозвищ» рассматривает вопрос о присловиях-прозвищах: «Нет ясности в определении самого термина “присловье”, который имеет несколько значений: во-первых, – это присказка, поговорка; во-вторых, – прозвище, относящееся к группе лиц, представляющих собою географическую или этническую общность. Прозвища могут относиться как к жителям одного населенного пункта, так и всего уезда или губернии». Журавлев А. Ф. в 1983 году предложил называть присловия «регионально-групповыми прозвищами».

Т. Г. Иванова в рецензии на книгу Дранниковой «Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера», которая называется «Водохлебы, косоротые, трескоеды...» пишет так: «Прозвища – и локально-

² Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3 / Сост. [И.] Благовещенский. – Петрозаводск, 1894. – С. 9–13.

³ Писцовые книги Обонежской пятины, 1496 г., 1563 г. – Л., 1930. – С. 165–172.

⁴ Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83гг.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. — Петрозаводск-Йоэнсуу, 1993. – С. 206–211.

групповые, и индивидуальные – являются ярким феноменом народной культуры. В дореволюционный период прозвища-присловия, даваемые определенным региональным группам русского населения их соседями, тоже русскими, постоянно находились в сфере внимания науки, однако в советское время эта область фольклора практически полностью игнорировалась. Только в последние два десятилетия появился целый ряд интересных трудов лингвистов и фольклористов, посвященных этой стороне русского народного сознания».

Материал исследования: Регионально-групповые прозвища жителей Карелии по материалам СРГК, СРНГ и опубликованных работ.

В ходе исследования мы выделили несколько тематических групп:

- 1) Народная гастрономия в прозвищах;
- 2) Прозвища, основанные на традициях и легендах;
- 3) Названия других национальностей в прозвищах;
- 4) Прозвища по животному миру;
- 5) Прозвища по социально-имущественному признаку;
- 6) Прозвища с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской.

В первую группу вошли такие прозвища как:

Трескоеды (жители села Шуерецкое). Сами жители объясняют это так: «Мы трескоеды. Нас трескоедами звали всегда – любим треску»

Линдушники (д. Ендогуба, Беломорский р-н) происходит от слова ЛИНДА (слово лопарское), которое обозначает мучная похлебка из рыбы или оленины с примесью муки. В говорах Архангельской и Кемской областях также встречается слово Линдушники, но оно не носит функции регионально-группового прозвища и непосредственно обозначает пищевой продукт.

Простокишники (д. Янгуба) от слова ПРОСТОКИША ‘простокваша’.

Репники или **репеды** (село Шуерецкое). «У нас шуеречан репниками называют, репницу делали». Это название могло быть связано со словом РЕПНИЦА, что обозначает блюдо из репы, похлебка из репы с солодом на квасе. Репница также встречается в говорах Пудожского и Лодейнопольского района.

Луковики (жители Суйсара) отражает как и основной продукт питания, так и продукт, идущий на продажу.

В эту группу слов мы также внесли прозвища с компонентом -еды, которое не всегда выражает своё прямое значение. Например: **Шиженские-крошкоеды, чужееды, мышееды** (жители деревни Шижня), **кишкоеды** (жители Беломорска). Мотивация этих наименований обусловлена бедностью населения.

В следующую группу вошли прозвища, основанные на традициях и легендах. А именно:

Обливанцы (д. Сухое Беломорский район) Прозвище, возникшее под влиянием традиции крещения в данной местности. Так как крещение детей происходило не погружением детей в купель, а обливанием водой. В Пудожском, Повенецком, Заонежском и Онежском районах это слово имеет другой характер, потому что обозначает вероотступника.

Девятые люди (с. Кузаранда Заонежье и с. Суйсарь Беломорс. р-н). В основе этого прозвища лежит легенда о том, как десять мужиков при пересчете обнаруживали, что их девять. Оказывается, каждый забывал посчитать себя.

Также мы решили отнести слово **ПРОСТОКИШНИКИ** и к этой группе, т. к. с ним связана легенда о том, что один житель деревни Ялгуба отправился в город с целью продажи простокваши и опрокинул данный продукт в реку. С тех пор жителей прозвали простокишниками.

В третью группу мы внесли слова, отражающие названия других национальностей.

Лопари (д. Колежма). Жители получили свое прозвище по названию народа, населявшего первоначально эту территорию, т. е. саамы.

Шведы (д. Мандера). Данное прозвище было получено по национальности одного конкретного человека и впоследствии так стали именовать всех жителей.

Англичане (с. Шуерецкое) получили название, т. к. темп их речи несколько отличается от темпа речи других деревень. Они растягивают слова и говорят чуть медленнее.

Н. Г. Дранникова в своей работе уделяет внимание аналогичным словам. Шведов и англичан, к примеру, описывает как этнонимы, относящиеся к Псковской, Новгородской и другим областям.

Четвертая группа малочисленна. Мы нашли такие слова как:

Гагары (село Воренжа), **Вороны** (Сумостров), **Черлаки** (д. Лапино) и другие с аналогичной семантикой.

Далее, прозвища по социально-имущественному признаку:

Фараоны (д. Мандера Прион. р-н). В работе Л. П. Михайловой «Фараоны, девятые люди и другие жители Карелии» даётся такая трактовка этого прозвища: «Скорее всего, здесь нашло отражение известное в просторечии ФАРАОН, которым презрительно называли полицейского <...> Там жили зажиточные, богатые и недобрые люди».

Покручники (д. Шижня) СРНГ 29; 14: «В дореволюционной России – работник на морских промыслах, работающий на хозяйском снаряжении и содержании за малую долю добычи». Слово ПОКРУТА встречается в говорах сёл Вытегорского, Лодейнопольского, Заонежского районов и говорах Петрозаводска, но имеет другую семантику: одежда.

Поронцы (с. Сумпасад) образовано от глагола пороть – бить, сечь, драть, наказывать телесно.

Прозвища очень часто носят ярко выраженную негативную окраску. В пример можно привести такие прозвища как:

Вшивики (д. Коросозеро), **Собачьи отцы** (Беломорск и Сумпосад), **Черны вши** (д. Зехова), **Зеховцы-скалозубы** (д. Зехова), **Калашники** (Сумпосад). За что-то невзлюбили жителей села Сумпосад, их называют и калачными дырами, и калачными жопами, и церковными сраями.

Лексический состав регионально-групповых прозвищ позволяет узнать много об истории жителей того или иного региона. Определение мотивации названий способствует выявлению особенностей быта, предпочтений в еде, взаимоотношений жителей и других аспектов жизни жителей Карелии.

Таким образом, при изучении регионально-групповых прозвищ на данном этапе мы выделили несколько тематических групп:

- 1) Народная гастрономия в прозвищах;
- 2) Прозвища, основанные на традициях и легендах;
- 3) Названия других национальностей в прозвищах;
- 4) Прозвища по животному миру;
- 5) Прозвища по социально-имущественному признаку;
- 6) Прозвища с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской.

Мы считаем, что регионально-групповые прозвища исследованы недостаточно, требуют более глубокого изучения, т. к. являются неотъемлемой частью культуры жителей Карелии и их языковых особенностей.

Великий советский писатель Константин Георгиевич Паустовский сказал: «Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает "до косточки" свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли».

Попов А. А.,

Карельская государственная педагогическая академия

Названия насекомых в русских говорах Карелии (ареально-этимологический аспект)

Изучение русских говоров Карелии имеет богатую историю. По мнению Н. А. Мещерского, оно начинается со сбора и анализа фольклорных материалов П. Н. Рыбниковым, И. В. Барсовым, А. Ф. Гильфердингом и исследований А. А. Шахматова¹.

Важными для понимания истории говоров Обонежья и их современных группировок являются статьи А. С. Герда «К истории образования говоров Заонежья», «К истории диалектных границ вокруг Онежского озера» и др. (см. *Список литературы*). Русские в Заонежье, Пудожье, Вытегре, по мнению А. С. Герда, представляют собой результат скрещивания двух этнолингвистических групп: восточнославянской (новгородской) и прибалтийско-финской (вепсской). Комплексный анализ диалектных зон представлен в работе А. С. Герда «Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук»². Большое внимание лексике Обонежья уделяет С. А. Мызников в работе «Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения», в которой имеется также подробный обзор литературы по изучению русских говоров Карелии³.

Одним из главных источников изучения говоров Карелии остаётся диалектная речь, зафиксированная в картотеках, словарях, атласах, художественных произведениях. Существенным подспорьем при исследовании лексики Обонежья является «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», который является основным источником материала в настоящей работе.

Как известно, для проведения лингвистических исследований, связанных с историей этноса и его языка, интерес представляют главным образом старейшие участки языковой картины мира, которые «в первую очередь стали объектами номинации со стороны языкового сознания...»⁴. Объектом данного исследования и стал один из таких «участков» – это названия насекомых – энтомосемизмы. Этот пласт лексики отражает как архаичные, так и более поздние языковые процессы, позволяет отследить лексические связи говоров друг с другом.

¹ Мещерский Н. А. К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР // Уч. зап. Карельского пед. ин-та. Петрозаводск. 1963. Т. 13. – С. 119.

² См. *Список литературы*.

³ Мызников С. А. «Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения». – СПб., 2003.

⁴ Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2003. – С. 24–25.

В СРГК зафиксировано около 200 лексем и лексико-словообразовательных вариантов, называющих насекомых. Всего же по данным различных областных словарей (включая СРНГ, Ярославский, Псковский и Новгородский областные словари, СВГ и др.) насчитывается около 1000 лексических единиц – названий насекомых.

Энтомосемизмы, бытующие на территории русских говоров Карелии, по значению можно объединить в тематические группы. Выделяется 27 групп, таких как: о.н. насекомых: *бубара*, *бубарка*; ‘стрекоза’: *конёк*, *саранча*, *стрекота*; ‘кузнечик’: *клювик*, *конёк*, *сверчок*; ‘бабочка, мотылёк’: *бабка*, *бабка-липка* и др.

Большая часть энтомосемизмов представляет собой исконную лексику. Заимствование и субстрат имеют место преимущественно на территории тесного контакта с иноязычными народами (и прежде всего с финно-угорскими). Неисконная лексика представлена такими словами, как *тигач* и *тигача* ‘мошка’ Медв., Пуд., *чигач* Тер., Кем., Лоух.; *барма* ‘овод’ Медв., Кондоп., *бармак* Пуд., Медв., *парма* Пуд., *пармак* и *пармяк* Прион., Медв., Кондоп., Пуд.; *шижлик*, *шизлик*, *шижник* ‘ящерица’ Выт., Лод., Подп., Кондоп., *жигалюха*, *жижгалюха*, *жижанюха* Медв., Кондоп., Прион., *жижелька* Пуд., *жижлик* Пуд., Плес., *жижлюк* Пуд., *жижляк* и *жизляк* Карг., Пуд., *жижник* Пуд., Карг⁵.

С точки зрения исторической диалектологии Олонецкая группа говоров сформировалась на основе древненовгородского диалекта. Однако, «распространившись на огромной территории, отдельные части которой имели своеобразную судьбу, новгородский диалект в разных местах развивался неодинаково. История формирования этих групп и диалектных различий между ними относится к эпохе после XV в.»⁶.

При лингвогеографическом анализе материала выяснилось, что названия данной группы лексики можно разделить на те, которые имеют связь:

во-первых, со всеми севернорусскими, а также с западными среднерусскими говорами (повсеместно распространённые): *букарка* ‘о. н. насекомого’; *слепец* ‘слепень’; *паут* ‘овод’; *стрекотун* ‘кузнечик’;

во-вторых, с говорами, исторически связанными с древним новгородско-псковским диалектом (новгородскими, псковскими, гдовскими): *толкун* ‘мошки’, *липка* ‘бабочка’; *ось*, *осовик* ‘оса’; *павка* ‘паук’; *мураха* ‘муравей’; *скачок* ‘кузнечик’;

в-третьих, с говорами, которые восприняли черты новгородско-псковского диалекта (ладого-тихвинскими, вологодскими): *медунца*, *медуник* ‘пчела, шмель’; *серуха* ‘слепень’; *желёзница* ‘вид жука’; *смолька* ‘кузнечик’;

в-четвёртых, с ярославскими говорами, которые наследовали черты ростово-суздальского диалекта: *гад* ‘насекомое’, *бука* ‘вошь’; *стякуха* ‘муравей’;

и в-пятых, с архангельскими говорами: *северуха*, *сиверица* ‘бабочка’. Отмечаются также собственно обонежские названия. Среди них распространённые на территории большей части Обонежья *пармак*//*бармак* ‘овод’, *бубарка* ‘о. н. насекомого’, *тигач* ‘мошки’.

Отдельного внимания заслуживает узорегиональная лексика. В интересующей нас группе названий выделяется значительное количество слов, употребление которых зафиксировано только в одном географическом районе. К таким словам относится, например, *веред* ‘овод, слепень’ Белом. Отсутствие соответствий этому названию в других говорах по лексикографическим данным делает затруднительным этимологию. Возможно, *веред* имеет связь со словом *вред* и, таким образом, в мотивации названия главным оказывается указание на вред насекомого человеку. Но, как нам кажется, нельзя исключать и связи с корнем *верт-*, тем более что подобные насекомые известны своей подвижностью.

На большей части ареала обонежских говоров распространено такое название клеща как *загожья вошь*, *загозка* и *загошка* ‘клещ’ Выт., Карг., Кондоп., Медв., Прион., Пуд. Но только в вытегорских говорах встречается *блоха-загозка*, которое, вероятно, является вариантом более распространённой *загошки*. Мотивация наименования *загожья вошь* не вполне ясна, но известно, что слово *загошка* в обонежских говорах означает кукушку. Ср. *кукушья вошь* ‘клещ’ Каргоп. Арх. (СРНГ, 16, 47). *Блоха-загозка* с исторической точки зрения, видимо, более позднее образование от *загошки*. Слово со стёртой внутренней формой заменилось на более привычное *загозка*, тем более, что клещ действительно является серьёзной загозкой для человека и животных. Не исключено также, что это название является просто окказионализмом.

Также только в вытегорских говорах встречается такое название овода как *засеватель*, мотивированное по времени активности насекомого – период сева. Схожую модель можно увидеть в другом названии овода – *стрек*, которое одновременно обозначает также время наибольшей активности насекомого.

Интересно происхождение названия паука, встречающееся только в каргопольских говорах *пестерь*, *пестель*, *пехтерь*, *пехтер*. Это слово имеет также в говорах значение ‘короб, корзина, лукошко’. Подобную мотивационную модель можно обнаружить на примере ярославского названия паука *кошель* ‘паук с телом в виде надутого мешочка’ Яросл. (СРНГ, 15, 146).

Название *чесла* ‘мошка’, отмеченное в пудожских говорах имеет, как нам кажется, иноязычное, скорее всего прибалтийско-финское, происхождение и связано с названиями *чигала* ‘мошка’ Пуд., *чигач* ‘очень мелкая мошка’ Тер., Кем., Лоух. (СРГК, 6, 789), *тигач* ‘мошкара’ Медв., Пуд. (СРГК, 6, 459). Но, безусловно, данная этимология нуждается в дополнительной проверке.

⁵ См. об этом подробнее: С. А. Мызников. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики. – СПб, 2003. – С. 203–203, 206–210; С. А. Мызников. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб, 2004. – С. 82–83.

⁶ Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. – М., 1972. – С. 144.

Ареально-лингвистический анализ лексики, именуемой насекомых в русских говорах Карелии, показал, что:

1) основу лексического запаса составляют слова славянского происхождения, как те, которые отмечены в других русских говорах, так и те, которые встречаются только в обонежском ареале или только в одном географическом пункте;

2) говоры Обонежья теснее всего связаны с древним новгородско-псковским диалектом, что обусловлено характером заселения Карелии;

3) в сравнительно небольшой лексической группе, которая была подвергнута анализу, выделилась целая группа слов, узкорегionalных по своему распространению;

4) условия языкового окружения определили наличие целой группы субстратной и заимствованной лексики.

Таким образом, результаты данного анализа в целом подтверждают сведения о происхождении и ареальных связях русских говоров Карелии, уже имеющиеся в научной литературе⁷. Вместе с тем ряд лексических и лингвогеографических фактов, некоторые из которых ещё нуждаются в более глубоком анализе, дополняет, а где-то и уточняет сложившуюся научную картину.

Список литературы

НОС – Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. – Новгород; Великий Новгород, 1992–2000.

СВГ – Словарь вологодских говоров / ред. Т. Г. Паникаровская. Вып. 1–12. – Вологда, 1983–2007.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. – СПб., 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 1–39. – М.; Л.; СПб, 1965–2005.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах. – М., 2004.

ЯОС – Ярославский областной словарь / отв. ред. Г. Г. Мельниченко [Вып. 1–10]. – Ярославль, 1981–1991.

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. – М., 1949.

Бородина М. А. Проблемы лингвистической географии. – М.–Л., 1966.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику. – 2-е изд.– СПб., 2005.

Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. – Л., 1979. Вып. 3. – С. 206–213.

Герд А. С. К истории диалектных границ вокруг Онежского озера // История русского слова: проблемы номинации и семантики. – Вологда, 1991. – С. 54–61.

Герд А. С. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. – СПб., 2001. – С. 409–416.

Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. – М., 1972.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997.

Клепикова Г. П. К проблеме использования данных лингвистической географии в историко-этимологических исследованиях // Этимология 1984. – М., 1986. – С. 79–84.

Колесов В. В. Значение лингвистической географии в историческом изучении языка // *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003. – Изд. 2-е, испр. и доп.

Кривошапова Ю. А. Номинативные особенности ЛСГ «Насекомые» (на материале русских народных говоров) // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2004. Вып. 5. С. 169–179.

Кривошапова Ю. А. Этимологическая лексика в этнолингвистическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики. – СПб., 2003.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб., 2004.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / ред. В. Г. Орлова. – М., 1970.

⁷ См. *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров* / ред. В. Г. Орлова. – М., 1970.

Прозвища жителей дер. Пяльма Пудожского района

Этим летом мы участвовали в диалектологической экспедиции в деревне Пяльма Пудожского района. Приехав туда, мы познакомились с настоящими патриотами своей малой родины. Каждый человек там любит свой родной край, ценит свой отчий дом и гордится своим происхождением. Настоящим открытием для нас стал Петр Алексеевич Поташев много сил и труда вложивший в восстановление деревни. Как истинный сын своей родины, он помогает возрождать старинную архитектуру Пяльмы, старается возратить интерес молодежи к истории деревни, развивает туризм (там действительно есть на что посмотреть!). Петр Алексеевич создает прекрасные экспозиции в местном музее на различные темы, является составителем генеалогического древа, которое насчитывает около 500 человек. Так же он интересуется и особенностями языка жителей Пяльмы, старается как можно больше узнать о нем. Его вклад в нашу исследовательскую работу неоценим, он всячески старался нам помочь.

Нельзя не упомянуть и о таком ценнейшем информанте, как Мария Федоровна Латина. Это замечательная женщина, рассказавшая нам много интересных фактов о быте и жизни деревни, а самое главное как она это рассказала!

Это была одна из самых прекрасных и познавательных экспедиций, которая дала нам много материала для исследования.

Говор данного населенного пункта является севернорусским, т. к. к его фонетическим особенностям мы можем отнести оканье и цоканье, а также он имеет определенные словообразовательные элементы. Несомненно, имеет значение то, что оканье мы наблюдали только у одного информанта, а цоканье не сохранилось в речи, но обнаружилось в песне одной из жительниц.

Стаханова Ирина Сергеевна в своем автореферате пишет так: «Прозвище является неофициальным, дополнительным именем человека, соотнесенным со сферой межличностного взаимодействия в определенных коммуникативных ситуациях <...> Прозвища, псевдонимы и никнеймы имеют различное авторство: прозвища дают окружающие, псевдонимы и никнеймы – результат автономинатии. У них различные цели: псевдонимы и никнеймы либо подчеркивают то, что выгодно человеку, либо выполняют маскировочную функцию, а прозвища появляются независимо от воли его носителя и отражают не только индивидуальные черты, действительно ему присущие, но и в какой-то мере отношение окружающих к нему».

Мы классифицировали собранный нами материал таким образом:

- 1) индивидуальные прозвища, принадлежащие конкретным лицам;
- 2) наименования, отражающие различные характеристики людей, которые мы разделили по:
  - А) комплекции;
  - Б) физическому и психическому состояниям;
  - В) негативному отношению;
  - Г) ситуации.

В первую группу, т. е. индивидуальные прозвища, принадлежащие конкретным лицам, вошли такие слова как:

Танюша 'прозвище Анатолия Ивановича Танина'

Купреянчик 'прозвище Куприянова Сергея – жителя деревни'

Таня-Мула 'прозвище Татьяны, женщины большой комплекции'

Пека-Яка 'прозвище Петра Алексеевича Поташева – жителя деревни'

Бучма 'прозвище полной женщины, жительницы деревни (Нина Бучма)'

Гогонибудь 'прозвище Анатолия' (Анатолий получил прозвище в детстве, потому что всё время просил дать ему чего-нибудь вкусенького)

Вторую группу мы разделили на слова, отражающие различные характеристики людей.

Первый раздел этой группы содержит наименования, основанные на особенностях комплекции.

Жиламустаник 'крепкий, худощавый мужчина'

Малозёмный 'маленький ростом человек'

Шнятяк 'толстый ребенок'

Ледина худая 'тощая'

В следующий раздел вошли эмоционально-экспрессивные наименования, которые указывают на физическое и психическое состояния людей.

Ошалеика 'странная женщина'

Худая бабина 'больная женщина'

Слабосёрый 'человек, у которого нет силы'

Кобайдун 'медлительный человек'

Наименования, имеющие ярко выраженную негативную окраску.

Чистый язвец 'девушка, которая говорит много и не по делу'

Колайдун 'пустозвон'
Пришалимок 'баловень, озорник'
Самоволь 'непослушный ребенок'
Остудник 'человек, который спорит, ругается'
Греховодник 'человек, который ведёт себя неприлично'
Мялица большеротая 'женщина, которая много, громко и невпопад говорит'
Мяляйдун 'мужчина, который много, громко и невпопад говорит'
Шарага 'пустая глупая женщина'
Наименования, полученные в конкретной ситуации.
Верховодник 'человек, добивающийся своей цели'
Пулеватик 'ребенок, который запачкался'
Заправная женщина 'ладная'
Божоненький 'хорошенький, заслуживающий жалости человек'
Шестипалый 'прозвище человека, который не умеет считать'

Эмоционально-экспрессивные наименования деревни Пяльма позволяют выявить различные аспекты жизни: взаимоотношения жителей, традиции, религиозные воззрения и другое. По итогам анализа лексики мы выделили следующие группы:

- 1) индивидуальные прозвища, принадлежащие конкретным лицам;
- 2) наименования, отражающие различные характеристики людей, которые мы разделили по:
  - а) комплекции;
  - б) физическому и психическому состояниям;
  - в) негативному отношению;
  - г) ситуации.

Мы считаем, что прозвища определенных уголков нашей республики исследованы недостаточно, требуют более глубокого изучения, т.к. являются неотъемлемой частью культуры жителей и их языковых особенностей.

Сами жители деревни Пяльма трепетно относятся к своей культуре и истории родного языка. Подтверждением этого может служить их осведомленность о происхождении самого названия деревни. Пяльма – «главная пядь земли» – утверждают все информанты в один голос. Кроме того, многие самостоятельно собирают лексику своей деревни.

Пяльма – это не только приятное место для отдыха, но и один из важнейших источников для изучения диалекта.

*Бивол Ю. М.,
Карельская государственная педагогическая академия*

К вопросу о происхождении названий некоторых народных игр

Русские народные игры имеют многотысячелетнюю историю: они сохранились до наших дней со времен глубокой старины, передавались из поколения в поколение, вбирая в себя лучшие национальные традиции. Испокон веков благодаря игре дети приобщались к культуре своего народа, потому что игры всегда были связаны со считалками, присказками, прибаутками, песнями, преданиями и легендами. В различных формах народная игра сопровождает человечество в течение всего его исторического развития с древних времён и до наших дней.

Народные игры актуальны и интересны и в настоящее время, несмотря на то, что существует достаточно большое количество соблазнов в наш век. Именно через игру русский народ отражал многие процессы своей жизнедеятельности.

Характерная особенность народных игр – движения в содержании игры (бег, прыжки, метания, броски, передачи и ловля мяча, сопротивления и др.). Эти двигательные действия мотивированы сюжетом игры. Специальной физической подготовленности играющим не требуется, но хорошо физически развитые игроки получают определенное преимущество в ходе игры (так, в лапте хорошо ловящего мяч ставят в поле у линии кона, а хорошо бьющего выбирают капитаном и дают дополнительный удар по мячу).

Правила в играх определяются самими участниками в зависимости от условий, в которых проводятся игры (в городках – расстояние до города от кона или полукона, в лапте – количество игроков, длина и ширина площадки, в салках – условия осаливания и т. д.). Также может варьироваться и инвентарь (в «Лапте» – размеры биты, мяча, в «Жмурках» – размеры повязки, в «Чижике» – размеры чижики, биты или кона и т. д.).

Игровая лексика широко и разнообразно представлена в русских говорах. Ее классификация может быть основана на типологии самих явлений. Попытки дифференцировать народные игры, мы находим в работах: Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья, Басарин А. И. Дело и потеха, Всеволодский В. Н. Игры

народов СССР. Сборник материалов, Гусев А. Ю. Типологии игры: «поэзия» и этология, Лойтер С. М. Краевед И. М. Дуров и его коллекция поморских детских игр, Цейтлин Г. Народные игры в Поморье.

В работах содержится довольно объемный материал по названиям народных игр.

Большой мяч

Игра, в которой необходимо образовать круг. Дети берутся за руки, и выбирается один водящий, который становится в центр круга и около его ног находится большой мяч. Задача игрока, находящегося в центре, ударом ноги по мячу вытолкнуть его за пределы круга.

Зайки

Игра проводится на открытом пространстве. Из всех игроков выбирается один охотник, все остальные изображают зайцев, стараясь прыгать на двух ногах. Задача охотника поймать самого не проворного зайца, осалив его рукой

Малечина

Поставив палочку на палец, ладонь, ногу или другую часть тела, стараются поддержать ее в равновесии, пока произносят слова: «Малечина-калечина, сколько часов до вечера? Раз, два, три... десять»

Пятнашки

Играющие выбирают водящего – пятнашку. Все разбегаются по площадке, а пятнашка их ловит.

Правила игры. Тот, кого пятнашка коснется рукой, становится пятнашкой.

Варианты игры в пятнашку:

Пятнашки, ноги от земли. Играющий может спастись от пятнашки, если встанет на какой-то предмет.

Пятнашки-зайки. Пятнашка может запятнать только бегущего игрока, но стоит последнему запрыгнуть на двух ногах – он в безопасности.

Пятнашки с домом. По краям площадки рисуют два круга, это дома. Один из играющих – пятнашка, он догоняет участников игры. Преследуемый может спастись от пятнашки в доме, так как в границах круга пятнать нельзя.

В нашу задачу входит лингвистический анализ игровой лексики.

Сосредоточим внимание на некоторых из них. При анализе игровой лексики, я обращался к следующим словарям: СРНГ, СРГК, НОС, СЖПЯ И.М. Дурова, ЯОС, ЭСРЯ Фасмера.

В словарях название игр расположены по алфавиту, особенно богато представлена игровая лексика в ЯОС, в нем насчитывается более 100 сочетаний народных игр. Предложенных на букву в.

Теперь обратимся непосредственно к самому анализу игровой лексики.

Буй

Буй – это детская игра, при которой требуется сбить палкой деревянный конус (конд.).

[СРГК, I: 134]. Более ста лет это слово занимает мысль языковедов. Ларин Б. А. рассматривает этимологию слова буй. У слова буй большое гнездо: буй, буян, буянить, буюво, буювище, буйство. Первоначально слово буй имело значение 'высокий', 'большой', 'неистовый'.

Существительное буй сначала обозначало высокий холм, горку, на которой обычно располагались церкви с оградой вокруг них и небольшим кладбищем. И вслед за изменением реального назначения такой высокой горки возле деревни в этом именно направлении постепенно изменялось значение слова. Буй как высокий холм, видный отовсюду, стал церковью на высоком холме. В древнерусском языке слово буй имело значение «погост пустырь при церкви» и второе значение «кладбище». Фасмер предполагает, что слово буй было заимствовано из др.-шв. bó «жилище» [Фасмер, I:234].

Слово буй отмечено в некоторых современных говорах: в бокситогорских говорах – это игра, при которой тряпичный мяч нужно загнать в угол или в середину круга [СРГК, I: 134]. В ярославских, новгородских говорах буй – это игра для взрослых, в которой играющий сбивает костяной шар палкой или ловит его [СРНГ, III: 260]. Примечательно, что в вологодских же говорах слово буй – это длинная палка — бита в детской игре [СГРС, I: 205].

Селюга

Селюга – игра в прятки. Еще XX в. в Поморье дети играли селюгой в прятки [Цейлинг, 1911].

По всей вероятности слово *селюга* является вариантом слова *сэльга* по происхождению из карельского языка. В новгородских говорах имеются антропонимы образованные на базе этого слова Селюга, Селюгин известны с XVI в. В петрозаводских говорах Селюгины, крестьяне, 1564 г. [Веселовский, 1974: 284] В пудожских говорах слово селюга имеет значение кладбище [СРГК, 6:53]. В результате *мы можем говорить о том, что в данном слове отразились отголоски похоронного обряда.* [Бернштам, 1977: 39].

Одино́к

Слово Одино́к употребляется в сочетании «одинка парить», «одинка парит» – «игр с мечом» (кемские говоры) [СРНГ, 23; 30]. В псковских, осташковских, тверских говорах слово одино́к – «игра, при которой подбрасывается несколько камешков, из которых нужно поймать только один» [Там же; 30]. Это слово употребляется также в сочетании играть «по одинокам» в петрозаводских говорах.

[Там же; 30]. Играющая начинает тем, что играет «по одинокам» для этого все камни раскидываются по полу, играющая берет один из них и в то время, как подкидывает камень вверх, старается схватить один из лежащих на полу и затем поймать подброшенный.

Но слово одино́к имеет не только игровое значение. В архангельских говорах слово одино́к – это единственный работник в семье. В кемских говорах – это выступающий из воды камень в море. [Там же; 30].

Бирюльки

В. А. Меркулова рассматривает этимологию слова бирюльки, недавно вышедшего из активного употребления, имевшего значение «набор мельчайших деревянных или металлических вещичек в виде палочек и разного рода предметов (посуды, шляпок, масок) употребляется для особой игры», игра, состоящая в том, чтобы из маленьких игрушек (бирюлек) вытаскивать крючком одну за другой, не пошевелив и не рассыпав остальных [БАС, I: 459], и предлагает его появление в русском языке «через украинское посредством или непосредственно из турецкого через говоры Поволжья», в которых до настоящего времени сохранилось первичное значение 'дудочка, свирель' [Меркулова, 1973:189]. В. Даль дает определение слова бирюльки несколько иначе: «мелкая игрушка, украшение, берендейка, балаболка». [Даль, I: 216].

Даль с некоторым сомнением связывает слово бирюльки с глаголом брать. Если слово бирюльки образовано от глагола брать, то остается неясным смягчение согл. основы перед суфф. -уля. Кроме того неясна и семантика слова. Название игр, как правило, образуются по двум семантическим моделям: или по названию основного действия в игре или по предмету, который используется в игре. Этимологи предполагают, что слово бирюльки образовано от глагола брать, по первому типу наименования. Но слово бирюльки явно принадлежит ко 2 типу т. к. называет предмет, в который играют. Время возникновения игры неизвестно.

Материалы русских говоров показывают, что слово бирюльки широко известно для обозначения мелкого предмета, украшения в виде подвески. В вологодской области бирюльки называют кисточки цветов [СРНГ, II: 295].

В псковских, осташковских говорах бирюльками называют крендельки, баранки, мелкий узор на материи и бигуди. [Там же: 295], в рязанской и владимирской обл. бирюлькой называлась 'дудочка, свирель ивовая' и 'камышёвая сопелка' [Даль, I: 216], в вологодских говорах бирюлька – 'палец у собаки' [СВГ, 1983: 32].

Таким образом, в слове бирюлька наблюдается два основных семантических центра 'дудочка' и 'свирель и мелкая игрушка, украшение, подвеска'.

Переход от значения 'дудочка' к значению 'мелкая игрушка' могло осуществляться следующим образом. Для игры использовались первоначально кусочки камыша или соломы. Бирюлькой назывались дудочка и полные стебли растений.

Козны

Почти на всей территории России известно название игры в козны и его многочисленные варианты. Значения 'игра в кости' и 'кости для игры' у слова козны производны от первоначального 'надкопытный сустав ноги рогатого скота', аналогия наблюдается у слова бабка – 'кость для игры' и 'надкопытный сустав лошади', слово же козны – мн. от козён, образовавшегося от козёнок – позвонок, параллельно существовавшего наряду с позвонок [Меркулова, 1971:81-82]. Казанок козёнок и козёнок 'сустав на пальцах рук' известно кондопожским, медвежьегорским, вытегорским, каргопольским, лодейнопольским, подпорожским, тихвинским говорам, 'сустав конечностей животных, используемый при игре в бабки' – тихвинским и чудовским говорам [СРГК, II: 312], козны 'игра в бабки' – каргопольским, играть в козны 'играть в бабки' – тихвинским и чудовским [Там же: 387].

Горёлки

Горёлки – это игра в которой парень, стоящий впереди должен разбить пару, поставленную у него за спиной и пробегающую мимо него, и поймать девушку. В настоящее время *горёлка* являются детской игрой. Слово горёлка образованна от глагола гореть; укр. горіти, болг. горя [Фасмер, I: 440–442]. Но слово *горёлка* имеет не только игровое значение. В беломорских говорах горелки – это место, где горело, в вологодских говорах *горёлкой* называлась керосиновая лампа [СРГК, I:369].

Молчанка

Мельников М.Н. в своей книге «русский детский фольклор» рассматривает игру *молчанка*. По происхождению из древнерусского языка мълчати [Фасмер, II: 648]. Суть игры заключается в том, чтобы после приговора не проронить ни единого слова, не рассмеяться. Небольшая группа ребят садится в тесный кружок, и кто побойчей, начинает «читать» молчанку. *Молчанки* имеют ряд специфических черт, присущих только этим произведениям. Они обязательно содержат в форме заклинания уговор молчать. («Кто промолвит», «Кто скажет», «Кто первый скажет», «Кто слово промолвит», «С этих пор молчать», «С этих пор говорить бросим») [Мельников, 1987:86].

Слово *молчанка* имело не только игровое значение. В медвежьегорских, каргопольских говорах *молчанка* – это неразговорчивый, молчаливый человек. Сидеть молчанку молчать. Задавать вопрос, а то будем сидеть молчанку [СРНГ, III:255].

Заключение:

Игровая лексика требует дальнейшего изучения в разных планах, по составу она неоднородна и используется в игровом значении. Есть лексика общеупотребительная и собственно игровая.

История города Олонца в памятниках письменности

Город Олонец – один из древнейших городов Карелии. Основание его относится к середине XVII века (1649).

Ирина Александровна Чернякова в своей книге «Карелия на переломе эпох», пишет о зарождении города Олонца: «Олонец возник как пограничный город-крепость на северо-западном рубеже России. Необходимость укрепления приблизившейся после заключения Столбовского мира (1617) границы со Швецией вызывала идею построить ещё один город, и московское правительство не видело особых препятствий для ее воплощения».

«Пристойнее всех мест городу быть... на реке на Олонце усть речки Мегреги» – решили воеводы. И уже в конце августа 1649 г. Ф. Волконский и С. Елагин сообщают в Новгородскую четверть, что город заложен и строится.

В 1649 году, не позднее 27 октября, воеводы докладывали в Москву, что 29 сентября оба города «со всякими городовыми крепостями доделали».

Обратимся к этому документу в сборнике Р. Б. Мюллер Карелия в XVII веке, его заглавие: 1649 г., не позднее октября 27. – Отписка олонцев князя Федора Волконского и Степана Елагина в Новгородский приказ о постройке и заселении города Олонца.

«И по нашему холопей твоих осмотру пристойнее всех мест городу быть в большом в Рождественском Олонетцком погосте, на реке на Олонце усть речки Мегреги, где впала в реку Олонец, то место, где стояла деревня Оксентьево, а Толмачев Наволок тож, а **нелося то место между двух рек** и посреди Олонецкова погосту. И о том мы холопи твои писали к тебе государю преже сево, што на том месте **обложали** и учили делать два **города**».

Что же имеют в виду воеводы, когда пишут в отписке про «два города»?

И. А. Чернякова комментирует этот факт так: «в ходе возведения крепости выяснилось, что место выбрано низкое и что внешние воды с двух сторон подступят к острогу, так как и город, и острог расположены между двух рек. Тогда было решено построить вокруг ещё один город».

Обратимся к семантике слова город:

Городъ, м. [СлРЯ XI – XVII вв., 4: 90–91]

1. Ограда, крепостная стена, линия укреплений

Поставиша городъ земляной в Новѣ городе (Псков. лет. II, 264).

2. Укрепленное поселение, крепость, внутренняя укрепленная часть города, кремль. Часть города за особой оградой, стенкой.

3. Крупный ремесленный пункт, город.

4. Зубец

Город, м. [СлРЯ XVIII в., 5: 175–176]

1. Поселение со значительным числом жителей, занятых преимущественно торговлей и промышленной деятельностью; противоп. село, деревня.

2. Крепость

3. Ограда, стена или вал перед крепостью.

4. То же, что град (редко., доп.: государство)

5. То же, что городок (доп.: зубец – особая вышивка)

Слово город полисеманлично, но для нас примечательны значения: крепость, ограда, стена, поселение.

Примечательна в тесте словоформа «нелося», возвр. форма прош. времени глагола,

по-видимому, начальная форма глагола – няти.

Няти – глаг. [СлРЯ XI–XVII вв., 11: 454]

1. Взять

2. Взять себе, снять урожай.

3. Принять (на свою землю, в свои владения)

4. Поймать, схватить

5. Оказать воздействие, одолеть.

Надобе, чтоб меня не няла никака портеж. Заговоры Олон. (XVIII в.)

6. Иметь результат

«нелося то место между двух рек», то есть в конечном итоге, в результате выбрали место между двух рек.

Обложити, глаг. [СлРЯ XI – XVII вв., 12: 83–84]

1. Положить, поставить вокруг, обложить.

2. Окружить, осадить, т.ж. перен.

3. Наметив границы, заложить основание какого-либо сооружения (обычно совершив обряд освящения места, предназначенного для строительства).

4. Наложить, покрыть чем-либо сверху, по краям или со всех сторон для украшения какого-либо предмета, отделить чем-либо.

5. Наложить сверху, набросать что-либо снаружи или сверху, вокруг; обвязать.

6. Обдать, облить.

7. Одеть, облечь; украсить чем-либо.

8. Прижать какое-либо качество, свойство, наделить каким-либо качеством, свойством и др.

9. В сочетании с отвлеченным существительным обозначает: производить какое-либо действие в соответствии со значением данного существительного.

10. Обязать к уплате чего-либо: штрафа, податей, налогов и т. п.

«А каковы, государь, по городу поставлены башни, и сколько башен, и каковы городовые стены мерою, **и в каком лесу город рублен**, и што **башням и городом по мере сажень и вышина и ширина**, и што к городу каких крепостей сделано, и какие места к городу подошли, и сколь далеко от города деревни, в колких верстах от города твои государевы и немецкие города и рубеж немецкой...»

В данном отрывке слово «город» уже употребляется в другом значении, т.к. его признаками в тексте является «вышина и ширина» (ограда, крепостная стена, линия укреплений, вал).

В выражении «и в каком лесу город рублен», слово употребляется в значении строительного материала:

Лес, м. [СлРЯ XVIII вв., 11: 154–155]

1. Множество деревьев на корню, покрывающих какое-либо пространство; само пространство, покрытое ими.

2. собир. Срубленные деревья как строительный, поделочный и т.п. материал.

Лес, м. [СлРЯ XI–XVII вв., 8: 210 – 211]

1. Лес, заросли, кустарник.

2. в знач. собир. Срубленные деревья, очищенные от сучьев, иногда – обработанные в виде брусьев, тесин.

«А места, государь, к городу подошли не просторныя на низких местах, лясныя поросли по **мшарином**».

Мшарник [СРГК, 3: 277]

1. Мох, кукушкин лен. Плес.

2. То же, что мшарина (Там же: 1. Мшистое, болотистое место. Пуд.+Плес.; 2. Мшистая поляна в лесу.

Кем.+Плес.)

3. Утеплены мхом улей. Бокс.

Мшара, м. [СлРЯ XI–XVII вв., 9: 326]

Место, заросшее мхом.

Мшарина, ж. (там же) – место, заросшее мхом.

Мшарникъ, м. (там же) – место, заросшее мхом.

Значения слова близки, но интересно то, что слова имеют разные грамматические характеристики, в некоторых случаях переставляют собой сущ. мужского рода, а в других – женского рода.

Описание процесса заселения города:

«А жилых, государь, и посадских людей в города из Заонежских погостов охотников никою нету. И мы холопы твои, у смотрю допрашивая волостных людей: которые люди у них в погостех торговыми промыслами промышляют, а с солдатскую службу за старостью их не будет, а детей у иных нету, а у иных дети есть; и мы холопы твои тем торговым людям говорили, штобы они, у ково есть дети, писали детей своих в солдатскую службу, а сами писалися в посадские люди на Олонец, а у ково детей нет, и они бы дали в солдатскую службу приимышев или наймитов, а сами писалися в посадские люди».

Р. Б. Мюллер в Очерках по истории Карелии XVI–XVII вв. отмечает: «Когда в 1649 году решено было построить на Олонце город, встал вопрос о заселении его посадскими людьми – ремесленниками и торговцами, которые могли бы снабжать необходимыми товарами приказных и военных людей нового города. Вскоре выяснилось, что переселяться «охотников нету», и правительство прибегло к обычной для того времени мере – к изъятию из погостов и переводу на Олонец наиболее зажиточных крестьян».

Второй документ, к которому мы обратимся «1649 г. не позднее октября 27. – Роспись укреплений города Олонца».

«Роспись Олонецким городом, в котором месте и у каких крепостей города поставлены, и сколько по городом поставлено башен, и каковы башни и городовые стены мерою, и што каких городовых крепостей сделано, и какие к городу места подошли, и в колких верстах города от государевых и от немецких городов, и в колких верстах от города которые Заонежские погосты, и в колких верстах от города немецкой рубеж, и то все на чертеже начерчено и в сей росписи писано».

Далее в документе идёт описание башен крепости, входящих в состав большого города и меньшого, это отображено на схеме города.

Обратим внимание на некоторую лексику, представляющую название отдельных частей крепости, по тематике – это строительная лексика.

«А от той средней круглой башни меж городов до воротней башни, что ездят из меншого города в большой город, стены 32 сажени с полусаженью. А рублен город в **тарасы** в четвероугольные, до нижних **боев** рублен в 2 стены, а между стен пущено 3 чети аршина, насыпан землею для защиты пушечной и **пищальной стрелбы**; а тарасы рублены по городу в сажень, а в город 2 сажень без четверти, а в тарасех просечены **бои** ди щальные; а в тарасы из города двери просечены для вместики осадных людей; а к тарасам из города ставлены столбы для связи и кровли городской, на тех столбах кровля укреплена; а между тарасов стены по 2 сажени, просечены между Тарасов по два бои нижних».

Тарас, м. [СРГК, 6: 424]

Сруб из бревен, заполненный камнями. Тихв., Чаг.

Тараса [Сл. СРЛЯ/под ред. А. М. Бабкина и др., 15: 118]

Старинное наружное укрепление в виде сруба, наполненного землей и мелкими камнями, составляющее часть инженерных сооружений крепости. (дополн.: такое же сооружение, передвигаемое при штурме городских, крепостных и т. п. стен).

Бой, м. [СлРЯ XI–XVII вв., 1: 274–275]

1. Действие по знач. глагола бити, битье, побои.
2. Драка, поединок, борьба (как состязание)
3. Бой, сражение, битва.
4. Оружие, вооружение.

5. Боевой ярус городских стен и башен

Бой, м. [СлРЯ XVIII в., 2: 92–93]

1. Битва, сражение.
2. Состязание, борьба, поединок.
3. Форт. Бойница, уступ для пушки.
4. Битье, побои.
5. Удары чего-либо о что-либо; звуки ударов.
6. Битье посуды, стекла и т. д.; битая посуда, стекло и т. п.
7. Убой (скота, птицы).

Пищаль (пишаль) ж. [СлРЯ XI–XVII вв.]

1. Артиллерийское орудие типа пушки.
  2. Ручное огнестрельное оружие, находившееся на вооружении русских войск в XV–XVII вв.
- Семантика названий некоторых других частей крепости:

Наугольная башня

Наугольный прил. [СлРЯ XI–XVII вв., 10: 290]

Находящийся на углу чего-нибудь.

Наугольник (Там же)

1. Накладка, основа, нашивка, скрепляющая или украшающая угол.

2. Угловая башня в ограде.

3. Приспособление из двух линеек, скрепленных под прямым углом для нанесения прямых углов на бумагу, а также для выравнивания углов при столярных, камнетесных и строительных работах.

Глухая башня

Глухой прил. [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 38]

1. Глухой, лишенный слуха.
2. Неясный, неопределенный в каком-либо отношении
3. Трудно доступный, расположенный в глуши, далеко от чего-либо.
5. Закрытый, не имеющий отверстий, сплошной.

Карауля, ж. [СлРЯ XI–XVII вв., 7: 75]

«а по мере башня с кровлею и с короульнею вверх 14 сажен...»

1. Помещение для сторожа или военного караула, караульная изба.

2. Сторожевая вышка, наблюдательный пункт.

Сторожня, ж. [СлРЯ XI–XVII вв., 28: 99]

«Да в городе ж двор воеводцкой, да у ворот сторожня».

1. Место, где помещается сторож, охрана; карауля; сторожка.
2. Охрана

Ст. «сторожний и сторожий»: сторожня изба, сторожнее мѣсто – то же, что сторожня (в 1 знач.)

«А по городу намощен мост, а с мосту рублена городовая стена по верхние пищальные бои с обломы в 2 стены, для крепости и защиты пищальной стрельбы; а в обломех бои пищальные, а на обломех под кровлею катки положены по 5-ти катков.»

Обломь, м. [СлРЯ XI–XVII вв., 12: 86]

1. Действие по глаг. Обломати (в знач. 1)
2. То, что обломилось, обрушилось.
3. Мн. Полки- выступы на крепостной стене

Обламы, мн. [СлРЯ XI–XVII вв., 12: 66]

Выступы у башни, крепостной, осторожной стены. Ср. облавы, обламаны, обломки, обломь, отламы.

Катокъ, м. [СлРЯ XI–XVII вв., 7: 91]

1. Сельскохозяйственное орудие для рыхления земли
2. Приспособления для перекачивания тяжестей.
3. Противоштурмовые бревна, которые скатывают со стен крепости во время приступа.
4. Сверток, рулон холста.
5. Комок; круглый брусок застывающего вещества; обкатанный кусок земной породы.
6. Приспособление для глажения белья, одежды.

Каток, м. [СлРЯ XVIII в., 10: 12–13]

1. Названия различных орудий и приспособлений для укатывания, разглаживания чего-либо.
2. обычно мн. Приспособление для перекачивания тяжестей, для скатывания чего-либо сверху вниз.

3. Расчищенное место на льду для катания на коньках.

4. Стержень, служивший ключом для прочтения шифрованного письма в Древней Греции.

«От той глухой башни до задних Мегрежских водяных ворот стены 34 сажени. А на водяных воротех башни 4 сажени; кругом тое башни по **загородью** 8 сажени, в башне 3 моста, бои пушечные и пищальные трою; вышина башни с кровлюю 9 сажени; а в той башни к речки Мегреги водяные косые ворота».

Загородье, с. [СлРЯ XI–XVII вв., 5: 173–174]

Местность, расположенная за городской стеной в непосредственной близости от города.

Отъ загородья, изъ загородья – с внешней стороны городской стены, по наружной стороне городской стены.

«А с московскую полевую сторону на 100 на 90 саженах места ровные приступные от реки Олонца до речки Мегреги, и тем местом между рек копан ров, от города до рву 4 сажени; для того ров дале от стены копан: в полу воду из обеих рек будет рвом **водяная пролива**, чтобы водою городской стене порухи не учинила; и чаять того, что ров впредь из рек будет водяной; ширина рву полчетверты сажени, глубина то же».

Пролива, ж. [СлРЯ XI–XVII вв., 20: 159]

1. Пролив.

2. Поток воды, образовавшийся при весеннем разливе реки.

«А пашни к тем ко всем алонецким деревням по берегу небольшие, а за пашни сенные покосы небольшие ж, а за покосы леса, и мхи, и болота неугожие».

Неугожий, прил. [СлРЯ XI – XVII вв., 11: 326]

1. Неугодный, дурной.

2. Непригодный

Неугожий, прил. [СлРЯ XVIII в., 15: 100]

1. Непригодный, негодный.

2. Неприличный, нехороший, дурной.

В следующем отрывке отражается географическое положение города относительно другиз населенных пунктов и водоёмов:

«А от нижних олонецких деревень до Ладожского озера 5 верст; а от города до Ладожского озера 20 верст; а до Ладоги от Олонца 150 верст; а до Новагорода 300 верст. Алонецкого ж погосту выставки сидят по разным мелким озером от города верстах в 70 и болши. А иные Заонежские погосты по Заонежскому озеру с олонецкую сторону от немецкого рубежа: Николской Шуйской погост от Олонца 150 верст; а от Николского Шуйского погоста до Спаского Кижского погоста 50 верст; а от Кижского погоста до Николского Шуйского погосту и до Толвуйского погоста по 60 верст; и т.д.» – отражено географическое положение города.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что два данных документа, рассмотренных нами, прямым образом отражают историю образования города, его заселения, наименования и расположения частей крепости, географическое положение города.

Используемые документы из сборника Р. Б. Мюллер Карелия в XVII веке:

№ 49. 1649 г., не позднее октября 27. – Отписка олонецких воевод князя Федора Волконского и Степана Елагина в Новгородский приказ о постройке и заселении города Олонца.

№ 50. 1649 г. не позднее октября 27. – Роспись укреплений города Олонца.

Литература:

Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII веков – Петрозаводск, 1947.

Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох – Петрозаводск, 1998.

Раздел 4. Секция «Культура. Литература»

Чикина Н. В.,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Традиционная культура на страницах национальных газет

К началу XXI в. национальная периодическая печать в Республике Карелия представлена на четырех языках: русском, финском, карельском и вепском, т.е. все коренные народы имеют свои газеты и журналы. В данном докладе будет представлен анализ публикаций за 2000–2010 гг. по традиционной культуре народов, проживающих в Карелии. В республике работают 24 национальных общества и каждое из них занимается сохранением своей культуры.

В ходе исследования были изучены следующие газеты: «Karjalan Sanomat» («Новости Карелии»), «Oma Mua» («Родная Земля»), «Vienan Karjala» («Беломорская Карелия»), «Kodima» («Родная земля»).

Кратко об этих изданиях. Общественно-политическая газета «Karjalan Sanomat» выходит с 1920 года на финском языке. За годы своего существования сменила несколько названий. Учредители: Законодательное Собрание и Правительство Республики Карелия. Редактор: Роберт Маннер. Тираж: 1500 (в 2000 г.), 1200 (в 2010 г.). Объем: в 2000 году – 8 страниц, в 2010 – 16. Выходит 2 раза в неделю.

Газета «Oma Mua» выходит с 1990 года на карельском языке. С 2000 года публикует материалы на ливвиковском наречии карельского языка. Учредители: Законодательное Собрание и Правительство Республики Карелия, «Союз Карельского народа», Издательство «Периодика». Редакторы: Лариса Никитина (1999–2004), Наталья Синицкая (2004–2010) Тираж: 700 экземпляров. Объем: 4 страницы. Выходит 1 раз в неделю.

Газета «Vienan Karjala» выходит с 1999 года на карельском языке (собственно карельское наречие). Учредители те же, что и у газеты «Oma Mua». Редакторы: Раиса Ремшуева (1999-2006), Галина Леттиева (2006–2009), Ольга Мелентьева (с 2010 года по наст. время). Тираж 500 (в 2000 г.), 700 (в 2010 г.). Объем: 4 страницы. Выходит 2 раза в месяц.

Газета «Kodima» выходит с 1993 года. Учредители: Законодательное Собрание и Правительство Республики Карелия, Общество вепской культуры. Редакторы: Нина Зайцева (2000), Николай Фомин (2001–2004), Николай Абрамов (2005–2006), Марина Гиниятуллина (с 2008 года по наст. время). Тираж: 990. Объем: 4 страницы (2 на русском, 2 на вепском языке). Выходит 1 раз в месяц.

Все статьи распределялись по следующим рубрикам: традиционные хозяйственные занятия (земледелие, животноводство, рыболовство, охота, промыслы и ремесла), материальная культура (пища), календарная обрядность и праздники, народное декоративно-прикладное искусство (вышивка, художественное тканье, вязание, резьба и роспись по дереву, кузнечно-ювелирные ремесла).

Самым ярким материалом по традиционным хозяйственным занятиям была статья Людмилы Капуста «Охота – пуще неволи»¹. Охота – одно из древнейших и наиболее распространенных занятий жителей Олонецкой губернии. Охотники добывали оленей, лосей, медведей, боровую и водоплавающую дичь. Оленя и лося преследовали по глубокому снегу и насту, гусей-уток добывали во время перелета.

Широко были распространены различные ловушки и капканы. Причиной этому было недостаточное количество огнестрельного оружия. Такая охота называлась «тихой». Только в начале XX века получило распространение оружие системы Бердана. Винтовки переходили из поколения в поколение. В охоте участвовала и собака породы карельская лайка.

Заезжим охотникам помогали местные жители. Например, при охоте на медведя они подыскивали берлоги, каждая из которых оплачивалась. Во время охоты мужики вырубали длинную жердь и будили спящего медведя. Разъяренный зверь, выскочив из берлоги, попадал под выстрелы охотников. К медведю было особое отношение. Например, в д. Половина карелы стали разжигать огонь древним способом – с помощью огнива. По старому обычаю каждый, кто успел перед дележом добычи разжечь огонь таким способом, становился полноправным участником дележа.

Затем начинался обряд прощания с медведем: каждый брал ком снега, сжимал его и вытирал мокрые руки о хребет зверя, давая понять этим, что он неповинен в его смерти. Потом каждый брал голову медведя и поворачивал ее на восток.

Представляет интерес статья В. Гущиной о жизни карелов в Поморье². Жители побережья Белого моря говорят: «Жизнь помора в лодке», «море дает, море и забирает». Карелы ловили лосося, сига, навагу, сельдь, ряпушку. Рыбу сушили, вялили, солили, варили суп, пекли пироги, готовили с молоком. Различные рецепты приготовления традиционных блюд карелов, финнов и вепсов можно найти в книге Р. Ф. Никольской «Карельская и финская кухня». Некоторые из них публиковались в газетах «Kodima»³ и «Oma Mua»⁴.

¹ Капуста Л. Охота – пуще неволи // Kodima. – 2000. – № 10 (reduk.).

² Guščina V. Valkiemeren karjalaisien elämästä (matkamuissemie 1986-1987 vuosilta) // Vienan Karjala. 2002. 11, 25. sulak.; 27. kesäk.

³ Сканцы // Kodima. 2005. № 12 (tal'vk.).

В начале XXI века возникла идея создания в Петрозаводске ресторана карельской кухни, который в настоящее время существует под названием «Карельская горница»⁵. Позднее по соседству с ним открылся ресторан «Финляндия», где также представлены блюда финской и карельской кухни. На страницах газеты «Karjalan Sanomat» появилась рубрика «Готовим с Тармо», где шеф-повар ресторана «Карельская горница» Т. Васениус рассказывал читателям, как приготовить то или иное блюдо национальной кухни в современных условиях.

Еда тесно связана с праздничной культурой, которая наиболее полно представлена на страницах национальных газет⁶. Все праздники можно разделить на общие (Рождество, Пасха) и местные (праздники деревень, заветные, с жертвоприношением животных).

Рождество (Joulu) и Новый год, отмечается всеми коренными народами Карелии. Разница лишь в том, что финны отмечают его 25 декабря, а русские, карелы и вепсы – 7 января. У вепсов они связаны в первую очередь с круговоротом времени, на рубеже которого не только возростала опасность воздействия со стороны враждебного «третьего» мира, но и желание обеспечить благополучие в течение всего года. Период от Рождества до Крещения являлся вершиной этого круговорота. Как пишет Александр Петренко: «Смысл названия этого времени связан и с христианским значением «Бог, Иисус» и с языческим оракулом Сюндю, и с мифологическим персонажем, олицетворяющим «начало», «рождение» времени года»⁷.

Рождество имело более торжественный, по сравнению с Новым годом, характер, благодаря своему религиозному контексту. Празднование Нового года было всегда связано с традициями взаимного родственного посещения в течение нескольких недель. Но Glazunov O. Matkamiehen mieli tekee karjalaiseen ravintolaan / Naast. M. Remsujeva // Karjalan Sanomat. 2003. 17. jouluk. S. 5. новогодние праздники были наполнены святочными гаданиями, ряжением, колядованием, играми, катанием на лошадях, песнями и веселыми шутками.

Существует целый ряд новогодних примет. Например, если в Новый год у человека в кармане пусто, то он будет без денег целый год. Нельзя выносить мусор перед праздником, т.к. вместе с ним вынесешь семейное счастье из дома. Карелы верили, если в Рождество положить в печь осиновые дрова, то у овцы родятся белые ягнята. Лучшей рождественской едой для русских считалась свинина, зайчатина, рыба, кисели, каши. На столе должны быть пироги. В них клали деньги, кольца, перец и в зависимости от того, кому что попадалось, то и ждало едока в новом году.

Рождество и Новый год было и остается временем, когда человек может повлиять на свою судьбу. Рождество является исключительно внутрисемейным празднованием, а Новый год всегда имеет характер коллективного события.

Раньше в каждой деревне проходили свои летние праздники. На них собирались все жители не только этой, но и близлежащих деревень. Сейчас эти народные традиции получили новую жизнь. Например, в деревне Рубчойла Пряжинского района⁸, п. Кестеньга Лоухского района⁹ и др. О значении летних праздников для ингерманландцев говорит само название статьи Владимира Кокко «Наш народ живет, пока проводятся летние праздники»⁹.

Из летних праздников также выделяются Иванов день (Juhannus) и Ильин день. Чаще всего они сливаются с праздниками деревень. Для Иванова дня традиционны танцы, прыжки через костер, музыкальная программа. О праздновании Ильина дня в д. Вокнаволоок Калевальского района Р. Ремшуева писала: «Раньше Ильин день праздновали несколько дней. Ходили друг к другу в гости, устраивали различные соревнования. Молодые танцевали и пели, знакомились друг с другом, договаривались о свадьбе, женились. Сейчас на праздник приглашают хоры, танцевальные коллективы, приезжают гости из Финляндии»¹⁰. Действительно, в настоящее время ведущее место на праздниках отводится артистам художественной самодеятельности. Народ выступает чаще всего в качестве пассивного зрителя.

В д. Суднозеро Калевальского района проводят языческий праздник жертвоприношения барана. Режут барана, варят из него суп и угощают гостей. Это мужской праздник, женщины в нем не принимают участие. Мужчины показывают свои умения по разделке туши, варке мяса и т. п.¹¹.

Целый ряд статей посвящен татаро-башкирскому празднику Сабантуй, который ежегодно проводится в Карелии с 1997 года по инициативе Общества татарской культуры «Дуслар». Сабантуй богат традиционными спортивными играми: бег в мешках, лазание на столб, бой мешками на бревне. «Гвоздем» программы праздника является борьба «курэш».

В ноябре 2002 года в Костомукше проходил I международный фестиваль «Традиционные танцы и игры финно-угорских народов», цель которого возрождение и сохранение этих культур¹². В рамках фестиваля

⁴ Selgie muarjah... // Oma Mua. 2005. 18. elok.; Kävältä vai sieneh! // Oma Mua. 2005. 15. süvüsk.

⁵ Glazunov O. Matkamiehen mieli tekee karjalaiseen ravintolaan / Naast. M. Remsujeva // Karjalan Sanomat. 2003. 17. jouluk. S. 5.

⁶ См.: Праздничная культура на страницах национальных газет Республики Карелия. 1993–2011: библиогр. указ. / Сост. Н. Ю. Кирикова, Н. В. Чикина, ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск, 2011. 34 с.

⁷ Петренко А. Накануне Рождества // Kodima. 2001. № 12 (tal'vk.).

⁸ Lukin G. Karjalan kansanperinteille uutta elämää // Karjalan Sanomat. 2005. 26. lokak. S. 6.

⁹ Timonen Ar. Kiestingin kesäjuhlassa vietettiin häitä // Karjalan Sanomat. 2006. 26. heinäk. S. 6.

⁹ Kokko W. Kansamme on elossa kunnes kesäjuhlia pidetään // Karjalan Sanomat. – 2010. – 4. elok. – S. 9.

¹⁰ Remsujeva R. Vuokkiniemen arkea ja praasniekkoja // Karjalan Sanomat. 1999. 11. elok. S. 8.

¹¹ Heimonen S. Pässiuhrjuhlasta on tullut venehjärveläisten oma juhlapäivä // Karjalan Sanomat. – 2010. – 1. syysk. – S. 9.

¹² Karhu T. Kostamuksen pakkaset eivät haitanneet festivaalin pitoa; Karjalainen kansallispuku konferenssin aiheena // Karjalan Sanomat. 2002. 23. marrask. S. 8.

проходила конференция по карельскому и эстонскому национальному костюму. В начале XXI века возникла идея возрождения вепсского костюма.

Традиционным в народном декоративно-прикладном искусстве является образ птицы. Он встречается в вышивке, деревянных изделиях, украшениях, в архитектуре и кузнечном деле. У финнов птица считается символом здоровья, денег и успеха. Функции у птиц разные, но главное, что птица – это божественное существо. Есть птицы-тотемы: лебедь, орел, аист, голубь, а есть птицы, приносящие несчастья: воробей, филин, сова. Карелы верят, что после смерти душа человека переходит к птице¹³.

Большая работа по ознакомлению с карельской культурой проводится со школьниками. В разных школах и учебных центрах по всей Карелии организованы так называемые «карельские горницы». Например, в образовательном центре с. Коткозеро ученики на уроках труда ткнут половики, готовят блюда карельской кухни¹⁴. В детском центре искусств в Петрозаводске работает школа народных промыслов, в которой ученики занимаются росписью по дереву, вяжут, ткнут, делают посуду из глины¹⁵. В 2010 году этим центром был организован «Карельский шерстяной фестиваль», на котором были представлены вещи из войлока¹⁶.

На страницах газет мы встречаемся и с характеристиками коренных народов Карелии. Например, ингерманландцы – прилежные, самостоятельные и самобытные люди¹⁷. Психолог Зинаида Ганькова охарактеризовала вепсов как более энергичных и выносливых, но менее быстрых и эмоциональных, чем русские. Вепсы менее общительные, по многим характеристикам схожи с южными карелами, хотя уступают им в эмоциональности¹⁸.

В Карелии регулярно проводятся конкурсы карельских и вепсских семей¹⁹, конкурс «Вепсская красавица»²⁰, на которых участники показывают свои знания народной культуры и традиций.

Целый ряд статей посвящен информации о фонде «Juminkeko» (Финляндия) деятельность которого сконцентрирована на сохранении культурных традиций северных карелов. Например, о том, что в д. Паанаярви создано предприятие, где изготавливаются бани, лодки, деревянная домашняя утварь, мебель. Ведется обучение ткачеству²¹.

Традиционная культура коренных народов Карелии находит отражение на страницах национальных газет. Также журналисты знакомят читателей с культурой других народов, в основном финно-угорских. Количество статей и их объем по разным темам и в разных изданиях различен (подробнее об этом смотрите приложение к статье).

Газета «Karjalan Sanomat» больше всего отводит места общественно-политическим событиям, «Oma Mua» – праздничной культуре, «Vienan Karjala» – возрождению и сохранению северно-карельских деревень, «Kodima» – проблемам вепсского народа. Несмотря на это, все издания занимаются популяризацией традиционной культуры носителей языка, что способствует укреплению национального самосознания народов.

Приложение

**Указатель статей по традиционной культуре, опубликованных в газетах
«Karjalan Sanomat», «Oma Mua», «Vienan Karjala» и «Kodima»
(2000–2010 гг.)**

Традиционные хозяйственные занятия

Рыболовство

Rugojeva V. Mitein ennen karjalaiset kalašsettih // Vienan Karjala. – 2010. – 13. pakkaisk.

Ремесла

Bekren'ova T. Padanikad Ojatin randalpäi // Kodima. – 2006. – № 4 (sulak.).

Rugojeva V. Karjalaisien käsityötaituo // Vienan Karjala. – 2010. – 27. pakkaisk.

Urbanovič M. Kyläläisien tärkei liikuntavälineh // Vienan Karjala. – 2010. – 10. tuiskuk.

Viglijeva M. Eletäh Kinnermäs vahnat perindöt // Oma Mua. – 2002. – 12. süvüsk.

Vorobei N. Venehjärven venehmuasteri // Vienan Karjala. – 2005. – 13. pakkask.

- Puanajärven venehpruasniekka // Vienan Karjala. – 2006. – 8. kesäk.

¹³ Vesilintu – karjalaisien pyhä eläin / Valm. O. Melentjeva // Vienan Karjala. 2001. 9. toukok.

¹⁴ Tolstyh M. Kyläläiset pitävät kiinni karjalaisista juuristaan // Karjalan Sanomat. 2003. 9. huhtik. S. 9.

¹⁵ Karhu T. Nuoret säilyttävät perinteitä // Karjalan Sanomat. 2004. 14. tammik. S. 12.

¹⁶ Filippova J. Voilokan kataičus on mieleh lapsilegi // Oma Mua. 2010. 20. tuhuk.

¹⁷ Simakin V. Kannisen suvun tilillä 550 työvuotta // Karjalan Sanomat. 2001. 3. maalisk. S. 6.

¹⁸ Ганькова З. Какие они, вепсы? // Kodima. – 2002. – № 1 (viluk.).

¹⁹ Tolstyh M. Vepsäläiset perhekilpailut yhdistävät eri sukupolvia // Karjalan Sanomat. 2003. 2. huhtik. S. 9.

²⁰ Abramov N. Vepsäläinen kaunotar sai tuohikruunun // Karjalan Sanomat. 2003. 9. huhtik. S. 3.

²¹ Nesvitski M. Internet vie suomalaisen kulttuurin juurille // Karjalan Sanomat. 2003. 2. huhtik. S. 14; Nieminen M. Juminkeko toteutua monia hankkeita Paanajärven kylän pelastamiseksi // Karjalan Sanomat. 2003. 16. huhtik. S. 12.

Материальная культура

Mironova V. Stola seizou keski-ikkunan kohtas // Oma Mua. – 2001. – 31. orask.

Rugojeva V. Samovuarašta on čaijy makiempi // Vienan Karjala. – 2010. – 24. kevätk.

Календарная обрядность и праздники

Fedotova O. Lapsensuanduperindöt // Oma Mua. – 2000. – 6, 13. heinük.

Mensonen A. Perindöllizii taboi Raja-Karjalas // Oma Mua. – 2000. – 15, 22. kezäk.

Родильная обрядность

Mironova V. Mittuine lapsi tänäpäi, moine valdivo huomei // Oma Mua. – 2002. – 6. kezäk.

Похоронный обряд

Antonova N. Vieljärveläzien muahpanendu- da mustelendutavat // Oma Mua. – 2000. – 18, 25. orask.; 1. kezäk.

Laine K. E. Itkut da karjalazien välit omien pokoiniekoin kel // Oma Mua. – 2003. – 23, 30. ligak.; 13. külmük.

Народная медицина

Tihonova R. Kanšan liäkintä Kalevalan runomailla // Vienan Karjala. – 2010. – 13, 27. pakkaisk.; 10. tuiskuk.

Игры

Aleksejeva I. Nerokkahat Kyykkärit // Vienan Karjala. – 2010. – 23. kesäk.

1. Праздники народного и церковного происхождения

Рождество Христово

Ploista ja rauhallista joulua / IK // Karjalan Sanomat. – 2003. – 24. jouluk. – S. 15.

Inkeri-liitossa tavattiin joulutunnelmissa / IK // Karjalan Sanomat. – 2003. – 24. jouluk. – S. 15.

Joulupaaston aika suo mahdollisuuden hiljaisuudelle // Karjalan Sanomat. – 2003. – 10. jouluk. – S. 14.

Kallehin pruazniekku Spuasan roindu // Oma Mua. – 2003. – 1. pakkask.

Nesvitski M. Joulukukset vasta laskiaisena // Karjalan Sanomat. – 2000. – 7. tammik. – S. 3.

Nieminen A. Karjalassa kuuluttih kauneimmat rostuolaulut // Vienan Karjala. – 2005. – 27. helmik.

Pahomov M. Raštav // Oma Mua. – 2003. – 1. pakkask.

Puoroin L. Rastavan päivükečoi Vieljärves // Oma Mua. – 2005. – 13. pakkask.

Suwanen L. Pikkujoulua vietettiin lastenkodissa // Karjalan Sanomat. – 2007. – 19. jouluk. – S. 14.

Väljämäki I. Museo järjesti lapsille joulumatkoja menneisyyteen // Karjalan Sanomat. – 2000. – 1. tammik. – S. 3.

Святки

Mironova V. Pakasüöl voibi ennustua tuliedu elaihua // Oma Mua. – 2003. – 16. pakkask.

Mironova V. Pruasniekat Rostuosta Vieristäh // Vienan Karjala. – 2005. – 27. helmik.

Mironova V. Älgiät Sündüü suututakkua // Oma Mua. – 2003. – 1. pakkask.

Sündü heittäü – tieduo tuou / Valm. V. Mironova // Oma Mua. – 2005. – 13. pakkask.

Zarubalova M. Sündumpühän enččed da nügüd'aigalized verod // Kodima. – 2003. - № 1 (viluk.).

Масленица

Filippova J. Pühittäjän harču: vuassu da leibü // Oma Mua. – 2004. – 26. tuhuk.

Migunova J. Ei istuta kois heččuilčat // Oma Mua. – 2010. – 20. tuhuk.

Vasiljev A. Maidnedal' Vepsän mal // Kodima. – 2006. - № 3 (kevüz'k.).

Veikkolainen I. Kevät otettiin vastaan Tšalnassa // Karjalan Sanomat. – 2001. – 24. maalisk. – S. 8.

Праздник Пасхи, или Светлого Христова Воскресения

Šallun A. «Äijüpäivü tuli juhlien juhlaaksi ta riemujuen riemuksi» // Oma Mua. – 2001. – 19. sulak.

Tuogah pruazniekku iluo kaikile! / Valm. V. Mironova // Oma Mua. – 2006. – 20. sulak.

Uskojen valosa Äijäpäivä / Valm. M. Remsujeva // Vienan Karjala. – 2006. – 13. sulak.

Äijüpäivü / Valm. T. Ščerbakova // Oma Mua. – 2006. – 20. sulak.

Äijüpäivü – pühä päivü // Oma Mua. – 2000. – 4. orask.

Äijänpävän kel teidü, karjalazet // Oma Mua. – 2004. – 8. sulak.

Троица

Antonova N. Vieljärvel piettih Sroičan päiviä // Oma Mua. – 2000. – 22. kezäk.

Рождество св. Иоанна Предтечи, Крестителя Господня

(Иванов день)

Antonova N. Lehti-livana oli ves's'el da bohattu // Oma Mua. – 2001. – 12. heinük.

Kolomainen I. Juhannusta juhliittiin riemuisasti // Karjalan Sanomat. – 2006. – 5. heinäk. – S. 15.

Mironova V. Iivanankülüs opi lembie nostua // Oma Mua. – 2001. – 5. heinük.
Semakova I. Pyhän Iivanan aika Vuokkiniemessä // Vienan Karjala. – 2001. – 26. heinäk.
Sidorkin V. Juhannus Käjenvuaralla // Vienan Karjala. – 2006. – 13. heinäk.

Ильин день

Ogneva O. Puanärvi toivou nähä huomisen // Vienan Karjala. – 2003. – 28. elok.
Remsujeva M. Ihmiset oltih valmehet irtautumah // Vienan Karjala. – 2003. – 14. elok.
Remšujeva R. Il'p'änpäiväkse ainos käüdih Vuokkiniemeh // Oma Mua. – 2002. – 22. elok.

2. Гражданские праздники

Новый год (1 января)

Eri maissa ovat omat uudenvuoden perinteensä // Karjalan Sanomat. – 2003. – 31. jouluk. – S. 9.
Hüviä brihastandua da neijjiständiä uvves vuvves! // Oma Mua. – 2003. – 1. pakkask.
Mitä syödä juhlassa jottei syö liikaa // Karjalan Sanomat. – 2003. – 31. jouluk. – S. 9.
Uudenvuoden kuusijuhla Kontupohjassa // Karjalan Sanomat. – 2000. – 12. tammik. – S. 5.
Uusi vuosi alkaa juhlasta // Karjalan Sanomat. – 2003. – 31. jouluk. – S. 8.

Международный женский день (8 марта)

Armahat naiset! // Vienan Karjala. – 2006. – 9. kevätk.
Kuzkina O. Kansainväliselle Naistenpäivälle omistettiin messut // Karjalan Sanomat. – 2001. – 7. maalisk. – S. 1.
Romanov V. Olgua tervehen, armahat! // Oma Mua. – 2006. – 9. kevätk.

День Победы (9 мая)

Abramov N. Ei tarbiž unohtada... // Kodima. – 2004. – № 5 (semendk.).
• Kalliž praznik – Vägestusen päiv // Kodima. – 2009. – № 5 (semendk.).
Ajan nügöi hurahutan linnua müö // Oma Mua. – 2000. – 11. orask.
Remsujeva M. Loittoni Voiton päivä // Vienan Karjala. – 2006. – 11. orask.
Timonen A. Ikuni maineh sankariloilla! // Vienan Karjala. – 2004. – 13. orask.
Медникова В. День Победы на вепсской земле // Kodima. – 2004. – № 5 (semendk.).

День защиты детей (1 июня)

Dekoin D. Jälles tutkindoloi – huogavumah // Oma Mua. – 2000. – 1. kezäk.

День Республики Карелия (8 июня)

Dekoin D. Korvois kuadoi vikse hüväkse // Oma Mua. – 2000. – 15. kezäk.
Karjalan Tasavallan päivä // Vienan Karjala. – 2006. – 8. kesäk.
Tazavallan päivü Petroskois // Oma Mua. – 2004. – 10. kezäk.

День медицинского работника

Remsujeva R. Liäkintäalanruatajien päivä // Vienan Karjala. – 2006. – 22. kesäk.

День рыбака

Makarov V. Täütettähes kalakorvot // Oma Mua. – 2001. – 5. heinük.

День Воздушно-десантных войск

Romanov V. Ilmudesantu-joukkoloile – 75 vuotta // Oma Mua. – 2005. – 4. elok.

День знаний (1 сентября)

Timonen A. Hyvie tietoja ta rauhallista taivasta lapsilla! // Vienan Karjala. – 2004. – 9. syysk.
Vasiljev A. Augotihe uz' openduzvoz' // Kodima. – 2004. – № 9 (sügüz'k.).

3. Городские и сельские праздники, гулянья и игры

Сабантуй (татаро-башкирский праздник)

Abramov N. Sabantuihin kuuluu kansallisia urheilukilpailuja // Karjalan Sanomat. – 2004. – 14. heinäk. – S. 13.
Абрамов Н. Веселый праздник «Сабантуй» // Kodima. – 2004. – № 7 (heink.).
Багухтина С. Праздник татарского народа // Kodima. – 2004. – № 9 (sügüz'k.). (Прил.: Информ. вестн. № ¾ (сент.)).

Праздники деревень

Behtere V. Pohjolan emännän juhlassa oli hauskaa // Karjalan Sanomat. – 2010. – 25. elok. – S. 6.
Kemppainen R. Täl mual mejän juuret // Oma Mua. – 2005. – 18. elok.

Rantanen A. Jyskyjärvi juhlii merkkipäiväänsä // Karjalan Sanomat. – 2010. – 25. elok. – S. 6.
Rantanen A. Karjalaiset kunnioittavat omaperäistä kulttuuriaan // Karjalan Sanomat. – 2010. – 18. elok. – S. 12.
Timonen A. Kiestinkissä kosjottih rakkahutta // Vienan Karjala. – 2006. – 13. heinäk.
Trofimova M. Kel’l’uniemen pruazniekat // Oma Mua. – 2010. – 27. pakkask.
Uhtuon karjalazien pruazniekku Kalevalas // Oma Mua. – 2010. – 16. kezäk.
Zinovjeva N. Enarven ma vastsi adivoid // Kodima. – 2006. – № 7 (heink.).

Фестиваль В. Брендоева

Antonova N. Vladimir Brendojev haaveili, että livvin kieli eläisi ja lämmittäisi sydäntä // Karjalan Sanomat. – 2001. – 19. syysk. – S. 7.

Černobrovkin G. Festivualin tulokset da tulii aigu // Oma Mua. – 2010. – 1. talvik.

Jegorova J. Vahnembile – ilokse, nuorile – mielekse // Oma Mua. – 2001. – 17. orask.

Kemppainen M. Festivali Aunuksen mualla keräsi runouven ystävie // Vienan Karjala. – 2004. – 23. syysk.

- Vladimir Brendojevan mustokse // Oma Mua. – 2002. – 12. süvüsk.

Sinitskaja N. «Vie eläy sana karjalaine...» // Oma Mua. – 2010. – 28. sulak.

Šallun A. Vladimir Brendojev – anuksenmuualazien kebjendäi // Oma Mua. – 2003. – 11. süvüsk.

«Täs sünnürannan minun algu» // Oma Mua. – 2002. – 15. elok.

Viglijeva M. Häi maltoi jättiä oman jälleen... // Oma Mua. – 2005. – 15. süvüsk.

Кондратьева Ю. Здесь родины моей начало // Kodima. – 2004. – № 9 (sügüz’k.). (Прил.: Информ. вестн. № ¾ (сент.).

Праздник О. Степанова

Jeršova O. Haikol’an festivali // Vienan Karjala. – 2006. – 13. heinäk.

Voutilainen P. Haikolan kesäpraasniekassa muisteltiin Ortjoa // Karjalan Sanomat. – 2000. – 15. heinäk. – S. 6.

- Ortjo vain väkie Haikol’ah houkuttelou // Vienan Karjala. – 2001. – 12. heinäk.
- Ortjon kezäpruazniekku Haikol’as // Oma Mua. – 2000. – 13. heinük.
- Ort’on hengi eläi Haikol’as // Oma Mua. – 2001. – 12. heinük.

День города (Петрозаводска)

Filippova J. «Ongo Petroskoi kaunis linnaine...» // Oma Mua. – 2005. – 30. kezäk.

«Oma Mua» ühtii Petroskoin päiväh // Oma Mua. – 2000. – 29. kezäk.

Petroskoi – 303 vuotta // Vienan Karjala. – 2006. – 22. kesäk.

Puoroin L. Petroskoin pruazniekku gostien silmil // Oma Mua. – 2004. – 1. heinük.

День города (Олонца)

Kornin M. «Tiä ku vel’l’iä sanal hel’l’äl jogatoštu vastatah...» // Oma Mua. – 2004. – 1. heinük.

Игры Дедов Морозов

Krasavtseva N. Aunuksen pakkasukkokisojen pitäminen kyseenalaista // Karjalan Sanomat. – 2002. – 6. marrask. – S. 8.

Talvi alkau Karjalašša // Vienan Karjala. – 2010. – 24. pimiek.

Volodtshenkov M. Pakkasukot loivat joulutunnelmaa // Karjalan Sanomat. – 2007. – 12. jouluk. – S. 1, 3.

Гусиный фестиваль

Georgijevskii O. Anuksen mua – hanhien piälinnu // Oma Mua. – 2004. – 13. orask.

Makarov V. Hanhele – jüväine, iżändäle – televiizoru // Oma Mua. – 2001. – 17. orask.

Вепский праздник «Древо жизни»²²

Abramov N. Vepsäläisen kulttuurin vaalijat kokoontuivat Vinnitsan volostissa // Karjalan Sanomat. – 2004. – 7. heinäk. – S. 8.

- Kus ühtestudas kaks’ joged // Kodima. – 2002. – № 8 (elok.).
- Launugaha vepsläne kukoi! // Kodima. – 2006. – № 6 (kezak.).
- Vepsän hengen kalliž praznik // Kodima. – 2009. – № 6 (kezak.).

«Elonpu-2010» Vidl-kyläs // Oma Mua. – 2010. – 16. kezäk.

Elopu-pruazniekku // Oma Mua. – 2000. – 13. heinük.

Filatova M. Sigä vepsän kel’ eläb todeks // Kodima. – 2009. – № 7 (heink.).

Ginijatullina M. Elon Pu änikoiči Kujas // Kodima. – 2006. – № 7 (heink.).

Jershova A. Keväz vezi ja Randaine esiintyivät vepsäläisjuhlassa // Karjalan Sanomat. – 2006. – 21. kesäk. – S. 11.

Rantanen A. Elämänpuuta juhliittiin Oshtan kylässä // Karjalan Sanomat. – 2010. – 1. syysk. – S. 6.

²² См. подробнее: Строгальщикова З. И. Вепский праздник «Древо жизни» // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск, 2010. С. 74–86.

Sidorkin V. Vepšäläini Elon pu // Vienan Karjala. – 2010. – 23. kesäk.
Vas'kina J. «Elon pu» Pähäzen mal // Kodima. – 2002. – № 8 (elok.).
Vepsän kul'turan praznik Šoutjärves // Kodima. – 2004. – № 7 (heink.).
Ковальская Н. Праздник вепского петуха «Кукой лоллуб» // Kodima. – 2006. – № 5 (semendk.).
Фомин Н. «Древо жизни» на Вологодчине // Kodima. – 2004. – № 7 (heink.).

Праздник водской культуры

Harakka D. Vatjalaiset juhlivat // Karjalan Sanomat. – 2010. – 1. syysk. – S. 9.

Калакунда (рыбный фестиваль)

Melentjeva O. Kalakunda – festivali sai hyvän alun // Vienan Karjala. – 2002. – 13. kesäk.
Mihailov P. Joga kala – hyvä kala kalattomal aijal // Oma Mua. – 2002. – 12. kezäk.

Праздник юмора (д. Киндасово)

Romanov V. Kindahas vai nagretah // Oma Mua. – 2005. – 23. kezäk.

Народное декоративно-прикладное искусство

Ljujeva N. Lapset ja vanha perinne elävät käsi kädessä // Karjalan Sanomat. – 2001. – 6. lokak. – S. 8.
• Nuket opastavat kansallispuvun historian: Tatjana Kalininan Nukkekotijuhli syntymäpäiväänsä // Karjalan Sanomat. – 2000. – 1. heinäk. – S. 7.
Mošina T. Äänisniemen kirjontaa esillä kotiseutumuseossa // Karjalan Sanomat. – 2001. – 21. maalisk. – S. 8.
Remsujeva M. Luajittu Karjalassa // Vienan Karjala. – 2006. – 13. heinäk.
Romanov V. «Tuomi» ozuttuu omii neroloi // Oma Mua. – 2006. – 23. kevätk.
Strogalštšikova Z. Vepsäläistä kansallispuvua elvytetään // Karjalan Sanomat. – 2000. – 12. heinäk. – S. 2.
Timonen A. Jyskyjärvessä elävytetäh käsitöitä // Vienan Karjala. – 2006. – 13. heinäk.
T'olpin N. Ruutat vahnat säilyttämö // Oma Mua. – 2010. – 13. pakkask.
Umberg A. Puku kansankulttuurin avoimena kirjana // Karjalan Sanomat. – 2005. – 2. maalisk. – S. 10.
Абрамов Н. Наденьте народный костюм! // Kodima. – 2010. – № 4 (sulak.).
Строгальщицкова З. И. О проекте «Возрождение вепского народного костюма» // Kodima. – 2000. – № 7 (heink.).

*Романова Е. П.,
Медвежьегорская центральная городская библиотека
им. Ирины Федосовой*

«Запомни»:

избранные страницы истории Медвежьегорской районной библиотеки

История Медвежьегорской районной библиотеки, в отличие от Повенецкой (1869 г.) и дореволюционных земских библиотек района начала 20 века, начинается только с 1930 года.

Станция Медвежья Гора впервые упоминается в 1915 году. Первый поезд прошел через Медвежью Гору в ноябре 1916 года. Здесь было всего 300 жителей. За пять лет деятельности Транспортно-промышленно-колониционного комбината (с 1923 года) возле станции появились поселки: Железнодорожный, имени Дзержинского, имени Арнольдова, Первомайский, Южный.¹ На станции появилась и первая библиотека, которая находилась в ведении правления Мурманской ж. д.

Медвежьегорский административный район был образован в августе 1927, а Медвежья Гора стала новым административным центром нашего края. В 1928 году население поселков выросло по сравнению с 1923 годом в 3 раза и составляло 2,5 тыс. человек. Все это дало основание в 1929 году преобразовать их в рабочий поселок под общим названием Медвежья Гора. Население поселка Медвежья Гора в 1932 г. составляло 6,1 тыс. (244 % к 1928 году).² Это было связано с началом в ноябре 1931 года первых работ на Беломорстрое. Город Медвежьегорск появился на карте только в 1938 году.

7 октября 1930 года была открыта Медвежьегорская районная библиотека. Установить точную дату удалось в результате работы в Национальном архиве РК. В одном из архивных документов за 1936 год на полях указано, что

¹ Гравит, В. В. Медвежьегорск / В. В. Гравит, И. М. Мулло. – Петрозаводск, 2007. – С. 50.

² № 153 Из справки Госплана Карельской АССР – о росте населения республики в годы первой пятилетки. Апрель 1934 г. // История Карелии. Хрестоматия. Ч. 2 / под ред Я. А. Балагурова И. Н. Ф. Славина. – Петрозаводск, 1981. – С. 127–128.

Медвежьегорская районная библиотека образована 7 октября 193(?) года. В отчетном докладе о работе Медвежьегорского райисполкома за период с 1 февраля по 1 июля 1931 года говорится, что «...по сведениям из 5 изб-читален и **райбиблиотеки** (выделено автором) имеется читателей 454 ч.» Сопоставив эти даты, мы делаем вывод, что библиотека начала работу в 1930 году.

По дальнейшим отчетам библиотеки и публикациям в печати можно проследить «жизненный» путь нашей библиотеки.

Начало деятельности библиотеки совпало с принятием в октябре 1929 года постановления ЦК ВКП (б) «Об улучшении библиотечной работы», в котором говорилось о необходимости превратить библиотеки в культурные центры, активно содействующие мобилизации масс на выполнение 5-го плана социалистического строительства. Постановлением было положено начало ряду государственных мероприятий по подъёму библиотечного дела в стране. Одним из этих мероприятий явилась организация по методу похода за культуру, за ликвидацию неграмотности и малограмотности, – **библиотечного похода, похода за книгу, за библиотеку**.³

Библиотечный поход рассматривался как важное государственное мероприятие. Во время похода, наивысший размах которого относится к середине 1930 г., улучшилась организация обслуживания читателей; большое применение получили такие формы, как передвижные библиотеки и книгошество, массовая пропаганда литературы среди рабочих, крестьян, молодёжи, женщин, в том числе различные виды наглядной пропаганды.

С 1932 года по решению Карельского обкома партии на промышленных предприятиях стали проводиться политдни, производственная пропаганда Медвежьегорской районной библиотеки постоянно была направлена на помощь местным колхозам и на выполнение плана лесозаготовок.

В отчете районной библиотеки за **1933** год указан адрес - Медвежьегорский район, Мед. Гора. К сожалению, в отчете не указаны ни улица, ни дом, нет и подписи библиотекаря. Из отчета узнаём, что в 1933 году площадь библиотеки составляла 80 квадратных метров. Два библиотечных работника обслуживали читателей («преимущественно русских»). Финансировалась библиотека из районного бюджета. При библиотеке имелась читальня, а фонд библиотеки насчитывал около 13 тыс. экз. Услугами библиотеки пользовались 638 читателей, бравших книги по индивидуальному абонементу, среди них 340 рабочих, 96 учащихся школ. За год было выдано 12 тыс. книг, в читальне при библиотеке – 10 тыс. При сельских советах, производстве, в рабочих общежитиях и бараках, в учебных заведениях библиотека имела **21 передвижку**.

В **1934** г. произошло важное событие: при районной библиотеке открылось детское отделение. Газета «Красная Карелия» (на финском языке) писала 8 июня 1934 года, что новая библиотека вызвала большой интерес. Уже в первые дни ее посетили 90 детей.

В **1935** году библиотека переведена в другое помещение – бывшее отделение Сбербанка – по адресу Малая, 9. К этому времени библиотекой заведовала М. Полегоско. Она пишет в газете «Медвежьегорский большевик» (далее «МБ») о том, что библиотеке нужна мебель. В отчете о работе политпросветучреждения Медвежьегорского района за 1935 год мы читаем: «Приобретены для Медвежьегорской райбиблиотеки 36 шт. стульев. Куплены хорошего качества скатерти, занавеси».

В 1935 году библиотека включилась во всесоюзный конкурс на лучший район по библиотечной работе и взяла обязательства к январю 1936 года увеличить сеть передвижек и книгонош, а также число читателей с 858 до 1400, из них 50 малограмотных. «Райбиблиотека организует межрайонный абонемент и включается в карельский межбиблиотечный абонемент, что даст возможность выписать любую книгу через 6-10 дней». В обязательствах библиотеки 60 читок газет, 10 чтений художественной литературы, 3 диспута со взрослыми. С детьми 2 диспута, 30 читок, 10 художественных рассказов, ремонт 500 книг силами актива. «Будет налажена помощь и серьезная работа с читателем, занимающимся самообразованием, – проведение консультации». (МБ. – 1935. – 12 сент.).

Библиотека ведет борьбу с «задержкой книг. Установлена договоренность о помощи с союзом почтовиков, и, в качестве конкретных предложений к Октябрю, **письмоносцы берут разноску повесток неаккуратным читателям бесплатно**. «Завербовано» в литературный кружок 15 чел., проведены собрания. В библиотеку приобретены мебель, портреты, установлены радиоточка и телефон. (МБ. – 1935. – 4 нояб.).

К 18-й годовщине Октябрьской революции в библиотеке пишутся лозунги, имеются две выставки книг. В читальне библиотеки развешены картины Октября. «Намечены» к премированию 5 читателей.

В апреле 1934 года журнал «Молодая гвардия» начал публикацию романа Н. Островского «Как закалялась сталь», в ноябре того же года первая часть вышла отдельной книгой, за ней вышла и вторая часть. Роман сразу приобрёл большую популярность. Читатель-комсомолец жалуется в газету «МБ», что он три месяца ждет книгу «Как закалялась сталь»⁴. В декабре 1935 г. в библиотеке был проведен первый диспут о книге Н. Островского «Как закалялась сталь».

Сегодня не может не вызвать улыбку предновогодняя **заметка «Запомни!»** в «Медвежьегорском большевике»⁵. Вот ее текст.

«Медвежьегорской районной библиотекой проводится:

27 декабря – консультация по сельскому хозяйству и коллективизации. Начало в 7 часов веч. Проводит Болтушкин.

³ Абрамов История библиотечного дела.

⁴ Змесьца в очереди за книгой // МБ. – 1935. – 26 дек.

⁵ Полегоско М. Запомни! // МБ. – 1935. – 27 дек.

28 декабря – консультация по общественно-политическим вопросам. Начало в 7 часов вечера. Проводит Рымко.

29 декабря – занятия литературного кружка. Начало в 7 часов вечера. Проводит Вершинин.

30 декабря диспут о книге Шолохова «Поднятая целина». Начало в 7 часов вечера. Организует Полегошко. Проводит Землянский, литературовед Медвежьегорской средней школы.

31 декабря – конференция читателей с отчетом библиотеки. Начало в 5 часов. Докладчик Полегошко.»

Такое предновогоднее объявление в газете закономерно. В 1927 году, в ходе начавшейся антирелигиозной компании, Рождество перестает быть официальным праздником. В Советском Союзе вводятся вместо недель «пятинедельки», воскресенье, а также другие христианские праздники теперь приходится на рабочий день. В госучреждениях, детских садах, школах, 7 января не проводятся рождественские елки. Хотя новый год, естественно, продолжает праздноваться в ночь с 31 декабря на 1 января, но без «религиозных атрибутов» – рождественской ели и рождественского деда.

По итогам конкурса в 1936 году Медвежьегорская районная библиотека награждена грамотой Карельского центрального исполнительного комитета и признана Карельским народным комиссариатом просвещения лучшей в Карелии. Лучшими библиотекарями в республике признаны Полегошко М., Юшкова Е. из Медвежьегорского района. В № 3 журнала «Красный библиотекарь» за 1936 год помещена фотография библиотеки.

14 мая 1936 года состоялась конференция читателей, на которой обсуждались задачи печати в связи со стахановским движением, состоялось «преподнесение почетной грамоты КарЦИКа библиотеке, премирование библиотекарей и библиотечного актива».

Нарком по просвещению КАССР Вихко и библиотечный инспектор Наркомпроса КАССР Иолиева в статье «О реализации постановления ЦИК по Карельской республике» отмечают, что «Медвежьегорская районная библиотека в настоящее время имеет помещение из трех комнат, которые образцово оборудованы». (Красный библиотекарь, 1936. – № 4. – с. 13–14).

Однако медвежьегорские библиотекари бьют тревогу и просят помочь библиотеке.

«Медвежьегорская районная библиотека признана Карельским Наркомпросом лучшей в Карелии. Это, конечно, верно, если говорить о массовой работе библиотеки. Если же посмотреть в какой обстановке библиотека обслуживает своих читателей, то получается картина иная. Вновь поступившие книги на взрослый и детский абонементы сложены на полу: места нет. Детское отделение не имеет читальни, хотя библиотеку посещают в день до 100 ребят. Часто в комнатухе, где выдаются детям книги, создается такая теснота и толкотня, что работать невозможно. Комната, где выдаются книги по взрослому абонементу, это такая каморка, в которой при скоплении 10 человек уже создается невозможная для работы обстановка. У передвижного фонда нет совсем помещения. Помещение, в котором сейчас находится библиотека, требует, кроме того, срочного ремонта, так как крыша течет, печи дымят.

О положении в районной библиотеке знает Медвежьегорский райисполком, но на заявление зав. библиотекой пред. райисполкома тов. Табарданов наложил резолюцию: «Вопрос о библиотеке ставить не буду, нет возможности». Между тем эта возможность есть, помещение и средства для библиотеки найти можно», - пишет в газете «Красная Карелия» в сентябре 1936 года М. Полегошко.

Вот этот призыв библиотекарей о помощи: помещение маленькое, требуется ремонт, крыша течет, в библиотеке холодно, – лейтмотив всей истории нашей библиотеки.

В конце **1936 года** в стране развернулась подготовка к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина. Вот и в районной библиотеке Пушкина читают все: домработница Катя Бараусова, сторож службы тяги станции Медвежья Гора Петрова Агафья Ивановна, читатели книгопередвижки при райисполкоме комсомолка Кялина, товарищи Андреев, Плотникова, Фокин и др. Организованы выставка рисунков ребят о Пушкине и «Пушкинские выставки» книг, пушкинские альбомы вырезок из газет и журналов. **А в новый год библиотека организовала для детей елку, которая преимущественно была посвящена Пушкину. На елке был «Дед Мороз» с книгами поэта. На многих игрушках были наклеены уменьшенные копии с обложек книг пушкинских произведения.**

Эта елка – примета времени. В 1936 году выходит декрет СНК, разрешающий публичное официальное празднование Нового года (но не Рождества!) и призывающий на новогодних праздниках в госучреждениях, детских учреждениях, на городских площадях наряжать ели. Только ели теперь должны были украшаться не Вифлеемской, восьмиконечной, а красной пятиконечной звездой, и наряжать их требовалось не к Рождеству, а к Новому году. Первая такая елка была открыта 1 января 1937 года в Москве, в Доме Союзов, и одновременно с ней зажгли елки по всему СССР.

Ремонт библиотеки все-таки был проведен, и в **марте 1937** библиотека вновь приступила к работе по адресу ул. Малая, дом 9. Площадь библиотеки составляла 44 кв. м. В библиотеке имелся телефон с номером 42.

В тридцать седьмом году в библиотеке читали 825 человек, в том числе рабочих – 107, служащих – 446. Читателям было выдано 19,8 тыс. экз. При этом за год поступили 2853 новые книги, а выбыли 5238. По информации В. Харлачевой фонд книг вырос до 6017 книг, из них детского отделения 3164 книги, а число читателей с передвижками до 1689 человек. («МБ», 1938, 5 февраля).

В **1939** году читатели посетили библиотеку 8764 раз, взяв 16,1 тыс. книг. Среднее число прочитанных каждым читателем книг составило 19,6. «Такой показатель читаемости, по нормам библиотечной статистики, считается неплохим. Зато среднее число выданных, приходящихся на одну библиотечную книгу в течение года, составило всего лишь 1,45», – пишет К. Баранцевич в газете «Красная Карелия» (15 апреля 1940 года). И делает вывод о том, что библиотека работает преимущественно с одними и теми же, «ходовыми» книгами, в то время как большинство других остается лежать на полках без движения.

Далее в статье «Нужды Медвежьегорской библиотеки» Баранцевич пишет, что помещение библиотеки «настолько тесно, что буквально негде размещать вновь поступающие книги. Книжные полки идут в 10 (!) рядов, до самого потолка, и многие сотни книг находятся на «недосыгаемой высоте». О правильном и активном обслуживании читателя в таких условиях говорить, конечно, трудно... Читального зала при библиотеке не имеется. Нельзя же всерьез считать читальным залом небольшую проходную комнату, едва вмещающую 10–15 человек, в которой к тому же производится и выдача книг по абонементу. Расширение полезной площади районной библиотеки или перевод ее в новое помещение является делом весьма неотложным».

Эти строки семидесятилетней давности не потеряли актуальность и сегодня. Библиотеке по-прежнему не хватает площадей для размещения книг и обслуживания читателей.

В предвоенном году число читателей, бравших книги и журналы по индивидуальному абонементу, возросло до 1276. А выдача книг возросла до 23 тысяч экземпляров. К сожалению, подпись на отчете за этот год не совсем разборчива – Р. Ерленева (?).

3 апреля **1941** года газета «Ленинское знамя» писала, что за один день районную библиотеку посетило 52 читателя, выдано 87 книг. Спрос был преимущественно на художественную литературу. Медицинская сестра железнодорожной поликлиники – Мария Полиектовна Костюк одна из активных читателей библиотеки. С 9 февраля по 25 марта она прочитала 10 книг. На этот раз Мария Полиектовна взяла книгу писателя Станюковича.

22 июня 1941 года – трагическая дата в истории страны и Медвежьегорской районной библиотеки. Сохранились кадры финской хроники декабря 1941 года. Финские войска с боем занимают Медвежьегорск. Оператор фиксирует внимание на табличках с указанием улиц. Вот и улица Малая, д. 2. Совсем рядом в 9 доме располагалась наша библиотека.

Известно, что большая часть книжных фондов библиотек Карелии погибла в пожарах, часть книг была вывезена в Финляндию. В акте «Разрушение города Медвежьегорска» (сборник «Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР» (1945 год)) указывается об уничтожении 2 библиотек в Медвежьегорске.

После освобождения Медвежьегорска к 17 сентября 1944 года начали работать библиотеки в Медвежьегорском районе.

Районную библиотеку восстанавливала Ванда Селиверстовна Спижарная. Библиотека насчитывала 300 экземпляров. Книги для библиотеки собирали по пустующим полуразрушенным домам города. В беседе с журналистом газеты «Вперед» Ванда Селиверстовна вспоминала: «... придет читатель за книгой, а мы у него книги выспрашиваем. Так и пополняли фонд. А потом, когда у нас было около 8 тысяч экземпляров книг, брошюр и журналов, библиотека сгорела. Пришлось начинать все сначала». (Ю. Константинов. 24 года работы в библиотеке // Вперед. – 1968. – 30 ноября). И снова с помощью жителей города возродилась наша библиотека.

Весной **1951** года в библиотеке проводился очередной ремонт. Но стройуправление Главгражданжилстроя (начальник тов. Гамалия) провело ремонт некачественно: «Не прошло и двух месяцев, как полки, на которых лежат книги, рухнули. Со стен и потолков обваливается штукатурка». Так пишет М. Ронгонен в заметке «Бракоделы» («МБ» 31 мая 1951).

Фонд библиотеки растет. За 1951 год фонд библиотеки увеличился на тысячу томов. В начале 1952 года в библиотеку поступили новые книги, в том числе переработанное издание романа «Молодая гвардия» Фадеева, «В стране поверженных» Панферова, Большая Советская Энциклопедия и другие. Библиотека выписывает 50 названий журналов и 19 названий газет. Стремясь полнее удовлетворить спрос читателей на книги, библиотека пользуется межбиблиотечным абонементом республиканской библиотеки и публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В библиотеке читают домохозяйка Хотеновская, сторож разнопромартели имени Калинина Кириллина, пенсионеры Розенфельд и Лутохина. Техническую литературу читает технорук автотранспортной конторы Булатов.

В этом же году в Медвежьегорск после окончания Петрозаводского библиотечного техникума приехала 18-летняя Анна Виноградова (Волкова). Районная библиотека находилась в здании ДК на ул. Болотной, занимая всего одну комнату. Заведовала библиотекой Мирьям-Сусанна Яковлевна Ронгонен. Через несколько месяцев Анну назначили заведующей. Анна Георгиевна Волкова с теплотой вспоминает читателей и помощников библиотеки - Нину Иванову (Басину), Валентину Эйнеман (Коненкову), Спящего, Жидкова и многих других.

В конце 1953 года библиотека вновь закрыта на ремонт. Ремонтирует ее стройуправление Главстроя (начальник Клепцов). И снова ремонт затянулся. 14 января 1954 г. газета «Вперед» пишет о том, что больше месяца читатели районной библиотеки не могут обменять книги.

Библиотека проводит литературный вечер «Советская литература в борьбе за мир», читательскую конференцию по книге Кочетова «Журбины», совместно с детской библиотекой организует встречу с писателем А. Линевским. Но в библиотеке настолько холодно, что зимой выдачу книг читателям на дом вынуждены были производить в детской библиотеке, так как в помещении райбиблиотеки замерзали чернила.

После строительства нового здания для госбанка, освободившееся помещение передали библиотеке. И в 1957 году библиотека разместилась в одноэтажном деревянном доме на улице Маркса, 14, где появился читальный зал, кабинет директора, комната для обработки книг. Анна Георгиевна Волкова перешла на работу в библиотеку райкома партии, а заведование библиотекой приняла Богданова Галина Ивановна.

В конце апреля 1974 г. библиотека получила помещение в новом пятиэтажном доме, где размещается и сейчас. Адрес остался прежний – Маркса, 14.

Библиотека не раз награждалась почетными грамотами Республики Карелия – за пропаганду книг военно-патриотической тематики и работу клуба «Родина», работу в помощь производству и др.

Свой вклад в развитие библиотеки внесли заведующие (директора):

Нинель Александровна Стеценко, заслуженный работник культуры Карелии (1965–1977); Николай Николаевич Клочков (1978–1980), Евдокия Федоровна Хлебина (1980–1990), Любовь Васильевна Лаврентьева, заслуженный работник культуры Карелии (1990–2003). С 2003 года библиотекой руководит Светлана Владимировна Сидорина.

За свою историю библиотека меняла статус и частично название. Так решением исполнительного комитета Медвежьегорского районного Совета народных депутатов с 1 февраля 1978 года была организована Медвежьегорская централизованная библиотечная система, а районная библиотека получила название центральной районной библиотеки. В 1981 году центральной районной библиотеке было присвоено имя заонежской сказительницы Ирины Федосовой.

С 1 января 2010 г. библиотечная система распалась. В Медвежьегорске было создано новое муниципальное учреждение культуры «Медвежьегорская центральная городская библиотека имени Ирины Федосовой».

*Николаева А. А.,
Научная библиотека ПетрГУ*

Реконструкция краеведческих ретроспективных библиографических указателей: из опыта Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета

Библиография краеведческой литературы Карелии имеет почти 150-летнюю историю. Большой вклад в формирование системы библиографических краеведческих пособий внесли ученые-краеведы и библиографы, которые приложили немало усилий в изучение и систематизацию материала о природных ресурсах, историческом прошлом и культуре Карелии.

Иван Михайлович Никольский родился 20 августа 1886 года в г. Петрозаводске. Перед Первой мировой войной, он успел окончить библиотечарские курсы в Санкт-Петербурге. В 1922 году И. М. Никольский был приглашен заведовать Центральной публичной библиотекой, но в 1929 г., несмотря на специальное образование и высокие профессиональные качества, его уволили из библиотеки в ходе «чистки». На несколько лет его имя исчезает из списка сотрудников Центральной публичной библиотеки. Затем он был снова принят на скромную должность заведующего кабинетом краеведения в составе отдела краеведения. Будучи заведующим краеведческим

кабинетом И. М. Никольский с 1932 года приступил к работе над библиографическим указателем литературы о Карелии, который так и не вышел при жизни автора.

Указатель «Природа, население, экономика, история и культура Карелии» значительно дополнил бы краеведческую библиографию 30–40-х гг. 20 в., если бы был издан в тот период. Чтобы восполнить этот пробел, сотрудниками Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета было принято решение восстановить кропотливый труд высокого профессионала, библиографа-краеведа Ивана Михайловича Никольского.

В 2010 г. Научная библиотека Петрозаводского государственного университета завершила издание библиографического указателя Ивана Михайловича Никольского «Природа, население, экономика, история и культура Карелии», который начал выпускаться с 2008 г. Библиографический указатель издан в 4 выпусках.

Библиографический труд представляет собой уникальный опыт составления ретроспективной научной краеведческой библиографии. В данной работе собрана литература конца XVIII – первой трети XX века о Карелии. Долгое время библиографический указатель существовал только в виде рукописи. Сохранилось два экземпляра рукописи: один находится в фонде сектора редкой книги Научной библиотеки ПетрГУ, другой – в фонде Национальной библиотеки Республики Карелия.

Отбор и систематизацию материалов для библиографического указателя И. М. Никольский закончил в 1934 году. Рукопись первоначально отредактировал Макарьев Степан Андреевич, видный ученый-краевед, этнограф-вепсолог, к сожалению, в тот период указатель так и не был издан. Что этому помешало, мы точно сказать не можем, возможно, смерть И. М. Никольского (данных о дате его смерти нигде не найдено), или тот факт, что редактор рукописи Степан Андреевич Макарьев был арестован и расстрелян по ложному обвинению в 1937 г., или Великая Отечественная война, которая нанесла значительный урон краеведческим фондам и справочно-библиографическому аппарату многих библиотек Карельской АССР.

К редактированию библиографического указателя сотрудники Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета приступили в начале 90-х годов. Опираясь на подобный опыт реконструкции краеведческих библиографических работ 20–40-х гг. 20 в. нашими коллегами из других библиотек России, библиографы-редакторы НБ ПетрГУ должны были решить для себя следующие вопросы: актуальность указателя; его востребованность в будущем; возможность использования каталогов и фондов центральных библиотек России при работе над ним, и что делать с документами, которые не будут найдены, но потребуют уточнения и др.

На протяжении десятилетий библиографический указатель И. М. Никольского был востребован у ученых, аспирантов, студентов учебных и научных заведений, но работать с рукописью было сложно, поэтому необходимость реконструкции библиографического указателя назрела уже давно. Перед коллективом редакторов-библиографов возникла дилемма: восстановить указатель в том виде, в каком он сохранился, или создать обновленную версию библиографического труда, который будет востребован читателем.

Было принято решение: не нарушая целостности научного труда, сохранив структуру указателя, принятую И. М. Никольским, сделать библиографическое описание источников, указанных в его работе, по современным правилам (ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»).

В издании 10 больших разделов: общий раздел, природа Карелии, население Карелии, промышленность, советское строительство, партийное строительство, профессиональное строительство, культурное строительство и история Карелии, (это структура, принятая И. М. Никольским). Немного иначе, чем у И. М. Никольского, оформлен раздел «Историография», в котором представлены древние грамоты, законодательные акты романовского периода. Разделы редакторами-библиографами укрупнены (хронология), а внутри каждой библиографической записи указана конкретная дата документа. Доведен до конца замысел Ивана Михайловича Никольского оформить раздел «Биографии», как краткий биобиблиографический словарь деятелей, связанных с историей и культурой Карелии.

Три выпуска указателя содержат 4,5 тыс. библиографических записей, в 4-м выпуске вниманию читателей предложены вспомогательные указатели, которые отсутствовали в рукописи И. М. Никольского (географический и именной). В именованном указателе исторические персоналии приводятся полностью (с указанием имени, сословия и звания). Данные о лице, взятые из других источников, заключены в квадратные скобки. Так как пособие издано в нескольких выпусках, для удобства пользования во вспомогательных указателях арабские цифры отсылают к порядковому номеру библиографической записи, а римские – к номеру выпуска.

Многие библиографические записи в рукописи требовали уточнения. Библиографы-редакторы для работы обращались в крупнейшие библиотеки и архивы Республики Карелии, г. Москвы и Санкт-Петербурга. Большая часть названий литературы (около 90 %), включенных в указатель, были просмотрены сотрудниками библиотеки *de visu*, при этом исправлялись ошибки, неточности в библиографическом описании монографий, научных и газетных статей, отчетов, периодических изданий о Карелии.

Источники, подтверждения публикаций которых не найдены в указанных И. М. Никольским работах, или которые не обнаружены в библиотеках Карелии, Москвы и Санкт-Петербурга, отмечены условным знаком «*». Не найденные публикации было решено сохранить, так как рукопись является еще и архивным источником. После размещения с 1997 г. на Web-сайте Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета в разделе «Издательская деятельность» цифровых копий выпусков библиографического указателя «Природа, население, экономика, история и культура Карелии», в библиотеку стали поступать запросы с просьбой дать более

подробную информацию о людях, упоминаемых в нем. Таким образом, была подтверждена правильность решения библиографов-редакторов.

Кроме перечисленного, библиографический указатель включает подробное содержание, которое отсутствовало в рукописи, список сокращений источников и информативное предисловие, написанное кандидатом исторических наук Ларисой Николаевной Амоновой.

Ведущие историки-краеведы Республики Карелия высоко оценили издание. Они отметили, что была значительно восполнена информационная лакуна по краеведению Карелии, и подчеркнули важность сохранения оригинальных названий подразделов указателя (например, «Бандитизм в Карелии» или «Массовая пропаганда»), как памятника исторической терминологии того времени.

В указателе И. М. Никольского «Природа, население, экономика, история и культура Карелии» сконцентрирован большой объем информации: он отражает все основные стороны жизни Карелии конца XVIII в. – начала XX в. и является значительным шагом в популяризации знаний. Это издание будет востребовано, им будут пользоваться.

Список использованных источников и литературы

1. **Маслова А. Н.** Труды, возвращенные из прошлого / А. Н. Маслова // Библиография. – 2009. – № 6. – С. 94–97.

*Акбулатова Г. Г.,
писатель*

Автор и герой в романе Олега Тихонова «Свидетель»

*«Когда я вышел из мира Петрова, был рассвет и в свете дня
запретными ночными истинами на улицах уже играли дети...»
О. Тихонов. «Свидетель»*

1

Роман «Свидетель» посвящен лицу документальному, историческому и героическому. И это лицо, Тойво Вякя (Иван Петров), – один из последних «красных финнов», участник революционных событий в Финляндии и в России, а также знаменитейшей чекистской операции «Трест» по поимке супершпиона Сиднея Рейли.

Уже одно это заставило усомниться в названии романа. Тем более и эпиграф словами самого Тойво Вякя его опровергал:

«... Дело осложняется еще тем, что я, член партии с восемнадцатилетнего возраста, причастен к деяниям моей эпохи, каким бы знаком – плюсом или минусом – они ни оценивались. Значит, не судья я и не обвинитель. Едва ли гожусь и в свидетели, ибо я соучастник...».

Тогда кто же свидетель? Уж не сам ли автор? Похоже, что так и есть. День за днем он встречается с Тойво Вякя, беседует с ним, записывает на магнитофон, фиксирует беседу в дневнике. Разумеется, это не разговоры Эккермана с Гете, но очень похоже по форме и сути («Разговоры с Гете в последние годы его жизни»). Ведь и здесь «последние годы», и здесь всего лишь «труд добросовестного секретаря», как оценивает себя Тихонов. Мол, мое дело разбирать бумаги на рабочем столе *героя эпохи*, приводить в порядок его архив.

Кстати, однажды Эккерман записал следующую мысль своего великого современника: «Для того, чтобы составить эпоху в истории, необходимы... два условия: первое – иметь недюжинный ум и второе – получить великое наследство. Наполеон унаследовал Французской революции... а мне в наследство досталась ошибка в учении Ньютона...».

Перефразируя слова немецкого «секретаря», Вякя и Тихонов могли бы сказать о себе так: «Сталин унаследовал Октябрьскую революцию... а нам в наследство достались только ошибки в учении Ленина...». Но так они не скажут. Потому что оба верили в благородство и правильность идей Ленина, а искажение этих идей приписывали исключительно жестокому диктатору Сталину и его приспешникам. Поэтому дома в красном углу тихоновского кабинета портрет вождя Октябрьской революции Владимира Ленина будет висеть рядом с образом Божьей матери и фотографией собственной матери в народном костюме. А Тойво Вякя однажды признается Тихонову, что в день смерти Ленина он окончательно определился: страна, для которой смерть Ленина – горе, его страна.

Итак, распределение ролей в романе понятно: человек *эпохи* (и сам – *эпоха*) и его секретарь (свидетель). На самом деле все сложнее. И об этом говорит второй эпиграф романа:

«Во всяком случае жизнь как практическая проверка пространственно-временных идей оказывается наиболее забавной шуткой, хотя и недостаточно продолжительной» (из книги Э. Тэйлора и Дж. Уилера «Физика пространства времени»)

Ничего себе *шуточки* – особенно, если про сталинские застенки и жизнь с клеймом Иуды героя романа «Свидетель». Но «шуточки» не про красного финна Тойво Вямя, а про самого Олега Тихонова и его настроения в **семидесятые**, то есть в *эпоху застоя* (опять – «эпоха»!) но это не я так назвала – историки). Именно в этот период и происходило интенсивное общение Олега Тихонова и Тойво Вямя, перебравшегося на закате своей жизни из Калининграда в почти что родной Петрозаводск. Родной хотя бы потому, что здесь, на карельской земле, в **двадцатые годы** ему пришлось похоронить многих своих товарищей – «красных финнов», участников похода Тойво Антикайнена.

Что мы помним из *эпохи застоя*? Сразу встают перед глазами бесконечные очереди, газеты с одними и теми же клише и одним и тем же враньем. А еще то, что инициатива наказуема, а полноценная реализация себя в творчестве практически невозможна. Уже мало кто верил в идеалы всеобщего братства и справедливости, тем более, в призраки какого-то там коммунизма. Это были, наверное, самые «пьяные» годы в истории страны (не считая, конечно, девяностых). Пили на кухнях, пили в кабинетах, пили в парках и в больничных палатах. Пили повально все. Даже те, которые, казалось бы, на дух не принимали спиртное. В противном случае трезвенника начинали остерегаться как потенциального осведомителя. Вы, мол, с ним поосторожнее. Он не пьет...

Тихонов тоже пил. Безверие и скепсис владели им, и нет-нет и мелькала мысль: а может уже пора... (исповедуясь перед Тойво Вямя, Тихонов показывал глазами на потолок, мол, искал крюк...). Как и подавляющее большинство мыслящих, творческих советских граждан, Тихонов был исключен из практического участия в жизни государства. Он мог быть только *свидетелем* – увядания генсеков, разложения правящей верхушки, собственного медленного умирания от бездействия и творящегося абсурда.

Знакомство и общение Олега с человеком из легенды, как тогда называли Тойво Вямя, с легкой руки одного из журналистов, стало для него живительным и спасительным. В редкостной по накалу драматизма жизни «красного финна», сумевшего и в нечеловеческих условиях сталинского режима сохранить силу духа и человечность, он искал и находил опору, новую веру в человека и новые силы для текущей повседневности. *«Понять многое, скрытое прежде. В нем, Иване Михайловиче Петрове. Во времени, пронзающем нас. И в самом себе...»*, – напишет Тихонов в «Свидетеле».

Он становится редактором первых книг Тойво Вямя, а значит, и родным человеком. Потому как редактор, видящий авторский текст во всей его незащищенной наготе и доверчивости, не может не быть другом писателя, не может не знать о нем то, что писатель подчас не доверяет даже самым близким. Я, конечно, говорю о редакторе высокопрофессиональном, способном на бескорыстное донорство. А именно таким редактором и был Олег Тихонов.

В воспоминаниях Вямя-Петрова – о том, как все начиналось, то есть о гражданской войне в Финляндии и России, о первых десятилетиях советской власти – Тихонов ищет ответы на давно мучающие его вопросы: где исток неудач – и красных финнов, потерпевших сокрушительное поражение на своей родине, и умных, честных, жаждущих справедливости чекистов – этих апостолов новой веры, которых ждал мученический конец. Когда, в какой момент случилось необратимое: перерождение системы в антисистему?

Эти же вопросы ищет и Тойво Вямя. Они вместе ищут. Ведь между ними так много общего, несмотря на большую разницу в возрасте – целых тридцать лет!

Их соединяет не только вера в Ленина, но и ижорская земля – Ингерманландия со станцией Мгой. Эта станция упоминается в рассказах Тойво Вямя о его молодых годах в Невской Дубровке, куда он прибыл из Хельсинки шестнадцатилетним пареньком в поисках работы. Мга близка и Тихонову: в деревне Жихарево Мгинского района он появился на свет в 1932 году. Вот что он пишет в «Свидетеле»:

«Невская Дубровка той поры – неведомая мне страна. Но я хорошо помню ее предвоенной – мои родные места были подо Мгой, и пацанами на попутных колхозных подводах мы рисковали вояжировать туда за халвой. Поселок длинно тянулся среди сосновых лесов, широкая Нева, крутая в берегах, катилась рядом. На площади вертелась карусель – гигантские шаги». Но финнов там уже не было...»

Да, финны уже были переселены в Сибирь. На всякий случай. Ведь «зимняя» война (с Финляндией) и вторая мировая – не за горами.

Так и случилось. В 41-м немцы оккупировали Мгинский район. Тихонова вместе с матерью, другими жителями деревне отправили в Германию, где он был тотчас с матерью разлучен. И долгие четыре года, в самую трудную пору формирования мальчик, еще почти ребенок жил один на один с чужими людьми – чужой нации, чужой веры, чужого языка... Язык Олег освоил быстро, а вот разлука с матерью была как незаживающая рана,

«черная боль», как скажет он много лет спустя в романе «Свидетель» – правда, не о себе, о своем герое, также в одночасье лишившемся родины и семьи. Но это будет и его собственная «черная боль».

В Интернете я нашла воспоминания Леонида Петрова, бывшего ученика Мгинской средней школы, где учился и Тихонов, о том, как шла отправка местного населения в Германию. Позволю себе привести эти строки, потому что они относятся и к Тихонову. Он все это также пережил:

«...нас посадили в товарный вагон и повезли на запад. Въехали в Латвию. Сразу определили, что это уже не Россия: отдельные хутора, часто с соломенными крышами (в наших деревнях почти на всех домах крыши были драночные - из тонких деревянных пластин). Привезли нас в город Двинск и привели в концентрационный лагерь, расположенный неподалеку от станции. Расположили в отдельном бараке, изолированном от остальных. В бараке - двухъярусные койки, без всяких постельных принадлежностей. Здесь уже находилось человек 20-25. Из разговоров выяснилось, что часть из них привезли как неблагонадежных из немецкой разведшколы, которая располагалась в Эстонии в местечке Ваана-Нурзе. Причины на то, вероятно, у немцев были веские (они подозревались в подготовке перехода на нашу сторону). Среди них были командиры, студенты, доктор, инженеры. Естественно, что доверительные разговоры не велись. Немного позже привезли несколько человек из так называемых украинских батальонов, сформированных немцами из числа военнопленных, преимущественно украинской национальности (были среди них и русские). Характерно то, что почти никто не ругал советскую власть, но многие ненавидели немцев. Обед - на улице, по черпаку баланды из полевой кухни и кусок хлеба. Повар - кавказец, наводивший порядок в очереди с помощью металлического черпака (рассказывали, что он так убил нескольких человек). Остальных военнопленных водили на сельхозработы, откуда они могли принести овощей и даже хлеба (меняли на него какие-то свои пожитки). К нам, малолеткам, со стороны старших отношение было благосклонное, внимательное. Каким-то образом некоторым из ребят удавалось обменять свои вещицы на хлеб. Один из них, Леня Парамонов, увидев мои добротные кожаные сапоги, предложил мне их обменять на кирзовые и получить за них хлеб. Я с удовольствием согласился и несколько дней ходил сытым. Однажды мы были свидетелями дикой сцены. Привели пленных с работы, выстроили в одну шеренгу. Фельдфебель через переводчика стал им что-то говорить. Вдруг он что-то заметил, подбежал к одному пленному и с разбегу ударил его ногой. Бедняга упал. Фельдфебель ударил его еще несколько раз. Строй ушел, бедняга остался лежать...» (<http://mga.lenobl.ru/mo>).

4

Я знаю, что Тихонов, мечтал написать роман о своих германских впечатлениях. Но не написал. Не успел. Пожертвовал своим ненаписанным романом, своим писательским даром для того, чтобы помочь высказать наболевшее другим, в том числе и Тойво Вякя. Или – во-первых, Тойво Вякя. Возможно, потому что трагедия «красных финнов», оказавшихся по воле рока-судьбы в чужой стране задела Тихонова лично.

Как они враслали в чужую страну, в чужую культуру, язык, обычаи? Что думали о своем участии в финляндской революции? Многое здесь, догадывался Тихонов, все еще находилось за семью печатями. Он словно ненароком нанизывал воспоминания Тойво Вякя, оброненные им в беседах, и раз, и два, и три... О том, как в 1917 все чаще стали приезжать в Невскую Дубровку из Петрограда агитаторы. Потом стали приезжать агитаторы из Финляндии («...говорили о конституции, бог весть каким царем даренной Финляндии и каким похеренной»). Как впопыхах стала создаваться финская Красная гвардия для «незамедлительного выезда в Финляндию». Как выехали «необученными, налегке – в демисезонных пальто, в шляпах, ботиночках...» «Невежество мы, красногвардейцы, показывали поистине потрясающее...» «Может быть, внутренне и понимали, что к отъезду не все подготовили, но ободряли себя...».

И еще помнил Вякя, что очень уж много народу провожало их на финляндском вокзале. Так много, что юный Тойво задал себе вопрос: «Кто же сюда пришел, просто любопытствующие?» И ответил сам себе: «Не думаю. Все это наши доброжелатели. Они искренне желают нам успеха». Это были мысли чистого душой, наивного юноши, не подозревающего об изнанке всякой революции.

И вот так называемые красногвардейцы уже в Суоми. Их размещают в каком-то неотапливаемом здании («отчаянный холод», скажет Вякя), но по сути ими никто не занимается: «Начальники куда-то уходили, возвращались, посовещавшись, опять уходили». И «вот наконец и команда – на Тампере!» И опять: «Начальники здесь, как и в Хельсинки, тоже забегали. И тоже совещались». А местные девушки пели красногвардейцам почти зловещую песню:

*«Посади ярко-красные розы на моей могиле,
Они расцветут как символ наших дней...»*

И снова в путь. На север. «Выехали необученными, без теплого обмундирования и – в стране прославленных лыжников – без единой пары лыж...» И эти необученные, не умеющие стрелять и почти что безоружные должны были по замыслу начальников «создать тот ударный кулак, который должен был захватить центр белого движения, город Ваасу...». По сути красногвардейцы, или как сказал Тойво Вякя, «сборище стариков, подростков и девочек», были ничем иным как пушечным мясом для хорошо экипированных и вооруженных отрядов белофиннов и белошведов, получивших подготовку в немецкой армии.

Надо ли говорить, что красногвардейцев ждала настоящая «Вандея финского образца». Оставшиеся в живых уходили тайными тропами в Россию. Назад им уже хода не было. Что это была за революция, и кто ее «двигал»

столь стремительно, несмотря на всю ее неподготовленность – об этом в «Свидетеле» ничего нового не найдете. А только о том, что, мол, не нашему – новому поколению открывать эти тайны. Если, конечно, поколение захочет.

5

Много внимания в романе уделяет Тихонов и знаменитой чекистской операции «Грест». Ведь именно после ее завершения Тойво Вякя будет предложено без всякой альтернативы стать Иваном Петровым. Принести свое родовое имя в жертву первой в мире стране рабочих и крестьян, запачкать его грехом Иуды. Отныне Тойво Вякя в глазах своих товарищей по оружию должен стать предателем. А предателям «честь» одна – смерть. Он умрет не только для однополчан. Он умрет для финской родины, для матери и братьев. Для своей молодой семьи – жены Санни и малолетней дочери Лили. С этой раной в душе и станет жить человек с русским именем и нерусским акцентом.

Тихонова интересует, что происходит с человеком, меняющим имя? Что такое «Иван Петров» в России? Это все и одновременно никто. А в период революции и позже многие жили да и умирали под чужими именами. Даже имена первых лиц страны – Ленин и Сталин – были псевдонимы.

«Каждый псевдоним – утверждала Цветаева, – это отказ от преемственности, потомственности, сыновности. Отказ от отца. Но не только от отца отказ, но и от святого, под защиту которого поставлен, и от веры, в которую был крещен, и от собственного младенчества, и от матери. Отказ от всех корней, то ли церковных, то ли кровных...».

О значении имени размышлял и известный русский философ Павел Флоренский: *«Имя – тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность»*.

Поразительную роль сыграло в судьбе Тихонова его имя. Нет, не Олег. Олегом он назовет себя сам, и все окружающие, и коллеги будут звать его Олегом. Но документальное, паспортное имя Тихонова – **Альберт**. Древнегерманское имя. И в Германии его будут звать именно «Альберт».

Как говорится в многочисленных источниках, наиболее подходящим женским именем для Альберта является Альбина. И Тихонов женится на девушке по имени Альбина. Но и это еще не все. Наилучшей профессией для Альберта считается журналистика. А то, что Тихонов – отличный журналист – доказала его работа в республиканской партийной газете, чьим «золотым пером» он стал после окончания Петрозаводского университета. И все-таки Тихонову было ближе имя вешего Олега. Он сросся с ним, сроднился настолько, что со временем, похоже, именно это имя и стало выражать *духовную сущность* Тихонова.

Не то с Тойво Вякя. Имя «Иван» не сделало его русским. Он оставался финном со своим финским акцентом, со своей привычкой начинать утро чашкой кофе, наконец, с финским характером, чертами которого были: сдержанность в речах и эмоциях, трудолюбие, упорство, честность... Даже в стиле его рукописей замечался финский акцент, несмотря на то, что Тойво Вякя уже хорошо знал русский язык. И этот акцент – необычная конструкция фразы с ударным глаголом в конце («очевидно, это от старофинского», как заметил однажды главред «Севера» Дмитрий Гусаров) – бережно сохранялся редактором и писателем Тихоновым.

И теперь я должна сказать, что «Свидетель» – очень точное и емкое название. И тому доказательства слова Тойво Вякя:

«Есть... карельская или финская пословица о том, что если поругались два мужика, то свяжи их вместе, уложи на полу и катай и бей того, кто ближе к тебе, – он виноватым и окажется. Так вышло с нами – то я был ближе, то ты. Но не тех связали, не тех.

А пороть надо бы, эх, как надо было бы пороть, катать и пороть! Пороть за 1936–1938 годы, но не за «культ личности» – это отвлеченное и едва ли главное в пути нашем, а за то, что власть поддалась ему и свалили злодеяния потом на одного Иосифа. Конечно, он был не свидетелем – участником и очень важным участником, без сомнения, главным. Ну а как же соратники и мы все, миллионные массы членов партии? Кто из нас не видел, что мы бьем тысячи невинных и порой только по биологическому признаку? Люди десятками лет работали вместе, от одного куска хлеба резали, из одной солонки соль брали, а потом только поняли, что «по ошибке», по близорукости не увидели в своем близком друге его вражеской сущности? Поверят ли этому? Не думаю. Простят ли? Да, простят... Но я простить никогда не смогу и не хочу!».

О многом нас, *сегодняшних свидетелей*, заставляют задуматься слова последнего красного финна, оставшегося верного идее социальной справедливости и много сделавшего для того, чтобы эта справедливость восторжествовала на его исторической родине – в Финляндии. Ведь если бы не было всего того, что произошло в России, если бы не было ее трагического опыта, не было участия в этом опыте красных финнов, то скорее всего, не было бы и страны социальной справедливости – Финляндии. Финский (английский, немецкий, французский...) капитал отнюдь не добровольно уступил свои позиции, а из опасения повторения того, что произошло с большим соседом – Россией. И об этом тоже думаешь, читая роман «Свидетель».

Проблемы реконструкции героя в романе Арви Пертту «Экспедиция Папанина»

Мне сложно судить о романе со стороны, отстраненно, поскольку я перевела его на русский язык. Но я знаю роман изнутри, причем мне понятны некоторые непередаваемые нюансы, хотя бы уровне лексики.

Итак, самая первая трудность, с которой столкнулись как автор, так и переводчик, – передача того многоголосья, на котором говорил Петрозаводск в конце 30-х прошлого века. Это и классический финский язык, – на нем говорили финские революционеры, эмигрировавшие на родину социализма, и американский финский, именуемый *fiingelska* (иногда его еще называют *fiinglish*); карельский – и глубинный, народный, и искусственно создаваемый наперекор «буржуазному» финскому; английский, бессознательно прорывавшийся при одном воспоминании об Америке; русский, который для эмигрантов так и оставался чужим. Герой Якко Петтерсон – американский финн, при этом выходец из беломорской Карелии, так что языковая палитра его весьма обширна, и в этом, лексическом, смысле, перевод явно уступает оригиналу, потому что передать все оттенки интернационального многоголосья на русском языке действительно невозможно. Единственно, в речи героя и в русском варианте то и дело проскальзывают расхожие английские фразы, понятные буквально каждому, типа «*my good old table*», да в отрывках, посвященных рукописи Якко Петтерсона о событиях гражданской войны в Беломорской Карелии, встречаются простонародные выражения. Сама словесная ткань рукописи Якко Петтерсона отличается от основного массива текста, эффект достигается, в частности, инверсией подлежащего и сказуемого, что создает особую ритмику повествования, схожую с ритмикой народной сказки.

Итак, герой – американец, носитель иной культуры. Ему режут глаз вещи, которые местными жителями воспринимаются как обыденные, например, общественный туалет во дворе барака на десяток посадочных мест, единственная розетка в комнате, общая техническая отсталость и полное отсутствие каких-либо бытовых удобств. Полагаю, что автору было непросто влезть в шкуру американца, родившегося в начале XX века, и посмотреть его глазами на мир, который даже нам, воспитанным в русской среде, в силу исторической удаленности кажется чужим и странным. Непросто дифференцировать, каким местным реалиям удивился бы простой американский парень. Якко по основной профессии лесоруб, но вместе с тем он владеет скрипкой. Обстоятельство, невозможное для местного лесоруба вообще, а для американца – вполне обычное.

По фенотипу Якко не сильно отличается от простых карельских трудящихся, поскольку сам родился в Беломорской Карелии, то есть по рождению «местный». Однако он болезненно переживает те недостатки собственной внешности, которые простого карельского парня мало бы беспокоили вообще. Например, заячьи передние зубы – крупные, с заметной щелью между резцами. Местное мужское население практически не обращало внимания на эстетическую составляющую зубов вплоть до конца восьмидесятых годов прошлого века, открытие случилось благодаря потоку голливудских фильмов, накрывшему и нашу республику. Но ведь Якко вдоволь насмотрелся «зарубежного тлетворного кино» на своей второй родине, равно как и комиксов – последнее искусство советским трудящимся эпохи индустриализации было и вовсе недоступно. Он по-мальчишески еще подражает киношному образу шпиона – форсит в шляпе и пальто нараспашку. Недостижимый романтический герой, собственно, и становится причиной его жизненной драмы.

Здесь я бы желала отойти от темы реконструкции образа, потому что хочется уделить внимание очень важному выводу: в тридцатые годы прошлого века искусство советской Карелии могло стартовать вовсе не с нулевой отметки, как то в конце концов и случилось. К нам приехали профессиональные писатели, актеры, музыканты, да и простые трудящиеся, воспитанные в совершенно иных традициях. Я не говорю, что эти традиции были лучше или хуже, они были просто иные, а симбиоз всегда обогащает культуру. В Петрозаводске существовал настоящий американский джаз, какого не было даже в Ленинграде, на улицах звучала финская и английская речь – в той же мере, как в нынешней Карелии звучит армянская и азербайджанская. Национальная литература развивалась на классическом финском языке, далеко не младописьменном. Однако коммунистическая идеология загубила бутон новой культуры на корню, объявив даже скрипку «буржуазным» инструментом. Подобные экскурсы в коммунистическую идеологию придают роману черты литературы абсурда, однако этот абсурд происходит не из авторской головы, а из самих реалий тридцатых годов прошлого века. В некоторый момент герой сам становится частью этого государственного абсурда и перестает его замечать. Апофеозом абсурда, безусловно, является сцена сжигания сочинений Маркса и Ленина во дворе Публичной библиотеки, их мысли якобы исказили буржуазные переводчики.

Однако вернемся к истории героя. Его метафорозу можно бы было назвать перековкой простого американца в советского человека, если бы эта перековка не была с отрицательным знаком. И здесь я бы хотела подчеркнуть принципиальное отличие романа Пертту от концепции, главенствующей в литературе о событиях 1937 года, да и в историографии: существует мнение, что была определенная кучка предателей, которая стучала в органы НКВД на честных трудящихся. Арви Пертту полагает, что не существовало жертв и предателей как таковых: в предложенной исторической ситуации буквально каждый был предателем и жертвой одновременно. Реконструкция героя в романе «Экспедиция Папанина» – это реконструкция процесса становления предателя, причем герой – изначально хороший, в общем-то, человек и такая же жертва коммунистической идеологии.

Конечно, это роман эпохи постмодернизма, течения, которому вообще свойственно переосмысление исторического наследия. Однако есть еще одна важная особенность, которая не позволяет отнести «Экспедицию

Папанина» к жанру чисто реалистической прозы, а именно внедрение в ткань повествования моментов бессознательного, в том числе снов-предчувствий. В свое время их видела и Вера Павловна, однако ей, в отличие от Якко Петерсона, являлись весьма целомудренные видения. Якко Петерсон откровенно эротичен и не только во снах. Проблема самоидентификация героя тесно связана с таким определяющим и болезненно переживаемым моментом как, извините, длина члена. В этом отношении Якко Петерсону действительно есть чем гордиться, однако в условиях советской действительности обстоятельство не способствует становлению героя как самца. В СССР сексуальность тесно связана с властью, вернее, успех у женщин зависит вовсе не от физиологических характеристик героя, а от того места, которое мужчина занимает во властной иерархии. По крайней мере, путь к той женщине, которую страстно желает наш герой, лежит исключительно через обретение власти.

Если сравнить Петерсона с героями советской литературы, то все прекрасно понимают, что жизнь к примеру, каверинского Саньки состояла не только из героических сцен. Однако невозможно представить, чтобы его волновали такие мелочи как заячьи зубы или некоторые другие интимные характеристики.

Программным выглядит описание, данное своему герою Самуилом Маршаком:

*Среднего роста,
Плечистый и крепкий,
Ходит он в белой
Футболке и кепке.
Знак ГТО
На груди у него.
Больше не знают
О нем ничего.*

Чисто внешне – это Якко Петерсон, но в том-то и дело, что о герое советской литературы нам действительно больше ничего не известно. Положительные герои эпохи реализма практически не подвержены обычным человеческим страстям. Тогда как Якко Петерсона вообще нельзя назвать ни положительным, ни отрицательным героем. Это понятно с первых глав романа. Он обычный человек, попавший в определенные исторические обстоятельства... У него вот именно что: «обыкновенная биография в необыкновенное время». Поэтому роман навеивает мысли не о том, где именно оступился Якко, а о том, как бы мы повели себя в тех же обстоятельствах.

Единственный момент недоверия, который возникает у меня в отношении действий героя, – это наручники для сексуальных утех, который Якко постоянно носит в портфеле, в т. ч. и на работу. Причем активно использует их в любовных играх. Советским женщинам ничего подобного, естественно, не приходило в голову, но возможны ли вообще наручники в портфеле советского служащего? Не могли бы они сами по себе послужить поводом для обвинения? Да и где бы Якко их достал?..

Странная коллизия возникла лично у меня в финале романа, когда Якко оказался на лесоповале. Невзначай подумалось, что как заключенный, который к тому же мастерски рубит деревья, он принесет советской стране гораздо больше пользы, нежели как сотрудник редакции, кропающий бездарные в общем-то стихи и ухлестывающий за чужими женами. В лесу работать ему не привыкать, да и дали Петерсону всего пять лет. Отсидит да выйдет в сорок втором. Правда, вот тут-то и начнется самое интересное, однако легко нам пророчествовать из своего посткоммунистического далека!

*Березовская Н. Г.,
Карельская государственная педагогическая академия*

Художественные особенности прозы Владимира Рудака (на материале повести «Вечный сахар»)

Рудак Владимир Иванович – музыкант, писатель, сценарист, режиссер, родился в 1968 году в Петрозаводске. Солист рок-группы «Кто Как Может», образованной в 1996 году. Режиссер фильмов «Крутые парни не танцуют» (2005), «Welcome» (2008), «Placebo» (2009). В 2007 году Рудак был признан медиа-человеком года в Карелии. Рудак интересует нас, прежде всего как писатель. На сегодняшний день Владимир Иванович является автором нескольких рассказов, опубликованных в журнале «Север» и газете «Лицей», а также двух повестей – «Змея, кусающая свой хвост» и «Вечный сахар». Повесть «Змея, кусающая свой хвост» опубликована в 2006 году, после чего автор был принят в союз молодых писателей Карелии.

В 2009 году увидела свет книга «Вечный сахар». В этом же году повесть была переведена на финский язык и опубликована в журнале «Карелия». Повесть получила широкую известность в узких кругах, сопровождаемую положительными, а подчас восхищенными, отзывами, во многом благодаря тому, что до появления в печати была опубликована в сети Интернет. Название повести, по признанию самого автора, взято из эпохи его советского

детства – «вечным сахаром» его бабушка называла бесформенные сахарные головы, которые казались действительно нескончаемыми, так как потребляли их экономно, растягивая удовольствие¹. А метафоричный смысл названия становится понятным из содержания повести: «вечный сахар» – это не что иное, как наша с вами жизнь, сладкая и вечная. Именно такой ее видит автор.

Сюжет «Вечного сахара» пересказать и легко, и сложно. Если пойти простым путем, то фабула сводится буквально к одной фразе: описание жизни современного молодого человека. Но как она описывается – вот что действительно важно. За простым, незамысловатым сюжетом скрывается много интересного. На протяжении повести с нашим героем происходят странные вещи: он пожелал здоровья пожилой соседке, та неожиданно выздоровела, и начала убеждать молодого человека в его чудесном даре исцеления. С этим связана пародийная сюжетная линия – слух о «целителе» разнесся по Москве и даже за ее пределы, и буквально требующие исцеления от молодого человека люди начинают ему досаждают. Здесь явно пародируется современная мода на всевозможных целителей и экстрасенсов, которая оборачивается смешным «безумием» окружающих героя людей.

Важная роль в сюжете отводится двум пожилым соседкам – исцеленной Приоре и ее сестре Авангарде. Эти две милые старушки не раз появятся на страницах повести. Приора дарит главному герою два куса того самого «вечного сахара», а в финале – обручальные кольца для него и его девушки, с которой, к сожалению, отношения почти разорваны. Почему такое важное место занимают в повести эти женщины? По признанию самого автора, он очень любит пожилых людей, любит общаться с ними. Вот почему в повести присутствуют и играют немалую роль такие колоритные персонажи, как Приора и Авангарда. Они выделяются среди других героев прежде всего своими вычурными именами, которые добавляют в общий ироничный тон повествования элемент гротеска. Кроме того, их подарки – «вечный сахар» и кольца символизируют передачу опыта, мудрости молодому поколению. Рудак практически не прорисовывает портреты своих героев, мы узнаем одну-две детали по ходу действия. Более важную роль у него играет речь персонажей, в том числе и речь бабушек. Все герои повести, включая главного, говорят отрывисто, дробя фразы на несколько слов. Речь окружающих людей передана через восприятие главного героя, поэтому в тексте они имеют схожие речевые характеристики.

Интересно показано знакомство главного героя и Дианы – спонтанно, быстро, в ритме современной жизни. Диана – красивая, спортивная девушка, увидев молодого человека в окно напротив своей квартиры, решила позвонить ему и завязать знакомство. Она спросила разрешения переехать к нему, что в тот же вечер и сделала. Вот так просто. А действительно, зачем усложнять? Жизнь проста. Об этой простоте и сладости жизни и рассказывает Рудак.

Герои «Вечного сахара», особенно Диана, обладают легким и непосредственным взглядом на жизнь. Диана как ребенок радуется мелочам, например, новым кроссовкам, которые оригинально преподнес ей молодой человек – подвесил за шнурки на люстру. Совершенно по-детски она радуется обновке – надевает кроссовки и прыгает в них по дивану. Такой непосредственностью наделены почти все персонажи. Этому взгляду на жизнь и восприятию реальности можно только позавидовать – довольно часто людям недостает детской наивной простоты, растерянной с годами по дорогам жизни. Однако нельзя утверждать, что автор разделяет взгляды и поведение его героев. Все они вымышлены и живут собственной жизнью в мире, созданном писателем. Вот пример авторских рассуждений о «взрослом» мире, передаваемых посредством внутренней речи главного героя: *«Ещё взрослые любят придумывать отговорки. Они никогда не говорят прямо. Когда мы становимся старше, то узнаём больше слов. Красивых. Точных. Душевных. Нам становится легче придавать своему лукавству привлекательный вид. Поэтому в детстве, когда нас просят объяснить своё отвратительное поведение, мы тупо молчим. Уши краснеют. И сказать нечего. Нет правильных слов, которые помогут оформить неправильные поступки. Взрослый мир богат красивыми словами и беден достойными этих слов действиями»*. В этих строках отражен взгляд на мир взрослого человека, сохранившего детскую непосредственность.

Другие, наиболее значительные персонажи связаны либо с Дианой, либо с главным героем. Во-первых, это родители Дианы. В повести у них также нет имен. В первый раз мы встречаемся с ними, когда Диана знакомит их со своим молодым человеком. Об отце Дианы следует сказать особо. Именно от него главный герой узнает, что его девушка уехала в Польшу к своему бывшему бойфренду Тадеушу. Образ отца можно назвать контрастным главному герою, но ближе к концу повествования проявляется сходство, заключающееся в их мужском одиночестве – оба они из-за недостатка внимания любимых женщин увлекаются девушкой Анастасией.

Еще одним персонажем, важным для развития сюжета, является Фил. О нем известно, что Фил – дублинец с русскими корнями, приехал в Россию, очарованный рассказами бабушки о загадочной стране. Он работает в баре вместе с главным героем на небольшой должности подсобного рабочего. Фил в гостях у нашего героя сообщает ему о своем решении уехать на родину, которое дается ему нелегко. В финале повести героя будит телефонный звонок Фила, приглашающего его на работу в Дублин. Молодой человек принимает приглашение, не раздумывая. Однако к этой счастливой развязке примешивается горькая нотка: *«Вспомнил! Я так и не посмотрел, что оставила мне в мешочке Приора. Он остался лежать в прихожей на обувной полке. Я взял мешочек и развязал шнурок. Подставил ладонь. На неё выпали два широких золотых кольца...»*. Финал повести звучит минорно, но с другой стороны для героя это – начало новой жизни, новая глава в ней.

Почему потерпели крах отношения главного героя и Дианы? Мы можем предположить, что из-за несовпадения образа жизни, интересов, жизненной позиции. Автор не дает нам ответа на этот вопрос, да и является ли это таким

---

¹ Жемойтелите Я. Л. Аннотация к повести «Вечный сахар». Режим доступа: http://samlib.ru/w/wladimir_rudak/vechniisahar.shtml.

важным? Из самой повести можно, конечно же, при большом желании вычленивать мораль, но она здесь решительно не уместна. Рудак не морализирует, он просто описывает современную ему жизнь. Возможно, события и персонажи являются лишь фоном для авторских рассуждений о сладости жизни, которые преподнесены как внутренний монолог главного героя. Повествование ведется от его лица, и мы воспринимаем происходящее его глазами, через призму его восприятия. Перед нами современный молодой человек с богатым воображением, умеющий готовить, он не любит шумные компании и ведет довольно спокойный образ жизни, отчасти даже ленивый и пассивный. Свободное время он предпочитает проводить лежа на диване с книгой, или перед телевизором, время от времени набегаая на холодильник. Так, однажды герой замечает, что не выходил из дома около недели. В «Вечном сахаре» нет авторской оценки поступков героев, как нет положительных и отрицательных персонажей. В повести все равны, хотя и могут вызывать различные эмоции у читателей. Но добрая ирония, которой насыщен текст повести, всегда вызывает искреннюю улыбку, а то и смех. Авторскую оценку своеобразно заменяет оценка героев друг друга, оригинально поданная в тексте. Например, в начале произведения герой, рассказывая о месте своей работы, упоминает о девушках около служебного входа. *«По дороге на работу, проходя мимо гипермаркета, я всегда смотрю на своё отражение в витринах. Прохожу мимо служебного входа. Там всегда кто-нибудь курит. Обычно это молодые девушки. Они сбиваются кучкой **возле чугунной урны, покрашенной серебристой краской, и дымят**».* Далее эта мысль обрывается, начинается рассказ о других событиях. И вдруг мы читаем *«Мы не раз видели этого молодого человека. Он отъявленный симпатяга. Милашка из бара "Эльф". Когда встречаешь таких парней, трудно сохранить душу в состоянии покоя. Жаль, что нам с ним не удастся познакомиться ближе. Наверное, ему не до нас. Он вон какой, а мы вон какие...*

*Девушки из гипермаркета. Часто курим во дворе
возле урны, покрашенной серебристой краской».*

Примером авторской иронии является эпизод с пекарем. В начале повести герой рассказывает о походе за хлебом в пекарню и о своем уважении к пекарям: *«Ни разу не встречал человека, который не любит свежее испечённый хлеб. Я бесконечно уважаю людей, которые его пекут. Мне кажется, они не могут быть негодяями. Разве могут такие вот парни с перепачканными мукой лицами воровать цветной металл? Спилить столбы высоковольтной линии и перерубать медный кабель, оставляя тысячи людей без света и связи. Или перепродавать ворованные мобильные телефоны. Никогда! Они сделаны из другого теста».* В конце повести, разочарованный изменой Дианы герой возвращается домой, поход за хлебом повторяется, но оборачивается еще одним разочарованием:

«Пекарь, увидев меня, выглянул в окошко, через которое подают хлеб. Повертев головой, как машинист тепловоза, проверяя, нет ли помех для движения, тихо сказал:

– Я вижу, ты человек свой. Таким можно доверять, – он чуть сдвинул колпак назад.

– Не знаешь, случаем, кому можно предложить мини-опт? Есть партия б/у мобильных телефонов. Надо бы продать. Все рабочие. Проверены. У некоторых нет зарядников, но не думаю, что это такая уж проблема. Цены у нас низкие. На опт дополнительная скидка. Выгодное предложение. Подумай...

Я тут же расхотел покупать хлеб. Мир обрушился на меня своим цинизмом и бездушием. Пекарь, как он мог? Какие могут быть б/у телефоны... Пусть он подавится своими булками. Предатель».

Мир героя окончательно рухнул, и эта мелочь еще более выводит его из равновесия. Даже неизвестно, что больше его расстроило – измена девушки или «предательство» пекаря. Автор откровенно иронизирует, подстраивая подобные ситуации в жизни своего героя.

Таким образом, прозу Рудака отличает фрагментарность. Его текст состоит из кусочков, обрывков снов, воспоминаний, мыслей, жизненных наблюдений главного героя, он складывается из них, как мозаика. События излагаются от лица этого молодого человека, и все другие герои повести – главные, второстепенные, эпизодические – все они живут в его сознании. Текст повести представляет собой имитацию восприятия человека, его потока сознания. Поэтому естественным является, что текст Рудака фрагментарен, сюжетные линии прыгают с места на место, пересекаются, а иногда даже вымысел пересекается с реальностью. Все эти воспоминания, мысли и размышления героя довольно ироничны и трогательны, и характеризуют его как наблюдателя.

Говоря о стиле повествования, можно указать на простой, современный, местами разговорный стиль, отличающийся также употреблением капслока для выделения наиболее значимых слов. Встречаются иностранные слова в одном словосочетании с русскими, например «welcome хорошие мысли» или «настроение so-so». Из характерных художественных приемов можно выделить парцелляцию – используется в тексте повсеместно, что также усиливает впечатление обрывочности повествования. Кроме того, следует отметить прием синестезии в следующих словах: *«Звуки баяна разносились по подъезду, перемешиваясь с запахом овсяной каши, старого бушлата и неистребимой светлой печали по минувшим годам».* Не сочетаемые ощущения запаха и звука соединяются со светлой печалью по минувшему – происходит рождение мимолетной ностальгии, ведь часто о прошлом нам напоминают именно звуки и запахи.

Итак, можно сделать вывод, что проза Рудака своеобразна и оригинальна по своему стилю. За сюжетным вымышленным планом и придуманными персонажами скрывается реальная действительность. Она проступает в деталях, которыми насыщены внутренние монологи главного героя. Он вспоминает свое детство, события, происходившие с ним раньше, события, которые происходят с ним сейчас, и описывает их так, что читатель местами узнает себя. Не в персонажах, нет. А в ярких деталях, метких наблюдениях, образах в голове героя, чьим зрением мы видим окружающий его мир. Ибо все мы были детьми, а некоторые до сих пор ими остались в душе и

порой совершают странные, не «взрослые» поступки. Только Рудак не боится и не стесняется говорить об этом в своих произведениях. Такое оригинальное переплетение вымысла и реальности в описании современной писателю жизни дало литературному миру повесть под названием «Вечный сахар».

Список литературы

1. **Гальченко, О.** Рождение нового реализма : [о презентации аудиоверсии кн. В. Рудака «Змея, кусающая свой хвост» в Петрозаводске] / Олег Гальченко // Лицей. – 2007. – Апр. (№ 4). – С. 19.

2. **Жемойтелите Я. Л.** Аннотация к повести «Вечный сахар». Режим доступа: http://samlib.ru/w/wladimir_rudak/vechniisahar.shtml.

3. **Морозова М.** Прошу не считать меня героем: [интервью с Владимиром Рудаком / интервью вела М. Морозова] // Ваш досуг. Режим доступа: <http://www.dosug.ptz.ru/art/view/id/366>.

4. **Морозова М.** Хочу сладкого и думаю о вечном. // Ваш досуг. Режим доступа: <http://dosug.ptz.ru/art/view/id/562>.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы VI научной конференции (16–17 февраля 2012 г.)

Составитель

Н. П. Новикова, заведующая отделом Национальной библиотеки Республики Карелия

© Национальная библиотека Республики Карелия, 2012